

Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского

Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Дементра»

XVI

БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Боспор Киммерийский
и варварский мир в период
античности и средневековья.
Географическая среда и социум*

Керчь - 2015

Research Center of History and Archaeology of the Crimea
of the Taurida Federal V. I. Vernadsky University

Beneficial Foundation Demetra

XVI BOSPORAN READINGS

*The Cimmerian Bosphorus
and barbarian world in the period of
Antiquity and the Middle Ages.
Geographical environment and society*

Kerch - 2015

*Посвящается 20-летию
Благотворительного фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского

Боспорские чтения. Вып. XVI.

Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья.
Географическая среда и социум
/ Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько - Керчь, 2015. - 432 с.

© НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского,
2015
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2015

М.Г. АБРАМЗОН
(Магнитогорск)

ЗОЛОТЫЕ АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ С ГРАФФИТИ НА БОСПОРЕ

Граффити на античных монетах достаточно хорошо известны в нумизматике (см.: Lenormant, 1874–1877, p. 325–346; Manganaro, 1983 (1984), p. 9–20; Stolba, 1992–1993, s. 5–11). Ф. Ленорман разделил все граффити на монетах на пять классов: 1) вотивные надписи; 2) любовные надписи; 3) имена собственных; 4) пожелания; 5) надписи непонятного содержания (Lenormant, 1874–1877, p. 325–346). В.Л. Столба добавил к схеме Ленормана граффити шуточного характера, опубликовав вифинскую тетрадрахму с шутивным прозвищем Никомеда III (Stolba, 1992–1993, s. 10).

На Боспоре нам известны всего две находки монет с граффити. В 1959 г. при археологических раскопках М.М. Кобылиной в Фанагории найден золотой солид Зенона (Кропоткин, 1961, с. 40, № 21; Abramzon, 2011, p. 272, pl. 2, 1; Абрамзон, 2013а, с. 83, табл. 5, 155; 2013б, с. 40, № 8, цв. вкл. 7, 8.). Монета отчеканена в 4-ой оффicine монетного двора Константинополя в период второго правления этого императора (с августа 476 г. по 11 апреля 491 г. н.э.). Она относится к третьему выпуску Зенона (RIC X, p. 307, no. 910, pl. 30.). На аверсе справа от портрета Зенона нацарапана буква N (?) (рис. 1, 1).

В 2013 г. при раскопках крепости античного поселения Цемеская Роща в жертвенном комплексе найден статер Асандра 8-го года его правления¹ (рис. 1, 2). Это очень редкая монета. Статер данного года был найден при раскопках городища Кара-Тобе в 2006 г. (Kovalenko, Vnukov, 2007, p. 19–22). До этой находки Н.А. Фролова и С. Айрлэнд отмечали, что статеры 8-го года неизвестны, и только

¹ При первой публикации статера мы ошибочно датировали его 10-м годом правления Асандра (Абрамзон, Карпов, Сударев. 2013, с. 242–249).

К. Навотка учитывает выпуск этого года, упоминая свинцовый оттиск с экземпляра, приобретенный Американским Нумизматическим обществом в 1974 г. (Frolova, Ireland, 2002, p. 36, note 111; Navotka, 1992, p. 43, 8a). Таким образом, статер из Кара-Тобе оставался единственным известным экземпляром с годом 8 до находки второго экземпляра на поселении Цемесская Роща. Оба статера чеканены общим штемпелем о.с. и разными штемпелями л.с. С. Коваленко и С. Внуков полагают, что для чеканки опубликованного ими статера был использован неизвестный штемпель л.с., который изготовил тот же резчик, что делал штемпели для статеров с годами 6-7 и 9 (Kovalenko, Vnukov, 2007, p. 21). Штемпель л.с. статера из Цемесской Рощи, напротив, хорошо знаком: он использовался ранее для выпуска 7-го года (ср. Frolova, Ireland, 2002, pl. XVIII, 12; Navotka, 1991, p. 43, no. 7a – ГЭ 673).

Не рассматривая подробно вопрос о начальной дате золотой чеканки Асандра (о дискуссии см.: Frolova, Ireland, 2002, p. 6; Kovalenko, Vnukov, 2007, p. 20), отметим только, что одни исследователи относят ее к 47/46 г. до н.э. (Анохин, 2011, № 1319; Leschhorn, 1993, p. 44–51), другие – к 46/45 гг. до н.э. (Фролова, 1997, с. 167) или 45/44 гг. до н.э. (RPC I 1847; Frolova, Ireland, 2002, p. 35, note 106). Поскольку первый выпуск золота Асандра с царским титулом датирован 4-м годом его правления, соответственно 8-й год приходится на 43/42 BC (Анохин, 2011, № 1323), или 42/41 BC, или даже 39/38 BC. По мнению Коваленко и Внукова, относящих первый выпуск золота Асандра с титулом архонта к 44/43 г. до н.э., статер 8-го года датируется 37/36 г. до н.э. (Kovalenko, Vnukov, 2007, p. 20–21). Вслед за В. Лешхорном (Leschhorn, 1993, s. 44–51), который детально рассмотрел проблему хронологии правления Асандра и пришел к выводу, что тот начал чеканить золото с царским титулом в 47/46 г. до н.э., мы датируем статеры 8-го года правления 43/42 г. до н.э.

На цемесском экземпляре справа от портрета Асандра нацарапано магическое граффито, состоящее из пентаграммы и буквы Λ (рис. 1, 2). В монете пробиты два отверстия для ношения на бечевке или пришивания к одежде, которые вместе с граффито свидетельствуют о том, что монета была использована в качестве амулета-апоτροпея. Буква Λ, возможно, связана с личным именем владельца филактерия.

О вотивной роли подвески-апоτροпея, изготовленной из золотого статера Асандра, свидетельствует археологический контекст находки. Монета была использована в качестве жертвоприношения вместе с глазчатой бусиной из синего полупрозрачного стекла с глазками из

белой непрозрачной пасты. Вотивы находились на самом дне ямы-жертвенника под слоем горелой почвы.

Мы первый раз встречаем изображение магического знака пентаграммы на монете. Как известно, самым распространенным видом магии являлась апоτροпеическая. На Боспоре она представлена, в частности, апоτροпеическими знаками и надписями на столовой, но чаще филактериями на золотых и серебряных пластинках. Среди них имеются и рисуночные знаки, которые принято связывать с меньшей грамотностью провинциального населения. На керамических изделиях нередко встречаются рисуночные граффити с изображением пентаграммы (см. Емец, Чевелев, 1995, с. 21-22; Винокуров, 2003, с. 181, рис. 11, 284).

Пентаграмма особенно широко распространена в античном мире как оберегающий от всякого зла знак. Она часто встречается среди граффити на керамике, особенно амулетах, от Ближнего Востока до Иберии, в том числе и в Греции (Яйленко, 2005, с. 466). В греческом мире пентаграмма имеет важное значение, близко подходящее к греческому числовому мистицизму, и связанной с ним античной магией. Так, в пифагорейской философии пентаграмма символизирует женское, земное и мужское, небесное начала, что определяет её роль как символа союза небес и земли, мистической гармонии, а также микрокосма. Будучи сакральным символом телесно-духовной гармонии, пентаграмма также служит знаком здоровья и исцеления и связана, в частности, с Гигиейей. Наконец, пентаграмма связана также с культами Аполлона, Исиды, Афины, Немесиды и Афродиты и даже Керы-Персефоны.

Пентаграмма в качестве дифферента, а иногда и реверсного типа, нередко изображалась на монетах греческих городов Италии (ВМС 1, р. 59, no. 29), Сицилии, Мисии, Кари, Троады и др., причем чаще всего она ассоциируется с типами голов Зевса и Аполлона. Так, например, г. Питана (Мисия) чеканила тип Зевс/пентаграмма (ВМС 15, 171-172, nos. 1-11, 15–17; SNG Aulock I, 1429–1430). На Сицилии в чеканке мамертинов пентаграмма в качестве дифферента сопровождает на аверсе голову Зевса (ВМС 2, р. 111, no. 30), а на сиракузских медных монетах – голову Аполлона (ВМС 2, р. 190, no. 322). На реверсе монет г. Эреса (Троада) изображена голова Деметры или Аполлона (?), на реверсе – атрибуты этих божеств, соответственно, хлебный колос и пентагон с полумесяцем (ВМС 17, р. 176, nos. 1-3).

В Северном Причерноморье пентаграмма фигурирует в числе скифских тамг, на амулетах из Березани (Яйленко, 2005, с. 466), со-

судах с граффити магического назначения, например, из Ольвии (Русяева, 2010, с. 172, № 30; с. 276, табл. 60, 3). Но, главным образом, изображение пентаграммы связывается с астральной магией и считается солярным символом исцеления и здоровья (Русяева, 2010, с. 172).

На Боспоре получили распространение керамические амулеты-апотропеи с изображением пентаграммы. Так, например, в собрании КИКЗ хранятся подобные амулеты. Один из которых – с пентаграммой – солярным символом здоровья и исцеления вверен покровительству Аполлона (Яйленко, 2005, с. 466, № 1; с. 512, рис. 1). Другой, кроме пентаграммы, содержал также свистку – солярный символ движения, силы здоровья, олицетворяемый у греков с Зевсом, Гелиосом, Герой, Артемидой (Яйленко, 2005, с. 468, № 4; с. 512, рис. 4).

Поскольку статер Асандра был использован в качестве амулета-филактерия с пентаграммой, мы полагаем, что данный вотив был посвящен его владельцем, чье имя скрывается за буквой Λ, Аполлону или Зевсу (возможно, последнему вместе с Деметрой и их дочерью Корой-Персефоной) за исцеление или избавление от опасности. Таким образом, жертвоприношение амулета-апотропея с пентаграммой могло символизировать идею исцеления донатора Аполлоном или Зевсом, а также идею плодородия, умирания и воскрешения, лежавшую в основе культов Деметры-Коры, Коры-Персефоны, Афродиты, Великой Богини-Матери. Следует отметить, что синкретизм культов Деметры, Коры, Великой Богини-Матери и Тюхэ характерен для Северного Причерноморья, включая Боспор (Алексеева, 1997, с. 231).

Обращает на себя внимание и то, что монета-подвеска с магическим граффито и бусина, лежавшие практически на поверхности дна ямы-жертвенника, под слоем заполнения, насыщенного углём и пережженными костями, не имеют следов воздействия огня или высокой температуры. По мнению Н.И. Сударева, это может свидетельствовать о том, что вотивы были помещены в холодное заполнение жертвенника, и огонь здесь больше не разводился. Поскольку крепость Цемесская Роща была оставлена гарнизоном без боя, можно полагать, что это было последнее жертвоприношение, совершенное в момент покидания ее обитателями.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том I: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. I / Кузнецов В.Д. (ред.). М., 2013а. 61–107.
- Абрамзон М.Г. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок // ПИФК. 2013б. 2, 22–43.
- Абрамзон М.Г., Карпов Д.А., Сударев Н.И. Золотой статер Асандра с магическим граффито и лабрис из жертвенника на античном поселении Цемдолинское // ПИФК. 2013. 2, 242–249.
- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 2011.
- Винокуров Н.И. Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2003. XIII, 151–192.
- Емец И.А., Чевелев О.Д. 1995: Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // ЭВ. 1, 21–23.
- Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской (МАИЭТ. Suppl. 8). Симферополь, 2010.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э. Ч. I–II. М., 1997.
- Яйленко В.П. Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. 8, 465–514.
- Abramzon M. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria // Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos (Altortümer Phanagoreias. 1) / Povalachev N., Kuznetsov V. (hrsg.). Göttingen, 2011. 251–274.
- Frolova N. A., Ireland S. The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD (BAR International Series 1102). Oxford, 2002.
- Lenormant F. Les graffiti monétaires de l'antiquité // RN. 1874–1877. 325–346.
- Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien, nördlich des Tauros. Stuttgart, 1993.
- Manganaro G. Graffiti monetali e onomastica Greca // JNG. 1983 (1984). 33, 9–20.
- Nawotka K. Asander of the Bosphorus: His Coinage and Chronology // AJN. 1991–1992. No. 3–4, 21–48.
- Stolba W. Ein bithynisches Tetradrachmon mit spätrömischem Graffito aus Kopenhagen // Nordisk Numismatisk Årsskrift (Nordic Numismatic Journal). 1992–1993. 5–11.

Рис. 1

А.И. АЙБАБИН
(Симферополь)

ЕЩЕ ОБ ОДНОЙ ВЕРСИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЛАСТИ ДОРИ¹

В трудах по истории средневекового Крыма высказаны разные версии локализации на полуострове как области Дори, так и защищавших ее длинных стен. Область Дори помещали на южном берегу (Кеппен, 1837, с. 61. Tomaschek, 1881, S. 15–17. Соломоник, Домбровский, 1968, с. 44), там же и в горах от Чатыр-Дага до Магупа и Эски-Кермена (Vasiliev, 1936, p. 72, 73. Васильевский, 1909, с. 371–372. Тиханова, 1953, с. 320–324. Якобсон, 1964, с. 11. Амброз, 1994/1995, с. 64–65), в горах Юго-Западного Крыма (Репников, 1932, с. 138), в долине реки Черной (Сидоренко, 1991, с. 117). С длинными стенами отождествляли остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды (Кеппен, 1837, с. 61. Tomaschek, 1881, S. 15–17. Кропоткин, 1958, с. 199. Соломоник, Домбровский, 1968, с. 33–44. Веймарн, 1980, с. 20–25), или укрепленные «пещерные города» Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и другие (Vasiliev, 1936, p. 72, 73. Тиханова, 1953, с. 320–324. Якобсон, 1964, с. 11), или стену, открытую в ущелье под Мангупом (Сидоренко, 1991, с. 114–115).

Перечисленные версии основаны на единственном довольно пространном описании области Дори в книге «О постройках» византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. Он, повествуя о строительстве Юстинианом I на побережье Эвксинского Понта укреплений в Херсоне, Боспоре, Алустоне и Горзубитах, достаточно определенно говорит о местонахождении области Дори: «ἔστι δὲ τις ἐνταῦθα χώρα κατα; τήαν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα, ἵνα δὴ ἐκ παλαιοῦ Γότθοι ῥκηνται — есть же здесь область

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.)».

на побережье, именуемая Дори, где издавна жили готы». В трех параграфах он охарактеризовал страну готов «15. Сама область Дори лежит на возвышенности. Почва эта не камениста и не суха, а очень хороша и приносит прекрасные плоды. 16. В этой стране император нигде ни города, ни крепости не построил, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда на равнине. 17. Так как казалось, что их местность легко доступна, оградив эти проходы длинными стенами, он избавил готов от беспокойств о вторжении врагов» (Procopius, *De Aedificiis*, III, VII, 15–17; Соломоник, Домбровский, 1968, с. 16–19).

Л.В. Фирсов привел веские доводы против локализации области Дори только на южном берегу. Следуя тексту § 16, участок берега между крепостями Алустан и Горзубиты нельзя включать в Дори. Ведь в ней император не строил крепостей. Отличается от описания в §§ 16–17 и узкая полоска (2,5–3 км) побережья от Гурзуфа до Фороса. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами вряд ли являлся плодородной равниной, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания семей трех тысяч воинов. По Прокопию, такое количество готов могло выступить в поход по призыву императора (Procopius, *De Aedificiis*, III, VII, 14. Фирсов, 1979, с. 107–113).

В некоторых новых публикациях страну Дори предложили локализовать в восточной или юго-восточной части полуострова. Не берусь дискутировать с теми сторонниками этой локализации, чьи измышления основаны на фальшивке с рунами, якобы найденной на Опуке. В статье В.Г. Зубарева и С.В. Ярцева (Зубарев, Ярцев, 2007) предлагается расширить границы страны Дори от Херсонеса до Узунларского вала. Авторы статьи не просто игнорируют приведенное выше единственное описание страны Дори, но и произвольно трактуют понятие «длинные стены» как систему валов, укреплений и т.д. Авторы также пытаются манипулировать пересказом перевода, не знавшего области Дори Иордана, или совсем уже поздним текстом. Интерпретируя археологические материалы, авторы вместо комплексного анализа конструкции погребального сооружения, порядка захоронения и всего инвентаря определяют германский этнос населения, хоронившего в аланских склепах в Озерном и Инкермане, лишь по нескольким похожим на черняховские сосудам.

Напомню авторам, что описанию Прокопия соответствует территория горного Крыма от окрестностей Алустана до устья Чёрной речки и Балаклавы (Айбаин, 1999, с.111; Ajbabin 2011, S. 96–104). Прокопий

называл готами не только всех жителей страны Дори, но других варваров. Например, в трактате «О войнах» он писал о готском племени аланов (Procopius, *De Bello Vandalico* III, III, 1; *De Bello Gotico* V, I, 3). Однако на южном берегу и в горном Крыму выявлена единая археологическая культура, представленная однотипными могильниками с захоронениями VI в. На этих некрополях в характерных для аланов склепах и подбойных могилах женщин нередко хоронили в германских костюмах, а мужчин – с популярными у служивших в византийской армии варваров геральдическими поясными наборами. С середины VI в. женщин погребали с типичными для германцев аксессуарами женской одежды: парой золотых серег с многогранником или бронзовых сережек на висках, с ожерельем из золотых треугольных подвесок и одной или двумя низками из янтарных и разноцветных стеклянных бус на шее, парой серебряных двухпластинчатых фибул I на плечах, пристегнутых головками вниз, двумя серебряными или бронзовыми браслетами на руках и с широкими кожаными поясами, застегнутыми серебряными орлиноголовыми пряжками южнокрымского типа I варианта. Во второй половине VI в. пояса также застегивали большими пряжками с прямоугольным щитком. Иногда гарнитур дополняли ожерельем из золотых трапециевидных подвесок. Описанные гарнитуры украшений костюма и его детали по составу вещей и способу ношения фибул близки этнографическому женскому костюму остроготов и визиготов (Айбаин, 1999, 107–108; Хайрединова, 2000, 91–133). Мужчин хоронили в повседневной одежде, зачастую с византийскими воинскими поясами со свисающими узкими ремнями, к которым подвешивали железные ножи и кисеты с кресалом и кремнями. В некоторых кисетах лежали монеты, а в Суук-Су и рыболовные крючки. В Лучистом в нескольких захоронениях нашли пряжки и наконечники обувных ремней.

Судя по приведенным археологическим свидетельствам, в период правления Юстиниана в стране Дори жили готы и аланы (Айбаин, 1999, 105, 107; Ajbabin, 2011, S. 96–104).

ЛИТЕРАТУРА

- Айбаин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. МАИЭТ IV 1994/1995.
- Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Том II. Вып.2. Санкт-Петербург, 1912.

- Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму “длинные стены” // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В. К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму. Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. 2007. № 17.
- Кеппен П.И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб., 1837.
- Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII.
- Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII.
- Сидоренко В. А. “Готы” области Дори Прокопия Кесарийского и “длинные стены” в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II.
- Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. №34. Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Том 40.
- Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Москва/Ленинград, 1964.
- Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // Monographien der RömischeGermanischen Zentralmuseums. - Band 98. Mainz, 2011.
- Procopius. De Bello Vandalico. Opera Omnia. Rec. J. Haury, G. Wirth // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. I. Lipsiae, MCMLXII 305–552.
- Procopius. De Bello Gotico. Opera Omnia. Rec. J. Haury, G. Wirth // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. II. Lipsiae, MCMLXIII.
- Procopius. De Aedificiis. Opera Omnia. Rec. J. Haury, G. Wirth // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. IV. Lipsiae, MCMLXIV.
- Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.
- A. A. Vasiliev, The Goth in the Crimea. Cambridge, 1936. С. 329–338.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО
(Севастополь)

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА (СФРАГИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

Географическое положение византийского Херсона на пути из варяг в греки в формировании общественных отношений, развитии его экономики, торговых и культурных связей, безусловно, играет весьма существенную роль.

Надо понимать, что роль моря в истории этого самого северного византийского центра имела если не главное, то одно из первостепенных значений. Анализ свидетельств письменных источников и археологических материалов полностью подтверждает этот тезис (Романчук, 1981; Romančuk, 2000). Не малую лепту в этом отношении вносят и памятники сфрагистики.

Сопоставление сведений письменных источников с данными моливдовулов дает возможность представить херсонский морской порт не только как главный центр в Таврике, обеспечивавший широкомасштабную торговлю с Причерноморскими регионами империи, но и как крупную военно-морскую базу имперского флота, способную принимать и обслуживать значительные контингенты византийских войск. Кроме того, благодаря моливдовулам мы получаем доступ к сведениям об отдельных должностных исполнителях – византийских флотоводцах самых различных рангов и чиновниках, так или иначе связанных с морским ведомством, существенно дополняющим известную ранее информацию или открывающим новые страницы в их карьерах.

При оценке роли географического фактора при формировании социума того или иного региона, очевидно, не следует сбрасывать

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

со счетов факт того, что всякий приморский центр так или иначе был неразрывно связан не только с рыболовством, но и с кораблестроением и развитием соответствующей инфраструктуры. А постройка или ремонт судов неукоснительно предполагали наличие целого ряда ремесленных профессий и существование должностных лиц, обеспечивавших контроль над проведением работ, а также офицеров и моряков, служивших на кораблях. Кроме того, все это было неразрывно связано с разнообразными перевозками (правительственными и церковными миссиями, доставкой войск, корреспонденции и т.п.) и безусловным участием в морской торговле, что тоже требовало развитой чиновничьей инфраструктуры.

В Херсоне хорошо известны печати различных функционеров, так или иначе имевших отношение к морскому ведомству империи в самом широком смысле – от флотоводцев и военных администраторов до представителей таможенных и налоговых служб. Это печати топотиритов и друнгариев флота, комитов Иерона и Абидоса, стратегиов Сицилии, Эллады, Фессалоник и Армениака (см.: Алексеенко, 2008), печати главных логофетов (см.: Алексеенко, 2003), коммеркиариев апотек Абидоса, Константинополя, Пафлагонии и приморского побережья Понта, диойкитов Митилены, Амастриды и Халдии, генимата Хрисополиса и др., контролировавших не только морские перевозки и обеспечивавших поступление соответствующих пошлин в казну, но и, очевидно, следивших за исполнением общеимперской налоговой дисциплины на территории Таврики (Алексеенко, 2004; Алексеенко, 2013).

Заморское положение Херсона, постоянно находившегося на острие не только международной торговли, но и внешнеполитических контактов империи, являвшегося активным участником и дипломатических, и миссионерских миссий империи, вне всякого сомнения, обуславливало внимание к городу и со стороны центральной администрации и двора, и со стороны провинциальных администраций, и со стороны патриархата и клира. Что, собственно, и подтверждают находки соответствующих печатей на территории древнего городища. Среди них печати императоров, представителей дворцовых служб и придворного нобилитета (см.: Соколова, 1991; Соколова, 1992), печати патриархов Константинополя, архиепископов Боспора, Сугдеи, Анхиала и Трапезунда, митрополита Амастриды и орфонатрофии великого странноприимного дома церкви Св. Петра и Павла в Константинополе (см.: Alexeenko, Romančuk, Sokolova, 1995: 150-151, nr. 14; Смычков, 1999: 128, № 3; Алексеенко, 1999/2000; Aleksèenko, 2003: 76-77, nr. 1).

Более того, называя топонимические названия, моливдовулы, не только очерчивают весьма характерный ареал городских адресантов, но, как нам представляется, отражают здесь роль географического фактора, повлиявшего на развитие городских связей, и, в свою очередь, демонстрируют определенную специфику формирования межрегиональных контактов. Весьма примечательно, что города и регионы, указанные на моливдовулах из Херсона, почти без исключения это имена приморских центров или областей, в которых главными городами являются известные морские порты. Неразрывная связь с морем в системе имперских административно-политических, финансово-экономических и церковных коммуникаций обеспечила для социума Херсона развитие связей с окружающим миром, в первую очередь через непосредственные контакты с аналогичными центрами Южного и Западного Причерноморья, Балкан и Малоазийского побережья Средиземноморья, так же, как и он сам, тесно связанными с морским промыслом.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеенко Н.А. Печати церковных иерархов из Херсона // *Nomos* 28/29. Krakow, 1999/2000: 95–103.
- Алексеенко Н.А. Печати главных логофетов из херсонского архива // *АДСВ* 34. Екатеринбург, 2003: 174–205.
- Алексеенко Н. Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // *Acta Musei Varnensis* 2. Варна, 2004: 265–275.
- Алексеенко Н.А. Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // *Судакский сборник* III. Киев-Судак, 2008: 8–15.
- Алексеенко Н.А. Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов коммеркиариев как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века») // *БИ XXVIII*. Керчь, 2013: 275–285.
- Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // *Byzantinobulgarica* VII. Sofia, 1981: 319-332.
- Смычков К.Д. Печати церковных иерархов из Херсона. // *АДСВ* 30. Екатеринбург, 1999: 124-129
- Соколова И.В. Византийские печати VI–первой половины IX в. из Херсонеса // *ВВ* 52. Москва, 1991, с. 201–213.

- Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ 26. Екатеринбург, 1992: 191–203.
- Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Dieneuen Fundean Bleisiegelnaus Cherson // SBS 4. Washington, 1995: 139–151.
- Aleksèenko N., Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS 8. München-Leipzig, 2003: 75–83.
- Romančuk A.I. Das Meer als factor der wirtschaftlichen und kulturellen entwicklung vom byzantinischen Cherson // МАИЭТ VII. Симферополь, 2000: 332–341.

О. С. АНИСИМОВА
(Судак)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ КРЫМА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1783 г.

В период пребывания полуострова в составе Российской империи была сформирована особая структура городов Крыма. Она имела не только ряд специфических факторов формирования, но и, как следствие, ряд уникальных черт.

Среди важнейших, предопределивших миссии крымских городов, наиболее значимы географические факторы: особенность расположения полуострова как южной границы Российской империи и климатические условия. Кроме того, особое место среди факторов воздействия на структуру городов занимал фактор исторической преемственности. Если учесть, что для прошлых властителей Крыма полуостров также имел важное пограничное значение, то по логике структура должна была бы мало измениться. Однако если для Османской империи Северное Причерноморье было скорее северной границей, то для Российской наоборот – южной. Таким образом, вопрос о назначении городов-форпостов априори принципиально отличался от предшествующих периодов. Поэтому первоначально сухопутный военный пункт на севере полуострова Перекоп с вхождением полуострова в состав следующей империи потерял свое значение и перестал существовать.

Следует отметить, что общие черты в развитии городов хорошо классифицируются по принципу их географического расположения. Если выделить группу городов по этому принципу на полуострове, то получается более-менее стройный ряд. Таким образом, нужно условно выделить из числа городов Крыма группу прибрежных – Керчь-Еникале, Феодосию, Севастополь, Евпаторию, поскольку их путь развития имел некоторые сходные черты; особое место у морских городов – Ялта и Балаклава; внутренних – Перекоп, Карасубазар, Бахчисарай, Старый Крым.

При более детальном рассмотрении структуры крымских городов становится очевидным, что не все южнобережные города имели одинаковые функции. Для удобства условно обозначим их как «специализация» города. Об одной из них говорилось выше, она обусловлена тем, что Крым был недавно присоединенной пограничной приморской территорией. Одновременно с необходимостью формировать города как центры экономического роста Крыма здесь остро встал вопрос укрепления границ. А также стала актуальной необходимость развития черноморской торговли и, что немаловажно, военно-морского флота. Поэтому из одиннадцати городов, которые существовали в Крыму, шесть развивались как портовые: Керчь-Еникале, Феодосия, Севастополь, Евпатория, Балаклава и Ялта.

Недавнее ханское прошлое полуострова обусловило еще один фактор в формировании структуры крымских городов. В большинстве своем они выглядели как сельские поселения в плане застройки и занятий жителей. Поэтому при развитии городов Крыма эта особенность обусловила попытки центральных властей превратить прежнее, по сути, сельские поселения в города. Поселения, трансформировавшиеся в города из поселений ханского времени, в структуре крымских городов занимали ту же нишу, которая сложилась исторически: центров торговли, ремесла и зарождающейся промышленности.

Важную роль, подчеркивающую крымскую уникальность, помимо вышесказанного, играли и прибрежные города, не имеющие ни военного, ни центрального в сфере торговли и производства города, и местечки. Со временем четко сложилась и развилась их специализация как городов-курортов. Например, стремясь использовать целебные свойства полуострова. Как это было, очевидно, в случае с Ялтой. Причем в некоторых таких городах развивать ни торговлю, ни промышленность, кроме как для местных нужд, не планировалось. Как это наблюдалось в случае с Балаклавой.

В свою очередь структура городов Крыма, ее количественный и качественный состав менялись под давлением нескольких факторов. Собственно, если смотреть с административной точки зрения, то получается следующая картина. На верхней позиции обнаруживается губернский город Симферополь. Кстати, в одно время он же являлся центром Таврической области. Необходимо отметить, что при этом он же одновременно был и уездным. Кроме него, центрами крымских уездов были Евпатория, Перекоп, Левкополь, Феодосия и Ялта. Заштатными городами значились Бахчисарай, Карасубазар и Балаклава. Единственный безуездный – Левкополь (Старый Крым).

Кроме того, в разное время на крымской земле располагалось четыре центра особых административных единиц – градоначальств. В Феодосии оно существовало в 1803–1829 гг. В 1821 г. было создано Керчь-Еникальское градоначальство (1821–1918 гг.), а в 1873 г. – Севастопольское (1873–1918 гг.). Кроме этого, в 1914 было создано Ялтинское градоначальство, просуществовавшее скорее формально и было отменено с установлением советской власти в Крыму. Необходимо отметить, что наличие такого количества градоначальств на территории сравнительно небольшой губернии является специфическим и, безусловно, вполне логичным. Географическое положение полуострова предопределило его миссию как южного рубежа Российской империи, который нужно было солидно укреплять.

В случае с городами Крымского полуострова географическая специфика сильно отобразилась на административном положении южных городов. Развитие региона на фоне новой административно-территориальной политики происходило в условиях освоения новых земель и пристального надзора со стороны властей за южными границами. Безусловно, правительство стремилось улучшить состояние всех населенных пунктов, но при этом существовали вполне определенные и очевидные приоритеты. Такими в Крыму были территории особого подчинения – градоначальства. Кроме них, но в значительно меньшей степени, губернский город и по убывающей – уездные центры.

Таким образом, географическое положение Крымского полуострова обусловило развитие нескольких направлений в структуре крымских городов. Основными из них были города-центры торговли и производства, а также развивающиеся курорты. Однако однозначно приоритетное внимание властей Российской империи было привлечено к градоначальствам как к южному форпосту державы.

С.И. БЕЗУГЛОВ
(Ростов-на-Дону)

К ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БОСПОРА В III В. Н.Э.

В реконструкции политической и династической истории Боспора римской эпохи особую информационную ценность представляют нумизматические материалы. Это обусловлено двумя основными причинами: скудостью и лаконизмом письменных и эпиграфических источников, а также наличием на боспорских монетах высшего номинала дат, позволяющих установить соотношение правлений. Пожалуй, вся абсолютная хронология монархической власти Боспорского государства от рубежа новой эры основана на показаниях монет; датированные эпиграфические памятники лишь дополняют их. Однако построенная на нумизматических данных последовательность царского правления на Боспоре вовсе не является безупречной прямой. В пределах I–III столетий христианского летоисчисления в боспорской чеканке существует несколько сложных эпизодов, позволяющих предполагать династические проблемы. Одному из таких «узлов»,

возникшему на рубеже первой и второй третьей III в. н.э., посвящен настоящий этюд.

Согласно принятой ныне схеме, царю Рискупориду (508–523 гг. босп. эры), сыну Савромата II, унаследовал его сын Котис (третий по счету в боспорском династическом ряду). Известны его монеты с крайними датами 524 – 530 гг. босп. эры (227–233 гг. н.э.). Обстоятельства перехода власти от Рискупорида к Котису неизвестны, ибо существует загадочный тип монет с именем **Рискупорида**, датированный **525 г. босп. эры** (228 г. н.э.). Во время правления Котиса III известен еще один царь – Савромат III. От его имени выпускались монеты, датированные 526, 527 и 528 гг. босп. эры (229–231 гг. н.э.), его отношения с несомненно легитимным Котисом остаются неясными. В 530 г. босп. эры выпущены монеты с именем Котиса III, в 530 и 531 гг. (233–234 гг. н.э.) – монеты с именем царя Рискупорида (**третьего** реально и **четвертого** согласно традиционному счету), а с 531 г. – низкопробные серебряные статеры с именем царя Ининфимея. Такая последовательность выпусков не исключала **преемственности** правлений – от Котиса III к Рискупориду IV, а от последнего – к Ининфимею. Время царствования последнего обозначено рядом датированных монет 531–535 гг. (234–238 гг. н.э.). В старой литературе существуют указания на существование статов Ининфимея 536 г. босп. эры (239 г. н.э.), но ныне этих монет в наличии нет. Начальная дата правления Ининфимея в **531 г. босп. эры** никогда не подвергалась сомнениям.

За последние годы накоплены факты, позволяющие пересмотреть представленный выше отрезок боспорской династической истории.

1. В 2001 г. в непосредственной близости от Недвиговского городища – древнего Танаиса – был найден биллоновый статер Ининфимея, представляющий несомненный интерес для исследований по истории боспорского царского правления. Впервые он был издан в 2004 г. Монета обнаружена при случайных обстоятельствах на огороде в пределах современной застройки х. Недвиговка, к востоку от основного четырехугольника Недвиговского городища. Приводим ее описание (рис. 1).

Аверс: ΒΑΣΙΛΕΥΣΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ. Бюст царя вправо, перед ним дифферент «меч». Точечный ободок.

Реверс: Голова императора в венке вправо, внизу дата – ΛΦ – 530 г. босп. эры – 233 г. н.э. Точечный ободок.

Вес монеты 7,41 г, диаметр 19,3 мм, соотношение осей по часовой

му циферблату – 12. Монета хорошей сохранности, имеет убедительные паспортные данные и не вызывает сомнений в ее подлинности.

2. В интернет-ресурсе www.bosporan-kingdom сравнительно недавно появилась еще одна монета Ининфимея 530 г. босп. эры (№ 000–4646). Согласно сопровождающей информации, она найдена в Черкасской области. Монета пробита, плохой сохранности, но, судя по сохранившимся деталям изображений, чеканена той же штемпельной парой, что и экземпляр из Танаиса. Отмечу, что в кругах собирателей ходят слухи о наличии еще 1–2 монет Ининфимея 530 г., но эти свидетельства не подкреплены фактами. Пока таких монет две.

3. На том же ресурсе появилось изображение монеты Котиса III с датой АЛФ (531 г. босп. эры – 234 н.э.) (№ 000–4890). Визуально ее подлинность не вызывает сомнений – состояние расчищенных участков металла и остатки патины выглядят вполне достоверно. По всей видимости, убедительно и прочтение даты.

3. В 2010 г. В.Н. Юшковым издан второй известный экземпляр монеты Рискупорида IV с датой АЛФ (531 г. босп. эры – 234 н.э.). До этого был известен лишь один, плохо сохранившийся экземпляр такой монеты, хранящийся в Эрмитаже и впервые изданный Н.А. Фроловой. В одном из частных собраний мне довелось увидеть еще одну такую, вполне сохранившуюся монету с хорошо читаемой датой – АЛФ.

Собранные факты позволяют сделать несколько констатаций:

I. Монеты Ининфимея 530 г. босп. эры позволяет пересмотреть хронологические рамки правления этого царя на Боспоре и относить его, как минимум, к 233 – 238 гг. н.э.

II. На протяжении двух лет (530–531 гг. босп. эры) на Боспоре параллельно выпускались монеты высшего номинала с именами трех царей – Котиса III, Рискупорида IV и Ининфимея. От предположения о хронологической последовательности этих правлений и их преемственности следует отказаться.

III. Наличие сразу трех правителей Боспора в пределах одного года, без сомнения, предполагает **резкую политическую нестабильность** в государстве. Иногда Ининфимея, несмотря на обозначенную в эпиграфических памятниках принадлежность к боспорскому царскому роду Тибериев Юлиев, считают узурпатором. Виною тому его имя, перекликающееся с именем сарматского (?) царя Инисмея (Иненсмея) и, безусловно, романтический внешний облик – косматая борода, сутулая фигура – резко выделяющийся на фоне достаточно нейтральных и далеких от реализма персонажей, изображенных на боспорских монетах первой половины III в. н.э.

IV. Из приведенного следует, что царь Рискупорид (233–234 гг. н.э.) вообще не являлся единоличным правителем Боспора. Его монеты 530 и 531 гг. босп. эры синхронны поздним эмиссиям Котиса III и ранним выпускам Ининфимея, но последний продолжал чеканку монет со своим именем вплоть до 535 г. босп. эры.

V. Изложенное позволяет думать, что на рубеже первой и второй третей III в. н.э. в правящей верхушке Боспора сложилась сложная и, вероятно, напряженная ситуация, разрешившаяся достаточно продолжительным единовластием Ининфимея. Последний явно не принадлежал к династической ветке, занимавшей боспорский престол более столетия и восходящей к царю Реметалку (131–154 гг. н.э.). Очевидно, проблемным было не только начало правления Ининфимея, но и его финал. Об этом может свидетельствовать до сих пор ничем не заполненная лакуна в именной боспорской чеканке, приходящаяся на 536, 537 и 538 гг. босп. эры.

VI. Рассматриваемый отрезок времени (середина 20-х – 30-е гг. III в. н.э.) стал периодом стремительной, скачкообразной варваризации Боспора. Это явление отразилось в различных областях материальной и духовной культуры. В этой связи кажется вполне объяснимым и появление персонажей варварского происхождения в среде социальной элиты государства и даже на боспорском престоле. Некоторые палеоклиматологи полагают, что в III в. н.э. произошло значительное (в сравнении с предшествующей эпохой) увлажнение климата в степной зоне, Предкавказье и южнорусском Причерноморье. Такая ситуация создавала достаточно комфортные условия, в значительной степени стимулирующие развитие кочевничества и кочевого скотоводства. Как раз около второй трети III в. происходят масштабные изменения в среде степного населения, мощная миграция в степь населения из Центрального Предкавказья; с северо-запада усиливается давление германских племен. Эти процессы разрушили культурно-историческую реальность, сложившуюся во II в. в степном поясе от Казахстана до Среднего Дуная и просуществовавшую около столетия. Одним из следствий этих процессов, по всей видимости, стало усиление варварского давления и проникновения на Боспор; серьезные трансформации в его культурной, этнической, возможно – и в династической истории.

Ю.Л. БЕЛИК
(Керчь)

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА XVII – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.

В ходе изучения фортификационных сооружений, располагавшихся на территории Керченского полуострова в период с XVII в. до середины XIX в., был выявлен ряд особенностей укреплений, обоснованных влиянием природно-географических факторов.

При возведении укреплений учитывалась специфика побережья Керченского пролива в целом, а также его отдельных участков (бухт, мысов и др.) в связи с необходимостью создания надежной обороны порта города Керчь. Также в защите нуждались переправы. Большое внимание уделялось противодействию флота вероятного противника. Примером могут служить крепости Керчь, Ени-Кале, береговые батареи на мысах Ак-Бурун, Павловский, Карантинный. Эти сооружения относятся к приморским укреплениям, которым присуща своя специфика крепостного фронта.

Для контроля важных торговых, почтовых и военных магистральных направлений, проходивших по ключевым участкам местности, возводились оборонительные сооружения не только долговременного, но и полевого типа. Среди таких построек следует выделить фельдшанец при деревне Кашкая (Кош-Кую, современный п. Тасуново). Это незначительных размеров полевое сооружение выполняло роль форпоста на участке дороги между Керчью и Кефе (современный г. Феодосия).

Грядово-волнисто-равнинный Керченский полуостров по характеру рельефа и геологического строения, как известно, разделяется на две части: юго-западная и северо-восточная. Юго-западная представляет собой слабоволнистую равнину, северо-восточная часть полуострова имеет мелко расчлененный рельеф, насыщенный различными балками. Рельеф не представляет особой сложности для

полевой армии. Это могло создать угрозу захвата фортификационных сооружений, важных объектов (порт, магистральные направления, источники воды и пр.).

Для предотвращения захвата оборонительных сооружений с «поля» военные инженеры предусматривали защиту периметра укрепления. При постройке учитывали наличие вблизи господствующих высот. Такие укрепления были в состоянии выдержать осаду полевой армии и десант врага. Следует выделить полевые сооружения англичан и французов, возведенные в годы Крымской кампании у м. Павловский и у крепости Ени-Кале. Полевые фортификационные сооружения союзников были по своей сути оборонительными лагерями. Сомкнутый фронт укреплений позволял упредить действия русских войск в случае внезапного нападения.

При возведении укреплений долговременного характера учитывался и природно-сырьевой ресурс полуострова. Наличие рядом с участком строительства известняка-ракушечника позволяло иметь надежную базу строительных материалов для возведения фортификационных сооружений.

Немаловажным было наличие вблизи участка, выбранного под строительство, источников воды, достаточных для обеспечения постройки укреплений. Наличие воды непосредственно на территории укрепления было важно для гарнизона в случае осады.

Прямое влияние на выбор места под то или иное сооружение оказывал ландшафт. Сложноперебесеченный рельеф, наличие болот, озер, оврагов на подступах к укреплению позволяли создать дополнительные трудности противнику в овладении укреплением.

Общей характерной чертой всех оборонительных сооружений XVII – середины XIX вв. является то, что при их сооружении существовала зависимость конструктивных особенностей от специфики рельефа местности. При проектировании укреплений с бастионным профилем построение крепостного фронта производилось не по внутренней линии полигона, а по наружной. Это позволяло легче приспособить фортификационные сооружения к местному рельефу. При таком варианте куртина укрепления получала дополнительную защиту от артиллерийского огня. Появлялась возможность защитить шпицы бастионов и исходящие участки фронта. Такое рациональное использование сильных сторон местности усиливало оборону.

Географические, природно-климатические особенности Керченского полуострова предопределяли сезонность работ по возведению укреплений. Закладка фундаментов, возведение куртин, бастионов,

ворот и иных элементов военно-инженерных построек производились в летний период. Подготовительные работы начинались весной. Осенью часть работ завершалась. Это связано с технологическими процессами, а также сложностью размещения строителей и их обеспечением в зимний период.

Таким образом, при изучении оборонительных сооружений XVII – середины XIX вв., располагавшихся на территории Керченского полуострова, мы выделяем ряд географических, природных особенностей, влиявших на возведение укреплений. Специфика местности определяла схему сооружения, фортификационные особенности конструкции, которые в итоге определяли боевые качества укрепления.

А.М. БУТЯГИН, Д.Е. ЧИСТОВ
(С-Петербург)

ПАЛЕОРЕЛЬЕФ КАРАНТИННОГО МЫСА И АРХАИЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА МИРМЕКИЯ

Палеорельеф Карантинного мыса и его ближайших окрестностей, где была основана небольшая греческая колония Мирмекий, не мог ни оказать серьёзного влияния на формирование этого поселения. В этой работе мы хотели рассмотреть это воздействие в самый ранний период развития города – от его появления, до 2-ой четверти V в. до н.э., когда он был полностью разрушен, вероятно, в ходе нашествия номадов.

В настоящее время рельеф городища существенным образом отличается от того, который предстал колонистам в первой половине VI в. до н.э. В связи с тем, что в настоящее время исследовано не более четверти памятника, можно высказать только самые общие представления о том, что он представлял в то время. В данном случае, изменение уровня моря, видимо, не имеет особого значения. Южная часть мыса между его оконечностью («акрополем») и следующим к востоку скальным выступом, разделяющим городище на две части, похоже, являлась скальным обрывом, и здесь линия берега не могла сильно измениться. К востоку находилась бухта, с впадающей туда речкой, являвшейся основным источником пресной воды для поселения. Её контуры могли меняться, но не похоже, чтобы она была способна принимать крупные суда. Не совсем понятен контур берега в юго-восточной части, где городище продолжалось до мыса, на котором в настоящее время находится беседка. Тем не менее, маловероятно, чтобы линия доступного для застройки коренного берега сильно отличалась от современной. Возможно её смещение к югу не более чем на 10–15 м. Впрочем, точно это можно выяснить только после специальных исследований [Виноградов, Бутягин, 2006, 4–6].

Современный рельеф внутренней части городища плавно пони-

жается от центрального скального выступа на запад к бухте, а к востоку после краткого понижения совершенно выравнивается. Судя по результатам раскопок, ранее здесь был более сложный рельеф, впоследствии выровненный многовековым культурным слоем. В западной части скала мыса имела более вертикальные очертания, круто обрываясь с северо-западной стороны, восточнее она имела более пологий склон. Непосредственно к северу от акрополя располагалась пологая площадка, после чего к северу и западу происходило понижение не менее чем на 1,5–2 м. Также существенное понижение наблюдается в центральной части городища, в северной части современного участка «И». Здесь повсеместно отмечены выходы материковой скалы.

В VI в. до н.э. первыми жителями были освоены скала акрополя и побережье западной бухты. Одна из полуземлянок открыта непосредственно на скале акрополя, остальные обнаружены в понижении к северу и по берегу бухты, где они, по всей видимости, были защищены от ветра (кроме западного). Одна из землянок найдена и в центральной части городища в самом глубоком месте котловины, защищённая с юга скальным выступом. В целом, такая схема расселения вполне естественна. К третьей четверти VI в. до н.э. относится первая попытка поселенцев «усовершенствовать» естественный рельеф. Пологий склон акрополя был укреплен небольшой оборонительной стеной [Вахтина, Виноградов, 2001, 41-45].

Существенные изменения в устройстве поселения произошли на рубеже VI–V вв. до н.э. В это время одновременно почти вся территория памятника застраивается наземными домами. В настоящее время следы наземных построек обнаружены на участках «В», «И», «П», «Р», «С», «СТ». На участке «Б» в северной части городища открыты могилы позднеархаического некрополя, так что северную границу застройки можно считать приблизительно установленной. На участке «М», расположенном у восточной границы памятника, раскопки не дошли до уровня ранних строительных остатков, хотя фрагменты позднеархаической керамики здесь присутствуют. В целом, можно предположить, что одновременно было построено около 4 га в западной и центральной частях городища.

Наиболее хорошо позднеархаическая застройка исследована в северной части участка «И», где под классическим и эллинистическим зольником она почти не пострадала. Кроме того, части кладок и улиц этого времени были исследованы в ходе работ В.Ф. Гайдукевича в центральной и южной частях раскопа. Небольшой участок

позднеархаического города может быть также восстановлен в юго-западной части участка «С».

Прежде всего, рассмотрим те данные, которые можно получить с участков, где сохранность построек плохая. На участке «ТС», на площадке к северу от скалы акрополя, кладки стен расположены в меридиональном направлении с весьма небольшим наклоном. Аналогично ориентирован дом, часть которого расположена в западной части участка «С» на самом краю городища, в связи с чем часть строительных остатков была разрушена абразией. Здесь был обнаружен двор шириной около 3 м, вписанный между краем скалы и стеной дома, помещение которого шириной около 4 м находилось севернее. Судя по всему, такое положение дома было связано с тем, что он находился в районе изгиба скалы. Следующий к востоку дом, от которого сохранились несколько кладок, имел серьёзное отклонение меридиональных стен на северо-восток [Butyagin, 2008, 24–28].

Аналогичным образом ориентированы стены позднеархаических домов, открытых на участках «П» и «Р», расположенных севернее. Точный план расположенных здесь построек восстановить пока невозможно, однако следует предположить, что такое расположение построек обусловлено очертаниями края холма городища. Дома на участке «П» расположены по краю древней бухты, а участок «Р» расположен в глубоком изгибе холма городища, по сути смыкаясь по уровню с участком «П» и прибрежной частью участка «С». Подавляющее число построек здесь одинаково сориентировано (за исключением единственного дома возле изгиба скалы). Судя по всему, этот район можно отнести к весьма небольшому «нижнему городу», расположенному возле берега бухты. Постройки, расположенные на высокой площадке под акрополем, более точно сориентированы в широтно-меридиональном направлении.

Участок «И», расположенный в центральной части городища, благодаря значительно исследованной площади представляет собой наиболее показательный пример эволюции городской застройки Мирмекия с архаической эпохи до римского времени. Особенностью развития этого района города, несомненно, являются частые изменения планировки жилых домов, происходившие не только в их изначальных границах, но и оказывавшие воздействие на план уличной сети. Хотя радикальных одновременных изменений последней в истории Мирмекия не случалось никогда, многократные перестройки отдельных домов приводили к постепенному изменению их границ, застройке пространства части улиц, а следовательно – и к ощути-

мым трансформациям всей городской планировки. Квартальная сеть архаического Мирмекия в том состоянии, в котором она возникла на рубеже VI – V веков до н.э., просуществовала неизменной очень недолго. Причины этого, очевидно, следует искать в регламентированной ограниченной площади городской застройки. Особенно ощутим дефицит пространства в пределах городских стен стал к эллинистическому периоду, поскольку он усугублялся увеличением площади отдельных домохозяйств, включавших винодельческие производственные комплексы.

Реконструкция плана архаической застройки осложняется неравномерной изученностью ранних строительных остатков в различных частях раскопа «И». В его северной части, в более позднее время занятой зольниками I и II, сооружения указанного периода сохранились в наилучшей степени и раскрыты на площади около 750 м². Границы квартала здесь выявлены с трех сторон, причем раскрыт большой участок меридионально ориентированной городской улицы, ограничивавшей этот квартал с запада.

Ширина этой улицы составляла около 3 м; южная часть ее исследованного отрезка была покрыта вымосткой, в которой был устроен водосток. По-видимому, камнем обложили только склон, спускавшийся с выхода материковой скалы.

В южной части раскопа архаические постройки исследованы значительно фрагментарнее, поскольку этому препятствовали остатки сооружений последующих эпох. Тем не менее, здесь была выявлена трасса т. н. «Южной» улицы, пересекавшей всю исследованную площадь с запада на восток с отклонением к северо-востоку. Эта улица непрерывно существовала с конца VI в. до н.э. на протяжении нескольких столетий: по меньшей мере, до конца IV в. до н.э., а вероятно, и в эллинистический период. Более того, на этом же месте могла располагаться и улица III в. н.э. [Чистов, 2009, 233–236]. Упомянутая выше архаическая Западная улица продолжала существовать в IV в. до н.э., о чем свидетельствует как планировка построек этого периода в северной части раскопа [Чистов, 2006, 119–120, рис.5–6], так и небольшой участок ее вымостки, открытый южнее в 1958 г. [Чистов, 2009, 236]. Тем не менее, данные недавних раскопок указывают на то, что пространство этой улицы стало застраиваться расширяющимися домами уже в IV в. до н.э. т.е. уже в это время улица, вероятно, была разорвана на два тупиковых переулка. Аналогичной, судя по всему, была и судьба Восточной улицы, ограничивавшей архаический квартал с другой стороны: к III в. до н.э. ее площадь была занята

помещениями эллинистического дома¹, вход в который, по всей видимости, располагался в образовавшемся с севера тупике [Чистов, 2009, с. 238], хотя, возможно, застройка этой улицы началась значительно раньше.

На сегодняшний день невозможно определить, представляло ли описанное выше пространство, занимающее большую часть площади раскопа «И» в конце VI – начале V вв. до н.э. один большой квартал, вытянутый с севера на юг², или же оно делилось еще одной широтно ориентированной улицей на два квартала меньших размеров. Аналогичный вопрос пока не решен и для построек IV в. до н.э. [Чистов, 2009, с. 238].

Лучше всего поддается реконструкции планировка северной части квартала (или же северного малого квартала), имевшая протяженность около 33 м с запада на восток и 23 м с севера на юг. Входившие в его состав дома неоднократно перепланировались; зафиксировано, как минимум, два (возможно, три) строительных периода их перестроек. На исследованной территории выявлены остатки трех или четырех жилых домов.

Восточную часть квартала занимал дом И-1. Это домохозяйство несколько выдавалось к северу относительно соседей с запада. В его северо-западной части находились две небольшие изолированные постройки, разделенных узким проходом [Гайдукевич, 1987, 26–35; Бутягин, 2000, 237–242; 2004, 126–128]. Южная постройка (помещение LII) открывалась в мощный двор, находившийся к югу от нее. Она была разделена перегородкой на два помещения неравных размеров: меньшее, восточное, имело плитовое мощение, а в центре западного находился т.н. «алтарь», прямоугольный каменный очаг. Наличие такого очага и соседство с небольшим мощенным помещением позволяет уверенно интерпретировать эту структуру как ойкос (или т.н. «herdraum» [Hoepfner, Schwandner, 1986, 146–150], т.е. многофункциональную комнату общего назначения.

К западу от этих построек располагался еще один двор без мощения, на котором обнаружено несколько хозяйственных ям (у одной из них сохранилось обложенное камнем устье), а также (у западной стены помещения LII) обложенная камнем компостная яма – копрон³. Форма этого двора и планировка западной части дома

¹ Имеется в виду т.н. «дом с алтарем», реконструкция нескольких строительных периодов которого была недавно выполнена Е. В. Грицик [Грицик, 2007].

² В этом случае его размеры составили бы около 33 X 50–54 м.

³ О функции таких ям см.: [Ault, 2000, 486–487].

уверенной реконструкции не поддается. От внешних северной и западных стен домохозяйства отходят небольшие обрывки кладок, однако границы помещений, которым они принадлежали, точно не определяются. Северо-западная часть дома, несомненно, многократно перестраивалась, причем на поздних этапах существования дома здесь находились изолированные помещения очень небольшой площади. Одно из них (помещение LVIII) выступало за старую северную границу домохозяйства и оказалось частично пристроено к внешней северной стене соседнего дома. Таким образом, и в этом случае мы имеем очевидное свидетельство расширения домовладения за счет общественного пространства еще в первой четверти V в. до н.э.

Определение границ домохозяйства И-1 вызывает затруднения, поскольку существование дома аномально больших размеров (около 360 кв.м), равного по площади сумме двум соседних, с двумя разделенными стеной дворами, представляется маловероятным. Вместе с тем, неясно, как могла бы проходить граница, которая позволяла бы выделить здесь два отдельных домохозяйства.

Западная часть исследованного участка квартала состояла из двух домохозяйств примерно равной площади (дом И-2 – 160 кв.м, дом И-3 – не менее 125 кв. м), каждое из которых представляло собой с северной стороны ряд из двух - трех смежных помещений, вытянутых по линии запад–восток, и мощенный камнем двор, помещавшийся к югу (в доме И-2 в северо-западной части двора возникает еще одно изолированное помещение – пристройка, которая позднее, в ходе очередной реконструкции, была снесена). Аналогичное устройство имел, видимо, и дом в западной части участка «С». В целом, размеры и планировочное решение указанных домов характерны для архаических горизонтов городских центров европейского Боспора: постройки этого типа известны в Тиритаке [Гайдукевич, 1952, 86–87; Крыжицкий, 1982, 58–60; Зинько, 2014, 307–308] и в Нимфее. Подобные дома представляют собой вариации типа жилища, широко распространившегося в греческом мире в архаическую эпоху [Lang, 2005, 17–18, fig.2.1 e-f].

Северо-западный угол квартала, образованный домом И-2, по не совсем ясным причинам не был застроен. Возможно, здесь располагалась небольшая площадь, но это предположение требует дополнительных раскопок. В ходе перестройки очертания квартала несколько изменились. Почти по всей площади произошла подсыпка грунта с целью поднятия и выравнивания общего уровня построек мощно-

стью до 1 м. В связи с этим были заложены двери некоторых помещений. Какие-то кладки были надстроены. Пустовавший участок в северо-западном углу был застроен новым помещением дома И-2, в связи с чем и дом И-2, и включавший его квартал приобрели более ровную четырёхугольную форму.

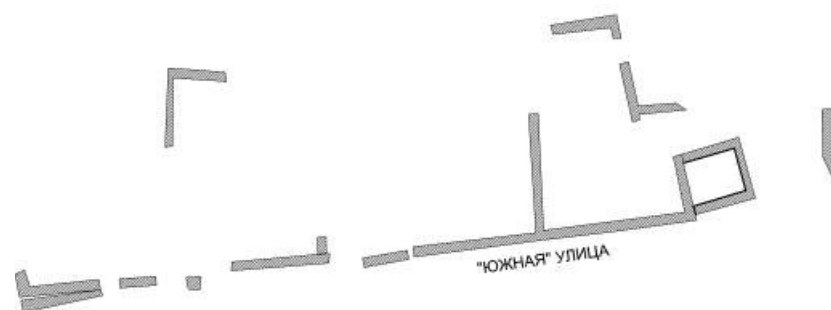
Несмотря на неравномерную изученность ранних строительных остатков в различных частях раскопа «И», можно утверждать, что в целом центральная часть позднеархаического города имела планировку с элементами регулярности. Уличная сеть Мирмекии строилась с учетом особенностей рельефа; так, возможно, отклонение Южной улицы от ориентировки стен архаических построек связано с тем, что эта улица представляла собой важную магистраль, пересекавшую городок с востока на запад, к «нижнему городу» и бухте.

Таким образом, палеорельеф городища оказал существенное влияние на формирование позднеархаического Мирмекии. Резкий перепад высот в районе бухты привёл к появлению небольшого «нижнего города», направление помещений и улиц которого отличалось от остальных районов городища, расположенных на относительно плоских участках. На территории последних наблюдается строительство кварталов с сохранением широтно-меридионального направления кладок. Следует отметить, что жители античного Мирмекии, по возможности, видоизменяли рельеф в своих интересах. На самом раннем этапе это выразилось в усилении природной фортификации скалы небольшой стеной, а впоследствии в нивелировке неровностей поверхности, как это произошло при перестройке позднеархаического квартала на участке «И».

ЛИТЕРАТУРА

- Бутягин А.М. Архаический дом в Мирмекии / // Сисситии. Памяти Ю.В. Андреева. СПб. 2000, с.237–242.
- Бутягин А.М. Дом под мирмекийскими зольниками // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч.1. СПб. 2004, с.126–131.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб. 2001, с.41–45.

Hoepfner, W., Schwandner, E.—L. Haus und StadtimklassischenGriechenland.
München. 1986.

Илл.1. Мирмекий. Участок «И». Схема открытых строительных остатков V в. до н.э. с указанием фаз строительства.

Н.В. БЫКОВСКАЯ
(Керчь)

КОЛЛЕКЦИИ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ЗАПОВЕДНИКА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Археологические коллекции Восточно-Крымского заповедника можно оценить как крупнейшее региональное собрание артефактов, которые дают представление о материальной культуре Боспорского царства и степени использования природных ресурсов Керченского полуострова в античную эпоху. Научная информация, которую несут музейные предметы античных коллекций, отображает не только уровень социально-экономического развития общества, но и, в меньшей степени, сведения об окружающей природной среде, причем не только во времена существования античной цивилизации, но и в доисторическую эпоху.

Особую группу артефактов представляют собой окаменелости, которые относятся к эпохе палеолита. Их появление в коллекциях музея относится к 1920-м годам, когда вначале в структуре Керченского музея, а затем в качестве самостоятельного музейного учреждения был создан музей истории местного края, главная задача которого заключалась в том, чтобы «отображать производительные силы Керченского полуострова и выросшие на местных природных богатствах промыслы и производства» [Керчь индустриальная, с. 221]. В палеонтологическом отделе музея экспонировались ископаемые редкости: кости древних китообразных животных, известняковые плиты с отпечатками рыб и черепахи, кости и зуб мамонта, найденные на Таманском полуострове. После закрытия музея истории современного края эти экспонаты были переданы в археологический музей и нашли свое место в его экспозиции в разделе первобытнообщинного общества, где они и демонстрировались вплоть до начала Великой Отечественной войны (фото 1).

Окаменелости в современных инвентарных книгах заповедника

определены как кости, бивни и зубы мамонта, фрагменты скелетов ископаемых китообразных и других морских животных, хотя следует отметить, что в процессе инвентаризации определение специалистами-палеонтологами этих предметов не проводилось. Ископаемые останки доисторических животных и деревьев продолжали поступать в коллекцию и во второй половине XX века, в основном от частных лиц, обнаруживавших их в ходе разработки железорудных и строительных карьеров, либо при обследовании различных участков Керченского полуострова (напр., Фонды ВКИКМЗ, КХ – 15856 – 15858, 15860 – 15868). География мест, где были найдены эти предметы, обширна – северо-восточная часть Керченского полуострова, поселок Аршинцево, район с. Пташкино и др. В частности, в 1955 г. из с. Пташкино в фонды музея была передана известняковая плита с отпечатком реликтовой рыбы (Фонды ВКИКМЗ, КХ – 15908) (Фото 2).

Значительная часть окаменелостей поступила в коллекции заповедника из археологических раскопок. В коллекционных описях они определяются исследователями, в основном, как орудия труда. Их использование в этом качестве подтверждает наличие потертых рабочих поверхностей. На территории Боспорского царства отмечены также факты использования окаменелостей в сакральных целях – в качестве приношений в святилища. Археологически это подтверждают ритуальные комплексы, открытые в Китее, где были найдены четыре позвонка дельфинов и китообразных животных эпохи позднего палеолита. Н.А. Молева вполне обоснованно предположила, что они могли быть связаны с «церемониями в честь Афродиты в ее морских ипостасях» [Молева, 2002, с. 125].

Ихтиофауна Керченского полуострова эпохи античности представлена в коллекциях заповедника костями рыб (напр., Фонды ВКИКМЗ, КО -1231,1251; НВФ-3575, 3577, 3576), а также раковинами, найденными в закрытых комплексах хозяйственных ям и некоторых захоронений (напр., Фонды ВКИКМЗ, КХ-312, 6304-6369, 14083, 14082,14797, 16469,16207, 16583). Значительную группу музейных предметов составляют инструменты, изготовленные из костей домашних и диких животных.

Растительный мир Керченского полуострова античной эпохи представлен в коллекциях заповедника органическими материалами, поступившими из археологических раскопок, как городищ, так и некрополей. Кроме изделий из дерева, выявление объектов, занимавшихся этим ремеслом, представляется делом будущего, поскольку требует участия соответствующих специалистов, хочется отметить ввиду

редкости таких находок фрагменты виноградных лоз и различных плодов. В некоторых захоронениях боспорских некрополей среди погребального инвентаря исследователями зафиксировано наличие орехов, каштанов, миндаля и др., которые представляли собой приношения участников погребальной церемонии умершим [Гайдукевич, 1949, с. 239].

В довоенных коллекциях Керченского музея хранилось и экспонировалось множество найденных в боспорских гробницах орехов, миндаля, шишек, лавровых листьев и др. Количество экземпляров плодов античного времени в современных коллекциях не столь велико и не отличается особым разнообразием. Среди них хочется отметить интересный комплекс, который происходит из курганных погребений, открытых в 1954 г. на ул. Широкой. Здесь в гробнице кургана I в урне с жженым прахом находилась виноградная косточка; в парном захоронении могилы № 1 кургана IV у ног мужчины – орех в опрокинутом красноглиняном кувшине; в двух одновременных захоронениях (женском и детском) могилы № 2 того же кургана – орехи и каштаны, причем и в одном и в другом случае [Кунин, Кунина, 1962, с. 282, 289, 295] (Фонды ВКИКМЗ, КХ-15320). В этом же некрополе в основном погребении кургана III в деревянном саркофаге у левой руки погребенного мужчины находился стригиль и виноградная лоза (Фонды ВКИКМЗ, КД-187). Упомянутые выше захоронения этого курганного некрополя по погребальному инвентарю и типам погребальных сооружений датируются следующим образом: мужское и женское кургана IV могилы № 1, III – II вв. до н.э.; остальные – серединой – второй половиной IV в. до н.э. В целом комплекс предметов из органики, найденный в курганных захоронениях, наглядно характеризует некоторые особенности погребальных традиций на Боспоре.

Сохранившиеся в среде захоронения плоды представляют собой редкое явление. Чаще всего в руки исследователей попадают сгоревшие плоды, форма которых сохраняется благодаря продуктам горения. Так, в фондах заповедника хранится краснолаковая чашка, найденная в 1965 г. вместе со сгоревшими ягодами винограда в ходе исследований Михайловского городища. В таком же состоянии сохранности в фонды заповедника из раскопок разных городищ поступили обгоревшие зерна ячменя, пшеницы и других злаковых культур. Кроме того, следует отметить наличие в коллекциях зерен оливкового дерева, которые использовались в качестве пронизей для бус.

Подобные находки предметов из органики представляют собой большую редкость, они нуждаются в особых условиях хранения, ме-

тодиках консервации и реставрации. Кроме того, следует отметить необходимость привлечения к изучению этих материалов специалистов в области палеонтологии, палеоботаники и зоологии.

Находки предметов, связанных с древней флорой и фауной Керченского полуострова, дополняют наше представление о природной среде обитания античного социума, наглядно иллюстрируют его взаимодействие с природной средой, которая для индивидуума эпохи античности была не только средой обитания и источником ресурсов, но и в некотором смысле оказала влияние на их духовную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Керчь индустриальная. Под редакцией Н.В. Цапкина и М. Эрлиха. Сб. статей. Керчь. 1932 г.
- Кунин В.Э., Кунина Н.З. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи. // Археология и история Боспора. т.2. 1962. Симферополь. С.281–299.
- Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород. 2002.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л. 1949.

Рис. 1. Экспозиция отдела первобытного общества в историко-археологическом музее. 1940 г.

Рис. 2. Отпечаток ископаемой рыбы на плите известняка.
Фонды ВКИКМЗ. КХ- 15908.

В.В. ВАХОНЕЕВ
(Симферополь)

ПОДВОДНОЕ ГОРОДИЩЕ АКРА И ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ МОРЯ В IV В. ДО Н.Э.

Проблема изменения уровня моря и береговой линии в античную эпоху вот уже на протяжении более полувека остается достаточно актуальной, ярким примером чему служат непрекращающиеся дискуссии в различных изданиях. В данном контексте особое внимание привлекает период т.н. «фанагорийской регрессии». Этот термин активно вошел в употребление в середине прошлого века. За прошедшее время историография проблемы набрала не один десяток научных трудов, так или иначе затрагивающих данную проблематику, однако до сих пор единого мнения достигнуто не было. Понижение уровня моря в V-IV вв. до н.э. оценивают от 2-х до 10 и более метров.

В современной литературе обращено внимание на характер стока через проливы Босфор и Дарданеллы, а также на их глубину. Уровень Черного и Средиземного морей не мог сильно отличаться в указанный период, поскольку при возникновении отличий он достаточно быстро мог выравниваться. Значительное понижение уровня Черного моря во время фанагорийской регрессии должно было отразиться и на средиземноморском побережье. Проанализировав данные по изменению уровня Средиземного моря (для берегов Турции, Греции, Израиля и Египта), построенные по результатам комплексного бурения голоценовых морских отложений в дельтах рек и предполагаемых античных гаванях, А.В. Дикарев отмечает, что во время фанагорийской регрессии в Средиземноморье происходят обратные процессы, а именно – повышение уровня моря. Таким образом, разработки отечественных исследователей не согласуются с выводами иностранных коллег, что говорит об ошибочности одних из них.

Современная глубина по фарватеру пролива в его центральной и северной части не превышает 7 м. Учитывая этот фактор, глубина

пролива уже не могла быть ниже уровня дна (следует накинуть еще не менее 1 м современных донных отложений), а значит, крайние отметки более 7 м выглядят неубедительными. Керченский пролив был достаточно важным морским путем подхода к боспорским городам, а также для выхода в Меотиду. В начале IV в. до н.э. в Меотиду еще могли заходить крупные суда (Aristot., Meteor., I, 14). Полибий во II в. до н.э. указывает на необходимость лоцманской проводки крупных судов и глубину Меотиды по корабельному ходу в 5–7 оргий (9–12 м) (Polib., IV, 40, 8). Да и сам Пантикапей славился своей гаванью и верфями на 30 кораблей (Strabo., VII, 4, 4).

Нередко для иллюстрации изменения уровня моря исследователи приводят факты затопления некоторых античных городищ, расположенных по берегам Черного моря. Самыми показательными из них являются Ольвия в Днепро-Бугском лимане, Херсонес в юго-западном Крыму, Фанагория и Патрей в Таманском заливе, Акра в Керченском проливе. К ним можно было бы добавить и Мирмекий, который согласно рисунку Ф.И. Гросса второй половины XIX в. также оказался частично затопленным, однако после обустройства на том месте в 1930-е гг. пляжа говорить об этом конкретно не приходится. Из всех указанных примеров отдельно выделяется Акра. Если в Ольвии, Херсонесе, Фанагории и Патрее затопленной оказалась лишь прибрежная часть, то в случае с Акрой мы имеем полностью затопленное городище классического и раннеэллинистического времени. Ввиду последнего на некоторых результатах и наблюдений подводных исследований Акры следует остановиться подробнее.

Общая стратиграфия памятника, сохранившаяся до сегодняшнего дня, выглядит так. На песчаной пересыпи, отделяющей озеро Яныш от Керченского пролива, на уровне воды и чуть выше расположились напластования римского времени. На этом участке в 1994–1997 гг. было раскрыто несколько строительных комплексов первых веков н.э. Ниже раскопки провести не удалось из-за постоянно прибывающей в раскоп морской воды. Следующий стратиграфический горизонт, который удалось зафиксировать, относится уже к IV в. до н.э. К берегу со стороны моря под углом подходит оборонительная стена. В 30 м от берега на ее трассе была изучена оборонительная башня. Глубина на участке башни составляет около 2 м по уровню её пола. Напластования эллинистического времени под водой оказались полностью размытыми, а оборонительная стена позволила сохранить лишь культурные отложения классического периода. Как видится, есть достаточно большая вероятность обнаружить поздне-

эллинистический слой под римской застройкой на пересыпи, однако такие полуподводные раскопки могут привести к постепенному подмыванию и разрушению самой пересыпи.

В 2011–2012 гг. подводные раскопки проводились в шурфе 1/2011 с восточной стороны от кладки оборонительной стены на расстоянии 30 м от уреза воды с целью проверки мощности культурных наслоений. Необходимость этих работ была связана с тем, что реальных раскопок культурных напластований под водой до этих пор не было сделано, а в литературе неоднократно стало выражаться мнение, что сохранившаяся высота кладки оборонительной стены составляет всего 1–2 ряда камней, т.е. то, что возвышается над современным дном. Глубина шурфа была доведена до отметки 1,4 м, и работы были остановлены при выходе на уровень крупных камней (0,5х0,5, 0,4х0,4 м), представляющих или мощный развал, или каменную вымостку, плотно прилегающую к оборонительной стене города. Культурный слой в шурфе был представлен плотным серым суглинком, а восточный фас юго-западной оборонительной стены был открыт на уровень 7–9 рядов камней при сохранившейся высоте почти 1,5 м. Фас был раскрыт в длину в пределах шурфа на 1,9 м в его верхней части и 1,4 м – в нижней. Археологический материал из слоя серого суглинка, в целом, датируется второй половиной IV в. до н.э. Таким образом, на момент возведения стены к середине IV в. до н.э. данный участок, находящийся сегодня на глубине около 3 м, был сушей.

В 2013–2014 гг. немногим дальше по трассе стены в сторону моря была изучена оборонительная башня № 1 площадью 48 кв. м. Данный объект был открыт еще в 1984 г., затем осмотрен экспедицией Керченского заповедника в 1990-х гг., но подводные раскопки проведены в то время не были. В 2011–2012 гг. башня была полностью занесена песчаными отложениями. Весенние штормы 2013 г. открыли объект, в связи с чем было решено провести его раскопки, графическую и фотофиксацию. Башня располагается в 30 м от уреза воды и была пристроена с внешней стороны к юго-западной оборонительной стене Акры, фланкируя южные подступы к городку. В сезоне 2014 г. были проведены работы по расчистке внутреннего заполнения башни до уровня её основания – деревянных балок. Средняя мощность напластований составила 0,4 м.

Все стены башни опирались на большие деревянные (дубовые) балки, сложенные в конструкции в виде клетей. Толщина стен составляла 1,0–1,1 м, длина – с-з и ю-в – 8,00 м, с-в и ю-з – 6,7 м. Сохранившаяся высота колеблется от 0,3 до 1,1 м. Стены сложены по

двухлицевой одно-двухслойной постелисто-орфостатной системе кладки. В некоторых местах стыков блоков имеются пироны. Над деревянной основой первый ряд кладки был выложен из отесанных по месту прямоугольных и подквадратных известняковых блоков средних размеров. Над ними второй ряд был выложен из рустованных прямоугольных блоков, длина которых достигала 1 м. Третий ряд был сложен из плоских прямоугольных плит, часть которых также имела русты. Такой способ кладки характерен как для внешних фасов, так и для внутренних.

Исследованная башня защищала северную часть юго-западной оборонительной стены Акры и была пристроена к ней с внешней стороны во второй половине IV в. до н.э. Примечательно, что башня была не просто пристроена тремя стенами к существующей оборонительной стене, но также была возведена и четвёртая стена, замкнув башню и сделав её самостоятельным оборонительным сооружением. Глубина уровня фундамента башни составляет 2,2 м.

Деревянные клетки основания могли быть уложены в качестве фундамента для борьбы с подступившими на момент возведения башни во второй половине IV в. до н.э. грунтовыми, или даже морскими, водами. Если это действительно так, то данный случай может служить доказательством окончания фанагорийской регрессии и начала постепенного подъёма воды. Тем не менее, этому можно найти и другое объяснение. Башня была возведена над напластованиями первой половины – середины IV в. до н.э., и данные балки компенсировали возведение над достаточно рыхлой, согласно наблюдениям во время подводных раскопок, поверхностью.

Наконец, самым мористым объектом в Акре является цистерна, обнаруженная в 1983 г. на глубине 3 м в 170 м от берега, маркируя дневную поверхность того периода. Она была обложена камнями, а в кладке присутствовали деревянные детали. В слое заполнения колодца были найдены фрагменты амфор, чернолаковой посуды, крупного кувшина, обломок свинцового якорного штока, деревянные детали, обработанные на токарном станке, куски древесины и 7 клейменых гераклеийских амфор IV в. до н.э. Таким образом, строительные остатки первой половины IV в. до н.э. на Акре фиксируются до глубин 3 м. Глубина цистерны составляла 1 м.

Ввиду описанного достаточно важным является вопрос реконструкции размеров самого городища и его месторасположения. Очень интересные наблюдения можно сделать благодаря изучению данных аэрофотосъемки. На ряде фотографий, в т.ч. современных,

сделанных ресурсом GoogleEarth, отчетливо просматривается трасса оборонительной стены в длину более 120 м, а также очертания древнего мыса, на котором располагается городище. Батиметрические измерения на данном участке показывают, что наиболее удаленные участки затопленного мыса находятся на глубинах 3,5–4 м на расстоянии 200–250 м от современного уреза воды. Данный низкий мыс в древности был естественным продолжением прибрежного склона холма, примыкающего с юга. Мыс, таким образом, был окружён водой с трёх сторон, кроме юго-западной. На северо-восточном окончании мыса на площади около 3 га располагалась Акра. Мыс с городищем впоследствии был отгорожен оборонительной стеной, которая пересекла его поперёк. Такое стратегическое положение, по-видимому, обеспечило получение названия городка, которое, помимо распространенной трактовки в качестве возвышенности, может быть переведено как укрепление.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что самый «глубокий» объект, открытый на сегодняшний день на Акре и датируемый в пределах середины IV в. до н.э., находится на глубине около 3 м. Наблюдения, сделанные при погружениях на соседние «азиатские» городища, иллюстрируют схожую ситуацию. Однако изменения береговой линии там имели свои нюансы, равно как и на побережье Азовского моря. Обобщение материалов и подводных археологических наблюдений на всех затопленных поселениях еще предстоит сделать, однако к факторам самой регрессии следует, безусловно, добавить влияние неотектонических подвижек в структурах Керченско-Таманского прогиба, что могло привести к разным величинам вдоль берегов Боспора Киммерийского. Таким образом, лишь комплексное геологическое, археологическое, палеоэкологическое обследование мест античных поселений сможет дать более конкретные выводы в будущем.

М.Ю. ВАХТИНА, Ю.В. АРТЮХИН
(С-Петербург, Краснодар)

ПОРФМИЙ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛЬЕФА ПОБЕРЕЖЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ¹

Так называемые «малые» города Боспора имели множество общих черт в хозяйственном укладе, материальной культуре, экономических, культурных связях. В то же время очевидно, что каждый из этих городов обладал особой спецификой, отличаясь от других поселений. Часто эти особенности можно охарактеризовать, основываясь на археологических данных. Однако понять и наиболее достоверно реконструировать облик, культуру, историческую судьбу каждого поселения невозможно без учета конкретных природных условий, в которых эти поселения существовали.

Боспорский город Порфмий был основан около середины VI в. до н.э. (Вахтина, 2009, с. 93) на небольшом скальном выступе, примыкающем к центральной части естественной вогнутости склона между мысовидными участками, ныне называемыми Фонарь и Еникале. Геологические исследования показали, что пространство северо-восточного фланга Керченского полуострова в основном сложено рыхлыми породами, преимущественно глинами, суглинками, в меньшей мере известняками, мергелями и песчаниками (Шнюков и др., 1974, с. 40-41). При этом мысовидные участки сформированы относительно более прочными известняками. Эту особенность строения учли первопоселенцы, выбрав для строительства города возвышенный участок, сложенный наиболее прочными породами.

Площадь этого участка во все эпохи определяла размеры поселения, не превышавшие 0,7 га. Природные скальные выходы в южной части городища послужили основанием, на котором возводились ранние фортификационные сооружения (Вахтина, 2012, с. 24). К северу от

Порфмия располагалась цепочка возвышенностей, простиравшаяся от Пантикапея в сторону пролива. На одной из них возведен известный курган у с. Баксы, возможно, содержащий захоронение Сатира I, умершего в 389/88 гг. до н.э. (Виноградов, 2011, с. 190). Этот грандиозный курган, несомненно, являлся одной из «доминант» эллинистического некрополя Порфмия.

Исследования позволяют заключить, что город Порфмий был обеспечен хорошей питьевой водой. Здесь не обнаружены резервуары, предназначенные для накопления и хранения воды. Это обстоятельство можно объяснить особенностями миграции подземных вод в пределах толщ, сложенных переслаиваниями известняков, глин и песков. Повышенная геодинамическая активность полуострова предполагает существование так называемых напорных вод, которые выходят на дневную поверхность в облике постоянно действующих родников или даже самоизливающихся источников (фонтанов). В XIX в. на восточном фланге и в центре пос. Баксы (3,2 км северо-западнее Порфмия) существовали два фонтана. Источники пресной воды находились в древности и в непосредственной близости от Порфмия.

Порфмий был пограничным городом, расположенным на восточном побережье Европейского Боспора. Вероятно, здесь существовали условия для наиболее удобной переправы на азиатский берег. Но предположение, что это было самое узкое место Киммерийского Боспора, строгими научными данными не доказано. Близость к переправе, несомненно, определяла своеобразие жизни города. Данные античных письменных источников, сопоставленные с археологическими свидетельствами, позволяют реконструировать путь сезонных миграций и военных походов кочевых скифов через Керченский пролив, из района Приднепровья в Прикубанье (Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980). На этом пути находится курган Темир-Гора, основное погребение которого содержало в составе инвентаря расписную восточнореческую (милетскую) ойнохою 650/40 – 630 гг. до н.э. (Копейкина, 1972, с. 156; Cook, Dupont, 1998, p. 36, 38; Kerschner, Schlotzhauer, 2005, p.20). Ближайшие аналоги этому сосуду происходят из Немировского городища в лесостепном Побужье. Курган Темир-Гора расположен в степи к северо-западу от Порфмия, здесь наблюдается значительное понижение долины в сторону побережья. Вероятно, именно здесь, в непосредственной близости от Порфмия, и проходила часть «скифского пути».

Многолетние раскопки Порфмия позволили охарактеризовать хозяйственный уклад этого небольшого поселения. Жители города

¹ Работа М.Ю.Вахтиной велась при поддержке РГНФ, грант № 13-01-00016а.

занимались сельским хозяйством, скотоводством, рыболовством и охотой (Вахтина, 2009, с. 104). Своеобразной особенностью является отсутствие следов виноградарства и виноделия. Практически не представлена и ремесленная деятельность (Вахтина, 2010). Тем не менее, материалы раскопок свидетельствуют о достаточно высоком уровне жизни населения. По-видимому, все необходимые в обиходе продукты, в том числе вино в амфорах и ремесленные изделия, без труда импортировались жителями города. Своеобразие географического положения Порфмия дало возможность предположить, что его жители могли извлекать дополнительный доход, занимаясь организацией и выполнением различного рода работ, связанных с функционированием переправы через Керченский пролив (там же, с. 68-69).

В пределах глубинных разломов и диапировых структур Керченского полуострова с древних времен наблюдались извержения грязевых вулканов. Среди них наиболее интересным представляется так называемое Булганакское грязевулканическое поле. Замечательным образованием является грязевая сопка Джау-Тепе (Сопка-враг), в прошлом неоднократно извергавшаяся по типу взрывного очага. Проживавшие поблизости татары не зря ее так называли, поскольку при извержении возникали огненные явления, обычно вызываемые воспламенением метана и летучих компонентов нефти. Естественные испарения углеводородов, обогащенных соединениями серы и присутствием летучих компонентов грязевулканических извержений, в теплый сезон года (то есть при западных и северо-западных ветрах) могли «накрывать» окрестности Порфмия. Возможно, именно поэтому местное население не занималось культивированием винограда, ягоды и листья которого при кислотных дождях покрывались пятнами. Раскопки не выявили в Порфмии остатков виноделен, которые известны по раскопкам других городов – Мирмекия, Тиритаки, Нимфея.

На фазе нимфейской трансгрессии, предположительно начавшейся в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э., коренные берега Керченского пролива подрезались волновыми потоками, которые формировались в виде своеобразных импульсов разной мощности и амплитуды. Морская вода сбрасывалась в основном из Черного в Азовское море, хотя при жестких северо-восточных штормах поток мог менять направление. Конфигурация береговой линии между мысами Еникале и Фонарь, как и ее пространственное положение, отличалась от современной. Однако определить координаты древней береговой линии чрезвычайно сложно. Подрезка оснований склонов, сложенных переслаиваниями глин, суглинков, песков и мергелей,

привела к заложению зеркал скольжения и оформлению довольно мощных оползневых тел. С увеличением глубины пролива северо-восточный фланг Керченского полуострова должен был бы активно перерабатываться морем. И, следовательно, в XIX-XX вв. (для этого времени есть достоверные батиметрические карты) этот процесс проявился бы в увеличении ширины пролива. Но измерения показывают противоречивую картину – в одни периоды пролив расширялся, в другие – несколько сужался. Существуют два противоположных процесса – волновой размыв коренных берегов, стремящийся расширить пролив, и геодинамическое взаимодействие горных структур Крыма и зоны диапировой складчатости Таманского полуострова. По данным геофизических исследований астрономической обсерватории в Симеизе, структуры Крыма смещаются в сторону Таманского полуострова со средним темпом 10 мм/год (Илюхин, Шестопапов, 2007, с. 12–15). То есть геодинамика стремится сузить пролив. Процесс взаимодействия крупных геологических структур шел всегда и его отголосками являлись землетрясения 63 г. до н.э. и первой четверти III в. н.э. (каждое землетрясение по 7-8 баллов).

На начальном этапе трансгрессии подтопленные естественные вогнутости береговой линии и подводный склон полуострова формировались в условиях накопления значительных масс песков, обломков мергеля и карбонатных агрегатов, сбрасываемых из оползневых тел и подаваемых с подводного склона. Ракушечные отложения на подводном склоне Киммерийского Боспора стали накапливаться после того, как уровень вновь заполненного Меотийского озера-моря установился на отметках, близких к современным. Начали формироваться донные биоценозы двухстворчатых моллюсков.

В рассматриваемую эпоху, как и в XVIII–XX вв., преобладали ветры восточной и западной четвертей. На это указывает ориентация береговых валов кос Азовского моря, в основном сформировавшихся в период с I-II вв. н.э. до XVII-XVIII вв. В развитии северо-восточного фланга Керченского полуострова наибольшую роль играли северо-восточные и восточные ветры, обеспечивавшие вынос со дна, из зон продуцирования, раковин видов *Cardium*, *Venus*, *Solen* и др. Эти биогенные наносы величиной от нескольких до 10-35 мм сбрасывались на дно северной части Керченского пролива и под действием волн и течений накапливались на подводном склоне Керченского и Таманского полуостровов. В горловине пролива происходило раздвоение вдольберегового потока наносов, ветви которого в весенний сезон были направлены от мысов Варзювка и Хрони в сторону мыса Еника-

ле, а от мыса Ахиллеон – на юг. На мысе Фонарь (в XIX в. мыс Юлия) наносы задерживались лишь в крохотных бухточках, образованных мысами оползневых цирков. Зато южнее они заполняли естественную вогнутость берега между мысом Еникале и южной грядой мыса Фонарь. Фактически это означало, что в подошве известнякового массива, на котором был основан Порфмий, стало формироваться аккумулятивное тело. Сначала оформился подводный вал, а затем коса изгиба. Со временем коса изолировала от пролива обширную лагуну, на берегу которой оказался город Порфмий. Эта концепция подтверждается анализом достоверных морских карт XVIII-XIX вв. (Карта... 1872) (рис. 2). На рисунке между поселками Жуковка и Опасное показана обширная лагуна, протяженность которой с северо-востока на юго-запад достигала 1,2 км при ширине 0,4 км.

В середине I в. (или чуть позже) город был оставлен жителями и никогда более не восстанавливался. Так как для этого времени не фиксируются отчетливые следы каких-либо разрушений или природных катаклизмов, причины этого, по-видимому, организованного ухода населения ищут в изменившейся исторической ситуации в районе традиционной переправы (Вахтина, 2009, с. 105-106). Определенную роль могло играть изменение рельефа берега как между мысами Фонарь и Еникале, так и на противоположном, азиатском, берегу. В частности, активный волновой размыв лёссовых толщ между косой Рубанова и берегом в пределах современного пос. Ильич мог усложнить переправу через расширившееся водное пространство Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора, Воронеж-Белгород, 1991.
- Вахтина М.Ю. Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ, 2009, т. XXII.
- Вахтина М.Ю. О своеобразии хозяйственного уклада древнего Порфмий // Материалы XI Боспорских чтений. Керчь, 2010.
- Вахтина М.Ю. Об оборонительных системах Порфмий // ДБ, 2012, т. 16.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ, 1980, № 4.
- Виноградов Ю.А. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Илюхин С.Р., Шестопалов В.Л. Исследования геодинамики региона

Крым – Западный Кавказ методами GPS-измерений // Изв. вузов, Геодезия и картография, 2007, № 3.

Карта Керчь-Еникальского пролива по работам отдельной съемки Черного и Азовского морей 1872–1874 гг. РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 9. Д. 341. Л. 1.

Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора. ВДИ, 1972, № 1.

Шнюков Е.Ф., Орловский Г.Н., Усенко В.П. и др. Геология Азовского моря. Киев, 1974.

Cook J.M., Dupon P. East Greek Pottery. London & New-York, 1998.

Kerschner M., Schlottzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery. East & West, 2005, vol.4, n. 1.

Рис. 1. Городище Порфмий. Вид с возвышенного участка плато, на котором располагался древний город, на Керченский пролив и м. Еникале (справа).

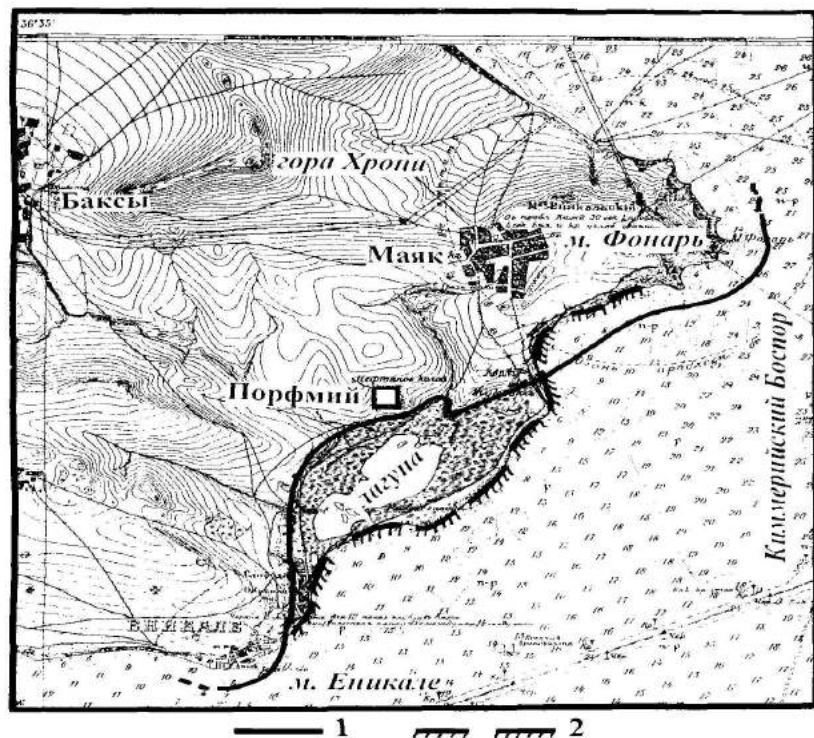

Рис. 2. Схема эволюции береговой линии между мысами Фонарь и Еникале.
Береговая линия по состоянию на:
1 – перед началом нимфейской трансгрессии; 2 – во второй половине XIX в.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ, С.В. КАШАЕВ
(С-Петербург)

АНТИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО-1 и 2 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. К ОЦЕНКЕ МАСШТАБОВ ПРИРОДНОГО РАЗРУШЕНИЯ

Два поселения, Артющенко 1 и 2, находящиеся на юге Таманского полуострова, стали объектом систематического археологического исследования Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН с 1998 г. За это время добыты многочисленные материалы, характеризующие их экономический и культурный облик. Оба поселения находятся непосредственно на обрывистом берегу Черного моря и подвергаются интенсивному разрушению по причине активной береговой абразии.

Поселение Артющенко-1 является весьма крупным; его площадь достигает 6 га, мощность культурного слоя составляет около 1 м. Результаты археологических исследований демонстрируют, что оно не носило стационарного характера: люди приходили сюда лишь на время проведения сезонных полевых или иных работ. Помимо этого, существование поселения не было непрерывным; по каким-то причинам население покидало его на долгое время (до столетия или даже более), но потом приходило вновь. По этой причине в его истории выделяется 6 периодов: архаический (последняя треть VI – первая треть V вв. до н.э.; классический (вторая – третья четверти IV в. до н.э.); эллинистический (вторая половина III – первая половина II вв. до н.э.); римский (I–III вв. н.э.); постготский (IV в. до н.э.); салтово-маяцкий (VIII–IX вв.). Еще одна любопытная деталь связана с тем, что площадь памятника делится глубокой балкой на две части (восточную и западную), при этом в восточной части существование поселения относится к времени до н.э., а в западной – к первым векам н.э. [Виноградов, 2013а].

В восточной части поселения Артющенко-1 раскопки велись на участке I, общая площадь которого достигает около 1080 кв. м. Архаические комплексы на нем представлены многочисленными ямами и

самыми простыми, примитивными постройками типа полуземлянок. Все они концентрируются приблизительно в центре восточной части, вдоль береговой линии и заходят в глубь памятника (т.е. в северном направлении) всего на 25 м. На удалении 30 м они практически отсутствуют, хотя на плане Я.М. Паромова северная граница памятника отнесена здесь на 150 м от берега.

В классический период интенсивность жизни на поселении была заметно слабей. Ямы и полуземлянки этого времени занимают полосу в 15–20 м от берега моря.

Во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. на поселении функционировала мастерская по обогащению железной руды и производству железа. Ее площадь на изученной части приблизительно соответствует площади поселения классического времени.

Вполне возможно, что кой-какая жизнь теплилась на памятнике вплоть до I в. до н.э., но новый этап в его истории, безусловно, связан с существованием сезонного земледельческого поселения в западной части памятника [Виноградов, 2013б]. Оно возникло в I в. н.э., процветало во II–III вв. и даже существовало в постготское время, т.е. в IV в. [Виноградов, 2011]. Основные исследования здесь были сосредоточены на участке I, общая площадь которого составляет 1120 кв. м.

Зона обитания римского времени изучалась линиями квадратов вдоль морского побережья при максимальном удалении от него на 25 м. На всей этой площади насыщенность участка строительными остатками (разными типами полуземлянок) и ямами приблизительно одинакова. Не вызывает сомнения при этом, что эта зона распространяется дальше к северу, по крайней мере, на 100 м (на плане Я.М. Паромова северная граница отдалена от берега на 250–300 м). Вполне очевидно, что археологический памятник в западной части Артющенко-1 был крупней, чем более ранние памятники восточной части. Объяснение этому факту, очевидно, следует искать не только в одних размерах западного поселения. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что оно по причине своего позднего возникновения подвергалось разрушению в результате обрушения берега приблизительно на 500 лет меньше.

В отношении восточной части Артющенко-1 следует признать, что территория этого поселения или, правильнее сказать, поселений, существовавших здесь в доримское время, уничтожена береговой абразией почти полностью. Археологам досталась лишь их окраина. Западная или римская часть тоже пострадала от природных разрушений, но сохранилась намного лучше.

Поселение Артющенко-2 находится примерно в 2-х км к западу от Артющенко-1. По площади оно значительно крупнее первого – около 20 га (по плану Я.М. Паромова), культурный слой тоже мощный.

Этот памятник представляет большой интерес по той причине, что рядом с ним располагается некрополь Артющенко-2, раскопки на котором привели к открытию весьма богатых и выразительных погребальных комплексов V - IV вв. до н.э. [Кашаев, 2009; 2010; 2013; 2014].

На поселении Артющенко-2 археологические исследования поселения были проведены на 7 раскопных участках.

Раскоп I был заложен у края берегового обрыва. Максимальная мощность культурного слоя на так называемом «мысу» достигает 1,8–2,1 м, далее она уменьшается до 1,20 м. На площади 530 кв. м было исследовано два десятка ям и развал глиняной обмазки стен какой-то наземной постройки. Материалы из ям относятся к концу VI - IV вв. до н.э. [Стоянов, 2010].

Раскоп II также находится у края обрыва, к западу от раскопа I (примерно между P.I и P.VII). Площадь его составила всего 75 кв.м., т.к. грунт в этой части памятника оказался очень плотным. Мощность слоя составила около 1,3 м. Ни каких-либо строительных комплексов, ни ям здесь не обнаружено. Находки в слое датировались началом V - IV вв. до н.э.

Раскоп III расположен на морском берегу к востоку от раскопа I. Его площадь составляет около 150 кв. м, мощность напластований – до 1,45 м. Здесь открыт десяток хозяйственных ям, относящихся к третьей четверти V - IV в. до н.э.

Раскоп IV был заложен к югу от раскопа I, на пологом склоне, спускающемся к морскому берегу. Его площадь составила 25 кв. м, мощность напластований – около 1 м. Здесь раскопаны две ямы второй половины VI – начала V вв. до н.э.

Раскоп V является самым северным, он заложен в наиболее возвышенной части памятника, на расстоянии примерно 350 м от берега. Здесь вскрыта площадь около 150 кв. м, мощность напластований составляет 0,60–0,85 м. Во время раскопок удалось открыть три ямы, относящиеся к IV в. до н.э., и десяток крупных аморфных углублений, вероятно, связанных с деятельностью рудокопов по добыче железной руды. Эти углубления можно датировать в пределах второй половины III – первой половины II вв. до н.э. Среди уникальных находок с этого участка – бронзовый кимвал [Виноградов, 2013в].

Раскоп VI находится в 100 м от берега. Здесь вскрыта площадь около 200 кв. м, мощность напластований составляет до 1,20 м. На

участке удалось исследовать небольшую полуземлянку, котлован которой был вырыт в культурном слое (он был засыпан в конце IV в. до н.э.), а также две ямы, относящиеся к концу VI – первой четверти V вв. до н.э. и 2 примитивных алтарика, сделанных из вкопанных в землю нижних частей хиосских «колпачковых» амфор.

Раскоп VII заложен в западной части памятника. Его площадь составляет около 100 кв. м, мощность культурных напластований – от 0,30 до 1 м. Никаких строительных остатков или ям здесь не зафиксировано; керамические находки из слоя относятся к V–IV вв. до н.э.

В общей сложности на поселении Артющенко-2 вскрыта площадь около 1250 кв.м, обнаружено 45 хозяйственных ям, 1 котлован полуземлянки и ряд других комплексов.

Оценивая результаты многолетних раскопок этого поселения, можно признать, что ни один из исследованных участков не дает картины его постоянного обитания. Полученные материалы, однако, никак не позволяют считать, что в его существовании на протяжении конца VI – начала III вв. до н.э. были какие-то перерывы. Немногочисленные хозяйственные ямы и временные алтарики могут служить указанием на то, что исследованная площадь находилась за пределами поселения, представляя собой его окраину, скорее всего, неблизкую. Единственная полуземлянка была отрыта на участке VI в культурном слое, она явно просуществовала недолго и была засыпана, как уже сказано, приблизительно на рубеже IV–III вв. до н.э. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что культурный слой накапливался на памятнике с конца VI в., V и IV вв. до н.э. С другой стороны, можно считать, что если на окраине поселения накопился такой культурный слой, то само это поселение было очень крупным. Напомним, что в прибрежной части (Р. I) мощность напластований достигает 2,10 м и постепенно понижается в северном, восточном и западном направлениях. С большим сожалением приходится признать, что к настоящему времени основная площадь поселения полностью разрушена в результате береговой абразии.

Есть все основания считать, что Артющенко-2 было большим, стационарным поселением. У нас нет сомнений, что к нему относятся одноименный некрополь. Логично предполагать, что поселенцы могли строить свои жилища и хозяйственные постройки непосредственно на морском берегу, а некрополь надо было располагать в отдаленности от него. В наши дни некрополь тоже страдает от береговой абразии, но его сохранность в сравнении с поселением все-таки намного лучше.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А.* Комплекс IV в. н.э. на поселении Артющенко-I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб: Нестор-историк, 2011. С. 314-320.
- Виноградов Ю.А.* Основные итоги изучения поселения Артющенко-I (Таманский полуостров) // ПИФК. 2013а. № 2. С. 233–241.
- Виноградов Ю.А.* Строительные комплексы римского времени на поселении Артющенко-I (Таманский полуостров) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар: Вика-Принт, 2013б. С. 25–30.
- Виноградов Ю.А.* Кимвал из раскопок поселения Артющенко-2 на Таманском полуострове // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова /отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону, 2013. С. 146–148.
- Кашаев С.В.* Некрополь Артющенко-2 // БИ. Вып. XXII. Симферополь-Керчь, 2009. С. 188–267.
- Кашаев С.В.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007-2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. Вып. 1. Москва-Киев, 2010. С. 88–96.
- Кашаев С.В.* О хронологии погребальных комплексов некрополя Артющенко-2 // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции. СПб, 2013. С. 82-86.
- Кашаев С.В.* Анализ некоторых групп инвентаря из некрополя Артющенко-2 // БИ. Вып. XXX. Симферополь–Керчь, 2014. С. 363–381.
- Стоянов Р.В.* Материалы конца VI – начала III вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко-2 в южной части Таманского полуострова // АМА. 2010. Вып. 14. С. 218–237.

Н.И. ВИНОКУРОВ
(Москва)

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПАЛЕОСЕЙСМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА БОСПОРЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН)

Археосейсмический метод исследования деформаций и разрушений строительных конструкций, которые появились в результате разновременных палеосейсмических воздействий, успешно апробирован на археологическом материале и достаточно хорошо себя зарекомендовал при определении причин, сходств и различий природных и антропогенных катастроф¹ (Никонов А.А., 1990, с. 137–142; 1994, с. 20–31; 1995, с. 88–93; 1997, с. 86–96; 2000, с. 53–62; 2003, с. 199–204; Винокуров Н.И., Никонов А.А., 1998, с. 98 и сл.; Винокуров Н.И., 2002, с. 36–43; 2003, с. 51–55; 2004, с. 95–103). В настоящее время последствия разновременных сейсмических катастроф выявлены на многих памятниках Боспора (Толстиков В.П., 1999, с. 72–75; Масленников А.А., 2013, с. 232 и сл.; Винокуров, 2013, с. 27–35). Вряд ли теперь возможно отрицать определенное воздействие подобных природных явлений на ход исторического процесса на Боспоре, дискуссии могут только идти о степени этого воздействия и его последствиях в те или иные исторические периоды (Винокуров Н.И., 2007, с. 17–56; 2008, с. 67–77).

Следует отметить, что материалы раскопок городища Артезиан ежегодно увеличивают количество новых свидетельств разновременных сейсмических воздействий на античные строительные остатки. Они прослежены на всех четырех раскопах городища общей площадью более 6600 кв.м и относятся к различным хронологическим горизонтам. Вполне определенно можно говорить, опираясь на фак-

¹ Впрочем, отдельные выводы А.А. Никонова подвергались и справедливой критике (см., например, Хапаев В.В., 2011, с. 275–303). Но это не умаляет значение археосейсмического метода исследования.

тический материал, о сильных землетрясениях 63 г. до н.э., первых десятилетий I в. н.э., I–II вв. н.э., середины–второй половины III в. н.э. Из этого списка только землетрясение 63 г. до н. э. нашло отражение в дошедших до нас письменных источниках, и его следы исследователи пытались определить на местности (Кругликова И. Т., 1966, с. 81, 89; 1975; Блаватский В. Д., 1977, с. 56–57; Араксян Р. О., 1983, с. 40 и сл.; Никонов А. А., Масленников А. А., Толстиков В. П., 1996; Масленников А.А., 2013, с. 232 и сл.).

Опираясь на опыт собственных раскопок других памятников Боспора и, конечно, работы коллег, можно вполне обоснованно утверждать, что подобные наблюдения могут быть весьма информативными для многих боспорских памятников, которые раскапываются в последнее время, где выявлены следы массивных разрушений природного характера. Что касается городища Артезиан, то археосейсмический анализ строительных конструкций здесь использовался с самых первых годов раскопок, еще в советское время. Этому способствовал не только личный интерес автора публикации, но и действенная помощь в полевых и теоретических работах А.А. Никонова, автора и популяризатора археосейсмической методики, прямого продолжателя исследований А. В. Башкирова (Башкиров А. С., 1948, 1948а)². Кроме того, на городище Артезиан объекты, разрушенные землетрясениями, довольно монументальны и прекрасно сохранили, фактически «сфотографировали» следы древней сейсмоактивности. Они имеют настолько выраженные последствия воздействий направленных сейсмических толчков, что после визуального знакомства с ними даже самые убежденные скептики более внимательно начинают относиться к археосейсмической методике, оценке роли палеосейсмических событий на историю Боспора.

В данной работе остановлюсь лишь на кратком рассмотрении последствий палеосейсмической деятельности, которые были открыты в 2011–2014 гг. в восточной части раскопа III, расположенного в центре городища Артезиан. Они относились к двум событиям, разделенным значительным хронологическим промежутком. Первое землетрясение, зафиксированное на строительных остатках полуподвалов, сооруженных в пространстве между восточной крепостной стеной и рвом ранней цитадели, относилось к периоду первых десяти-

² К сожалению, наработки этих отечественных ученых незаслуженно забыты, мало используются в практической деятельности и серьезно недооценены в нашей историографии.

тилетий I в. н. э. Второе землетрясение, оставившее яркие свидетельства на фундаментах стен и башен поздней цитадели, произошло в середине – второй половине III в. н. э. Последствия первого из них на раскопе III открыты впервые³. Что касается землетрясения III в. н.э., то его последствия известны уже более десяти лет, его анализу и оценке последствий посвящались отдельные работы (Винокуров Н.И., Никонов А. А., 1998, с. 98–114; Винокуров Н.И., 2007, с. 17–56).

Землетрясение первых десятилетий I в. н. э.

На раскопе III в ходе изучения пространства между восточной крепостной стеной ранней цитадели и оборонительным рвом были открыты террасы, укрепленные подпорными стенами⁴, несколько полуподвальных строений с ямами из-под вкопанных пифосов и амфор, хозяйственные ямы.

В пределы раскопочной площади попали помещения северного полуподвала 1 и южных полуподвалов 2–3. Это были постройки правильных очертаний, на каменном цоколе, полы проходов, двора и одного помещения вымощены плитами, верх стен достроен из сырцового кирпича. В качестве покрытия крыши использовалась черепица местного производства. Жилые горизонты раскопанных построек располагались на уровне вымосток полуподвальных помещений внутри цитадели. В постройках находились хранилища с вкопанными сосудами: пифосами и амфорами. Центральное помещение 3 южного полуподвала выполняло культовые функции. Здесь было святилище хтонических богов. Удалось установить, что полуподвалы, по меньшей мере, перестраивались трижды. При этом планировка полуподвалов в целом не изменялась, достраивались отдельные стены, производились подсыпки, перекапывались ямы под сосуды.

³ Вполне возможно, что зафиксированные сейсмические разрушения помещений усадебных комплексов I в. н. э. на раскопе I произошли именно во время этого сейсмического события (Винокуров Н. И., Никонов А. А., 1998, с. 98 и сл.).

⁴ При сооружении террас нивелировка поверхности происходила за счет последовательной подсыпки под подпорные стены переотложенного материкового и культурного слоев – погребенного гумуса, золистого и глинистого грунта, сырцовых развалов с небольшим содержанием бытового мусора, выбросов из хозяйственных ям. Интересно присутствие в слое обломков керамики IV–III вв. до н. э. из срезанного в первые десятилетия I в. н. э. эллинистического культурного слоя. В насыпи террас обнаружены многочисленные ямные пятна, связанные с бытованием на террасах хозяйственно-жилых построек рубежа – начала первого века нашей эры и остатки построек регулярной планировки, разрушенных при строительстве ранней цитадели.

От самого раннего строительного периода остались подпорные стены, насыпи террас и выстроенные на них основания стен, хозяйственные ямы и ямы для пифосов помещения 1 южного полуподвала и помещения 2 северного полуподвала. Ширина стен достигала 0,51–0,62 м при высоте до 1,20 м. Во втором строительном периоде полуподвалы расстроились, между северным и южным полуподвалами действовало святилище. После реконструкции они просуществовали относительно недолго, так как не было выявлено накопление существенного слоя бытования.

Помещения подвалов были разрушены землетрясением. Все кладки деформированы просадками. Они были построены частично на закопанных ранних ямах, на снивелированном подсыпками склоне. Таким образом, заглубленные ниже уровня дневной поверхности фундаменты полуподвалов покоились на неустойчивых грунтах, что способствовало при сейсмических толчках их деформации и разрушению.

Наиболее интересно и информативно, в связи с темой публикации, юго-западное помещение 1 южного полуподвала. Оно было выстроено вдоль восточной крепостной стены ранней цитадели. Помещение имело форму вытянутого с юга на север прямоугольника с внутренним размером 2,27х8,44 м. Южная часть помещения 1 вымощена качественной вымосткой из больших плит на желтой глине. В основном это были известняковые плиты. В вымостке по центру помещения использованы две обитые нижние плиты торсионных зернотерок из вулканического камня зеленовато-серого и темно-серого цветов. Вдоль южной стены устроен из каменных блоков уступ высотой 0,30 м, шириной 0,45 м. В нем, в юго-восточном углу помещения, имелись два прямоугольных паза под вертикальные каменные столбики, которые, возможно, служили опорой деревянного щита лежанки или стола. В северной части помещения были вкопаны в два ряда большие пифосы. Дно одного из них сохранилось *in situ*.

Помещение 1 полностью было забито слоем разрушения из мелкого бутового камня и разрушенных сырцовых кирпичей и глиняной обмазки, который его заполнял до верха каменных кладок. Находок в нем мало, преобладали обломки керамики первой половины I в. н. э. Из хронологических индикаторов значимыми являлись профильные части позднегераклейских амфор середины I века нашей эры. Все они синхронны со временем бытования ранней цитадели.

В придонном ярусе слоя разрушения обнаружены череп и длинные кости быка. Кости находились компактно в завале сырцовых кир-

пичей и бута, над вымосткой. Возможно, это были остатки букрания, закрепленного на восточной стене и упавшего к ее подножию в момент разрушения.

Верхний ярус слоя разрушения сnivelирован позднейшими перестройками. Только на локальном участке удалось проследить вектор разрушения южной стены, который был направлен в северо-западном направлении. По идее, сейсмотектонический импульс, приведший к разрушению стены, должен был прийти с противоположного направления, со стороны Казантипского залива. Но так ли это, сказать сложно. Во-первых, строительные остатки полуподвалов сохранились в недостаточной степени. Судить по ним о точном направлении сейсмического воздействия затруднительно. Во-вторых, его сила на строительные конструкции полуподвалов могла быть сnivelирована или, наоборот, значительно усилена колебаниями примыкавшей к полуподвалам крепостной стены ранней цитадели, очень массивной и прочно выстроенной на мощном фундаменте. Вполне возможно, что в ходе землетрясения ось разрушения полуподвалов могла быть нестандартной. Вся вымостка помещения 1 деформировалась и просела в северо-восточном направлении, к забутованной большой хозяйственной яме, предшествовавшей подвалам. Самые крупные плиты лопнули на несколько частей по диагональным трещинам. В северной части помещения 1 сейсмические толчки привели к разрушению вкопанных сосудов. По крайней мере, это видно из уцелевшей нижней части пифоса, который не был выкопан после восстановления помещения, а ямы из-под других сосудов оказались завалены массивом керамического боя из крупных частей пифосов и амфор. Интересно, что в результате мощного сейсмического толчка провалились не полностью засыпанные к тому моменту горловины ям.

В северо-восточном помещении 3 южного полуподвала 2, где находилось святилище хтонических богов с алтарем и ямами-фависсами, сейсмические толчки привели к разрушению отдельных горловин ям и вымостки. Вымостка из массивных плит ожелезненного известняка, поверхность которых была до блеска заглажена ногами, имела в плане форму прямоугольника и была вытянута с запада на восток. Она была устроена между алтарем и южной подпорной стеной, проходившей по линии запад–восток, от которой прослежена траншея выборки, заполненная коричневым мелкозернистым грунтом с мелкими обломками амфорных стенок. Часть плит, которые остались *in situ*, отличавшихся большими размерами и толщиной, лопнула по

диагонали, что довольно характерно для подобных конструкций, поврежденных землетрясениями.

Все плиты на северо-востоке вымостки в результате направленного сейсмического воздействия сползли и частично обрушились в большую яму 512, юго-западный борт которой был выдавлен и обвалился вместе со всей каменной горловиной внутрь ямы. Крышка ямы была также найдена в слое разрушения. Она лопнула. В яме оказались не только плиты вымостки, но и пласты перекрывавшего ее желтого глинистого слоя нивелировки второго строительного периода. К моменту разрушения она была на 1/3 заполнена жертвенными сбросами: черепами и костями крупного рогатого скота, обломками керамики. В момент разрушения и последующей засыпки ямы в нее попали обломки керамики, среди которой доминировали профильные части амфор типов A1, C-Ia, C-IIIa, по С.Ю. Внукову. Находки из ее заполнения не выходят за пределы середины I в. н. э.

В соседнем северном полуподвале 1 во время сейсмического толчка была разрушена хозяйственная яма 479. Ее забитая бутом и глиной округлая горловина (0,45x0,50 м) выявлена в северо-западном углу помещения 1. Она была перекрыта частично проваленной и лопнувшей надвое крышкой овальной формы из известняка (0,52x0,46x0,08 м). В разрезе яма имела грушевидную форму, нижняя часть ее выкопана в материковом грунте. Ее глубина 1,67–1,78 м. Сечение придонного расширения: 1,14x1,22 м. Изначально она была пустой, но через трещину заплывала очень плотным глинистым грунтом желто-коричневого цвета. Северный борт ямы, состоявший из погребенной почвы горизонта «В», в результате сейсмической подвижки просел внутрь ямы и частично заполнил ее дно. В заполнении найдено небольшое количество мелких обломков костей животных, стенки амфор и простой гончарной керамики, венчик и часть ручки амфор типа C-Ia, ручка лепного горшка и профиль лепной миски или сковородки серой глины. Дата ямы – первая половина I в. н.э.

Важно отметить, что в хозяйственной яме 480⁵, расположенной северо-восточнее полуподвала 1, также был выдавлен северный

⁵ Стратиграфическая картина участка около ямы 480 очень сложна из-за большого количества более поздних перекопов. Первоначально ее разрушение было на основании косвенных данных отнесено ко второй половине I в. н. э. Зольное пятно ямы (1,09x1,00 м) с заплывами вторичных карбонатов хорошо читалось в насыпи террасы – в глинисто-щебенистом грунте. Она имела округлый в плане предьямник сечением 0,95x1,00 м, глубиной 0,40 м. На его дне имелся уступ в грунте для установки крышки с бортиком 0,08 м. Устье ямы 0,68x0,75 м частично

борт, который сильно просел внутрь ямы. Не исключено, что сдавливание грунта привело к частичному разрушению ямной горловины. В ее заполнении – рыхлой серой золе с мелкой ракушкой – найдены обломки калиптеров, стенки, венец от нескольких пифосов коричневой глины, венчик амфоры коричневой глины, обломки стенок и ручек амфор светлой глины типов C-Ia и A1, ножка розовоглиняной эллинистической амфоры, донце амфоры розовой глины с воронкообразным горлом, венчики, ручки и стенки простых гончарных кувшинов красной и коричневой глины; небольшое число стенок и профильных частей лепных горшков, профильные части и стенки краснолаковых фиал и чаш, пращевое ядро из песчаника (к. о. 188/2012).

Следует отметить, что участок с ямами и подвалами, где произошли подвижки грунта, расположен на выровненном участке возвышенности в центре городища, укрепленном подпорными стенами. Подобные смещения грунта, затронувшие пласты до глубины 1,50–1,80 м, могли произойти только в результате направленного, довольно мощного сейсмического импульса. Строительные конструкции полуподвалов были сильно повреждены, что потребовало их серьезной перестройки. Какие-то разрушения были и в строительных конструкциях ранней цитадели. По крайней мере, они затронули плиты вымостки помещений, многие из которых диагонально растрескались, и кровлю. Показательно, что в слое разрушения было значительное количество черепицы – как соленов, так и калиптеров. Частично они оказались и внутри ям, поврежденных в ходе землетрясения. Важно отметить, что среди обломков черепицы был кусок конькового известнякового калиптера, по-видимому, венчавшего двускатную крышу основного здания ранней цитадели. Аналогичный фрагмент был найден в более позднем слое разрушения ранней цитадели. Вполне допустимо, что какие-то небольшие разрушения произошли и внутри ранней цитадели. По меньшей мере, пострадало покрытие крыши.

После землетрясения в третий строительный период северный и южные полуподвалы были реконструированы. Но слой разрушения не разбирался. Жилые горизонты были подняты за счет подсыпок, стены надстроены. Появились и новые стены, которые соединили отдельно стоявшие полуподвалы в единый блок застройки. После сейсмического разрушения этот участок служил какое-то время для сброса золлистого грунта с большим содержанием бытовых отходов. Они пере-

провалено. Глубина ее 1,80–1,88 м. Сечение дна – 1,50х1,55 м. В сечении до сейсмического воздействия она имела колоколовидную форму.

крыли полностью руины южных полуподвалов. Вполне допустимо, что они оказались заброшенными раньше северного полуподвала I.

На последней фазе бытования полуподвалы, как и вся крепость, сгорели во время вражеского штурма в 46/47 г., в начале боспоримской войны 44/45–49 гг. Больше полуподвалы не восстанавливались. В период строительства поздней цитадели при царе Котисе их перекрыли слои известковых отесов и мощного нивелировочного слоя, подсыпанных под восточную крепостную стену. Они насыщены битым камнем, известковой крошкой, щебнем; отличался в нижних слоях значительной концентрацией находок и содержал переотложенные в древности линзы пожара 46/47 г.

Появившаяся новая цитадель, более монументальная, чем ранняя, просуществовала до следующей сейсмической катастрофы – середины–второй половины III в. н. э. Цитадель была значительно перестроена при царе Савромате I. Экстраординарный характер перестроек предполагает, что реконструкция могла потребоваться крепости также после сильной сейсмической катастрофы конца I – начала II вв. н. э. Однако этому событию, вызвавшему необходимость перекладывать кладки внутренних стен и усиливать специальным внешним панцирем-поясом стены и башни крепости, есть смысл посвятить отдельную работу. Здесь стоит отметить, что подобные строительные приемы антисейсмического характера были использованы и в Илурате.

Пока же остановлюсь на схематичном обзоре последствий землетрясения середины–второй половины III в. н. э.

Землетрясение середины–второй половины III в. н. э.

Последствия этого землетрясения уже описывались в специальных публикациях (Винокуров Н. И., Никонов А. А., 1998, с. 98 и сл.; Винокуров Н. И., 2002, с. 36–43; 2003, с. 51–55; 2004, с. 95–103), поэтому достаточно в настоящей работе перечислить лишь основные сейсмические деформации, которые выявлены на всех строительных остатках цитадели: различных элементах фундаментов и цоколей башен, крепостных стенах, внутренних помещениях поздней цитадели.

Разрушения в поздней цитадели

Западный фас башни 2 приобрел в результате одного или нескольких мощных сейсмических импульсов змеевидные очертания, а квадры башни 1, сложенные насухо, растрескались и получили сколы по углам, а также на месте стыков.

Все фундаменты внутренних стен помещений поздней цитадели,

которые находились ниже дневного горизонта на 1,50 м, получили сильнейшие деформации как по горизонтали, так и по вертикали. Длина этих стен – от 27 до 38 м. Они отгораживали двор цитадели и выполняли также подпорную функцию. С торцов стен были устроены проходы во внутренний двор цитадели. Их ширина – 1,50 м. Отклонения от нормальной оси стен в результате подвижек составляли по горизонтали до 0,80–1,20 м. Повторяю, речь идет об очень заглубленных фундаментах. Конечно, при таких деформациях стены не могли устоять и должны были разрушиться от верха и до низа на большинстве участков. Не исключено, что по такой же схеме произошло разрушение и параллельных им крепостных стен поздней цитадели. Сами развалы не сохранились, так как состояли из квадров и хорошо отесанных блоков, разобранных впоследствии на строительный материал. Отмечу, что деформации и растрескивания квадров наблюдались и там, на отдельных, оставшихся *in situ*, конструктивных элементах фундаментов.

Поверхность внутреннего двора цитадели, которая представляла собой плотный пласт строительного отеса, толщиной до 0,30 м⁶, имела разрывы, трещины, просадки, провалы и выраженные деформации. Пол удалось расчистить на значительной площади (около 90 кв. м). Его полотно сильно деформировано, покрыто многочисленными разломами, а в южной части – в нескольких местах провалено и сильно выкрошено. Деформации привели к значительным перепадам его уровня, особенно заметным с севера на юг и достигавшим в пределах раскопа 0,40–0,52 м, а также с запада на восток⁷. Причина подобных воздействий на полотно пола на совершенно ровном (до катастрофы) участке двора не вызывает сомнений – очень мощное землетрясение. Следует отметить, что пол был устроен на очень прочном

⁶ Слой плотно утрамбованного строительного отеса, дополненный каменной отсыпкой из небольших и средних по размеру бутовых камней и плит, был поверху полит для прочности известковым молочком. Толщина однослойной агломератовой заливки, аналогичной покрытию ранних винодельческих платформ, достигала 0,04–0,08 м, в отдельных местах – до 0,12–0,15 м.

⁷ По этой причине залегание поверхности известкового покрытия двора находилось от современного дневного горизонта от 1,15 м (у северного борта) до 1,65 м (у восточного борта бровки). Просадки и провалы покрытия пола в момент расчистки создали иллюзию стратиграфической разницы в происхождении отдельных его участков, разорванных трещинами и разрывами. Но при дальнейшей работе и соотнесении уцелевших фрагментов пола друг с другом стало ясно их единовременное появление и одномоментное разрушение.

подстилающем нивелировочном горизонте, эластичном и хорошо утрамбованном. Он состоял из массива бутового камня, известковой крошки и глины, толщиной до 1,50 м. Фактически, это была специально сделанная грамотными архитекторами и строителями крепости антисейсмическая конструкция, которая базировалась на остатках «жестких» каркасов помещений поздней цитадели. Тем не менее, противостоять очень мощным сейсмотектоническим воздействиям она не была способна. Значительные волнообразные колебания почвы привели в полную негодность известковое покрытие двора. На что красноречиво указывает сам характер разрушений. Алтарь из мрамора и известняка, который находился в центре двора, был, похоже, также разрушен, так как никаких следов восстановительных работ не обнаружено, а фрагменты алтаря сброшены вниз по склону во время разборки стен цитадели.

Также в результате сейсмического толчка лопнули и просели плиты вымостки и ступени прохода у башни 1. Вся лестница заметно просела к востоку, а плиты получили зигзагообразные трещины, проходявшие через все ряды кладки.

Очень серьезные разрушения в результате действия направленных сейсмических толчков зафиксированы на камнях подпорного панциря вокруг северо-восточного угла поздней цитадели. Его кладки стен, первоначально ориентированные по сторонам света, получили существенные деформации и подвижки. Западная часть стены 44 выгнулась по направлению юго-запад–северо-восток; камни второго ряда накренились и вышли за линию наружного фаса, а некоторые из них были даже выбиты сейсмотолчком из тела стены. Они найдены в перевернутом положении у ее подножия. Интересно, что подобные разрушения получила и стена 65. Рядом с ее подножием обнаружены в 1998 г. вывалившиеся из кладки квадры, которые лежали в таком же положении (Винокуров Н. И., 1999, с. 44–45).

Именно в этот период сейсмические толчки очень сильно повредили и даже полностью разрушили колодцы, выкопанные внутри цитадели (Винокуров Н.И., 2011, с. 45–72).

После второй половины III в. н. э. устья разрушенных колодцев оказались забиты массивом высококачественной гончарной глины с редкими включениями пластин кристаллического гипса.

Разрушения в кварталах за пределами цитадели

Как было установлено ранее, в северной части городища во время землетрясения III в. н. э. был уничтожен квартал застройки,

состоящий из больших хозяйственно-жилых комплексов 1–3 и винодельни Арт-1, ориентированных по направлению с-з–ю-з. Одновременно произошло разрушение подпорных стен большой террасы, винодельни и хозяйственно-жилых построек в центре городища. Повреждения затронули все элементы зданий, а кладки стен и полуподвалов получили существенные деформации и подвижки (Винокуров Н. И., 1999, с. 44–45.).

При разрушении строительных конструкций было разбито большое количество крупногабаритной тары – пифосов и амфор. Вкопанные сосуды, сдавленные сместившимся грунтом, раскололись, а после этого деформировались и сплюснулись до яйцевидной в плане формы. Их горловины оказались продавленными вниз или срезанными, при этом часть обломков стенок была выбита из корпуса сосудов. Значительное количество посуды разбилось при падении с полок и верхних этажей. Показательно, что упавшие и раздавленные сосуды часто разрушались в одном направлении со стенами.

Также прекратили существование большие зернохранилища, расположенные около зданий, – перекрытые легкими навесами комплексы из нескольких десятков больших ям. Массивные каменные горловины ям, сложенные из плит и блоков, найдены на дне ям в перевернутом виде. При падении крышки ям оказались под горловинами. Единовременное разрушение верха ям, расположенных на большой площади, могло быть вызвано только резкими волнообразными вертикальными колебаниями грунта (своего рода эффектом «подбрасывания»), затронувшими всю возвышенную часть городища.

Тогда же произошло разрушение насыпей террас со стоящими на них постройками в центральной и южной частях поселения. Мощные подпорные стены, сложенные из массивных блоков и плит на глиняном растворе, оказались настолько сильно поврежденными, что террасированная система планировки в прежнем виде уже не восстанавливалась, а развалы, состоящие из хорошего строительного материала, так и остались неразобранными. Все стены построек здесь в той или иной степени деформированы. Они имеют изгибы как по горизонтали, так и по вертикали. На основании нумизматических данных и находок обломков узкогорлых светлоглиняных амфор типа «D» в слое разрушения можно говорить, что гибель этих построек произошла в первой половине – середине III в. н. э.

На некрополе городища в этот период были разрушены каменные подкурганые склепы, время активного функционирования которых относится к I–II вв. н.э. (Винокуров Н. И., 2003, с. 51 и сл.). Последние

находки в них относятся к III в. н. э. После катастрофы склепы не использовались и со временем были разобраны на камень.

Разрушение стен и башен цитадели на раскопе III, террас и находившихся на них построек на раскопе II, как и построек, выявленных на раскопе I, каменных склепов некрополя следует относить к середине–второй половине III в. н. э. Падение стен построек, сосудов, черепицы в одну и ту же сторону – к западу и юго-западу было вызвано направленным сейсмотектоническим воздействием, следы которого зафиксированы на городище и некрополе. В случае размыва, разборки или иных событий, например, вражеского штурма, характер разрушений строительных конструкций был бы совершенно другим. Вышеописанные нарушения строительных конструкций возможны только при интенсивных волнообразных движениях подстилающего грунта в ходе землетрясения исключительной мощности. По-видимому, было несколько толчков разной силы. Слабые сбросили с полок и ниш стоявшую там посуду, которая упала на пол и в основном разбилась. Позднее рухнули стены и перекрыли утварь. Особенно впечатляюще разрушения были на террасированных склонах. Подпорные стены террас и примыкавших к ним строений рухнули и сползли вниз по склону.

Катастрофа произошла внезапно, этим обстоятельством объясняется большое количество найденной тут бытовой утвари (Винокуров Н. И., Никонов А. А., 1997; 2004). Отсутствие под развалинами останков людей и домашних животных позволяет предполагать, что они успели покинуть помещения при первых слабых толчках. Сила сотрясений по указанным признакам составила не менее 8 баллов.

Хронологический диапазон события по нумизматическим материалам находится в пределах с 255 по 324 год н. э., а с учетом датировок керамических находок и монет из слоя разрушения не выходит за пределы второй половины III в. н. э. Вполне допустимо, что после сейсмических событий, сопряженных с нашествиями варваров, произошли частичная или даже полная смена населения городища и утрата его фортификационного значения.

Поздняя цитадель после землетрясения второй половины – конца III в. н. э. постепенно забрасывается, остатки ее стен стали использоваться для обычной жилой застройки, что предопределило правильную планировку поздних кварталов городища. Заметно изменилась застройка городища, которая приобрела менее регулярный характер. К IV в. центр городища пустеет и забрасывается. Его используют для сброса золы и бытового мусора. Поверх него залегал серый золистый грунт, который сформировался в результате раз-

рушения и постепенного запустения, когда жизнь на исследуемых участках античного городища полностью прекратилась.

Фундаменты крепостных стен поздней цитадели почти полностью были выбраны в средние века, на месте остались лишь отдельные камни и незначительные обрывки бутовой каменной кладки основания. Трасса стен четко читалась в культурном слое и материковом грунте по хорошо заметным траншеям выборок, которые были направлены к котлованам на месте выборок угловых башен цитадели. В траншеях выборок содержался материал IV в. до н. э. – первых веков н. э. и средневековья.

Таким образом, строительные остатки городища Артезиан при использовании археосейсмической методики позволяют получить большое количество важнейших источниковых данных, вполне определенно свидетельствующих о древних сейсмических катастрофах, которые могли способствовать подрыву обороноспособности Боспорского государства, ослаблению его экономики, существенной дестабилизации повседневной жизни боспорян.

ЛИТЕРАТУРА

- Аракелян Р. О., 1983. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском полуострове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Арм. ССР. Науки о земле. XXXVI, № 4. С. 40–49.
- Башкиров А. С., 1948. Антисейсизм древней архитектуры. Т. III. Италия. Уч. зап. Калининского гос. пед. института. Т. XIV. Вып. 1.
- Башкиров А. С., 1948а. Антисейсизм древней архитектуры. Т. IV. Юг СССР. Уч. зап. Калининского гос. пед. института. Т. XIV. Вып. 2.
- Блаватский В. Д., 1977. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа, № 6. С. 14–18.
- Блаватский В. Д., 1985. Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. М.
- Винокуров Н. И., 1994. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора // РА, № 4. С. 154–170.
- Винокуров Н. И., 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.
- Винокуров Н. И., 2002. Антропогенные и природные факторы системного кризиса боспорской государственности во второй половине III в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья // Материалы III Боспорских чтений. Керчь. С. 36–43.

Винокуров Н.И., 1999. Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. Исследование северо-западного участка раскопа I // Древности Боспора Т. 2. М. С. 39–76.

Винокуров Н.И., 2003. Сейсмические деформации каменных склепов некрополя Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь. С. 51–55.

Винокуров Н. И., Никонов А. А., 1998. О следах землетрясения античного времени на западе Европейского Боспора // РА. № 4. С. 98–114.

Винокуров Н.И., 2007. Во всем ли виноваты варвары? // PARA BELLUM. № 28. СПб. С. 17–56.

Винокуров Н.И., 2008. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Материалы IX Боспорских чтений. 2008. Керчь. С. 67–77.

Винокуров Н.И., 2011. Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // Древности Боспора. М. Т. 15. С. 45–72.

Винокуров Н.И., 2013. Помещения восточного блока поздней цитадели городища Артезиан (I–IV вв. н. э.) // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Археологія та історія Боспору» // Таврійські студії. Історичні науки. №1 (4). Симферополь. С. 27–35. 190 С.

Масленников А.А., 2013. О локальной геоморфологии, палеосейсизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // Древности Боспора. Т. 17. М. С. 232–253.

Никонов А.А., 1990. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого: Источники и воздействия разрушительных сейсмических колебаний // Вопросы инженерной сейсмологии. М.: Наука. Вып. 31. С. 137–142.

Никонов А.А., 1994. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли. № 11. С. 20–31.

Никонов А.А., 1995. Неизвестное землетрясение в Крыму // Природа. № 8. С. 88–93.

Никонов А.А., 1997. Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика Земли. № 1. С. 86–96.

Никонов А.А., 2000. Сейсмический потенциал Крымского региона:

сопоставление региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. № 7. С. 53–62.

Никонов А.А., 2003. Нарушения и деформации в уступчатом склепе Царского Кургана (Пантикапей) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь. С. 199–204.

Толстиков В. П., 1999. К проблеме землетрясения III века до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей. Новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: ТД. Межд. конф., посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач. СПб. С. 72–75.

Хапаев В.В., 2011. Гипотеза А.А. Никонова о разрушительном землетрясении 1041 г. в Крыму: к вопросу о достоверности источниковой базы // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. III. Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. Севастополь–Тюмень, 2011. С. 275–303.

В.П. ВЛАСОВ
(Симферополь)

РОЛЬ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ЖИЗНИ ОБИТАТЕЛЕЙ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. ЦЕНТРАЛЬНОГО КРЫМА

1. Позднескифские поселения, создававшиеся в крымских предгорьях в III-II вв. до н.э., располагались на скалистых выступах, мысовых плато, а также вершинах холмов второй и третьей гряд Крымских гор, возвышаясь над плодородными речными долинами.
2. С захватом в конце II в. до н.э. греческих усадеб, поселков и городов дальней хоры Херсонеса, поздние скифы обосновались в приморских районах Северо-Западной Таврики. Одни греческие населенные пункты скифы разрушали и забрасывали, другие обживали, перестраивая с учетом своих предпочтений. В конце I – начале II вв. н.э. в результате каких-то военных действий жители навсегда покинули практически все греко-варварские памятники данного региона.
3. Примерно в это же самое время в предгорьях Центрального Крыма возникли некоторые новые поселения поздних скифов (в Барабановской балке, Золотое Ярмо). Среди их основателей, учитывая совпадения в хронологии и в лепной керамике, могли быть переселенцы с Тарханкутского полуострова. Особенностью топографии этих поселений, в отличие от более ранних, является расположение не на вершинах возвышенностей, а на склонах балок или отрогах гор.
4. Поздние скифы были вынуждены менять привычный жизненный уклад, приспосабливаясь к новой природно-географической среде и ландшафтным условиям. В процессе адаптации у обитателей данных населенных пунктов стали появляться новые, прежде не свойственные поздним скифам культурные элементы. Наиболее ярко они проявились в строительном деле, что наглядно демонстрируют результаты исследования поселения в Барабанов-

ской балке*. В обустройстве поздних скифов на непривычных для них местах могли оказывать содействие потомки тавров, поселения которых, как правило, занимали склоны гор или их отрогов. Не исключено также, что с особенностями проживания в горной местности поздних скифов позднее знакомили и переселявшиеся с Северного Кавказа аланы.

5. Изменение условий жизни населения Барабановской балки повлияло и на их историческую судьбу. Считается, что позднескифские памятники Крыма прекратили существование около середины III в. н.э. в связи с вторжением германцев. Однако самые поздние материалы из поселения в Барабановской балке, надежно датирующиеся IV в. н.э., показывают, что его обитателям удалось избежать готского разгрома, а их потомки продолжали жить здесь еще как минимум одно столетие. В этой связи правомерна постановка вопроса о расширении верхних хронологических рамок крымского варианта позднескифской археологической культуры до IV в. н.э. или о выделении т.н. «постпозднескифских» поселений, существовавших после гибели «классических» памятников поздних скифов.

* Наши раскопки 2004-2010 гг. по Открытому листу И.Н. Храпунова.

Г.П. ГАРБУЗОВ
(Ростов-на-Дону)

ЗЕМЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ БОСПОРА*

При рассуждениях об объемах производства зерна на Боспоре необходимо определить ряд величин, от которых зависели и общее производство зерна, и его экспорт (см. [Блаватский, 1953; Крижицкий, Щеглов, 1991; Кузнецов, 2000]). Одной из ключевых величин является площадь земель, на которых выращивались зерновые. Говоря об этой площади, обычно в качестве предварительного шага проводят выделение всей возделываемой земли и уже затем, в зависимости от предполагаемого типа севооборота, принимают какую-то ее долю за ежегодные посевы хлебов. Если про античные севообороты на Боспоре мало что известно и все представления о них (в том числе и наши, см. ниже) не более чем гипотезы, то максимально возможную площадь возделываемой земли вполне можно попытаться объективно оценить, исходя из доступных данных о региональных земельных ресурсах. Примером оценки подобного рода будет выбор в качестве предела расширения возделываемых в античности земель тех площадей, которые заняты наиболее плодородными современными почвами.

Применять такой простой способ оценки можно, конечно, только с существенными оговорками. Основная проблема связана с неясным соотношением между античным и современным почвенным покровом. У нас есть основания считать, что плодородие почв имело на Боспоре и в античности, и в наши дни схожие пространственные распределения. В пользу этого говорит согласованность расположения античных сельских поселений с контурами лучших современных

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00081а «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное».

почв [Гарбузов, 2009; 2015]. Однако открытым остается вопрос о допустимости ставить знак равенства между площадями античных и современных плодородных почв. Чтобы найти здесь наименее спорное решение, мы постарались предложить консервативные количественные оценки, с построением которых, собственно, связана еще одна проблема – формализация понятия «плодородные земли».

С необходимостью численно (в баллах) выразить потенциальное природное плодородие сталкиваются специалисты-почвоведы при бонитировке (оценке качества) почв. В основе методики бонитировки лежит учет зависимости урожайности различных культур от почвенных свойств (речь, как правило, идет о запасах гумуса и механическом составе). Бонитировка почв Крыма выполнена Н.А. Драган [Драган, 2004], в Краснодарском крае работы аналогичной направленности проводились институтом КубаньНИИгипрозем, г. Краснодар (см. подробнее [Вальков и др., 1996]). Технически процедура выделения наиболее плодородных земель с использованием результатов бонитировки сводится к преобразованию почвенных карт рассматриваемых территорий в условные бонитировочные картосхемы, отображающие пространственное распределение природного плодородия, и определению контуров и площадей всех почв, которые соответствуют установленному критерию (превышению определенного балла природного плодородия).

В нашей работе для построения бонитировочных картосхем использованы почвенные карты Крыма масштаба 1:200000 (Грунты Української РСР, К.: Укрземпроект, 1967) и почвенные карты Анапского, Крымского, Темрюкского районов и земель, г. Новороссийск Краснодарского края масштаба 1:50000 (составлены институтом КубаньНИИгипрозем в 80–90-е годы). Сведения о бонитетах (по урожайности озимой пшеницы), отмеченных на картах нормально развитых почв Крыма, были взяты нами из работ Н.А. Драган, балл почв с неблагоприятными признаками (эродированность, солонцеватость, засоленность и др.) корректировался в сторону снижения с помощью поправочных коэффициентов. По аналогичной методике строились бонитировочные картосхемы и для территории Азиатского Боспора, где баллы бонитета почв определялись по разработкам института КубаньНИИгипрозем. Чтобы состыковать между собой почвенные баллы, взятые из разных источников, мы сравнили бонитеты схожих видов почв Керченского и Таманского полуостровов и нашли с их помощью условный множитель пересчета «краснодарских» баллов в «крымские».

Выбор именно крымских баллов бонитета за основу обусловлен тем, что в работах Н.А. Драган предложена удобная интервальная шкала пригодности современных почв Крыма для земледелия [Драган, 2004, табл. 12]. В этой шкале почвы разделены на несколько различающихся по качеству категорий, что позволяет обосновать критерий выделения контуров лучших земель. Опираясь на шкалу Н.А. Драган, к таким землям мы причислили категории «безусловно пригодных» (плодородие в баллах более 80), «пригодных» (61–80 баллов) и «ограниченно пригодных (удовлетворительных)» (51–60 баллов) почв. На практике это означает, что все почвы с бонитетом, превышающим 50 баллов, относились нами к наиболее плодородным землям.

Обратим внимание, что этот критерий выделения действительно консервативен: он, например, отбраковывает категорию «малопригодных» земель (бонитет почв в интервале 31–50 баллов), хотя в рекомендациях по землепользованию для этой категории отмечена принципиальная возможность использования в земледелии для выращивания зерновых [Драган, 2004, табл. 12]¹. Кроме того, бонитет некоторых почв, обладающих неблагоприятными признаками, в зависимости от принятых поправочных коэффициентов может оказаться как ниже, так и выше порога выделения лучших почв. Не исключено, что выбранные нами значения поправочных коэффициентов занижают бонитет ряда проблемных почв, поэтому в случае даже небольшой переоценки качества таких почв в лучшую сторону площадь выделяемых плодородных почв может увеличиться (это обстоятельство актуально в основном для почвенного покрова Восточного Крыма, подробнее см. [Гарбузов, 2015]). Таким образом, в настоящей работе устанавливается лишь нижний предел площади наиболее плодородных современных земель. Подобный подход позволяет надеяться, что и конфигурация, и площадь выделяемых почв не противоречат условиям античного времени. Причем для античности мы также получаем, вероятно, заниженную оценку.

Итогом всех расчетов стала картосхема (см. рис. 1) самых продуктивных почв от округа Феодосии на западе до предгорий Западного

¹ В работе [Смекалов, 2011] для оценки площади возделываемых в античности земель Европейского Боспора (в пределах Керченского полуострова) использовалась построенная Н.А. Драган картосхема пригодности почв Крыма для земледелия [Драган, 2004, рис. 24]. В эту оценку были включены и «малопригодные» земли, что, наряду с излишней обобщенностью указанной картосхемы, привело к заметному отличию даваемых С.Л. Смекаловым площадей от наших результатов.

Кавказа на востоке², на которой мы выделили для наглядности две градации бонитета (51–70 баллов – условно удовлетворительные и хорошие земли и более 70 баллов – наилучшие земли). В схему включены четыре равнинные области Боспора: 1) округа Феодосии (восточная граница Ак-Монайский перешеек, западная ориентировочно по р. Мокрый Индол, соответствуя – с запасом – распространению сельских поселений IV–I вв. до н.э., согласно [Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов, 2014]); 2) Керченский полуостров; 3) Таманский полуостров с Темрюкско-Курчанской грядой; 4) условная Синдика (плодородные равнины левобережья черноморского рукава р. Кубань, в границах согласно [Гарбузов, 2013]), с учетом Благовещенского останца. Все области в целом (их границы, бесспорно, требуют уточнения) к середине IV в. до н.э. составляли основную сельскохозяйственную территорию Боспорского государства, при этом первые две образуют Европейский Боспор, вторые – Азиатский. Распределение площадей наиболее плодородных современных земель по областям указано в таблице 1.

Таблица 1

Область	Площадь, кв. км	Средний почвенный балл	Площадь лучших земель (балл>50), тыс. га	Доля лучших земель Боспора, %
Округа Феодосии	1408	50.0	72.2	28.2
Керченский п-ов	2860	37.3	53.7	21.0
Европейский Боспор	4268	41.5	125.9	49.2
Таманский п-ов	991	62.7	74.6	29.1
Синдика	747	64.0	55.6	21.7
Азиатский Боспор	1738	63.2	130.2	50.8
Боспор в целом	6006	47.6	256.1	100.0

² На почвенных картах отсутствуют данные о почвах в пределах гг. Анапа, Керчь, Темрюк, Феодосия.

Указанные в табл. 1 площади плодородных почв, как оговорено в самом начале, служат верхней оценкой (максимум максимуму) площади возделываемых в античности земель³. Доля этих земель, которая могла быть занята ежегодными посевами, зависит от типа системы земледелия – традиционно предполагается, что греческое сельское хозяйство основывалось на двупольной системе с паровыми полями. Не исключено, что на Боспоре некоторые земли использовались более интенсивно, например, в виде трехпольного парового севооборота (озимые, яровые, пар), хотя, с другой стороны, в малообжитых областях с избытком хорошей земли скорее всего практиковался перелог. Соответственно, возделываемые земли могли ежегодно засеиваться зерновыми на 2/3 (при трехполье), 50% (при двуполье) и, вероятно, не более чем на 25% при перелог. Какая система земледелия господствовала на Боспоре, сказать трудно. Наш анализ показывает неравномерное распределение плодородных земель в пределах Боспора, на которое, как можно ожидать, накладывалось еще и неравномерное хозяйственное освоение. Тип севооборота мог варьироваться не только от одной области Боспора к другой, но и в пределах самих областей. Тем не менее мы стараемся, исходя из общих соображений, предложить для каждой области какие-то доминирующие схемы использования земли. Это позволит приблизительно оценить максимально возможные площади ежегодных посевов.

Таманский полуостров самая богатая земельными ресурсами область Боспора, плодородные почвы занимают 75% территории области, в их структуре большая доля (около 44%) почв с наивысшим бонитетом⁴. Практически все плодородные земли полуострова покрыты следами античных межевых систем: площадь размежеванной территории, восстанавливаемой по аэрофотосъемке, находится в пределах от 48 тыс. га [Горлов, Лопанов, 1995, с. 135] до 60 тыс. га [Паромов, 2000, с. 309]. Область характеризуется очень ранним освоением сельской территории, уже в середине – третьей четверти VI в. до н.э. здесь около 26 сельских поселений, на рубеже VI–V вв. это число увеличивается до 68, во второй четверти V в. до н.э. – до 81 [Завойкин, 2013, с. 235–239, табл. 15]. Возможно, что быстрое освоение плодо-

³ В работе [Гарбузов, 2009] для Таманского полуострова была предложена меньшая, чем в табл. 1, площадь плодородных земель, учитывающая только черноземные почвы без неблагоприятных признаков.

⁴ Ради объективности отметим, что лучшие таманские почвы значительно уступают по природному плодородию эталонным кубанским черноземам.

родных земель Таманского полуострова связано с возникновением в конце VI – начале V в. до н.э. условий, благоприятных для экспорта хлеба. Прямых доказательств такого экспорта нет (если не причислять к ним рассказ Геродота (VII. 147) о кораблях, везших в Грецию хлеб из Понта), тем не менее подобная гипотеза хорошо объясняет наблюдающийся здесь аномально ранний расцвет сельской территории. Позднее, в IV в. до н.э., количество поселений на Таманском полуострове возрастает до 174 [Гарбузов, Завойкин, 2012] (судя по разведкам последних лет разных авторов, это число было в действительности заметно больше). Отмеченное выше наличие обширных межевых систем и заметное во многих случаях деление земельных участков на меньшие части позволяют предположить использование в этой области Боспора какого-то варианта многопольного (возможно, трехпольного) севооборота с участием пара, который в связи с тем, что поля были скорее всего огорожены, мог использоваться под выпас скота и, соответственно, хорошо удобряться. В случае такой интенсивной схемы эксплуатации земель ежегодные посевы зерновых могли в пределах занимать на Тамани две трети выделенной нами площади плодородных земель, т.е. около 49,7 тыс. га.

Особенностью Керченского полуострова является относительная (по отношению к его площади) бедность плодородными почвами по сравнению со всеми другими областями, хорошо заметная при сопоставлении с соседним Таманским полуостровом. Тем не менее ресурсы плодородных почв в абсолютных цифрах на обоих полуостровах отличаются не радикально (на 30%), и если вспомнить о возможности переоценки бонитета ряда керченских почв в сторону увеличения, то эта разница имеет шанс уменьшиться. До половины выделенных земель, среди них значительная часть с высшим бонитетом, тяготеет к Керченскому проливу, поэтому сельские округа большинства расположенных здесь городов были неплохо, по крайней мере на начальном этапе, обеспечены земельными ресурсами. Так что различие в обеспеченности земельными ресурсами едва ли можно привлечь для объяснения неодинаковых темпов роста численности поселенческих систем на разных сторонах пролива в ранний период – число известных ранних сельских поселений на европейской стороне многократно меньше (всего 9–10 поселений в конце VI в. до н.э. и до 30 – во второй четверти V в. до н.э.), чем на азиатской [Завойкин, 2013, табл. 15]. Но уже в IV в. до н.э. плотность поселений на Керченском полуострове соизмерима с таманской – здесь выявлено около 521 поселения [Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов, 2014] (массовое появление

поселенческих памятников в глубинной части полуострова относится ко второй четверти IV в. до н.э. [Масленников, 2001, с. 183–184]). Для этого периода, учитывая наличие городов и большого числа поселений, следует говорить о нехватке плодородных почв по сравнению с Таманским полуостровом (обеспеченность такими почвами в расчете на одно поселение на европейской стороне в несколько раз меньше, чем на азиатской). Начиная с IV в. до н.э. на Керченском полуострове можно ожидать самого интенсивного использования земли, что дает в максимуме, в предположении ежегодной распашки под зерновые до 2/3 выделенных нами почв, около 35,8 тыс. га ежегодных посевов.

Две другие области Боспора вошли в его состав в результате расширения государства в начале – первой половине IV в. до н.э. Обе они еще до присоединения к Боспору были, скорее всего, неплохо освоены. В равнинной области, условно названной нами Синдикой, уже в первой половине V в. до н.э. помимо городов (Синдская гавань и Семибратнее городище) известно более двух десятков сельских памятников [Гарбузов, 2013, рис. 11] (это число постоянно увеличивается в результате археологических работ). Позднее, в IV в. до н.э., для округа Горгиппии отмечено большое количество сельских усадеб и предполагается повсеместное размежевание земель [Алексеева, 1997]. Равнинная Синдика, как видно из наших расчетов, богата земельными ресурсами и в этом плане не уступает Таманскому полуострову, а с учетом большего среднегодового количества осадков может считаться более благоприятным районом для земледелия. Но археологически область изучена недостаточно, сложно сказать об интенсивности использования ее земель, поэтому уместно предложить здесь в качестве ориентира для верхней оценки ежегодных посевных площадей использование только половины (около 27,8 тыс. га) выделенных земель.

Округа Феодосии важна как область, с западной окраины которой открывается доступ к земельным ресурсам степного Крыма – непосредственно за обозначенной на рис. 1 западной границей области расположены сотни тысяч гектаров плодородных земель. Не исключено, что еще в период независимости Феодосия была экспортером зерна (в степной части округа Феодосии известно 16 поселений, возникших уже в начале V в. до н.э. [Гаврилов, 2003, с. 82]), или, по крайней мере, местная экономика была к этому готова. Без таких предпосылок непонятным было бы быстрое обустройство Левконом I в Феодосии большого зернового порта (*Demosth.* XX. 33), явно не испытывавшего проблем с предложением товара, о чем говорит упо-

минание о 2100000 медимнах хлеба (около 84000 тонн)⁵, посланных Левконом I из Феодосии в Афины (*Strabo* VII. 4. 6). Этот хлеб должен был быть выращен именно в рассматриваемой области или в степном Крыму, так как трудно представить, что зерно из восточных областей Боспора в таких объемах специально свозили морем в Феодосию – хлеб из этих областей проще было экспортировать из Пантикапея, не исключено также, что зерновые порты были и в других городах, например в Фанагории. Во всяком случае в IV в. до н.э. в выделенной нами округе Феодосии насчитывается уже 75 поселений [Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов, 2014] (рост их числа связывается в основном с оседанием скифов на земле [Гаврилов, 2003, с. 82]). В связи с относительно небольшой плотностью поселений в этой области, наличием значительных земельных ресурсов и смешанным греко-варварским сельским населением можно полагать, что здесь использовалось как переложное земледелие, считающееся типичным для скифов, так и греческое двуполье. В этом случае максимальная площадь ежегодных посевов зерновых оценивается нами в интервале от 18,1 тыс. га (только перелог) до 36,1 тыс. га (только двуполье).

Таким образом, ежегодная площадь посевов зерновых на Боспоре, суммируя предложенные выше цифры по областям, имеет своим верхним пределом почти 150 тыс. га (59% от всех выделенных плодородных почв). Грубую нижнюю оценку посевной площади в середине IV в. до н.э. получим, исходя из требования бездефицитности зернового баланса между внутренним потреблением и экспортом. Это означает, что ежегодный сбор зерновых (площадь посевов, умноженная на урожайность) должен был быть не меньше суммы экспорта и внутреннего потребления. Последнее складывается из зерна, шедшего на пропитание населения, и из посевного фонда. За ориентир для ежегодного экспорта возьмем 400000 медимнов (16 тыс. тонн) (*Demosth.* XX. 31). Среднюю урожайность выделенных земель (8 ц/га), норму потребления (237 кг в год на человека) и максимально возможную численность населения Боспора (200 тыс. человек) определим согласно Кузнецову, 2000. Норму посева определим, исходя из практики земледельцев Тамани и Феодосийского уезда во второй половине XIX в. – она не превышала 10 пуд/дес. (около 150 кг/га). При указанных параметрах площадь посевов, необходимая для обеспечения и экспорта и внутреннего потребления, должна была быть

⁵ Вес 1 медимна боспорского зерна (пшеницы) примем за 40 кг.

не менее 97,5 тыс. га.⁶ Отсюда мы находим диапазон (округленно 100–150 тыс. га), в котором в условиях товарного производства зерна и при максимально представленной численности населения могла лежать площадь ежегодных посевов хлебов.

Безусловно, урожай в античном Боспоре, так же как и в XIX–XX вв., сильно зависел от климатических условий конкретного года – для примера, в 1883–1892 гг. в Феодосийском уезде максимальный урожай превысил средний в 2,4 раза, минимальный же был в 2,6 раза меньше среднего [средний сбор., 1894, с. 88]⁷. В неблагоприятный год при численности населения 200 тыс. человек и урожайности 3–3,5 ц/га об экспорте из намолота этого года следовало бы забыть и при 150 тыс. га посевных площадей (общий дефицит зерна, без экспорта, до 25 тыс. тонн). Но такие годы, затрагивающие весь регион, не так часты, и, кроме того, год с урожаем, например в 2,5 раза выше среднего, дал бы даже при 100 тыс. га посевов около 137,6 тыс. тонн зерна сверх внутренних нужд – достаточно, чтобы создать резерв на случай катастрофического неурожая (продовольствие на год плюс семена, около 62,4 тыс. тонн) и экспортировать около 75 тыс. тонн (1875000 медимнов). Как мы видим, удачные сезоны создавали многолетний запас прочности для экспортных поставок.

Приведенные выше оценки, несмотря на всю их приблизительность, позволяют сделать вывод о несправедливости сложившихся в последнее время пессимистических взглядов на собственные земельные ресурсы Боспора и его возможности по экспорту хлеба. На самом деле после расширения государства в первой половине IV в. до н.э. земельных ресурсов Боспора было вполне достаточно для обеспечения производства больших объемов товарного зерна.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
Бейлин Д. В., Ермолин Е. Л., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // Древности Боспора. Т. 18. 2014.

⁶ При населении 150 тыс. человек эта площадь уменьшится до приблизительно 79 тыс. га.

⁷ Средний урожай был равен 5,3, что при посеве 150 кг/га соответствует урожайности в 8 ц/га.

- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Вальков В.Ф., Штопмель Ю.А., Трубилин И.Т., Котляров Н.С., Соляник Г.М. Почвы Краснодарского края, их использование и охрана. Ростов-на-Дону, 1996.
- Гаврилов А.В. Феодосия и ее округа в античную эпоху // ПИФК. Вып. XIII. 2003.
- Гарбузов Г.П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 13. 2009.
- Гарбузов Г.П. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // Древности Боспора. Т. 17. 2013.
- Гарбузов Г.П. Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // ПИФК. №1. 2015.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V в. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н.э.) // Древности Боспора. Т. 16. 2012.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. №3. 1995.
- Драган Н.А. Почвенные ресурсы Крыма. Симферополь, 2004
- Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь–Керчь, 2013.
- Крижицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. №1. 1991.
- Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. №1. 2000.
- Масленников А.А. «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. №1. 2001.
- Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. №7. 2000.
- Смекалов С.Л. Ещё раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.
- Средний сбор хлебов и картофеля за десятилетие 1883–1892 гг. Временник ЦСК МВД. №34. СПб., 1894.

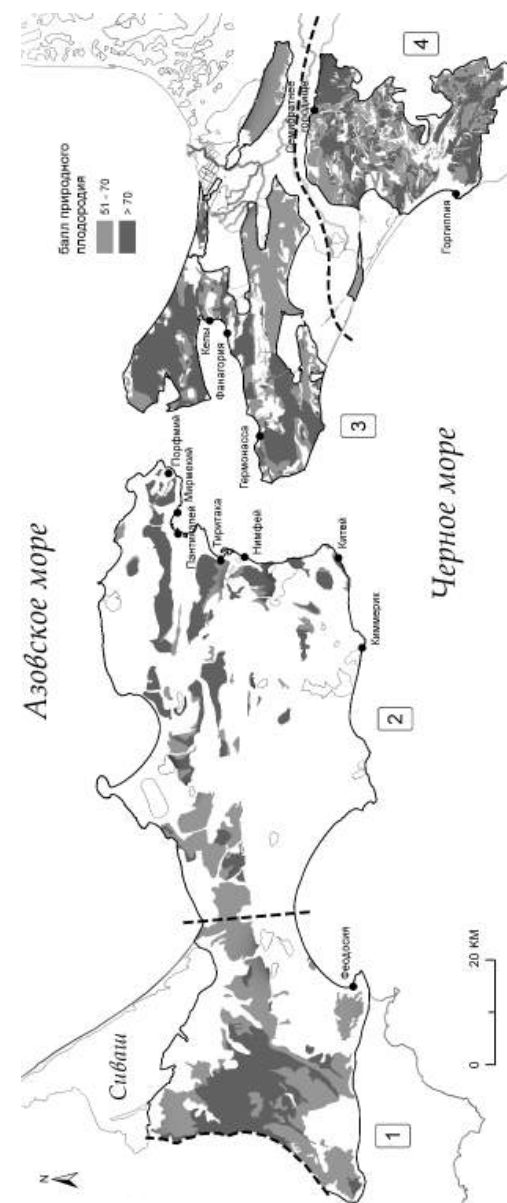

Рис. 1. Контуры современных почв с условным баллом природного плодородия выше 50. Цифрами обозначены основные равнинные области Боспора: 1 – округа Феодосии; 2 – Керченский полуостров; 3 – Таманский полуостров; 4 – Синдика.

А.Г. ГЕРЦЕН, В.Е. НАУМЕНКО
(Симферополь)

СТРАТИГРАФИЯ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: АНТРОПОГЕННЫЙ И ПРИРОДНО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Мангупская крепость содержит в себе черты уникального историко-культурного и одновременно выдающегося по красоте и способу использования человеком в своих целях природного объекта. Она расположена на поверхности изолированного известнякового плато высотой около 600 м над уровнем моря и общей площадью до 90 га, которое со всех сторон ограничено вертикальными скальными обрывами глубиной от 30-40 до 70 м на его юго-западном склоне. С севера Мангупское плато прорезано тремя глубокими ущельями (Капу-дере, Гамам-дере, Таба-на-дере) с далеко выступающими четырьмя мысами (Тешкли-бурун, Елли-бурун, Чуфут-Чеарган-бурун, Чамну-бурун). Только по дорогам и тропам, проложенным по дну ущелий, можно было подняться на поверхность городища. В верховьях балок расположены мощные источники воды (рис. 1). Наличие последних, наряду с обширными размерами плато и высокой степенью его природной защищенности, являлось главной причиной использования территории памятника населением данного района Крымских предгорий на протяжении всего периода средневековья.

Раскопки отдельных объектов Мангупа были начаты в середине XIX в., однако только с 1967 г. они приобрели характер систематических исследований, стратегия которых основывается на решении трех важных задач [Герцен, Науменко, 2012, с. 24-25]. Во-первых, исследование наиболее крупных архитектурно-археологических комплексов городища – цитадели, дворца, большой трехнефной базилики, синагоги, церквей Св. Константина и Св. Георгия, раскопки которых были начаты нашими предшественниками еще в конце XIX – начале XX вв. и остались незавершенными. Во-вторых, охранно-археологическое изучение ранних средневековых могильников на

южной периферии Мангупа. В последние годы обследование округи городища было дополнено систематическими работами на памятниках Адым-Чокракской долины, где выявлены неизвестные прежде храмовые комплексы и гончарные центры в округе г. Илька, г. Бабулган и в урочище Суаткан. В-третьих, зондирование отдельных элементов Мангупской крепости (участков Главной линии ее обороны и поселений в Лагерной балке, верховьях Гамам-дере и Таба-на-дере) с целью получения сведений об их планиграфии, стратиграфии и хронологии.

Об одной из наиболее серьезных проблем археологического изучения Мангупа, связанной с плохой сохранностью и небольшой мощностью культурного слоя на значительной площади памятника, мы уже говорили. Эта особенность стратиграфической ситуации на городище объясняется комплексом природно-географических факторов (скальная «дневная поверхность» на большей части крепостного полигона и обширный характер Мангупского плато, позволявший его обитателям обживать в разное время новые территории) и антропогенных (строительная активность на памятнике в период княжества Феодоро, приведшая к фактическому уничтожению более ранних напластований)¹. Тем не менее, в ходе археологических исследований последних десятилетий получена масса материальных источников, которые позволили выделить основные этапы истории городища, а также получить ясные представления о стратиграфии и исторической топографии памятника в отдельные периоды его существования. В настоящем докладе представлены наиболее важные результаты проделанной работы.

Периодизация Мангупского городища включает шесть основных этапов истории памятника: докрепостной (позднеримский, конец III – середина VI вв.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII вв.), хазарский (конец VIII – середина IX вв.), фемный (середина IX – середина XI вв.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и турецкий (османский, 1475 – 1792 гг.) [Герцен, 2003а, с. 94–112; Герцен, Науменко, 2006, с. 384–414]. На сегодняшний день все они достаточно полно представлены либо в общей стратиграфии городища, либо рядом отдельных показательных комплексов или архитектурных объектов (рис. 1).

Наиболее ранние артефакты из раскопок Мангупа датируются эпохой энеолита – ранней бронзы (диоритовые топоры, кремневые

¹ О причинах см.: Герцен, Науменко, 2006, с. 389–391; Герцен, Науменко, 2007, с. 89–95.

изделия). Как и находки римского времени (фрагменты амфор, монеты), они обнаружены на городище вне археологического контекста, что не удивительно, ввиду отсутствия на плато синхронных им участков культурного слоя и каких-либо следов функционирования поселения. Среди артефактов римской эпохи особый интерес вызывают бронзовая статуэтка Гермеса-Меркурия I-II вв. из слоя 3-й четверти XV в. на цитадели и фрагмент мраморного декрета в честь гражданина Ольвии (?) середины I в. н.э., происходящего из нартекса раннесредневековой базилики в Каралезской долине [Герцен, 2004а, с. 15–16; Сидоренко, 1996, с. 35–58]. О неслучайности этих находок и возможности существования в округе Мангупа римских военных пунктов, призванных контролировать периферию Херсонеса, основной базы Римской империи в Юго-Западном Крыму, свидетельствует обнаруженный на вершине г. Бабулган участок культурного слоя римского святилища II-IV вв. [Герцен, 2004б, с. 92-95].

Докрепостной (позднеримский) период в истории Мангупа начинается не ранее второй половины III в., когда на плато формируется неукрепленное поселение. О его характере и размерах судить пока трудно. Ясно лишь, что при отсутствии культурного слоя и поэтому не самых благоприятных условиях жизни на поверхности открытой скалы с редкой растительностью первые обитатели предпочитали селиться в расселинах либо верховьях балок, укрытых от ветра и снабженных источниками воды. На сегодняшний день эталонным памятником этого периода, дающим представление о материальной культуре Мангупа второй половины III–V вв., является нижний культурный горизонт поселения в расселине Демир-Капу [Герцен, Манев, 2005, с. 314–330]. Фрагменты амфор (типов 72, 73, 77, 80 по Зеест, типа D и F по Шелову и других), краснолаковой керамики, монеты этого времени обнаружены также в переотложенном состоянии в ранневизантийском слое поселений в Лагерной балке и в верховьях Гамам-дере [Иванова, 2013, с. 93–144], что указывает на начальный этап освоения и этой части городища. С конца IV – начала V вв. начинает функционировать связанный с Мангупским поселением Алмалыкский могильник на юго-восточном склоне плато, оставленный готто-аланами [Gercen, Maczynska, Černyš, Lukin, Urbaniak, Bemman, Schneider, Jakubczuk, 2013, p. 125–141].

Начало **ранневизантийского периода** в истории Мангупа связано со значительными фортификационными мероприятиями, проведенными императором Юстинианом I (527–565) и превратившими Мангупское поселение в грандиозный по размерам крепостной

ансамбль, в котором максимально учтены и использованы факторы природной защищенности столообразного плато [Герцен, 1990, с. 103–138]. Оборонительная система городища состояла из двух рубежей. Первоначально сооружена внешняя линия обороны, представленная участками мощных крепостных стен, перегораживающих узкие долины в окрестностях Мангупа. Одна из таких стен, которая может быть ассоциирована с «длинными стенами» Прокопия Кесарийского в стране Дори, вероятно, открыта в 1984 г. раскопками в Каралезской долине [Сидоренко, 1991, с. 114]. На самом же плато крепость появляется в последние годы правления Юстиниана I. По сути, в это время была воздвигнута ее Главная линия обороны, просуществовавшая без особых изменений до XVI в. По своему замыслу, она была призвана охватить непрерывной линией обороны весь периметр плато длиной около 7 км. На практике же, с учетом неприступности большей части горного массива, линия крепостных стен носила дискретный характер, состояла из 20 отдельных звеньев (укреплений), которые перекрывали все возможные подходы (балки, расселины) на городище и, будучи замаскированными под местность, как бы заполняли естественные бреши в природном скальном останце.

В течение ранневизантийского периода населением почти полностью освоена восточная и центральная часть Мангупского плато, остальная территория, очевидно, использовалась как убежище для жителей окрестностей в случае возникающей опасности. Участки застройки с мощным культурным слоем VI-VII вв. (до 1,0 м), с хозяйственными ямами и жилыми сооружениями открыты в Лагерной балке и в верховьях Гамам-дере. После наших раскопок на юго-восточном склоне м. Тешкли-бурун есть основания полагать, что территория будущего акрополя крепости также использовалась под застройку в это время [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 409-427]. Хозяйственные ямы *in situ*, переотложенные монеты и фрагменты амфор ранневизантийского времени выявлены в культурном слое дворца в центральной части плато. Рядом с ним еще в VI в. построена Большая трехнефная базилика, ставшая центром христианизации жителей региона. Одновременно продолжает функционировать Алмалыкский могильник. Начиная с VI в. на южном склоне плато и на противоположной Мангупу склоне Адым-Чокракской долины появляются новые некрополи союзных Византии готто-алан – могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак. Некоторые из них (Южный I) продолжают использоваться до VIII в. включительно [Bemmann, Schneider, Gercen, Černyš, Maczyńska, Urbaniak, vonFreden, 2013, p. 147-166].

Среди находок, найденных вне археологического контекста, специальный интерес вызывают моливдовулы византийских чиновников – логофета, патера полиса Херсона, хартулярия, указывающих на включенность Мангула в сферу ответственности администрации Византии в Таврике в это время [Герцен, Алексеенко, 2002, с. 61-65; Алексеенко, 2008, с. 80-87; Герцен, 2013, с. 45-46]. Не меньшее внимание заслуживает находка сасанидского ложного перстня–печатки VI-VII вв. из халцедона с вырезанным изображением лежащего козерога и «аташдана» (зороастрийского храмового алтаря с пылающим огнем), обнаруженная при раскопках дворца [Герцен, 2007, с. 18-19].

Хазарский период в истории городища начинается с подавления восстания населения Готии хазарами и появления их гарнизона в главной крепости готов (Доросе-Мангуле) в 80-е гг. VIII в. (Житие Иоанна Готского). Как показывают археологические исследования, пребывание хазар на Мангуле было непродолжительным и не привело к значительным изменениям в этническом составе его населения. Отмечаем редкость артефактов салтово-маяцкой культуры. По сути, с событиями конца VIII в. связаны лишь «чамну-бурунский клад» из медных монет-подражаний солидам Льва III (717-741) и слой пожара в Лагерной балке. В ходе исследований Главной линии обороны крепости зафиксированы следы ремонтов хазарским гарнизоном отдельных ее звеньев (укрепление А.XIV). Единственная на сегодняшний день постройка салтово-маяцкого типа открыта в верховьях Гамам-дере, но и она датируется серединой IX – началом X вв., когда крепость уже возвращена под контроль Византии [Герцен, Иванова, Науменко, 2010, с. 240-269].

С учреждением Византией в 841 г. фемы на полуострове начинается **фемный период** в истории памятника. В стратиграфии он отмечен, прежде всего, резкой сменой комплекса материальной культуры, в котором доминируют артефакты византийского круга – высокогорлые кувшины, различные типы «причерноморских» амфор и бытовой керамики, глазурованная посуда групп «GlazedWhiteWareI» и «GlazedWhiteWareII», монеты от Василия I (867-886) до Иоанна I Цимисхия (969-976). Еще одна важная особенность истории Мангула IX-X вв. – активное развитие виноградарства и виноделия, ориентированного на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата и находившегося, очевидно, под особой опекой византийской администрации крепости. Для культивирования винограда наиболее благоприятными были южные склоны Мангупского плато, где до сих пор сохранились заросли дикорастущей виноградной лозы.

На самом же городище, под защитой крепостных стен, размещались крупные скальные виноградодавили (тарапаны), из которых уже известны около десятка [Герцен, 2003, с. 104]. Нужно сказать, что все они расположены в восточной и центральной части памятника, в верховьях Капу-дере и Гамам-дере, где в основном фиксируются участки культурного слоя IX-X вв., что показывает в целом совпадение обжитой площади Мангула с ранневизантийской эпохой. В то же время закрытых археологических комплексов немного, что связано в значительной мере со строительной активностью на Мангупском плато в период княжества Феодоро, из-за чего в первую очередь пострадали напластования и объекты предшествующего фемного времени. Пожалуй, пока к ним могут быть отнесены только культурный горизонт X – первой половины XI вв. на юго-восточном склоне м. Тешкли-бурун и уже упомянутая постройка середины IX – начала X вв. в верховьях Гамам-дере [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 393–409; Герцен, Иванова, Науменко, 2010]. Из ближайшей округи Мангула происходят «слой разрушения» второй половины – конца IX в. постройки в обрете водохранилища у д. Ходжа-Сала [Науменко, 1997, с. 324–339] и крестово-купольный храм на юго-восточном склоне городища [Мыц, 1990, с. 229–232].

В конце X в. Мангуп становится центром турмархата Готия в составе Херсонской фемы. Можно согласиться с палеографическим обоснованием новой даты надписи из стены в Табана-дере с именем Цулы, предложенной А.Ю. Виноградовым – 994-995 гг. [Виноградов, 2009, с. 262–271]. В таком случае в это время в крепости идут фортификационные работы и размещается византийский гарнизон во главе с топотеритом. Фемный период в истории городища завершается в середине XI в. катастрофой, природного или военного характера – до конца не ясно. Ее следы представлены в комплексах у тыльной стороны цитадели, где на площади раскопа X (1976 г.) и X-Б (1978 г.) открыта погибшая в пожаре постройка. С этими же событиями, очевидно, связано сокрытие «тешклибурунского клада» [Gertsen, 1999, S.151-152; Герцен, Науменко, 2001, с. 132–146].

После катастрофы середины XI в. городище вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII-XIII вв. Крайне немногочисленны находки этого времени. Фактически, к их числу могут быть уверенно отнесены только редкие фрагменты византийской поливной керамики групп «GlazedWhiteWareIV», «ZeuxipposWare» и «Ceramiquebyzantinedel'Egee» [Герцен, Науменко, 2005, с. 260-261].

Однако представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Во-первых, потому что письменные источники (нотиции и акты поместных соборов Константинопольского патриархата) по-прежнему фиксируют регулярные связи иерархов Готской епархии (с последней четверти XIII в. – митрополии) с византийским миром. Во-вторых, указанная византийская глазурованная керамика относится к разряду высокохудожественной парадной посуды, обычно составляющей лишь незначительную часть керамического комплекса на памятниках этого времени. Выделение иной бытовой керамики XII-XIII вв. из общего массива поздневизантийских археологических находок и соответственно связанного с ними участка культурного слоя на площади городища является, очевидно, одной из первоочередных задач в процессе подготовки этих материалов к изданию. Пока же заметим, что подавляющее большинство поливных изделий интересующего нас периода времени происходит с территории цитадели на м. Тешкли-бурун.

В истории Мангупа особое место занимает **период княжества Феодоро**. В это время укрепленное поселение на вершине обширного плато окончательно приобрело черты средневекового города и превратилось в столицу одноименного государственного образования на территории Юго-Западного Крыма. Начало истории княжества относится к первой половине XIV в., когда на Мангупском плато возрождается жизнь и начинает формироваться поселение городского типа. Окончание феодоритского периода связано с осадой и взятием крепости османами в конце 1475 г. Письменные источники дополнительно сообщают о еще одной военной катастрофе на Мангупе в начале 90-х гг. XIV в., которая связана с вторжением на полуостров армии Тимура, что привело к полному разрушению города и гибели значительной части его населения [Герцен, 2003б, с. 562–587].

Археологически лучше всего изучены памятники истории Феодоро XV в., точнее, периода 1425–1475 гг., когда княжество достигло своего наивысшего расцвета. В это время завершается формирование системы обороны крепости. В тылу Главной линии обороны возводятся Вторая линия обороны, отсекавшая мысы-убежища от наиболее застроенной части городища, и цитадель на м. Тешкли-бурун. Внутри цитадели раскопана плотная городская застройка с хорошо выраженной архитектурно-топографической доминантой квартала – октагональным храмом [Герцен, Науменко, 2010а, с. 225–247]. Еще один эталонный памятник периода расцвета Феодоро – дворец в центральной части плато [Герцен, Науменко, 2010б, с. 387–412]. Жилая

застройка 1400–1460 гг. открыта в районе церкви Св. Константина [Герцен, Науменко, 2009, с. 389–403], участок культурного слоя третьей четверти XV в. – на месте будущей синагоги, что указывает на начальный этап расширения территории поселения за счет верховий Табана-дере. Около середины XV в. здесь же начинает функционировать караимский некрополь [Кашовская, 2003, с. 556–560]. В пределах 20–70-х гг. XV в. действует Южный пещерный монастырь с фресковой росписью алтарной части [Герцен, Могаричев, 1996, с. 37–41]. Можно лишь сожалеть о слабой опубликованности материалов из раскопок Большой базилики, которая, несомненно, продолжала оставаться кафедральным храмом Готской митрополии.

Менее изучены памятники Феодоро раннего периода его истории (около 1300–1395 гг.). До сих пор в стратиграфии городища не выделен культурный слой этого времени и пожар 90-х гг. XIV в. Тем не менее, как нам кажется, это временное явление ввиду регулярного характера находок XIV в., особенно среди перетолженного материала в центральной и восточной частях городища. Среди таких артефактов обратим особое внимание на группу «статусных» предметов золотоордынского культурного круга из раскопок последних лет дворца и базилики – бронзовое зеркало с изображением двух драконов и серебряный с позолотой поясной набор [Крамаровский, 2009, с. 457–473; Герцен, 2010, с. 96–104]. Несомненно, эти сословные индикаторы отмечают определенную «татаризацию» вкусов политической элиты городища, а вместе с содержанием известных строительных надписей сотника Хуйтани (1361–1362 гг.) и сотника Чичикия времени хана Тохтамыша (1376–1395) позволяют поставить вопрос об установлении золотоордынского протектората над княжеством в середине – второй половине XIV в.

О памятниках округа Мангупского городища в период княжества Феодоро мы можем пока судить только на основании результатов недавних исследований в Адым-Чокракской долине. На XIV-XV вв. приходится наиболее активный период функционирования гончарных центров по производству строительной керамики на склонах г. Илька и в урочище Суаткан. Здесь же раскопаны синхронные им храмово-монастырский комплекс на вершине г. Бабулган, перекрывший уже упомянутое святилище римского времени, и одностолпный храм на поселении Илька-5 [Науменко, 2014, с. 302–307].

После штурма Мангупа османской армией в 1475 г., следы которого фиксируются на памятнике повсеместно (цитадель, дворец, базилика, укрепления А.XIV, А.XVII и другие) наступает турецкий

(османский) период в истории городища. После реконструкции отдельных участков Главной линии обороны и цитадели в крепости появляется турецкий гарнизон, а сам Мангуп становится административным центром османских владений в Крыму. В XVI в. город в целом сохраняет свои максимальные размеры, хотя общая интенсивность жизни снижается, многие районы забрасываются либо превращаются в места добычи строительного материала. Фактически единственным участком застройки, дающим представление о материальной культуре населения Мангупа этого времени, является раскопанный в 1991–2005 гг. квартал у тыльной стороны цитадели на м. Тешкли-бурун. В XVII–XVIII вв. обитаемая территория поселения сокращается до верховий Табана-дере, где проживает караимская община, а сама крепость постепенно утрачивает свое оборонительное значение. Этот поздний этап истории памятника характеризует, прежде всего, археологический комплекс находок из раскопок «городской свалки» второй половины XVII – начала XVIII вв. (2005–2006 гг.) и синагоги в верховьях Табана-дере. Последняя, как показывают наши исследования 2009–2013 гг., функционирует с последней четверти XVI в. и вплоть до ухода караимов с Мангупа в 1792 г.² За пределами караимского квартала выявлено пока только три археологических комплекса второй половины/конца XVII – начала XVIII вв. – на территории цитадели (здание 23, 2005 г.), вблизи руин дворца (комплекс «тандыра», 2006 г.) и верхний горизонт застройки в районе церкви Св. Константина [Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина, 2007, с. 233–255].

Изучение стратиграфии Мангупа показывает практически непрерывное использование памятника на протяжении всего средневекового периода в истории Крыма. Другое заключение, следующее из нашего анализа, касается формирования современного ландшафта городища как результат длительного взаимодействия природно-географического и антропогенного факторов. В первую очередь, Мангупское городище формировалось как надежная крепость-убежище на дальнейшей периферии византийского мира, населенной союзниками империи. Решающая роль при выборе такого характера использования природного объекта отводилась выдающейся естественной защищенности памятника, снабженного, к тому же, надежными источниками воды и строительного материала. Эти факторы вместе с наличием сырья для занятий ремеслом и условиями для сельскохозяйственной деятельности в ближайшей округе, удобным

² О более ранних исследованиях синагоги см.: Герцен. 2003в, с. 69–79.

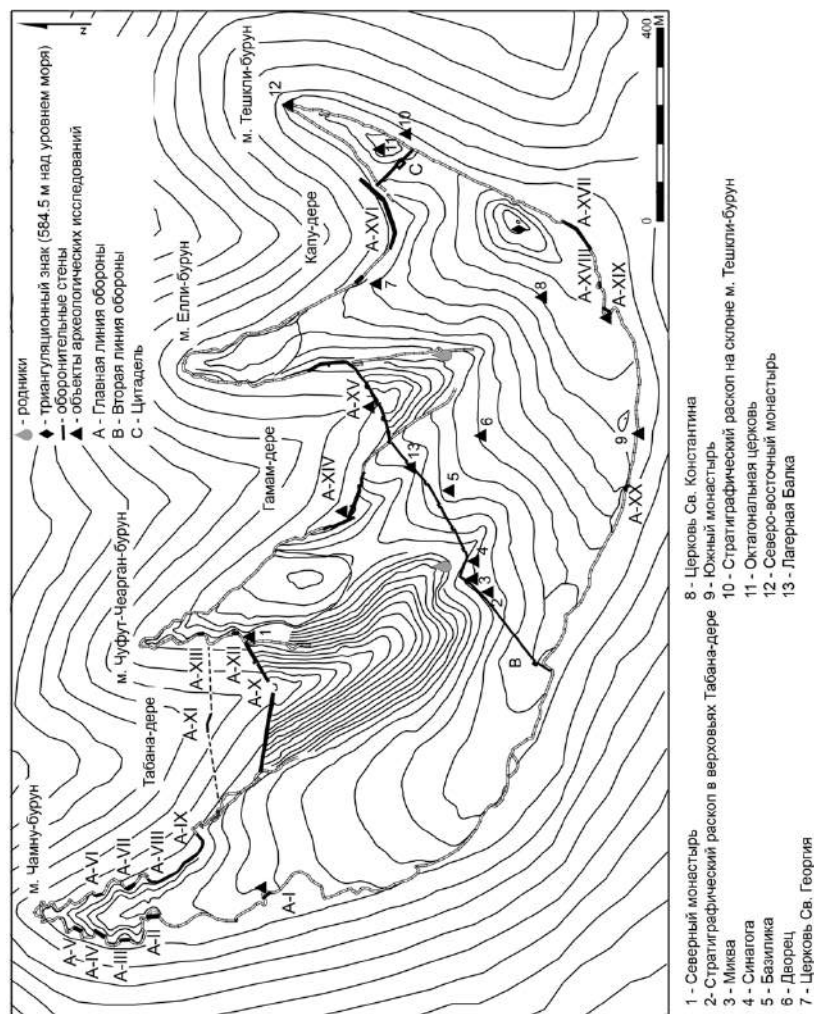
расположением на пересечении традиционных торговых маршрутов обеспечили Мангупу центральное место в политической и экономической истории региона в эпоху средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. 2008. Вып.38
- Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып.39.
- Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып.1.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып.32.
- Герцен А.Г., Алексеев Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангупа // АДСВ. 2002. Вып.33.
- Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003а. Вып.34.
- Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003б. Вып.Х.
- Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // IV Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья». Керчь, 2003в.
- Герцен А.Г. Бронзовая статуэтка Меркурия из раскопок Мангупа // VI Крымская Международная конференция по религиоведению «Символ в философии и религии». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2004а.
- Герцен А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // V Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы». Керчь, 2004б.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
- Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып.ХІ.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. 2006. Вып.37.
- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Страти-

- графические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): предварительное сообщение // VIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты». Керчь, 2007.
- Герцен А.Г. Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2007.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV.
- Герцен А.Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь, 2010.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара. СПб., 2010а.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк (1906-1984). СПб., 2010б.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы доклада и сообщений. Бахчисарай, 2012.
- Герцен А.Г. Моливдовул из могильника Алмалык (Мангуп) // Сфрагистический меридиан: Киев – Корсунь / ΧΕΡΣΩΝ - ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΠΟΛΙΣ. Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. Киев – Севастополь, 2013.

- Иванова О.С. Амфоры позднеимперского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II до н.э. – IV в. н.э.). Симферополь-Бахчисарай, 2013. Вып. I.
- Кашовская Н.В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
- Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
- Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. №1.
- Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. 1997. Вып. I.
- Науменко В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III.
- Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Сидоренко В.А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
- Bemann J., Schneider K., Gercen A.G., Černýš S., Maczyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyjlund Južnyjllam Fuss des Mangup – Ein Vorbericht // Die Höhengründungen im Bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. Mainz, 2013.
- Gercen A., Maczyńska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemann J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-plateaus // Die Höhengründungen im Bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. Mainz, 2013.

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ
(С-Петербург)

СИНДЫ И ЛАБРИС (СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ) В КОНТЕКСТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Недавняя попытка определить «естественные» границы Азиатского Боспора, предпринятая Г.П. Гарбузовым, выявила практически полное их совпадение с территорией древней Синдики [Гарбузов, 2013, с. 110–127]. По сообщениям античных авторов она включала не только современный Таманский полуостров, но и район нижнего течения Кубани. Для раннего периода наиболее полную картину, возможно, следуя предшествующей ионийской традиции, дает перипл Псевдо-Скилака третьей четверти IV в. до н.э. [Ps.-Scyl. 72–74]. Территория, населённая синдами, выглядит у него следующим образом: «После же меотов живут синды; но достигают они и областей вонне залива; и у них существуют такие греческие полисы: полис Фанагора, Кепы, Синдская гавань, Патунт... А за Синдской гаванью – керкеты... [после же керкетов – тореты] и греческий полис Торик и гавань» (пер. Ф.В. Шелова-Коведяева). Можно согласиться с С.Р. Тохтасьевым в том, что Псевдо-Скилак отразил такую этнополитическую ситуацию «когда Синдика простиралась от Меотиды до Понта» и только потом синды уступили грекам «часть своих земель, практически безлюдных...» [Тохтасьев, 2004, с. 164]. Сложнее принять его конъектуру: Патунт (Патус) – это Патрей [Тохтасьев, 1986, с. 72 сл.], город на северной оконечности Таманского залива, что совершенно не соответствует порядку перечисления племен и населенных пунктов в сочинении Псевдо-Скилака. Гораздо больше оснований отождествлять Патунт (Патус) с Батами Страбона [Strab. XI. 2. 14], которые локализируются в районе Новороссийска [Жебелев, 1953, с. 264; Гайдукевич, 1949, с. 220; Брашинский, 1968, с. 63; Шелов-Коведяев, 1988, с. 265, прим. 72]. В данном случае греческие города в Синдике следует рассматривать не только как условные географические ориентиры, но

и в качестве обозначения границ политического влияния синдов на определенном историческом этапе¹. К аналогичному выводу в свое время пришел М.Ф. Высокий относительно «фракийской части» перипла Псевдо-Скилака. Он считает, что его автор, «упомяная фракийские крепости, имел в виду не этническую принадлежность, а политическое подчинение этих поселений» [Высокий, 2003, с. 55]. В частности, в их список вошли такие известные полисы, как Перинф и Селимбрия.

В плане «естественных» границ Синдика соответствует двум комплексам рельефа по Благоволину: центрально-таманскому (чередование холмистых гряд и обширных синклинальных равнин и низменностей) и восточно-таманскому (пологоволнистая равнина, в пределах которой долины рек и балок соответствуют ядрам антиклинальных складок, сложенных рыхлыми глинистыми породами) [Гарбузов, 2013, с. 111]. По классификации Гарбузова здесь преобладают низкие и приподнятые степные пологие равнины с прилегающими к лиманам болотистыми пространствами.² Не исключено, что в древности через современные Бугазский, Кизилташский и Ахтанизовский лиманы проходил морской пролив, получивший условное название Боспор Кубанский [Журавлев, Шлотцауэр, 2014, с. 151–154], хотя, если исходить из упоминания определенных этносов применительно к другим узким проливам (Фракийский, Киммерийский), его следовало бы именовать Боспор Синдский.

В этой связи особый интерес для нас представляет посвященный Азиатскому Боспору и Синдике текст Страбона [Strab. XI. 2. 10] в самом раннем списке конца V – начала VI вв.: «Фанагория и Кепы лежат на упомянутом острове – по левую руку втекающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике, царская же резиденция синдов – поблизости от моря, а также Аборака» (пер. С.Р. Тохтасьева). Основанием для локализации этой царской резиденции стала случайная находка на Семибратнем городище каменного блока со стихотворным посвящением от имени боспорского царя Левкона I, из которого стало ясно, что в древности здесь находился город Лабрис и царская резиденция. На это недвусмысленно

¹ По-видимому, источником для этой части перипла было «сочинение, составленное в Афинах во второй половине V – первой половине IV в. до н.э., либо отразившее их интересы в данном регионе» [Шелов-Коведяев, 1988, с. 255].

² Можно вспомнить сохранённые Афинеом строки известного ямбографа конца IV в. до н.э. Феникса Колофонского: «... синд болотный с головой в кудрях длинных» [Athen. XII. 40. 530f].

указывают последние строки надписи: мятежник Октамасад, свергая своего отца с престола, напал именно на Лабрис и здесь произошла решающая битва, после которой Октамасад был изгнан из Синдики. Столичный статус Лабриса³ объясняет и исключительное богатство расположенных в 3 км к северо-западу Семибратних курганов [Тохтасев, 2004, с. 144–180].

При наличии пролива с глубинами, достаточными для плавания кораблей, как минимум, до рубежа н.э. или несколько более раннего времени [Журавлев, Кельтербаум и др., 2011, с. 108], Лабрис действительно располагался в непосредственной близости от моря, что, с одной стороны, объясняет неоднократные находки в культурных слоях городища раковин морских мидий, с другой – причину его процветания на определенном этапе и последующего постепенного упадка городской жизни к I в. н.э.

Если исходить из титулатуры Левкона I, принятой сразу после присоединения Синдики, то в политическом отношении в нее входили дандарии, псессы и тореты [Горончаровский, 2014, с. 581]. Казалось бы, это трудно согласовать с картой Псевдо-Скилака, согласно которой за Синдской гаванью начиналась территория керкетов, а тореты располагались далее. Но, если керкеты занимали трудно контролируемый горный массив юго-западной части Абрауского полуострова⁴, который синдов не интересовал, а тореты – часть территории в районе Горгиппии, слабохолмистый район в долине р. Котламы вплоть до Цемесской бухты и побережье от нее до Геленджикской бухты, то все становится на свои места. Для этого региона характерны т.н. «каменные» некрополи, которые А.М. Новичихин, как и многие исследователи до него⁵, считает синдскими и дает следующую картину эволюции такого рода погребальных сооружений в VI–V вв. до н.э.: для первой половины VI в. до н.э. это площадки под округлыми каменными захладами, иногда окруженными по периметру круглыми камнями (могильники Красная Скала, Красный Курган, Воскресенский, ОПХ «Анапа», у хут. Рассвет), затем их сменяют «погребения в неглубоких ямах

³ Термин «столица синдов» в отношении этого города можно использовать только условно, поскольку у нас нет оснований утверждать, что он служил постоянным местом пребывания правителя и средоточием основных институтов власти [ср.: Каменецкий, 2003, с. 67].

⁴ Господствующие высоты здесь от 363 до 540 м.

⁵ Сторонниками связи «каменных» некрополей района Анапы с историческими синдами были и другие ученые [Крушкол, 1971, с. 88–90; Масленников, 1981, с. 18; Кругликова, 1987, с. 12].

с перекрытием из каменных плит, окруженные каменными кромлехами» (могильники в районе Анапы). Около середины VI в. до н.э. появляются погребения в каменных ящиках, распространенные в предшествующий период на черноморском побережье от Новороссийска до Туапсе. В V в. до н.э. происходит слияние двух погребальных традиций в виде появления практики сооружения каменных ящиков с округлой обкладкой-кромlexом и этот тип погребальных конструкций становится преобладающим в Синдике (могильник у хут. Рассвет). По мнению А.М. Новичихина, эти данные могут свидетельствовать «о формировании в районе современной Анапы новой этнокультурной общности», а именно синдского этноса [Новичихин, 2014, с. 116–117], хотя ранее он более осторожно подходил к решению этой проблемы [Новичихин, 2010, с. 250–252].

Представляется, что более конструктивной по сравнению с данной, на первый взгляд стройной, концепцией является позиция Е.М. Алексеевой, сформулированная ею в рецензии на коллективную монографию «Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет» [Алексеева, 2012, с. 173–177]. В частности, она отмечает широкий ареал специфического облика «каменных» некрополей и их отсутствие на территории Таманского полуострова⁶, включавшегося древними авторами в Синдику, что «заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских» [Алексеева, 2012, с. 176]. С ее точки зрения, высказанной в свое время более конкретно, в носителях этой погребальной традиции следует видеть ближайших соседей синдов – керкетов и торетов [Алексеева, 1991, с. 35; она же, 2000, с. 162] и в этом с ней вполне можно согласиться. Таких же взглядов придерживаются и современные исследователи археологических памятников полуострова Абрау [Малышев, Гольева, Спиридонова и др., 2014, с. 101, рис. 5].

Таким образом, в пределах естественных границ Азиатского Боспора помимо синдов частично оказываются только тореты. Дандарии и псессы, подчинение которых боспорским правителям никогда не было достаточно прочным, занимали сопредельные территории. Среди выделенных им локальных групп меотских памятников, И.С. Каменецкий соотносит с дандариями III Приазовскую группу [Каменецкий, 1984, с. 226, карта 16]. В таком случае земли псессов, скорее всего, находились в среднем течении Кубани, в пределах IV Абинской группы.

⁶ Обращает на себя внимание также тот факт, что в этот ареал не входит область Синдики, где располагаются курганы синдской знати.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М. 144 с.
- Алексеева Е.М. 1997. Античный город Горгиппия. М. 560 с.
- Алексеева Е.М. 2000. Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. Вып. 8. С. 160–169.
- Алексеева Е.М. 2012. Рец.: Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет. Под ред. А.А. Малышева. М. 2010 (Некрополи Черноморья. III). 272 с. // ВДИ. № 4. С. 173–177.
- Анфимов Н.В. 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар. 232 с.
- Брашинский И.Б. 1968. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. С. 62–72.
- Виноградов Ю.Г. 2002. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна [VIII, 55] и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. № 3. С. 3–22.
- Высокий М.Ф. 2003. Эллыны в Одрисском царстве в V–IV вв. до н.э. // Studia historica. Т. 3. С. 53–62.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л. 624 с.
- Гарбузов Г.П. 2013. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ. Т. 17. С. 110–131.
- Горончаровский В.А. 2014. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. Т. XXX. Симферополь–Керчь. С. 553–618.
- Горончаровский В. А., Иванчик А.И. 2010. Синды // Античное наследие Кубани. Т. 1. М. С. 218–235.
- Грантовский Э.А., Раевский Д.С. 1984. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М. С. 47–66.
- Грацианская Л.И. 1976. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. С. 6–20.
- Жебелев С.И. 1953. Северное Причерноморье. М.–Л. 388 с.
- Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауэр У. 2011. Боспор Кубанский // XII БЧ. С. 106–114.
- Журавлев Д.В., Шлотцауэр У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове.

2006–2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. М. С. 150–186.

Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 224–251.

Каменецкий И.С. 2003. К датировке Семибратнего городища // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар. С. 67–76.

Кругликова И.Т. 1987. Анапа – 2500 лет. Краснодар. 112 с.

Крушкол Ю.С. 1971. Древняя Синдика. М. 252 с.

Малышев А.А., Гольева А.А., Спиридонова А.А., Алешинская А.С., Качанова М.Д., 2014. Опыт реконструкции палеоландшафта приморской части полуострова Абрау (Краснодарский край): по материалам отложений в устье Лобановой щели // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (60). С. 92–105.

Масленников А.А. 1981. Население Боспорского государства в VI – II вв. до н. э. М. 125 с.

Новичихин А.М. 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. М. С. 191–203.

Новичихин А.М. 2014. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Нальчик. С. 110–121.

Тохтасьев С.Р. 1986. Из ономастики Северного Причерноморья // Проблемы античного источниковедения. Л. С. 72–98.

Тохтасьев С.Р. 2002. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып. 4. СПб. С. 10–32.

Тохтасьев С.Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. № 3. С. 144–180.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1988. Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии // ВДИ. № 1. С. 253–264.

Яйленко В.П. 2004. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. Т. 7. С. 425–445.

Д.В. ЖУРАВЛЕВ (Москва), А. ДАН (Париж),
Х.Й. ГЕРКЕ (Фрайбург/Берлин),
Д. КЕЛЬТЕРБАУМ (Кельн),
У. ШЛОТЦАУЕР (Берлин)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕОГРАФИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Несмотря на многолетние исследования, Таманский полуостров до сих пор хранит множество тайн. В частности, не решены многие вопросы, связанные с географией этого региона, да и локализация ряда античных городов, известных из письменных источников, базируется на косвенных признаках. Ниже представлена попытка обобщить некоторые результаты, полученные Боспорской археологической экспедицией Государственного Исторического музея совместно с Евразийским отделом Германского археологического института в ходе проекта изучения греческой колонизации на Таманском полуострове.

Фанагорийская регрессия – миф или реальность? Одним из интересных явлений, фиксируемых в ряде прибрежных городов Азиатского Боспора, является подтопление части античных поселений. На основании этого факта еще в 50-е гг. XX столетия была выдвинута гипотеза о том, что в эпоху греческой колонизации уровень Черного моря был значительно ниже – от 2 до 12 м, а позднее началось повышение этого уровня, что и привело к затоплению целого ряда прибрежных поселений (Федоров, 1959; Шилик, 1977 и др.). Теория о фанагорийской регрессии стала общепризнанной (см. например: Брумяко, Карпов, 1992; Поротов и др., 2004 и т.п.). Но анализ данных, полученных при современных бурениях на памятниках в бассейне Средиземного моря, не подтверждает факта изменения уровня этого водоема. Черное, Мраморное и Средиземное моря во все времена соединялись между собой, поэтому необходимо учитывать эффект «сообщающихся сосудов» – если следы «регрессии» отсутствуют в Средиземноморье, значит, ее не было и в Черном море! Кроме того, если бы уровень не только мелкого Азовского, но и Черного моря был бы действительно ниже на несколько метров, большинство

известных на сегодняшний день греческих поселений оказались бы не прибрежными, а расположенными в глубине острова, что никак не отвечает системе расселения греков. По всей видимости, мы можем говорить о том, что «погружение» отдельных участков суши могло явиться следствием не увеличения уровня морской воды, а напротив – тектонических подвижек в структурах Керченско-Таманского прогиба (Brückneretal, 2010, 160–179; FouacheE. etal., 2010, 162–174; Kelterbaumetal, 2011; 2012; Дикарев, 2011, с. 35–40; ср., кстати: Новиков, 1998, 64).

Боспор Кубанский. По нашим данным, на месте современной дельты Кубани вплоть до античного времени¹ находился морской пролив, соединявший Понт Эвксинский с Меотидой и получивший название «Кубанский Боспор»². Мы уже неоднократно писали о результатах палеогеографических исследований, поэтому лишь кратко упомянем основные положения предшествующих публикаций. О существовании пролива свидетельствуют обнаруженные в пробуренных скважинах морские донные отложения и микрофауна (Brückneretal, 2010; Kelterbaumetal, 2011). В этот пролив впадала современная река Кубань. Следы морской абразии – крутые обрывистые берега, частично покрытые растительностью и обрамляющие широкую ложбину – бывшее ложе пролива – хорошо видны и сейчас не только на берегах Таманских лиманов (Ахтанизовского, Бугазского, Кизилташского), но и в районе населенных пунктов Стрелка, Джигинка, Белый.

Впоследствии Боспор Кубанский постепенно оказался занесен наносами реки Кубань, что привело к современному расположению ее рукавов, впадающих в Азовское и Черное моря. Пролив был судоходен долгое время, хотя, возможно, и не на всех участках. Косвенным свидетельством обмеления пролива может служить и прекращение жизни на поселениях Голубицкая-2 и Стрелка-2 уже в I в. до н.э.

¹ Попутно заметим, пролив существовал еще в эпоху бронзы, что требует создания новой карты древних поселений и курганов с учетом этой водной преграды, что, вне всякого сомнения, приведет к некоторой коррекции существующих построений и для этой эпохи.

² По мнению И.Е. Сурикова, согласившегося с нашими аргументами о существовании морского пролива, стоит изменить его название на «Синдский Боспор» (Суриков, 2013, 172). Мы продолжаем оставаться сторонниками нашего названия – Боспор Кубанский, объединившего в себе и античный, и современный топонимы. Предположение, что этот пролив мог получить название «Синдская щель» (Σινδὸνδιάσφρα), известное из труда Гиппонакта (Блаватский, 1985, 55–58; Горлов, 1996, 72; Суриков, 2013, 171–172), интересно, но пока остается предположением.

– они, вероятно, потеряли свое стратегическое значение (Журавлев, Шлотцауер, 2014, 182).

Этот пример не единственный в античной истории – достаточно вспомнить хорошо известный и тщательно задокументированный факт изменения палеоландшафта в окрестностях Милета (см., например: Brückneretal, 2006, 63–88; 2014, 49–103). Постепенное заиливание дельты Меандра привело к тому, что Милет, находящийся на мысу, оказался вдалеке от морского побережья (Brückneretal, 2006, fig. 11–12). Знаменитый битвой 494 г. до н.э. остров Ладе в настоящее время является частью суши.

В свое время возможность существования пролива допускал Ю.В. Горлов: «...юго-восточнее находился большой залив, включавший в себя нынешние лиманы Цукур, Кизилташский, Бугазский и Витязевский и, вероятно, соединявшийся с расположенным севернее Старотитаровским и Ахтанизовским лиманами. Практически, здесь мог существовать еще один пролив, который в отличие от Боспора со временем стал непроходимым из-за наносов Кубани» (Горлов, 1996, 71–72).

К достаточно близким выводам о палеогеографической ситуации на Таманском полуострове приходят и французские исследователи (Gaiameetal, 2014, 42–45). Помимо результатов бурений последних лет, они используют и данные российско-французского проекта 1990-х годов (Müller, 2010). Правда, вызывает некоторое удивление, что в статье 2014 г. полностью игнорируются наши специальные публикации о Кубанском Боспоре на русском языке (Журавлев и др., 2010; 2011; Журавлев, Шлотцауер, 2011), а используются лишь статьи в европейских журналах, посвященные смежным проблемам (Kelterbaumetal, 2011), а не собственно проливу. Между тем, один из авторов – А.В. Поротов – работал как с французской, так и с нашей командой, и выступал соавтором публикаций с двух сторон.

Следует отметить, что теория о существовании пролива – дублера Боспора Киммерийского – вызвала среди ученых различную реакцию. Одни из них принимают идею о проливе (Ломтадзе, 2013, 225–226, рис. 7; Сударев, 2014, 95) или даже говорят об этом как «историко-географическом открытии первого ранга» (Суриков, 2013, 168), другие полностью отвергают ее (Ермолин, 2013, 18–19). Противником существования пролива также является С.Р. Тохтасьев, но его работа известна нам лишь на электронном ресурсе Academia.edu (<https://independent.academia.edu/SergejTokhtasev>). Но аргументированной критики теории о проливе, если не считать основанные на не-

доразумении математические ухищрения А.Л. Ермолина (Еромолин, 2013, 18), не существует.

Ранние укрепления на берегах пролива. На целом ряде поселений, расположенных по трассе пролива, работами БАЭ раскрыты остатки фортификационных сооружений – рвов и валов. Судя по всему, первые поселения располагались на мысах, вдающихся в пролив, что облегчало их оборону. На Голубицкой-2 выявлены рвы нескольких строительных периодов, а на поселении Стрелка-2 на гребне вала, насыпанного еще в VI в. до н.э., после середины V в. до н.э. воздвигаются укрепления на каменном цоколе (Журавлев, Шлотцауер, 2014, 158–159, рис. 8-9). На поселении Ахтанизовская-4 ров хорошо виден и на аэрофотосъемке, и на 3D модели поверхности (Ломтадзе, 2013, рис. 1,2). Правда, на сегодняшний день какие-либо данные о его хронологии отсутствуют.

Стоит отметить и факт расположения греческих поселений по берегам Боспора Кубанского напротив друг друга. Давно известная в науке «пара» – поселения Голубицкая-2 и Ахтанизовская-4 – дополнилась недавно еще одной – поселение Стрелка-2 и открытое Н.И. Сударевым поселение Джигинка-2, к сожалению, сильно разрушенное современными грабителями³. Ров и вал на этих памятниках отчетливо заметны и сегодня. По мнению Г.А. Ломтадзе, такое расположение могло быть вызвано тем, что эти поселения находились на переправах (Ломтадзе, 2013, 226–227).

Наиболее ранним, датирующимся второй половиной VI в. до н.э., является ров на поселении Голубицкая-2. Впрочем, согласно мнению А.Л. Ермолина, ров Голубицкой-2 «не является оборонительным сооружением», а служил «просто преградой, например, от скота, нежелательных визитов кого-либо и т.п.» (Еромолин, 2013, 20). Но уровень аргументации израильского исследователя не выдерживает никакой критики. С другой стороны, этот прозорливый ученый воочию увидел следы оборонительных сооружений не только в курганах Кара-Оба и Алтын-Оба (Золотом), но даже и в Таманском толосе! Правда, его умозрительная реконструкция «фортов» на двух первых памятниках (Еромолин, 2013, рис. 4, 2; 8, 1) больше похожа на бетонные фортификационные сооружения XX века...

Рвы разных хронологических этапов имеют клиновидную форму, с достаточно крутыми эскарпом и контрэскарпом, вырезанны-

³ Благодарим Н.И. Сударева за возможность упомянуть неопубликованные материалы исследований последних лет.

ми в материковом грунте – глине-белоглазке; на дне фиксируются канавки, которые можно интерпретировать как остатки дренажных сооружений. Стратиграфические наблюдения позволяют выделить, как минимум, четыре фазы бытования укреплений на этом участке (Журавлев, Шлотцауер, 2014, 165–167, рис. 20–21). Вынуждены огорчить и А.Л. Ермолина – вопреки его утверждениям (Еромолин, 2013, 20), следы вала, уничтоженного распашкой, отчетливо фиксируются стратиграфически.

Где располагался Νῆσος? Еще одним дискуссионным вопросом является количество древних островов, располагавшихся на месте современного Таманского полуострова. Со времен Дюбуа де Монпери существует теория о существовании рукавов Кубани – проток, разделявших массив Таманского полуострова на три основных острова: Киммерийский, Фанагорийский и Синдику. Соответственно, предполагалось, что образовывали эти острова протоки или «каналы» – т.н. Субботин Ерик и Шимарданский рукав (см., например: Сокольский, 1976, рис. 1; Толстиков, 1992, рис. 1–2; Паромов, 2006, 370–372; и др.). Другие же специалисты полностью отвергали идею о существовании этих протоков на Тамани – «пересекавшие ее русла Кубани представляют собой лишь досужий вымысел» (Горлов, 1996, 70).

Для проверки этих данных нами были проведены бурения точно по трассе предполагаемых протоков. Результаты этих бурений показательны – никаких судоходных речных русел в античное время в этих местах не существовало, что подтверждает правильность построенной Ю.В. Горлова и французских специалистов (Горлов, 2007, 94). Ряд ученых, отрицающих существование этих водных артерий, опирается и на другие данные (Горлов, Лопанов, 1995, 135–136; Гарбузов, 2009, 137–138, рис. 11; ср.: Кузнецов, 2013, 318–319). В последнее время к этой точке зрения присоединился и И.Е. Суриков (Суриков, 2013, 169). Таким образом, мы считаем, что остров был единым (два маленьких островка на месте Благовещенского останца и Голубицкий не в счет). Эта ситуация находит отражение и в эпиграфических источниках (КБН 40, 697, 982, 1000), упоминающих должностное лицо (ὁ) πρὸς τῆς νῆσου и в ряде свидетельств античных авторов (например: Strabo, XI. 494-495). «Начальник острова» или *несарх* упоминается и в недавней надписи из Фанагории (Кузнецов, 2007, 232–233). Соответственно, под Νῆσος античных авторов следует понимать весь современный Таманский полуостров, некогда ограниченный проливом.

Судя по всему, в античное время оба пролива – и Керченский, и недавно открытый Боспор Кубанский рассматривались современни-

ками как единый – Боспор Киммерийский, в центре которого и лежал остров (*Nῆσος* античных источников). Столь сложная морфология пролива и его дальнейшая история обусловлена его расположением в дельте Кубани. Действительно, никакого «Кубанского Боспора» в античных текстах нет, а есть лишь один Боспор Киммерийский, который изначально имел два русла. Одно из этих русел постепенно было занесено, и остров превратился в современный Таманский полуостров.

Страбон и Боспор Кубанский. Подобная реконструкция дает возможность, помимо прочего, и к определенной ревизии интерпретации данных Страбона и других античных географов при описании ими Азиатского Боспора. Мы согласны с Ю.В. Горловым (Горлов, 1996, 64), что Коркондамское озеро следует помещать не в Таманском заливе, а в районе современного Кизилташского, Бугазского и Витязевского лиманов. Следуя хорошо всем известному описанию Страбона, «Вплывшему же в Корокондамитиду представляется как Фанагория, достойный упоминания город, так и Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты; из них Фанагория и Кепы лежат на упомянутом острове по левую руку втекающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике. В Синдике находится также Горгиппия, царская резиденция синдов, поблизости от моря, и Аборака»

(Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κοροκονδαμίτιν ἢ τε Φαναγόρειά ἐστι, πόλις ἀξιόλογος, καὶ Κῆπροι καὶ Ἑρμώνασσα καὶ τὸ Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν• ὧν ἡ Φαναγόρεια καὶ οἱ Κῆπροι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἴδρυνται εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ. ἔστι δὲ καὶ Γοργυπία ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ βασιλείον τῶν Σινδῶν πλησίον θαλάττης, καὶ Ἀβοράκη).

Страбон описывает отнюдь не мифический Шимарданский рукав, а путь из Корокондамского озера (современной системы лиманов) к северу по Боспору Кубанскому = рукаву Гипаниса. Соответственно, по левую руку втекающего расположены Фанагория и Кепы, а по правую руку, в Синдике – Гермонасса, Апатур и Горгиппия (из текста Страбона очевидно, что они расположены на правой стороне Гипаниса, в Синдике). Вне всякого сомнения, Синдика лежала на противоположном от Тамани восточном берегу пролива Боспор Кубанский=рукава Гипаниса, а отнюдь не вокруг современной станицы Тамань (ср.: Новичихин, 2011, 12–13; Сударев, 2014, 95). Кстати, Семибратнее городище (Лабрис?) располагалось отнюдь не на речном берегу, а в непосредственной близости от пролива и имело пря-

мой выход к морю, а его гавань могла использоваться как минимум до эллинистического времени (ср.: Внуков и др., 2008, 135–138).

Исходя из подобной реконструкции и данных «Географии» Птолемея (5.9.1-8 Stükelberger, Großhoff), мы приходим к вопросу о локализации Гермонассы. Искать Гермонассу предстоит в Синдике, т.е. на территории современного Анапского района. Учитывая открытие в последние годы целой серии замечательных памятников явно греческого облика на этой территории (Чевелев и др., 2011, 403–408, рис. 1-3; Сударев, 2014, 95–102), это вполне возможно. Стоит отметить, что находки наиболее ранних фрагментов восточно-греческой керамики, относящихся к рубежу VII-VI в. до н.э., найдены именно в Синдике, на поселениях Алексеевское (Новичихин, 1993, 28, рис. 1, 3; Журавлев, Шлотцауер, 2011, 284, рис. 27) и Су-Псех (Сударев, 2014, 100).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д. 1985. Древнейшее свидетельство о Синдике // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М.
- Бруйко И.В., Карпов В.А. 1992. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 2.
- Внуков С.Ю. и др. 2008. Внуков С.Ю., Поротов А.В., Пушкарев П.Ю., Кельтербаум Д. Археолого-палеогеографические исследования Семибратнего городища. Задачи и методы исследования // ДБ. 12. I. М.
- Гарбузов Г.П. 2009. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. 13. М.
- Горлов Ю.В. 1996. Палеогеография Азиатского Боспора // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. II Раздел. Тамань археологическая. Таманский музейный комплекс. Ст. Тамань.
- Горлов Ю.В. 2007. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 11. М.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. 1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 3.
- Дикарев В. 2011. Проблема фанагорийской регрессии Черного моря // Вестник МГУ. Серия 5. География. 1.
- Ермолин А.Л. 2013. Оборона Европейского Боспора во второй половине III в. до н.э. – начале I в. до н.э. и таманские аналогии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 8 (151). Вып. 26.
- Журавлев Д.В. и др. 2010. Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д. Поселение Стрелка-2 на Таманском полуострове (предварительная информация) // ДБ. 14. М.

Журавлев Д.В. и др. 2011. Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У. Боспор Кубанский // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения. Керчь.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2011. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том 1. М.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006-2013 гг.) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ. Вып. 201.

Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1.

Кузнецов В.Д. 2013. Апатур // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 1. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1. М.

Ломтадзе Г.А. 2013. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская-4 // ДБ. 17. М.

Никонов А.А. 1998. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. 3.

Новичихин А.М. 1993. Исследования архаических памятников у поселка Алексеевка // Музейный вестник КГИИМЗ им. Е.Д.Фелицина. Вып. 1. Краснодар.

Новичихин А.М. 2011. Границы Синдики // Былые годы. Черноморский исторический журнал. № 3 (21).

Паромов Я.М. 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI – V вв. до н.э.) // ДБ. 10. М.

Поротов А.В. и др. 2004. Поротов А.В., Горлов Ю.В., Янина Т.А., Фуаш Э. Особенности развития Черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология. 4.

Сокольский Н.И. 1976. Таманский топос и резиденция Хрисалиска. М.

Сударев Н.И. 2014. Греки и варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). СПб.

Суриков И.Е. 2013. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ. 1.

Толстиков В.П. 1992. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. Вып. 10. М.

Тохтасьев С.Р. Еще раз о географии Таманского полуострова в древности // <https://independent.academia.edu/SergejTokhtasev>

Федоров П.В. 1959. О колебаниях уровня Черного моря в послеледниковое время // Доклады АН СССР. 124, № 5

Чевелев О.Д. и др. 2011. Чевелев О.Д., Кашаев С.В., Сударев Н.И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения. Керчь.

Шилик К.К. 1977. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография античных памятников Северного Причерноморья античного времени. М.

Brückner et al. 2006. Brückner H., Müllenhof M., Gehrels R., Herda A., Knipping M., Vött A. From archipelago to floodplain – geographical and ecological changes in Miletos and its environs during the past six millennia (Western Anatolia, Turkey) // Zeitschrift für Geomorphologie N. F., (Suppl. Vol. 142).

Brückner H. et al. 2010. Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vött A. The Holocene sea level story since 7500 BP – lessons from the Mediterranean, the Black and the Azov Seas // Quaternary International. Vol. 225.2.

Brückner H. et al. 2014. Brückner H., Herda A., Müllenhof M., Rabbge W., Stümpel H. On the Lion Harbour and other Harbours in Miletos: recent historical, archaeological, sedimentological, and geophysical research // Frederiksen R., Handberg S. (Eds.). Proceedings of the Danish Institute at Athens. Vol. VII. Athens.

Fouache E. et al. 2012. Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. The Late Holocene evolution of the Black Sea – a critical view on the so-called Phanagorian regression // Quaternary International. 07. 266.

Giaime M. et al. 2014. Giaime M., Baralis A., Marriner N., Morchange C., Porotov A. D'un archipel à une plaine deltaïque. Géographie de l'archipel de Taman (sud-ouest de la Russie) // Géochronique (130).

Kelterbaum D. et al. 2011. Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the example of the ancient Greek settlement of Golubitskaya 2 // Die Erde. Vol. 142. Issue 3.

Kelterbaum D. et al. 2012. Kelterbaum D., Brückner H., Dikarev V., Gerhard S., Pint A., Porotov A., Zin'ko V. Palaeogeographic Changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during the Mid- and Late-Holocene // Geoarchaeology. 05. 27.

Müller C. 2010. D'Olbia à Tanais. Territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique, Bordeaux, Ed. Ausonius.

И.А. ЗАВАДСКАЯ
(Симферополь)

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОЕВ РАЗРУШЕНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ: ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ИЛИ АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР?

При изучении слоев разрушения перед исследователями стоят задачи, связанные, прежде всего, с установлением времени и причин их образования. Данные слои могут быть результатом как природных явлений статического или динамического характера, так и разрушительной или преобразовательной деятельности человека. Сложность заключается в том, что последствия разрушений различного происхождения могут быть во многом схожи. Выяснение причин разрушений на древних памятниках входит в задачи относительно молодой, развивающейся науки – археосейсмологии, выявляющей и изучающей признаки древних землетрясений на археологических объектах. Археосейсмологические исследования, по сути своей междисциплинарные, призваны объединить усилия археологов, геологов, геофизиков, сейсмологов, инженеров, историков. В последние десятилетия изучение землетрясений прошлого стало особенно актуальным и популярным во всем мире. Многими учеными приняты попытки выработать надежные критерии для распознавания сейсмических повреждений, в частности монументальных архитектурно-археологических памятников [Никонов, 1990; Stiros, 1996; Galadini et al., 2006, 2009; Marco, 2008; Rodríguez-Pascua et al., 2011; Hinz et al., 2012; Bottari et al., 2013; и др.].

Наиболее обобщающую и структурированную классификацию археологических последствий землетрясений (Earthquake Archaeological Effects, EAE) предложила группа ученых-геологов из Испании, Мексики и Германии [Rodríguez-Pascua et al., 2009; 2011; Giner-Robles et al., 2012]. В ней обобщен опыт изучения последствий древних и современных землетрясений в разных странах. В данной классификации первичные, непосредственные результаты землетрясений разделе-

ны на геологические последствия (Geological effects) и признаки воздействия на структуру сооружений (Building fabric effects). Геологические последствия подразделены на первичные (сбросовые уступы, разрывы поверхности и тектоническое поднятие/оседание) и вторичные (разжижение, оползни, цунами, горные обвалы). К структурным повреждениям сооружений, которые могут носить сейсмическое происхождение, отнесены деформированные, волнообразно изогнутые полы и вымостки, ориентированные трещины и выломанные острые углы в плитах вымосток, наклоненные, перемещенные и изогнутые стены, проникающие ориентированные трещины в кладках, отбитые углы в блоках кладок, упавшие ориентированные колонны, повернутые и смещенные блоки в кладках и барабаны колонн, выпавшие замковые камни в арках и перемычках окон и дверей, волнообразная деформация и смещение ступеней лестниц и бордюров, следы от падения блоков на вымостках, полах, разрушенные стены, под которыми обнаружены останки людей, обломки посуды, инструменты и т.д. В классификации отдельным блоком выделены вторичные, косвенные последствия землетрясений: пожары, наводнения, внезапное запустение поселения. Авторы относят также к возможным вторичным доказательствам прошлых землетрясений ремонт и усиление поврежденных конструкций, использование антисейсмических строительных методов, которые, впрочем, могли быть результатом заимствования из других культур, пострадавших от землетрясения. Как признают сами авторы классификации, многие из указанных ими признаков могут иметь и несейсмическую природу, поэтому должны трактоваться комплексно, в общем контексте одновременных геологических и строительных деформаций, выявленных на территории всего памятника и региона. Сейсмический характер разрушений и деформаций устанавливается лишь в том случае, когда другие причины исключены.

Методология археосейсмологических исследований продолжает развиваться. Разрабатываются и внедряются новые подходы и методы по выявлению и изучению последствий древних землетрясений и определению их параметров. Эти исследования имеют большое значение как для реконструкции истории того или иного памятника, так и для оценки сейсмической опасности региона в целом. В связи с этим выводы о возможных землетрясениях в далеком прошлом, не отраженные в письменных источниках, должны тщательно проверяться и основываться исключительно на результатах комплексных междисциплинарных исследований.

Необходимость подобных исследований особенно актуальна для Крымского полуострова, который признан сейсмоопасным регионом. Оценка его сейсмического потенциала имеет тенденцию повышаться, о чем свидетельствуют карты сейсмического районирования СССР 1978 г., Крыма 1998 г. и Украины 2004 г. [Пустовитенко и др., 2006]. Значительное влияние на это оказывают различные списки и каталоги крымских землетрясений, в том числе древних. Однако информация о некоторых из них, не отраженных в письменных источниках, нуждается в детальной проверке. В частности, это касается землетрясений, которые якобы происходили в Севастопольской очаговой области и имели разрушительные последствия для Херсонеса/Херсона в III в., в конце V в. и в XI в. [Никонов, 2000; Антонова, Никонов, 2009; критика: Завадская, 2010].

Особую популярность приобрела гипотеза о землетрясении XI в. Доказательная база, собранная ее защитниками, включает в себя данные, взятые из материалов археологических раскопок некоторых оборонительных, культовых и хозяйственных сооружений, а также некрополя города [Антонова, Никонов, 2009; Хапаев, 2008; 2012]. Однако далеко не все представленные «доказательства» могут быть синхронизированы, т.е. связаны с одним событием, поскольку они относятся к разным эпохам либо их датировка точно не определена. Другая важная проблема состоит в определении характера повреждений. В одновременных слоях разрушения, открытых в северном и западном районах города, не выявлены характерные (первичные) признаки именно сейсмического воздействия, следовательно, гибель городских кварталов могла быть вызвана другой причиной, в частности военными действиями. Пока не выявлены сейсмические признаки, которые можно было бы датировать XI в., и на других объектах города и округа [Завадская, 2010]. Связывать многоярусные захоронения в некоторых склепах и гробницах Херсонеса с массовыми жертвами именно землетрясения [Хапаев, 2012] также нет никаких оснований, поскольку большинство подобных сооружений использовались для погребений на протяжении длительного времени. К тому же их хронология нуждается в уточнении. Групповые единовременные захоронения также не могут рассматриваться как результат землетрясения, поскольку могли быть следствием других событий. Таким образом, весомых доказательств в защиту гипотезы о разрушительной сейсмической катастрофе в Херсоне в XI в., как, впрочем, и в другие периоды, пока нет.

Сейсмическая активность Крымского полуострова в античный и

средневековый периоды пока изучена крайне недостаточно. Редкие упоминания о подземных толчках известны благодаря письменным источникам лишь с конца XIII в. Наверняка и в предшествующее время землетрясения случались и влияли на жизнь людей. Но как часто они происходили и насколько разрушительными были их последствия, лишь предстоит узнать в ходе комплексных междисциплинарных археосейсмологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А. Беляев. С-Пб., 2009.
- Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X – XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
- Никонов А.А. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого // Источники и воздействие разрушительных сейсмических колебаний. Вопросы инженерной сейсмологии. М., 1990. Вып. 31.
- Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7.
- Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Пустовитенко А.А. Новые карты общего сейсмического районирования территории Украины. Особенности модели долговременной сейсмической опасности // Геофизический журнал. 2006. Т. 28. № 3.
- Хапаев В.В. Разрушение Херсонеса на рубеже X-XI веков: к изучению причин // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
- Хапаев В.В. Некрополи средневекового Херсона как источник по истории города в начале XI века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2012. Вып. IV.
- Bottari C., Barbano M.S., Pirrotta C., Azzaro R., Ristuccia G., Gueli A. Archaeological evidence for a possible first century AD earthquake in the necropolis of Abakainon (NE Sicily) // Quaternary International. 2013.XXX.
- Galadini F., Hinzen, K.G., Stiros, S. Archaeoseismology: methodological issues and procedure // Journal of Seismology. 2006. 10.
- Galadini F. Defining the Causes of Ancient Building Collapse (Structural Decaying Vs. Seismic Shaking) in Archaeological Deposits

- of Central Italy // *II Quaternario. Italian Journal of Quaternary Sciences*. 2009.22(1).
- Giner-Robles J.L., Pérez López R., Silva Barroso P., Rodríguez-Pascua M.A., Bardají Azcárate T., Lario Gómez J., Garduño Moroy V.H.* Archaeoseismology as an emerging science. *Natural Risks // Seguridad Medio Ambiente*. 2012. 128.
- Hinzen K.G.* Rotation of vertically oriented objects during earthquakes // *Journal of Seismology*. 2012. 16.
- Marco S.* Recognition of earthquake-related damage in archaeological sites: examples from the Dead Sea fault zone // *Tectonophysics*. 2008. 453.
- Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K.* A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) for structural strain analysis in Archaeoseismology // Pérez-López R., Grützner C., Lario J., Reicherter K., Silva P.G. (Eds.), *Archaeoseismology and Palaeoseismology in the Alpine-Himalayan Collisional Zone. Abstracts Volume of the 1st INQUA-IGCP 567 International Workshop on Earthquake Archaeology and Palaeoseismology, 7th-13th September. Baelo Claudia, Spain, 2009.*
- Rodríguez-Pascua M.A., Pérez-López R., Giner-Robles J.L., Silva P.G., Garduño-Monroy V.H., Reicherter K.* A comprehensive classification of Earthquake Archaeological Effects (EAE) in archaeoseismology: Application to ancient remains of Roman and Mesoamerican cultures // *Quaternary International*. 2011. 242.
- Stiros S.C.* Identification of Earthquakes from Archaeological Data: Methodology, Criteria and Limitations // *Stiros, S. and Jones, R., eds., Archaeoseismology. Fitch Laboratory Occasional Paper 7. British School at Athens, 1996.*

А.А. ЗАВОЙКИН
(Москва)

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР И ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА¹

Всякому исследователю античных древностей Боспора очевидно, что отсутствие на Таманском полуострове строительного камня существенным образом отражается на характере застройки поселений, расположенных в этом регионе. Весь камень, используемый здесь при строительных работах, был привозным: в VI–V вв. до н.э. – по преимуществу из Средиземноморья (главным образом, в качестве корабельного балласта²), а начиная с IV в. до н.э. основная масса строительного камня представлена восточно-крымскими известняками, только для некоторых элементов наиболее роскошных ордерных построек по-прежнему использовался средиземноморский мрамор.

Понятно, что подавляющий объем привозного камня концентрировался в городах, поскольку доставка его на строительную площадку была дорога. Дефицит камня в VI – начале V вв. до н.э. был столь значителен, что даже при строительстве общественных зданий его использовали в качестве фундамента весьма экономно. Так, в постройке второй половины VI в. до н.э. (№300) на «Верхнем городе» Фанагории каменный фундамент поддерживал стены только со стороны склона (северная стена и северные части западной и восточной

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное» (РФФИ, № 13-06-00081а).

² В первую очередь, это валуны или колотые обломки вулканических пород, базальты и мраморовидные породы. Помимо этого, в небольшом количестве в постройках раннего периода встречаются сланцы: серый плитняк и розовый мергель (судя по материалам Фанагории, с V в. до н.э., в более ранних – не известен), вероятно, происходящие из Синдики (Анапский, Крымский районы).

стен), в то время как южная половина дома имела целиком сырцово-кирпичные стены, основание которых покоилось непосредственно на материковом песке³. Этот же прием использовался и позднее⁴, например, при постройке дома 819, датируемого уже второй четвертью V в. до н.э.⁵ Основная же часть застройки даже в таком значительном городе, как Фанагория, и в V в. до н.э. оставалась сырцовой, поставленной на поверхность сnivelированного (а не редко и без нивелировки) культурного слоя. Лишь в редких случаях частные дома возводились на каменном фундаменте. В этом плане особенно интересен комплекс из трех помещений (49.24+50.16+50.9) последней трети V в. до н.э., открытых в 1985 г. на «Южном городе», цоколь двух западных из них был построен из валунов и ракушечника, а пристроенное восточное – целиком из плиток розового мергеля⁶. Любопытно, что западная стена помещения 49.24 была сырцовой, без каменного основания.

Вместе с тем очевидно, что уже в ранний период истории этого региона на сельской территории полисов, во всяком случае за пределами так называемой «ближней хоры», достижимой из города пешим порядком (ок. 5 км от него), существовали поселения, на которых земледельцы должны были жить если не постоянно, то во всяком случае в пору сельскохозяйственной страды⁷. В реальности же, несмотря на существенно увеличившиеся масштабы раскопок памятников сельской территории в последние два десятилетия, почти не удалось обнаружить следов жилой и хозяйственной застройки. Обычно после снятия довольно невыразительного морфологически и маломощного (хотя зачастую насыщенного находками) культурного слоя в зачистке на поверхности материка (или в предматериковом слое) выявляются иногда в огромном количестве хозяйственные ямы, заполненные материалом. Вот, собственно, почти всё. Дело не спасает предположение, что некоторые из них могли использоваться в качестве «жилых

³ Кузнецов, Завойкин, 2011; Кузнецов, 2011, 120–121.

⁴ Кузнецов, 2015, 308, 310.

⁵ Завойкин, 2015 (в печати).

⁶ Завойкин, 2004, 62–64.

⁷ См., например: Виноградов, 2009, 69. Исследователь, ссылаясь на работы (Соловьев, Бутягин, 2002, 71; Виноградов, 2006, 75; Горлов, 2007, 96), считает данные о сезонном обитании сельских поселений п-ова в ранний период «убедительными». Следует, однако, отметить, что это предположение надо еще доказывать и едва ли его можно а priori считать универсальным для всего региона. Наличие рядом с некоторыми сельскими поселениями некрополей (рубеж VI–V вв. до н.э., например, некрополя «Артющенко 2») заставляет думать, что не во всех случаях позволительно говорить о сезонном характере поселений на хоре греческих центров.

структур» (землянок и полуземлянок). Как удалось (не без удивления) выяснить, на Тамани объектов, пригодных для рассмотрения их в таковом качестве, до смешного мало! В этой связи я не так давно отмечал, что, несмотря на вероятность в дальнейшем увеличения числа подобных объектов «... уже сейчас ясно, что “ольвийская модель” не может быть применена на сельских памятниках Таманского п-ова безоговорочно. На это следует обратить серьёзное внимание особенно потому, что характеристики грунтов, подстилающих и слагающих культурные отложения в этих двух регионах, по моим представлениям, сопоставимы»⁸.

Попытки отыскать хоть какие-то следы ранней застройки на сельской территории заставляют строить предположения о том, что наземные дома поселенцев сооружались в виде глиноплетневых («турлучных») построек (мазанок), подобных тем, что удалось в середине 80-х годов прошлого столетия раскопать на «Южном городе» Фанагории⁹. Так интерпретируют исследователи СК-6 – единственную до сих пор на хоре Азиатского Боспора наземную постройку архаического – раннеклассического времени. Она имела пять помещений¹⁰ с заглубленными на 0,15–0,25 м полами. Стены её, по мнению исследователей, были сделаны в глинобитной технике на деревянной основе; толщина стен – ок. 0,50 м (т.е. близка размерам сырцового кирпича). С.Л. Соловьев и А.М. Бутягин сопоставляют эту конструкцию с глиноплетневыми фанагорийскими постройками V в. до н.э., хотя эти сооружения неидентичны¹¹.

Подобным же образом пытаются решить проблему Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер, плодотворно исследующие поселение Голубицкая 2. В частности, они пишут: «По всей видимости, жители поселения обитали в наземных домах, сделанных из сырцовых кирпичей, или в турлучных постройках, имевших каркас из деревянных жердей и прутьев. Об этом говорят многочисленные находки фрагментов обмазки с отпечатками прутьев или тростника на внутренней стороне и отдельных сохранившихся целиком сырцовых кирпичей. Подобные постройки известны и в Фанагории, а также на острове Березань (Чистов, 2012. С. 9, 13. Ил. 7). Среди находок есть фрагменты глиняной

⁸ Завойкин, 2011, 33–35. Напомню, что речь шла о памятниках исключительно VI–V вв. до н.э.

⁹ Долгоруков, Колесников, 1993.

¹⁰ В отчете – три помещения, общими размерами 5,5–6,0 м.

¹¹ Соловьев, Бутягин, 2002, 67–74; Соловьев, 1999, 19 сл., рис. 164–166.

черепицы, косвенно подтверждающие факт существования здесь и более основательных построек, к сожалению, пока не открытых»¹².

Иначе говоря, исследователи справедливо допускают возможность застройки поселения обычными сырцовыми домами, но, несмотря на все старания, обнаружить их остатки не смогли. Пока это не удалось сделать практически никому ни на одном памятнике¹³. В то же время сложно поставить под сомнение хотя и умозрительное допущение: именно дома, возведенные из сырцового кирпича (материал для изготовления которого был дешев в силу повсеместной общедоступности глинищ), составляли основу сельской застройки. Как неоднократно и справедливо подчеркивал В.Д. Кузнецов, производство сырцового кирпича и строительство из него домов не требовало ни особых навыков, ни значительных материальных средств, ни долгого времени¹⁴. Но почему, в таком случае, нам не удается обнаружить остатки таких домов за пределами городских стен?

В принципе, ответ на этот вопрос тоже очевиден: они не сохранились. В том числе и потому, что значительная часть сельских памятников в значительной мере уничтожена многократной плантажной распашкой под виноградники, занимающие немалую часть земель на Таманском п-ове. Но этого мало, это не объясняет ситуацию в тех случаях, когда памятники располагаются за пределами возделанных земель. Здесь необходимо учитывать еще один важнейший, природный фактор.

В цитируемой выше своей статье 2011 г. я заострил внимание на особенностях почвообразования и формирования культурных отложений на городских и сельских поселениях. Лейтмотивом была попытка сопоставить между собой характеристики культурного слоя «состоявшихся» городов и «потенциальных», гипотетических апокий (например, Голубицкой, 2, Берегового, 4), стартовавших синхронно и в аналогичных условиях. Была выявлена грация типов синхронного культурного слоя по его насыщенности, мощности и характеру слагающих грунтов. Основополагающий вывод получен такой: в отличие от городских поселений, где формирование слоя практически целиком определяется антропогенным фактором (главным образом – это отложения разрушенных построек и бытового мусора), на посе-

¹² Журавлев, Шлотцауер, 2014, 163.

¹³ Естественно, я не принимаю в расчет сырцовые крепости-батареи и остатки сырцовых частей стен на каменном фундаменте на Таманском полуострове.

¹⁴ Кузнецов, 2000, 86, 318; 2015, 292–293.

лениях сельских в этом процессе доминирует естественное почвообразование (например, лессовые наносы). Разреженность, меньшая насыщенность культурного слоя сельских поселений объясняется также в ряде случаев отсутствием внешних границ и разреженностью поселенческой структуры.

Такой подход в целом, на мой взгляд, сохраняет актуальность, однако требует существенного уточнения. Говоря о почвообразовании, я, по сути, имел в виду процесс формирования культурных отложений или «грунтообразования», в то время как в почвоведении под этим термином подразумевается иное: образование почвы в ходе переработки (механической, химической, биологической) геологических материковых пород¹⁵ (добавим – и культурного слоя тоже). Таким образом, речь велась о формировании отложений, а процесс их переработки игнорировался. В данном же случае этот фактор имеет принципиальное значение. Высокая скорость и мощность накопления слоев разрушения сырцовых построек играют определяющую роль в сохранности строительных остатков, возведенных из необожженного кирпича. Не случайно именно в нижних горизонтах культурного слоя Фанагории имеются оптимальные условия для исследования остатков такого рода построек, в то время как в верхних горизонтах их сохранность, как правило (но не всегда¹⁶), существенно хуже (рис.)¹⁷. На рисунке хорошо видно, что серый слой супеси (гуммированный первые полметра) вплоть до слоя пожара 63 г. до н.э. практически не структурируется, в нем видны отдельные камни и керамика, а остатки сырцовых построек (желтая глина) здесь совершенно не представлены. В то же время мы наблюдаем, что верхний слой не является мусорным накоплением. Иначе говоря, здесь мы можем видеть, что происходит со временем с культурным слоем

¹⁵ «Почва — поверхностный слой литосферы Земли, обладающий плодородием и представляющий собой полифункциональную гетерогенную открытую четырехфазную (твёрдая, жидкая, газообразная фазы и живые организмы) структурную систему, образовавшуюся в результате выветривания горных пород и жизнедеятельности организмов» (википедия по: Ивлёв, 2005).

¹⁶ Сравнительно неплохо этот материал сохранился в позднейших в Фанагории домах хазарского периода.

¹⁷ Разумеется, необходимо иметь в виду и тот фактор, что начало массового строительства домов на каменных фундаментах (в условиях сохраняющегося дефицита на этот материал) имело следствием повторное использование камня, его добычу из старых, разрушенных построек. Не говорим уже о том, что в ходе перестройки нивелировки поверхности (особенно на склоне холмов) приводили к разрушению или даже полному уничтожению предшествующей застройки.

(включая и остатки построек из сырцового кирпича) в ходе почвообразовательных процессов. Равно то же самое произошло и с менее мощным культурным слоем на памятниках сельской территории.

Стены, сооруженные из сырцовых кирпичей, отчетливо читаются даже в слое глины, образовавшейся после разрушения самих построек, в том только случае, когда сохраняется структура кладки: в вертикальном или горизонтальном срезе различимы глиняные промазки (обычно содержащие золу и потому отличные по тону) между отдельными кирпичами; улавливается общее направление стен в плане (иногда очевидное из-за обмазки внутренних фасов стен, часто значительно более светлой в результате меловых добавок, а иногда различимых только за счет структуры глиняных пластов, лежащих горизонтально, в кладке, или беспорядочно, в развале, неравномерно растрескивающихся по мере просыхания). Когда почвообразовательный процесс зашел достаточно далеко, обнаружить остатки кладок, структура которых разрушена, практически невозможно.

Это обстоятельство, во-первых, по существу обесценивает мою попытку определить предположительно статус поселения («городской – негородской») в тех случаях, когда «городская история» того или иного поселения могла быть недолговечной и/или дискретной. А во-вторых, объясняет причину того, почему при наличии многочисленных следов обитания греков на сельской территории (в виде скоплений долговечных материалов – керамики и реже камня, монет и др.) центров, расположенных на Таманском п-ове, обнаружить остатки построек удается весьма нечасто. В числе таких исключений – таманские «батареики», мощные развалы сырцовых оборонительных стен которых консервируют сами себя; это уникальный до сих пор комплекс – «Таманский толос и резиденция Хрисалиска», в основе которых солидные фундаменты из хорошего камня; это Усадьба, 1 у пос. Юбилейный, широкий, но невысокий фундамент которой был выложен из камня, и некоторые др.

Самые ранние из известных мне – фундамент дома, открытого раскопками Ю.В. Горлова и М.В. Калашникова на поселении Приазовский, 4 в 1992 г.¹⁸, и фундаменты целого «квартала» построек, раскопанного В.Г. Житниковым на Волне, 1 в 2012–2014 гг.¹⁹ Тот и другой

¹⁸ Горлов, 1992. По позднейшим находкам, жизнедеятельность на этом участке памятника прекращается в середине – третьей четверти IV в. до н.э.

¹⁹ Искренняя моя признательность Виктору Георгиевичу за натурное ознакомление с результатами его работ в августе 2014 г.

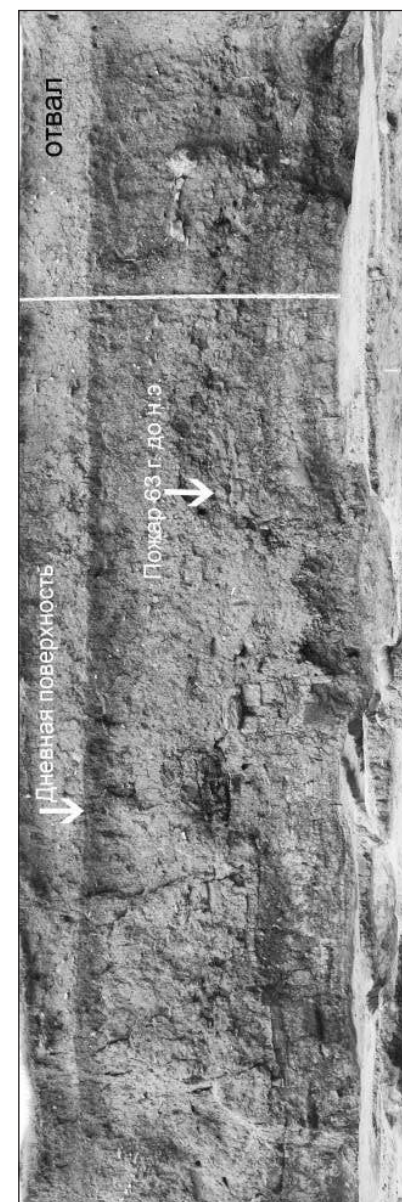
комплексы относятся к IV в. до н.э., в обоих случаях фундаменты построены из местного камня-плитняка: в первом случае – происходящего с близлежащего к поселению мыса Каменный; во втором – источник строительного материала мне не известен. Очевидно, что и в период высшего подъема хозяйственно-экономической деятельности в этом регионе камень при строительстве усадеб использовался крайне редко.

Подводя итог, хотелось бы акцентировать внимание на двух аспектах. *Первый*. Представляя себе физический облик сельской территории западной части Азиатского Боспора, необходимо иметь перед внутренним взором пространство, обильно застроенное обычными типами греческих домов из сырцового кирпича (отдельными усадьбами или деревнями из нескольких домохозяйств), а никак не утлыми туземными шалашами и землянками (если таковые и использовались для хозяйственных нужд – вовсе не они определяли характерные особенности местного ландшафта). *Второй* – физический облик таманских сельских памятников. Широкомасштабные раскопки «коммерческого» характера, затрагивающие тысячи квадратных метров культурного слоя, практически обречены на выкапывание лишь «нетленных» остатков (керамика и др.) вне связи с каким-либо контекстом и зачистку на материке углублений в нем (хозяйственные ямы, следы выработки сырья, колодцы и т.п.), в редких случаях – открытие каменных оснований стен и виноделен (в большинстве случаев – уже римской эпохи). Если даже вполне «академические» раскопки на широкой площади, проведенные со всей тщательностью (Голубицкая, 2), не привели к обнаружению остатков сырцового домостроительства, вряд ли стоит надеяться на то, что спешные и не всегда обеспеченные квалифицированными научными кадрами работы могут привести к желаемому результату.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 1. СПб., 2006.
- Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2006. Вып. XXII.
- Горлов Ю.В. Полевой отчет о работах Таманской экспедиции в 1992 году. М., 1992 // Архив ИА РАН. Р-1. № 17641.

- Горлов Ю.В. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. Т. 11.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1.
- Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // ТрГИМ. Вып. 201. М., 2014.
- Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начала IV вв. до н.э. (по материалам «Южного города»). М., 2004.
- Завойкин А.А. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н.э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. Москва – Киев, 2011.
- Завойкин А.А. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // Сб. статей / Д.В. Журавлев (ред.). М., 2015 (в печати).
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 2011. № 4.
- Ивлёв А.М. Эволюция почв. Владивосток, 2005.
- Кузнецов В.Д. Организация общественного строительства в древней Греции. М., 2000.
- Кузнецов В.Д. Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. Москва – Киев, 2011.
- Кузнецов В.Д. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории) // ПИФК. 2015. № 1.
- Соловьев С.Л. Отчет о раскопках поселения Волна-1 (Темрюкский район Краснодарского края) в 1998 году. СПб., 1999 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 21989.
- Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Архаические комплексы поселения Волна-1 в окрестностях Гермонассы // ТС. 2002. Вып. 4.
- Чистов Д.Е. Комплексы и напластования конца VII — середины VI в. до н.э. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб., 2012.

Фанагория. Раскоп «Верхний город». Западный участок, профиль южного борта.

Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА
(С-Петербург)

ИЗВЕРЖЕНИЯ ГРЯЗЕВЫХ ВУЛКАНОВ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА (конец XVIII – первая половина XIX вв.)

Грязевые вулканы представляют собой достаточно широко распространенное геологическое явление на территории Таманского полуострова. Все они относятся к так называемой «Таманской грязевулканической провинции», которая насчитывает 43 вулкана, 19 из которых являются действующими [Шнюков, 1986, с. 16, Миронюк, 2014]. К ним можно отнести: горы Карабетову, Гнилую, Горелую, Майскую и Цымбалу, вулканы Миска и Шуго, а также сопку Ахтанизовскую [С.П. Лозовой, Е.В. Добровольская, 2010, с. 136].

После присоединения Северного Причерноморья к территории Российской империи Таманский полуостров стал привлекать к себе внимание не только военно-топографического, но и естественно-научного характера. Путешественники, не раз посещавшие полуостров, отмечали не только его археологическое богатство, но и уникальные геологические особенности. Данные о грязевых вулканах и их извержениях были достаточно подробно зафиксированы в путевых дневниках и наблюдениях Г.В. Абиха [Абих, 1867], Ф. Дюбуа де Монпере [Montprèux, 1843] и П.С. Палласа [Паллас, 1795]. К.К. Гёрц отмечает, что эти явления «поразили ученых и, что всего страннее, познакомили нас с массой археологических фактов, так как в результате извержений были обнаружены монументальные и религиозные постройки IV-III вв. до н.э.» [Гёрц, 1870, с. 37].

Одно из первых подобных свидетельств относится к извержению грязевой горы Горелой (Куку-Оба) 24 февраля 1794 г. Как писал П.С. Паллас, «явление это, случившееся на острове Тамань, весьма достойно всяческих подробностей» [Паллас, 1795. С. 39]. Согласно его наблюдениям, на территории Таманского полуострова в конце XVIII в. находилось «порядка восьми изобильных ключей гор-

ного масла, изрыгающих солоноватый, насыщенный воздух». Извержение горы Горелой П.С. Паллас относит к самому мощному, которое когда-либо случалось на Таманском полуострове. По словам местных жителей, оно длилось всю световую часть дня и сопровождалось извержением огня и дыма, а также сильным «выпадом земли и камней с треском, подобном пушечной пальбе» [Паллас, 1795. С. 42]. После извержения началось излияние вулканической брекчии, которое «составило шесть потоков, беспорядочно текших с вершины в равнину» [Паллас, 1795. С. 42]. Согласно оценке Е.Ф. Шнюкова, объем изверженных вулканических пород составил 1 млн. м³ [Шнюков, 1986. С. 37].

По свидетельству К.К. Гёрца, «извержение Куку-Обы в 1794 г. разрушило погребение Сатира» [Гёрц, 1870. С. 37]. Действительно, памятник Сатира I современными исследователями локализуется в районе горы Горелой в юго-западной части Фонталовского полуострова [Завойкин, 2000. С. 48, Зубарев, 2005. С. 341]. Тем не менее, свидетельств об обнаружении каких-либо строительных фрагментов и отдельных находок на вершине горы нет. Однако после извержения мощный слой брекчии вполне мог покрыть имеющиеся там археологические объекты и открытие их в настоящее время вряд ли возможно. Важно подчеркнуть, что данный памятник не являлся местом непосредственного погребения Сатира I, а представлял собой некое свидетельство его значимости, связанное с укреплением власти Спартокидов на территории Азиатского Боспора [см. Завойкин, 2000. С. 47-59].

В 1818 г. произошло извержение Ахтанизовской грязевой сопки [Шнюков, 1986, С. 37], в результате которого был зафиксирован фундамент здания антового типа и обнаружена надпись Ксеноклида [Montprère, p.47, Коерпен, 1823. Р. 21, Ашик, 1848. С. 52, Гёрц, 1870. С. 37].

Согласно описаниям Ф. Дюбуа де Монпере, один из холмов на самом берегу Ахтанизовского лимана, на котором до этого не замечали подобных явлений, «вдруг превратился в грязевый вулкан и начал высоко извергать грязь». Извержение продолжалось около получаса, и после его окончания на вершине оказалась расщелина шириной более полуметра, в которой виднелись камни. Местные жители начали разбирать показавшуюся кладку для использования камня при строительстве церкви Бориса и Глеба в станице Ахтанизовской. Во время извлечения плит на глубине 2,1 м двое крестьян обнаружили каменный фундамент квадратного в плане здания со сторонами около 1,8 м. В противоположных углах постройки были найдены два фрагмента плиты с посвятельной надписью Ксеноклида [КБН № 1014], с которой в 1819 г. П.И. Кёппен сделал копию [Гёрц, 1898. С. 11, Тункина, 2002.

С. 576]. К.К. Гёрц определил постройку, как храм, сооруженный Ксеноклидом и посвященный Диане Агротере [Гёрц, 1870. С. 38]. В 1819 г. в результате небольшого землетрясения произошел обвал на вершине горы Бориса и Глеба. В образовавшейся трещине была обнаружена посвятельная надпись Комоссарии [КБН № 1015], а также фрагменты статуй «богов Санерга и Астары» [Гёрц, 1870. С. 38].

В рамках этой работы нельзя обойти вниманием извержение Карабетовой горы, произошедшее в августе 1853 г., хотя оно и не повлекло за собой никакого археологического открытия. Основным интерес представляет тот факт, что свидетелем этого извержения стал К.Р. Бегичев, который в это время вместе с Я.М. Лазаревским и рабочими переправлялся из Тамани в сторону почтовой станции Сенной для произведения раскопок Фанагории. По его свидетельству, «6 августа, пользуясь благоприятным ветром, мы снялись рано утром из Тамани и, проходя возле Маркетантской косы около 6.30 утра, были свидетелями следующего явления» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Д. 15. Л. 106; Гёрц, 1898. С. 79-81]. Далее следует описание самого извержения: «на вершине горы, называемой Карабетовой, показалось мгновенно вспыхнувшее пламя, быстро увеличивающееся в объеме, сопровождаемое густыми клубами черного дыма. В то же время огромные массы земли, вырванные на воздух вместе с дымом и пламенем, прорывавшимся по разным направлениям, представили нам полное извержение вулкана, пробудившегося на этом самом месте через 35 лет¹ [НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Д. 15. Л. 107]. После первого «последовали второй и третий подобные же взрывы, но уже с меньшей силой и с большими промежутками один после другого» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Д. 15. Л. 107 об.]. Лишь спустя два с половиной часа после начала извержения оказалось возможным подняться на гору, «где вершина представляла собой обширную сплошную массу густой черной грязи, покрывающей поверхность горы». По свидетельству К.Р. Бегичева, внутри кратера слышался постоянный рев «наподобие выпускаемых паров пароходом, усиливавшийся до того, что мы невольно отбегали прочь» » [НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Д. 15. Л. 110]. Всего действие вулкана длилось 3 часа, после чего путь К.Р. Бегичева и его спутников был продолжен по направлению к почтовой станции Сенной.

¹ По данным Е.Ф. Шнюкова, извержения Карабетовой горы происходили до этого в 1818, 1821, 1822, 1832, 1833 и 1835 гг. Интересно также отметить, что извержение Карабетовой горы состоялось в один день с повторным извержением Ахтанизовской сопки, т.е. 6 августа 1853 г. (Шнюков, 1986, С. 36).

В ходе остальных извержений грязевых вулканов на Тамани в XIX столетии (Карабетова гора – 1882 г., гора Миска – 1812, 1843, 1844 гг., горы Цимбала и Гнилая – первая половина XIX в.) не было получено никаких археологических данных.

Подводя итог таких удивительных совпадений, К.К. Гёрц, ссылаясь на мнение Г.В. Абиха, сделал вывод о том, что греки устраивали могилы в почве угасших грязевых сопки, вероятно, не зная периодичности их извержений [Гёрц, 1870. С. 7]. Это неверно, хотя взаимосвязь между грязевыми вулканами и расположением вблизи них античных святилищ безусловно прослеживается. В качестве примеров можно привести несколько сакральных комплексов. Это упомянутое выше святилище на склонах Ахтанизовской сопки. Далее следует святилище, посвященное женскому божеству с чертами Афродиты, Артемиды и Деметры, находящееся на Майской горе (грязевой сопке Блеваке) (рис. 1) и относившееся к Фанагории. Археологические раскопки здесь начались в 1958 г., после открытия фависсы с огромным количеством фрагментов терракот Деметры и Керы. В 1960 г. на вершине сопки были открыты остатки здания антового типа (IV–II вв. до н.э.) [Марченко, 1963. С. 86]. В ходе раскопок, в полевых дневниках археологов встречаются упоминания о плотных слоях вулканической брекчии, затрудняющей раскопки. Это обстоятельство указывает на извержения Майской горы, произошедшие еще в древности.

Необходимо также отметить святилище Деметры и Керы, расположенное в центральной части поселения Береговой-4, в юго-западной части Фонталовского полуострова. Местоположение святилища, помимо ряда других природных факторов, обусловлено непосредственной близостью самого крупного грязевого вулкана полуострова – горы Горелой [Завойкин, 2006. С. 71].

Можно заключить, что на Таманском полуострове святилища устраивались в тех местах, где особенно ярко проявлялось своеобразие местной природы, связанное с действием грязевых и газовых вулканов [Марченко, 1970. С. 125, Завойкин, 2006. С. 62]. Принимая во внимание информацию о ходе извержений, дошедшую до нас, можно себе представить, какие чувства испытывали древние греки, наблюдавшие столь впечатляющие природные явления. Жерло вулкана, извергающее огонь, видимо, олицетворяло собой вход в потусторонний мир, связь с хтоническими божествами, поэтому грязевые вулканы стали характерными опорными точками сакральной топографии Таманского полуострова.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Об археологических разысканиях около Керчи и Тамани и об отпуске для сего денег в 1853 году // НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Д. 15.

ЛИТЕРАТУРА

- Абих Г.В. Отчет г-на академика Герм. Абиха по исследованию месторождений нефти в Закубанском крае и на Таманском полуострове, летом 1866 года. Тифлис, 1867. 23 с.
- Ашик А.Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. В 3 ч. Одесса, 1848-1849. Ч.1. 96 с.
- Гёргс К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1870. 128 с.
- Гёргс К.К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с кон. XVIII в. до 1859 года. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1. 152 с.
- Завойкин А.А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2,7) // ДБ. 3. 2000. С. 47-62.
- Завойкин А.А. Святилище Деметры и Керы на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. 3. 2006. С. 61-76.
- Лозовой С.П., Добровольская Е.В. Природные условия региона // Античное наследие Кубани. М., 2010. С. 133-145.
- Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 86-89.
- Марченко И.Д. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977. С. 121-126.
- Миронюк С.Г. Грязевые вулканы Азово-Черноморского бассейна и прилегающей территории и оценка их опасности для зданий и сооружений. 2014. // электронный ресурс: http://samlib.ru/m/mironjuks_g/03geohazards.html дата обращения: 10.02.2015 г.
- Паллас П.С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795. 72 с.
- Шнюков Е.Ф., Соболевский Ю.В., Гнатенко Г.И., Науменко П.И., Кутний В.А. Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. Атлас. Киев, 1986. 149 с.
- Dubois de Montpèreux F. Voyage autour du Caucase, chez le Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. V. Paris, 1843.
- Koeppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823.

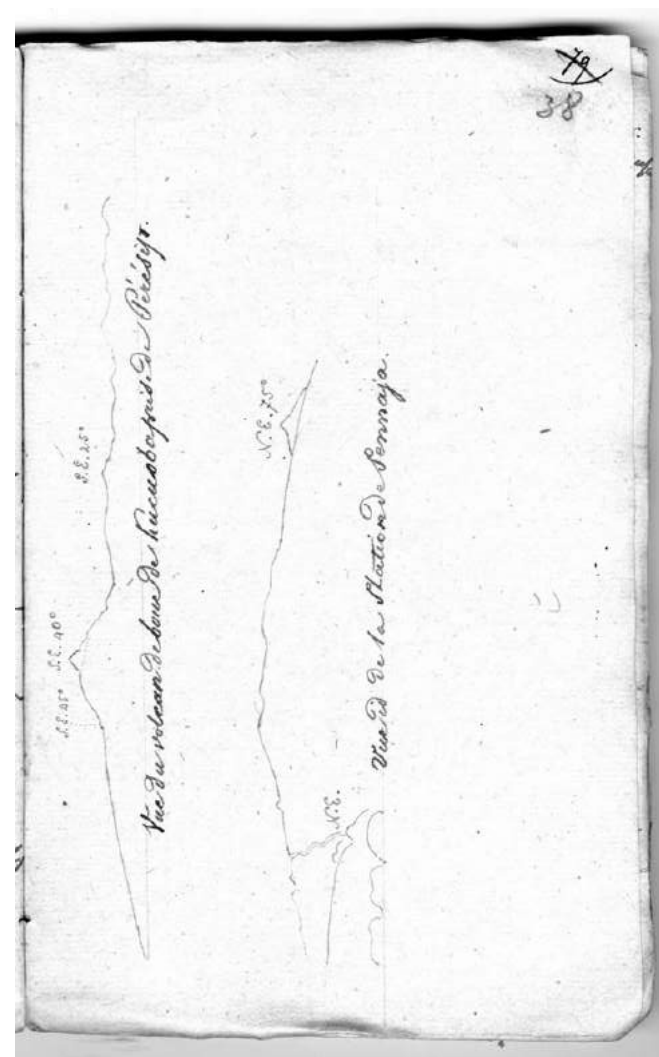

Рис. 1. Вид на вулкан Куку-Оба и вид почтовой станции Сенной. Рисунок Ф. Дюбуа де Монпере. Фрагмент путевого дневника. 1833 г. Бумага, чернила (СПФ АРАН. Ф.86. Оп. 1. Д. 14. Л. 38). Публ. впервые.

А. В. ЗИНЬКО
(Керчь)

**ЮЖНАЯ ЧАСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО
ПОБЕРЕЖЬЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ
(по данным геоархеологических
исследований 2011–2014 гг.)**

При изучении древнегреческих поселений на европейском побережье Керченского пролива важную задачу представляет реконструкция комплекса природных условий окружающих территорий, в частности рельефа прибрежной полосы суши, которые тесно связаны с изменениями уровня Черного моря за последние 3,5 тыс. лет. Несмотря на дискуссионный характер вопроса об амплитуде понижения уровня моря во время «фанагорийской регрессии», относимой к середине I тыс. до н.э., археолого-палеогеографические данные по всему континентальному обрамлению Черного моря свидетельствуют о его относительно более низком положении в этот период. В ходе последующей трансгрессивной фазы, охватывающей последние 2 тыс. лет, повышение относительного уровня моря составило около 3,5–5 м, что сопровождалось затоплением прибрежной полосы шириной в несколько сот метров. Следы культурных слоев в прибрежной полосе Черного моря установлены на подводных окраинах практически всех крупных приморских поселений античного времени. Наряду с этим, подъем уровня моря вызвал активную абразионно-аккумулятивную переработку рельефа береговой зоны, сопровождавшуюся изменением плановых очертаний береговой линии. Как правило, открытые участки берега характеризуются тенденцией к отступанию береговой линии, в то время как в заливах и бухтах происходило ее выдвигание.

Участок побережья южной части западного побережья Керченского пролива, охватывающий приморскую часть сельских территорий античных полисов Нимфей и Тиритака, является примером, где подобные изменения носили достаточно яркий характер. Получены новые данные о строении и геохронологии прибрежных отложений суши, а также особенности сейсмоакустического строения верхней

части разреза на разных структурно-геоморфологических участках побережья. Они использованы для реконструкции развития рельефа прибрежной зоны западной части Керченского пролива за последние 3,0 тыс. лет [Поротов, Зинько, 2013]. Метод высокоразрешающего сейсмоакустического профилирования в сочетании с геологическим изучением прибрежной территории был применен для корреляции комплекса лиманно-морских голоценовых отложений в прибрежной полосе суши с голоценовой толщей прибрежно-морских отложений мелководья, а также для реконструкции развития рельефа в прибрежной полосе западного побережья Керченского пролива в условиях изменений уровня моря за последние 3,5 тыс. лет [Поротов и др., 2014].

При анализе эволюции морских побережий важную роль играет учет влияния разномасштабных колебаний уровня моря, которые представляют собой позицию различных по амплитуде и продолжительности трансгрессивно-регрессивных фаз природы. Сложная структура изменений уровня предопределяет необходимость использовать разные методические подходы при изучении истории развития рельефа побережья, а также обуславливает в качестве одной из основных задач детализацию возрастных рамок отдельных этапов в изменении морских берегов для их корреляции с палеоклиматическими событиями.

25 лет назад в Керчи была создана Комплексная постоянно действующая археологическая экспедиция (сейчас Боспорская охранно-археологическая экспедиция), которая наряду с раскопками античных поселений и некрополей начала проводить подводные разведки. В течение нескольких лет были обследованы припортовые части некоторых боспорских городов у азиатского и европейского побережья Боспора Киммерийского, а также стоянки судов у мыса Такиль и Киммерик. В 1993–1997 гг. в рамках российско-польско-украинского проекта «Нимфей – полис и хора на Боспоре Киммерийском» нашими специалистами совместно с подводниками Варшавы были проведены сплошные археологические разведки в прибрежной части Нимфейского полиса на площади около 7 кв. км. В ходе этих исследований были картографированы затопленные древнегреческие поселения, стоянки судов, места древних кораблекрушений [Scholl, Zin'ko, 1999; Зинько, 2003].

В 2002 г. Боспорская ОАЭ начала новый международный проект «Боспорский город Тиритака», в процессе которого наряду с археологическими исследованиями стали решаться задачи по изучению гавани и стоянок древних судов вблизи Тиритаки, а также приморских

поселений сельской округи, оказавшихся под водой в результате поднятия уровня моря. В связи с этим с 2011 г. Боспорская подводная археологическая экспедиция (БПАЭ) Центра археологических исследований фонда «Деметра» и Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (НИЦИАК) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского приступила к подводным археологическим разведкам в районе южной части западного побережья Керченского пролива. Параллельно этим работам в Керченском проливе проводились сейсмоакустические и геоморфологические исследования под руководством А.В. Поротова. В результате были получены важные материалы о подводных объектах в припортовой части Тиритаки, а также о строении берегов Камыш-бурунской бухты и палео-Чурбашского залива [Porotov, Zinkov., Zinko A., 2012; Поротов и др., 2014].

В ходе изучения затопленной приморской части сельской округи Тиритаки в акватории м. Ак-Бурун были открыты наряду с другими объектами два новых памятника – Белый-1 и Белый-3, относящиеся к гавани и портовой части столицы Боспорского царства [Зинько, 2013; 2014].

Античный памятник Белый-1 располагается на входе в Керченскую бухту на одной из многочисленных в этом районе каменных отмелей и банок, где в ходе проведения подводных археологических разведок БПАЭ была обнаружена искусственная насыпь. Глубина здесь варьировалась от 1,5 до 1,8 м, а у подножия каменной банки было уже от 4,5 до 5,5 м относительно поверхности Керченского пролива. Слой искусственной насыпи состоял из плотной глинистой подсыпки с вкраплением мелких и крупных фрагментов неокатаной керамики. Среди них можно выделить фрагменты фасосских, хиосских амфор и фрагменты синопских и боспорских черепиц. Основную массу обнаруженного керамического материала можно предварительно датировать IV–III вв. до н.э. На этой насыпи был зафиксирован развал каменной кладки, состоящий из нескольких подпрямоугольных известняковых камней. Особо следует отметить, что керамический материал происходит из искусственной подсыпки и содержит фрагменты черепицы, наличие которой, а также остатки фрагментов кладки свидетельствуют о нахождении на каменной отмели какой-то постройки.

Общая площадь памятника Белый-1 составляет около 0,2 га и находится на удалении более чем 1,5 км от м. Ак-Бурун. Он ежегодно подвергается природному разрушению во время прохождения вес-

ной ледовых масс из Азовского в Черное море. Из-за малых глубин пролива ледовые торосы буквально пропахивают все каменные отмели и банки, располагающиеся на их пути. Не исключение и наш островок. Этим можно объяснить и находку якорного камня «финикийского» типа на некотором удалении к югу от каменной отмели. Он имел форму квадрата размером 0,75 x 0,85 x 0,2 м, а в центре имеется отверстие диаметром 0,2 м. Скорее всего, он использовался вторично как строительный материал и был в основании какой-либо кладки, но под воздействием описанных выше природных явлений был перемещен.

На основании полученных материалов можно с большой вероятностью утверждать, что в античное время на входе в бухту Пантикапея со стороны Черного моря находился каменистый островок. На нем в IV–III вв. до н.э. располагалась постройка, которая, вероятно, выполняла определенную роль в судоходстве южной части европейского побережья Боспора Киммерийского.

Не менее интересен объект Белый-3 – развалы битой керамики античного времени, зафиксированные БПАЭ в 2012 г. в акватории м. Ак-Бурун. Здесь, в глубь Керченского пролива на восток – юго-восток, распространяется хребет каменистой отмели. Его длина около 300 м, а ширина колеблется от 2,5 до 5,5 м. Отмель состоит из плотной осадочной породы камня, и видимая под водой часть мергелевой складки обнажилась в результате абразии более рыхлых известняковых пород, лежавших в верхнем геологическом горизонте мыса Ак-Бурун. Формирование современного вида отмели происходило в условиях постоянного гидродинамического воздействия моря. По мере разрушения и смыва верхних рыхлых слоев более устойчивый пласт мергеля толщиной 0,6 м, имевший наклон падения 25°–15° к северу, терял свою устойчивость и ложился в сторону угла падения на подмытую поверхность материковых глин. Во время обследования северного склона хребта каменной отмели у его подножия на расстоянии 50–70 м от береговой линии м. Ак-Бурун, на глубине 2,5 – 3,8 м были обнаружены на значительной площади развалы фрагментов керамики античного времени.

Среди разнообразных фрагментов хиосских, синопских, родосских, фасосских, кидских и боспорских эллинистических амфор следует отметить достаточно большой процент клейменной транспортной тары. Наряду с этим не единичны находки и чернолаковой посуды, среди которой можно выделить фрагмент закраины тарелочки 2-й половины IV в. до н.э., донце скифоса 2-й половины IV в. до н.э., нижнюю часть

канфара конца IV – 1-й четверти III вв. до н.э., а также целый канфар с канелюрами с отбитой левой ручкой последней четверти IV в. до н.э.

При детальном осмотре дна в местах скопления фрагментов битой керамики на памятнике Белый-3 водолазами БПАЭ было установлено, что керамический материал залегал на грунте вместе с современным промышленным мусором. Как выяснилось в дальнейшем, в 1973 г. землечерпалка «Тамань-1» складировала с южной стороны «Минного» мола придонный грунт, который и содержал большое количество целой и фрагментированной античной керамики. Исходя из специфики промышленного мусора, можно предположить, что этот придонный грунт был взят в районе швартовки плавучих доков судоремонтного завода г. Керчи.

В ходе проведения подводных археологических разведок были установлены приблизительные границы памятника Белый-3. Южная и западная оконечности керамического поля Белый-3 имеют естественные природные границы. С запада – это непосредственно береговая линия м. Ак-Бурун, а южной границей служит подводный хребет каменистой отмели, описанный выше. Керамическое поле Белый-3 вытянуто по линии север–юг на 520 м, а по линии запад–восток на 370 м и занимает площадь около 19,3 га. Толщина иловых отложений с керамическим материалом в центральной части объекта Белый-3 составляет более чем 1,5 м. Насыщенность керамического материала, среди которого ранее встречались и целые формы, свидетельствует, что этот объект, вероятно, сформировался на месте стоянки античных судов в акватории гавани Пантикапея, а затем был перемещен к мысу Ак-Бурун.

Результаты подводных археологических разведок, проводимых БПАЭ в 2011–2014 гг., показали, что за последние 2 тыс. лет произошло значительное изменение прибрежной полосы южной части европейского побережья Боспора Киммерийского, в результате которого в ряде мест была затоплена прибрежная полоса шириной более 500 м. Протяженный участок обрывистого берега от мыса Ак-бурун до Тиритаки подвержен постоянной абразии со скоростью около 0,04–0,08 м/год. В результате повышения уровня моря за последние тысячелетия дневная поверхность античного времени в приморской низменной полосе оказалась погруженной на 3–4 м и перекрытой слоем более молодых отложений. Это крайне затрудняет реконструкции палеотопографии на территориях, непосредственно прилежащих к античным городищам, что представляет самостоятельный интерес связи с локализацией древнегреческих портовых районов и гаваней.

ЛИТЕРАТУРА

- Зинько А.В.* Подводные археологические разведки припортовой части Тиритаки // АДУ2012 р. – К.-Луцк, 2013.
- Зинько А.В.* Охранные исследования на некрополе Тиритаки и подводные разведки у мыса Ак-Бурун // АДУ 2013 р. - К., 2014.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея //БИ - Вып. IV. – С.-Керчь, 2003.
- Поротов А.В., Зинько В.Н.* Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (западное побережье Керченского пролива) // БИ. – Вып. XXVIII. – С.-Керчь, 2013.
- Поротов А.А., Мысливец В.И., Зинько В.Н., Зинько А.В., Гайнанов В.Г., Зверев А.С.* Развитие рельефа побережья Керченского пролива в районе м. Камыш-Бурун в позднем голоцене (по данным геоархеологических и сейсмоакустических исследований) //Вестник МГУ, География, № 2. – М., 2014.
- Porotov A., Zinko V., Zinko A.* Paleographic features of the southern European coast of the Bosphorus Cimmerian in the period of Greek colonization //Sealevel andadjustment of the land. Observations and models (SLALOM 2012). International workshop, SLALOM, 2012, Athens, 19-22, Marc, 2012.
- Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological map of Nymphaion (Crimea). Warsaw 1999.

А.В. ЗИНЬКО, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
(Керчь)

К ТОПОГРАФИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО БОСПОРА

Согласно сложившейся к 50 – 60-м гг. XX в. концепции динамики изменения территории позднеантичного Пантикапея и ранневизантийского Боспора, город к концу IV в. значительно сократился в размерах, в основном за счет акрополя и прилегающих к нему кварталов, расположенных на восточной оконечности г. Митридат. Со временем покинутую территорию заняли некрополи, а город сместился к подножию горы, при этом новое его ядро стало формироваться к западу от небольшого мыса, к основанию которого примыкает Генуэзский мол. В рамках этой же концепции предполагалось, что его новые границы совпали с турецкой крепостью, внешнее оборонительное кольцо которой, по мнению А. Л. Якобсона, примерно повторило контур стен города Боспора, сооруженных при Юстиниане I. Соответственно, его размеры в направлении запад–восток едва ли превышали 250 м и, таким образом, не выходили за пределы современной площади Ленина [Марти, 1928, с. 311; Блаватский, 1951, с. 33; Якобсон, 1958, с. 466].

Однако предложенная концепция уже изначально потребовала существенной корректировки, поскольку базировалась на слабой археологической базе и разного рода исторических допущениях. В дальнейшем, по мере накопления археологического материала, ее ошибочность стала проявляться еще отчетливее, поскольку большая часть выявленных комплексов и отдельных находок ранневизантийского периода оказалась далеко за пределами территории, которую якобы занимал город Боспор.

Помимо неоправданного сокращения территориальных границ Боспора, слабо изученными остались и другие вопросы его градостроительной и ландшафтной реконструкции. В немалой степени их

решению препятствовал ограниченный объем письменных источников, в которых к тому же не содержалось топографическое описание города. В этом случае ведущая роль должна была отводиться археологическому изучению памятника. Однако еще в первой четверти – середине XIX в. городское ядро Керчи полностью поглотило территорию, которую занимал средневековый Боспор. Таким образом, его культурные напластования оказались практически недоступны для археологов, не говоря уже о том, что в результате активной строительной деятельности они понесли невосполнимые утраты. Вплоть до 60-х гг. XX в. их археологическое изучение сводилось, в сущности, к небольшим шурфовкам, наблюдениям за земляными работами и доследованию случайно выявленных небольших комплексов. В последующие десятилетия при строительстве в центральной части современной Керчи все же удалось провести археологические исследования. Так в процессе охранных раскопок были открыты отдельные строительные комплексы и небольшие участки жилых кварталов Боспора в районе площади Ленина [Макарова, 1998, с. 350–356], ул. Театральной [Занкин, 2001, с. 46], пер. Кооперативный [Айбабин, 2000, с. 169; Айбабин, 2003, с. 29–30] и пер. 1-й Босфорский [Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15–16]. К сожалению, эти отдаленные друг от друга участки городища дают пока еще весьма поверхностное представление о специфике и динамике его застройки, а также о расположении и структуре отдельных функциональных узлов. К тому же на ряде участков (ул. Ленина, пер. Почтовый, ул. 23 Мая) Крымский филиал Института археологии НАН Украины разрешил строителям вести работы без предварительных охранных раскопок, что привело к утрате культурных слоев древнего городища на значительных площадях.

Результаты раскопок последних десятилетий в совокупности с другими имеющимися в распоряжении исследователей археологическими материалами, в том числе не учтенными ранее случайными находками и наблюдениями во время земляных работ, проведенных сотрудниками Керченского музея, позволяют в значительной степени расширить городскую территорию ранневизантийского Боспора. Как оказалось, она простиралась значительно дальше периметра стен генуэзско-турецкой крепости, охватывая подошву г. Митридат, как в южном, так и в западном направлении. Причем речь не может пока идти о каких-либо надежно зафиксированных границах города. На данном этапе важен сам прецедент, позволяющий судить о Боспоре как о довольно крупном и не утратившем свою значимость портовом городе, который к тому же на протяжении всего рассматриваемого

периода сохранял функции регионального военно-административного и епархиального центра.

С учетом ландшафтных особенностей Боспор в предполагаемых новых границах условно можно разделить на две основные части – северную и юго-восточную. При этом еще не совсем ясно, насколько органично была включена в городскую территорию восточная оконечность г. Митридат и, прежде всего, ее северный склон, где помимо действовавших и постоянно расширявших свои границы городских некрополей, возможно, сохранялись отдельные участки жилой застройки и функционировали немногочисленные производственные комплексы.

Северный – наиболее обширный участок города занимал территорию, ограниченную с юга г. Митридат, а с севера – заболоченной поймой древнего русла реки Мелек-Чесме. На современной карте Керчи северная его граница локализуется между ул. Советская и пер. Кооперативный, где был выявлен участок ранневизантийской квартальной застройки. Западная граница может быть условно маркирована пер. Почтовым, по линии которого был прослежен культурный слой, содержащий керамику VI–VII вв. Южная граница, в пределах которой зафиксированы слои и строительные остатки ранневизантийского времени, пролегает у подошвы г. Митридат, южнее ул. Театральной. И, наконец, с восточной стороны природной границей городу служила береговая черта Керченской бухты, претерпевшая со временем в результате воздействия природных и антропогенных факторов значительные изменения.

Прилежавший к порту и гавани участок города Боспора, на территории которого, видимо, были сосредоточены его основные функциональные узлы, традиционно локализуется в районе Генуэзского мола и церкви Иоанна Предтечи. К северу от мола, по данным геологического бурения, в античную эпоху находился узкий залив. К рубежу нашей эры он был полностью занесен илом и песком. Тогда же эта часть города была отсыпана строительным мусором и застроена. Вероятно, в это же время реконструировали порт, защищенный новым молот, функционировавшим, надо полагать, на протяжении всего средневекового периода. В XIX в. его остатки отчетливо прослеживались в виде каменной гряды, вытягивающейся по направлению к северо-востоку более чем на 300 м.

Недалеко от него находился единственный комплекс рыбозасолочных цистерн, обнаруженный в припортовой части Боспора, частично исследованный Т. И. Макаровой в 1971 г. к востоку от церкви

Иоанна Предтечи. Он состоял как минимум из трех цистерн и функционировал с I-х вв. н.э. до рубежа IX–X вв. [Макарова, 1998, с. 356, 389, рис. 15].

К западу от порта, как предположил А. Л. Якобсон, примерно по периметру современной площади Ленина, были возведены стены ранневизантийского Боспора. В дальнейшем их остатки, видимо, использовали при сооружении генуэзской (а затем турецкой) крепости [Якобсон, 1958, с. 466]. Ю. Ю. Марти реконструировал ее внешнее оборонительное кольцо по линии ул. Адмиралтейский проезд, южной оконечности ул. Кирова, юго-восточной оконечности ул. Ленина, сквера Славы и пер. Димитрова [Марти, 1928, с. 311]. В целом же площадь, защищенная стенами части города, в генуэзский и турецкий периоды составляла 3,2 га, а протяженность стен достигала 617 м [Бочаров, 2005, с. 148–149]. Примерно такую же территорию, следуя логике А. Л. Якобсона, занимал город Боспор. Однако обнаружить следы этих стен не удалось, впрочем, как и нет указаний в источниках на время их сооружения. Иными словами, предположение А. Л. Якобсона нуждается в дальнейшем обосновании и подкреплении археологическими материалами. При всем при этом оно не лишено своего основания, но с одной оговоркой – возведенная рядом с портом крепость защищала своими стенами не весь город, а лишь его небольшую часть, в пределах которой концентрировались важнейшие функциональные узлы города.

После того как турецкая крепость в 1829 г. была разобрана, единственным, к тому же хорошо сохранившимся памятником средневекового Боспора остался крестово-купольный храм X в., известный ныне как церковь Иоанна Предтечи. Благодаря этому обстоятельству ей традиционно уделяли особое внимание, используя в различного рода исторических реконструкциях. Согласно одной из них, церковь была возведена на месте ранневизантийской базилики [Макарова, 1982, с. 98–99]. Среди исследователей такую возможность одним из первых стал последовательно отстаивать Ю. Ю. Марти, определив время сооружения более раннего храма периодом правления Юстиниана I [Марти, 1926, с. 11]. Причем единственным, к тому же косвенным аргументом ему послужили мраморные колонны с византийско-коринфскими капителями конца V – начала (первой половины) VI вв. и колонны алтарной преграды, повторно использованные при сооружении церкви Иоанна Предтечи. В 1957 г. Е. В. Веймарном были открыты строительные остатки, возможно, принадлежавшие более ранней базилике. В шурфах №№ 1, 2, 4, заложенных им вдоль

северной стены храма, были обнаружены остатки стен «более древней постройки, план которой не совпадал с осями плана церкви». Время ее функционирования он предварительно отнес к концу IV / началу V – концу VI вв. [Веймарн, 1957, с. 4–7]. К сожалению, материал, полученный в процессе раскопок, так и не был опубликован. Позднее Т. И. Макаровой в центральной апсиде церкви была открыта более древняя и большая по диаметру апсида. Исследовательница расценила эту находку как «доказательство того, что храм Иоанна Предтечи построен прямо на остатках базилики». В пользу этого же предположения свидетельствовали использованные в фундаменте более позднего храма мраморные блоки, сборный характер колонн и капителей, поддерживающих купол церкви, а также многочисленные находки рядом с церковью обломков мраморных архитектурных деталей [Макарова, 1998, с. 388].

Возможно, в один комплекс построек, связанных с этой базиликой, входило помещение № 8, открытое Т. И. Макаровой в 30 м к северу от церкви. На его общественный характер указывали мощение пола известняковыми, а затем мраморными плитами, обломки штукатурки с красной краской и могила, прорезавшая настил нижнего пола. Устройство в помещении колодца и квадратного в плане каменного сооружения, интерпретированного как купель, позволили исследовательнице рассматривать помещение как «часть крещальни». Время его сооружения она определила «юстиниановским временем», а «тотальное разрушение» комплекса отнесла к концу VII в., связав его с появлением в Крыму хазар [Макарова, 1998, с. 350–355]. В последние годы трактовка и датировка помещения № 8 были подвергнуты сомнению. Как считают А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, предложенная Т. И. Макаровой интерпретация комплекса возможна, но скорее только для его второго строительного периода. Сама же постройка могла быть связана с резиденцией византийского наместника Боспора. Относительно времени сооружения помещения № 8 исследователи в целом согласны с Т. И. Макаровой, но гибель комплекса относят к концу VI – началу VII вв. [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 46–56]. К сожалению, дискуссионные аргументы относительно назначения помещения № 8 на данный момент исчерпаны, поскольку оно так и не было до конца раскопано, а на прилегающем к нему раскопе II работы практически повсеместно были остановлены на более поздних горизонтах.

Обзор ранневизантийских памятников, открытых в припортовой части Боспора, был бы не полон, если не упомянуть еще об одном

храме, располагавшемся не далее чем в 100 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи. В настоящее время это место занимает один из участков квартальной застройки по южной стороне ул. Димитрова. Храм имел прямоугольно-вытянутую форму и завершался тремя полукруглыми апсидами, вытянутыми по одной оси. Западная ее часть раскопана не была, но при расчистке алтаря нашли закладной камень с изображением креста. Характер перекрытия и планировку храма установить не удалось. К сожалению, о каких-либо находках, указывающих на время сооружения церкви, Е. П. Шевелев не сообщил, но большое количество мраморных деталей внутреннего убранства храма в совокупности с его трехнефной композицией позволяет предположительно отнести время его постройки к ранневизантийскому периоду [Науменко, Пономарев, 2013, с. 298–302, рис. 2].

Помимо припортовой части Боспора строительные остатки и культурный слой ранневизантийского времени были исследованы на его северной окраине и у подошвы г. Митридат, преимущественно на восточном отрезке ул. Театральной и ее пересечении с ул. Свердлова. В 50-е гг. прошлого столетия отдельные находки этого периода, преимущественно фрагменты амфор, были зафиксированы в процессе земляных работ, проводимых на ул. Театральной и на ее пересечении с ул. Свердлова. В 1990 г. охранные раскопки на ул. Театральной с западной стороны театра А.С. Пушкина провел А.Б. Занкин. Им был открыт участок средневекового городского квартала, наиболее ранние постройки которого были отнесены к V–VII вв. [Занкин, 2001, с. 46]. К сожалению, материалы этих раскопок, за редким исключением, не введены в научный оборот. И, наконец, в 2006 г. культурный слой ранневизантийского периода был выявлен сотрудниками Керченского заповедника на ул. Театральной напротив дома 12. Небольшой, но хронологически однородный комплекс керамических находок позволил датировать его концом VI – началом VII вв. [Fedoseev, Domžalski, Orait, Kulikov, 2012, p. 63–94].

В пределах северной окраины Боспора единственный участок ранневизантийской квартальной застройки был раскопан в 1990–1992 гг. А. И. Айбабиным в пер. Кооперативный. Наиболее ранние постройки были датированы им III–IV вв. и концом IV – третьей четвертью VI вв. Соответственно более поздние строительные комплексы и стратиграфически соответствующий им слой Д – последней четвертью VI – третьей четвертью VII вв. Здесь же был зафиксирован слой пожара, связанный с нападением на Боспор тюрок в 576 г.,

после которого из трех сгоревших усадеб восстановили только одну [Айбабин, 1999, с. 135–137, рис. 54; 55].

Второй, выделенный нами, участок Боспора охватывал его юго-восточную часть, вытянутую в юго-западном направлении в виде узкой полосы, ограниченной берегом моря и склонами г. Митридат. При этом следует учитывать, что в рассматриваемый период береговая черта подступала значительно ближе к подошве горы. На современной карте Керчи он локализуется в пределах квартальной застройки, расположенной вдоль ул. Свердлова от остановки «Военкомат», южнее пер. Клабукова до пересечения с ул. Театральной. На этой территории, начиная с 50-х годов прошлого века, были обнаружены участки ранневизантийской квартальной застройки и плитово-грунтового могильника, а также отдельные находки, датирующиеся в основной массе VI–VII вв.

В 1956 г. остатки позднеантичного-ранневизантийского городского квартала были зафиксированы во время строительства здания ЮгНИРО, недалеко от пересечения ул. Свердлова и ул. Театральной. Помимо жилых построек здесь удалось обнаружить несколько рыбозасолочных цистерн и пифосов. В 1957 г. при зачистке траншеи по ул. П. Алексеева (к востоку от ул. Свердлова) был найден фрагмент краснолакового блюда с клеймом в виде креста. В 1958 г. в районе пересечения ул. Свердлова и пер. 1-й Босфорский была обнаружена рифленая амфора VI в. с дипинти в виде миноры. В 2004 г. слои раннего средневековья были прослежены в ядрах под опоры троллейбусной линии по ул. Свердлова, откуда происходила керамика VI–VII вв. Вероятно, они могут маркировать юго-восточную границу Боспора в прибрежной части города [Федосеев и др., 2006, с. 245–249].

Последний и наиболее обширный участок в этой части городища исследован в 2007–2009 гг. А. И. Айбабиным на пересечении ул. Свердлова и пер. 1-й Босфорский. На уровне горизонта 3 были открыты остатки четырех усадеб – VI в. и IV (второй половины V) – начала VII вв. В северо-восточной части раскопа исследован комплекс рыбозасолочных цистерн, сооруженный в позднеантичное время. Часть из них была заброшена в конце IV – начале (первой половине) V вв., другие, очевидно, функционировали до первой четверти VI в. Позднее этот участок занял плитово-грунтовой могильник VII–VIII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2010, с. 10–11].

Гораздо сложнее реконструировать городскую структуру и границы Боспора на северных склонах г. Митридат. Еще совсем недавно эта территория считалась покинутой и едва ли не полностью занятой

городскими могильниками. Однако археологические реалии свидетельствуют о том, что наряду с некрополями здесь, по крайней мере, до конца VI – начала VII вв. сохранялись отдельные очаги городской застройки.

В последнее время жилые и хозяйственные комплексы этого времени достоверно зафиксированы на западном плато горы и прилегающем к нему северном склоне. На полу одной из построек, сооруженной не ранее первой половины IV в., обнаружены фрагменты амфор LRA-1. Другая постройка датируется материалом второй половины VI – первой половиной VII вв. О строительной активности на плато в этот период свидетельствуют амфоры типа 99 Зеест, LRA-1 и краснолаковая миска фокейской группы с клеймом в виде креста, найденные в заполнении некоторых перекопов и ям, связанных с выборкой камня. Немаловажным представляется также вывод о сохранении на г. Митридат вплоть до V–VI вв. системы террас [Журавлев, 1999, с. 29–30].

Помимо недавно исследованных участков слои IV – второй четверти VI вв. были в свое время раскопаны В. Д. Блаватским на Эспланадном и Верхнем Эспланадном раскопах [Сазанов, 1989, табл. 5]. До V–VI вв., видимо, продолжали функционировать отдельные производственно-хозяйственные комплексы северо-западного предместья Пантикапея-Боспора, локализуемого между ул. Госпитальной и Старым кладбищем у церкви Св. Афанасия. Один из них в 1929 г. исследован В. Ф. Гайдукевичем. В юго-западном углу Старого кладбища (на пересечении ул. Пугачева и ул. Эспланадной) он раскопал керамическую обжигательную печь, датировав ее второй половиной IV в. [Гайдукевич, 1934, с. 16–50]. Позднее верхняя граница была смещена А. В. Сазановым ко второй четверти VI в. [Сазанов, 1989, табл. 5], чему не противоречат находки в печи миски группы «Фокейской краснолаковой» и позднебоспорской монеты, которые могли находиться в обращении, по крайней мере, до VI в.

Обитаемость северного и отчасти северо-восточного склонов г. Митридат в ранневизантийский период иллюстрируют отдельные, в большинстве своем случайные находки. Так, в 1947 г. на Эспланадном раскопе обнаружен стеклянный экзакгий с изображениями императора, крестов и монограммой – ΠΑΠΠΟΥΣ, близкой монограммам на клеймах эпохи правления императора Маврикия [Кропоткин, 1973, с. 262–263]. В 1977 г. у подошвы северо-восточного склона г. Митридат (на верхней террасе двора школы им. В. Г. Короленко) найдена каменная форма для отливки пальчатых фибул VI–VII вв.

[Айбабин, 1999, рис. 57]. В конце 90-х годов прошлого столетия на ул. Пантикапейской обнаружен моливдовул VII в. с крестообразной монограммой [Алексеев, 2011, с. 128]. Кроме того, на склонах горы нередко находят византийские монеты VI–VII вв. [Кропоткин, 1962, с. 34, № 207; Кропоткин, 1971, с. 218, № 3, 5].

В совокупности с исследованными участками и отдельными комплексами нанесенные на карту индивидуальные находки позволяют условно очертить территорию, в пределах которой на г. Митридат могли размещаться отдельные очаги жилой застройки ранневизантийского периода. По всей видимости, они более всего тяготели к ее северному склону, при этом не выходили за пределы западной линии оборонительных стен Пантикапея. Однако для того, чтобы рассматривать этот район как полноценный – с плотной жилой застройкой и сопутствующей ему инфраструктурой участка города, имеющихся данных пока еще очень мало.

Эта же проблема актуальна и для Боспора в целом, поскольку на данный момент исследованы лишь небольшие, отдаленные друг от друга участки городища, которые не позволяют реконструировать его градостроительную модель. В связи с этим особую значимость при его изучении приобретают неопубликованные материалы, прежде всего богатейшие архивы Керченского музея и научных организаций, проводивших в свое время раскопки на территории Керчи.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки раннесредневекового Боспора в 2007–2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2009 року. К., 2010.
- Алексеев Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40.
- Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // МИА. 1951. № 19.
- Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.
- Веймарн Е.В. Предварительный отчет о работах Восточного отряда Горно-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1957 г. Этап I. Исследования церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Бахчисарай 1957 г. // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 7. Ед. хр. № 45.

Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. М.-Л., 1934. Вып. 80.

Журавлев Д.В. Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Межд. науч. конф., посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач. Тез. докл. - СПб., 1999.

Занкин А.Б. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. - К., 2001.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР / САИ. М., 1962. Вып. Е4-4.

Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 1971. Т. 32.

Кропоткин В.В. Византийский экзагий из Керчи // ВВ. 1973. Т. 34.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.

Марти Ю.Ю. Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926.

Марти Ю.Ю. Проблема раскопок древнего Пантикапея // Труды САРАНИОН. М., 1928. Вып. IV.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2.

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.

Федосеев Н.Ф., Столяренко П.Г., Куликов А.В. Исследования под строительство троллейбусной линии в г. Керчи // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I (к 180-летию Керченского музея древностей).

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.

Fedoseev N.F., Domžalski K., Opait A., Kulikov A. Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch, 2006 // Archeologia. Warszaw, 2012. LXI.

В.Н. ЗИНЬКО
(Керчь)

ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ ФАКТОР В ЭЛЛИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Природная среда оказывала существенное влияние на заселение эллинскими колонистами территорий у Боспора Киммерийского и на последующую деятельность переселенцев. Большое значение для правильного понимания в характере различий греческих колоний имеет выяснение палеогеографической ситуации в местах их основания. Под этим подразумевается не только географические условия местоположения самой апойкии – таких, как наличие пригодных земель, подходящий в военно-оборонительном отношении рельеф местности, удобные гавани, но и весь комплекс природных ресурсов данного региона, а также их доступность для греков-колонистов [Брашинский, Щеглов, 1979, с.37].

В свое время И.Т. Кругликовой была дана одна из первых характеристик природных условий Керченского полуострова в античную эпоху [Кругликова, 1975, с.14–23]. Впоследствии аналогичные разделы присутствовали и в других исследованиях о Боспоре [Шелов-Коведяев, 1985, с.24–44; Яковенко, 1986, с.8–30; Масленников, 1998, с.10–25]. Применительно же к территории отдельного боспорского полиса модель реконструкции древней природной среды была сделана на примере Нимфея [Зинько, 2003, с.13–17].

На территории Керченского полуострова в соответствии с природно-географическими особенностями и историко-археологическими различиями в античную эпоху выделяется несколько своеобразных анклавов: зона пролива, степная зона, Причерноморское побережье, Крымское Приазовье [Зинько, 1991, с.3; Масленников, 1998, с.11 и сл.; Винокуров, 1999, с.84 и сл.]. Зона пролива является наиболее заселенной в античную эпоху и в археологическом отношении одной из наиболее исследованных. Именно здесь, на побережье Боспора

Киммерийского, протяженностью более 40 км, было основано несколько первых древнегреческих колоний. Рельеф этого северо-восточного приморского района Керченского полуострова – характерная холмистая степь, происхождение которой обусловлено относительно молодой складчатостью пород – мезозойских или юрских известняков. Подходя к зоне пролива, невысокий скалистый Парпачский гребень расходится несколькими грядами, отчего этот район полуострова получает веерообразное построение. Северо-восточная часть полуострова представляет собой эрозионно-денудационное плато с абсолютными высотами до 150 м. С северной стороны Парпачский гребень сопровождают веерообразные невысокие хребты, идущие в широтном направлении вплоть до центральной части современного города Керчи, где находится одна из высших точек полуострова – гора Митридат. Вследствие интенсивных денудационных процессов, протекавших в различные геологические эпохи, поверхность этой части Керченского полуострова сильно расчленена балками и бессточными понижениями. В северной части территорий, прилегающих к проливу, следует выделить несколько довольно обширных приморских долин, ограниченных от степных пространств Восточного Крыма каменистыми поднятиями.

Определенное своеобразие имеет южная часть зоны пролива. Она представляет собой обширное несколько приподнятое плато, с севера, юга и запада ограниченное большими, вытянутыми на десятки километров низменными участками с развитой системой балок озер и небольших рек. В настоящее время с северной стороны этой возвышенности располагается система технических водоемов, обозначенных на современных картах как Чурбашское озеро, а с южной – Тобечикское озеро. В древности оба озера являлись крупными обводненными балками, устьевые части которых, судя по всему, подтапливались морем [Поротов, Зинько, 2013]. В античную эпоху Чурбашское озеро составляло часть большой речной системы, истоки которой находятся в глубине Керченского полуострова, впадающей в морской залив, на северном берегу которого находилась Тиритака, а на южном – город Нимфей. Расположенное далее на юг Тобечикское озеро разделяется на две части: западную – узкую и восточную – широкую, почти округлых очертаний. В античную эпоху восточная часть озера представляла собой глубокий морской залив, частично перегороженный северной и южной косами, в который с запада впадала по балке Ичкил-Джилга довольно крупная река, а с севера, вблизи современных сел Челядиново и Огоньки, небольшие речушки.

Естественной восточной границей этих земель был морской берег пролива, конфигурация которого сильно изменена абразией, поднятием уровня моря и перемещением песчаных кос. В настоящее время Керченский пролив достигает длины в 41 км при ширине от 4 до 15 км. Однако установлено, что уровень моря в I тыс. до н.э. был значительно ниже [Беренбейм, 1959], так называемая фанагорийская регрессия, поэтому ширина и глубина пролива были несколько иными. К сожалению, среди специалистов, занимающихся проблемой изменения уровня Черного и Азовского морей за последние 2-3 тысячи лет, нет единства в оценке амплитуды колебания, как для всего бассейна, так и для отдельных участков побережья. Ситуация осложняется тем, что подчас в исторических построениях выборочно используются те или иные фрагменты геоморфологических концепций. Сходная ситуация складывается и в определении величины утраты береговой линии зоны Керченского пролива, которая с учетом средней скорости абразии должна составить за прошедшие века значительных величин. Усиление абразии вело к развитию пересыпей и кос, которые за последние 2,5 – 3 тысячи лет существенно изменили свои очертания. Как считают специалисты, все песчаные косы зоны Керченского пролива находятся в стадии отмирания [Болдырев, 1958, с.85].

Приморские территории, прилегающие с запада к Керченскому проливу, имеют хорошо выраженные в рельефе местности естественные границы, благодаря которым они составляли довольно обособленные в природном отношении анклавы. Связь этой особенности рельефа с месторасположением древнегреческих поселений европейского побережья Боспора Киммерийского была отмечена еще Ф.В. Шеловым-Коведяевым [Шелов-Коведяев, 1985, с.33]. Более отчетливо эта связь видна на примере самых ранних поселений, число которых в первые 50–70 лет колонизации было весьма ограничено. Все они расположены в районах существующих или существовавших в древности котловидных долин, ограниченных со стороны степи невысокими веерообразными скалистыми кряжами. Последние образуют выступающие в море мысы, заключающие между собой глубоко вдающиеся в сушу бухты с аккумулятивными берегами и пологим песчаным побережьем. В настоящее время в какой-то степени сохранились очертания лишь срединной (Керченской) и южной (Камыш-Бурунской) бухт, а северная (Еникальская) бухта полностью исчезла в результате аккумулятивной деятельности моря, а также речных наносов.

Греческие колонии основывались в глубине этих бухт, на возвышенных, подчас скалистых местах, господствовавших над прилегаю-

щими землями и удобными для обороны. Во всех известных случаях рядом с местом колонии в бухту впадала река. Однако конфигурация берегов бухт, русла рек за прошедшее время сильно изменились. Так, Керченская бухта, расположенная в срединной части пролива, была в древности меньше по площади и более мелководная. В нее впадало несколько речек, из которых сохранились три (с юга на север): Джарджава, Мелек-Чесме, Булганак. В срединной части древнего залива, в месте впадения в бухту реки Мелек-Чесме, на довольно высоком холме в начале VI в. до н.э. была основана колония, получившая название Пантикапей. Особо следует отметить, что русло этой реки проходило непосредственно у северного подножия холма, а у восточного – был песчаный берег. В результате речных наносов и аккумулятивной деятельности моря происходило постепенное изменение русла и дельты реки, вследствие чего изменяется и приморская часть Пантикапея.

На высоком скалистом северном берегу этой же бухты в месте впадения ныне несуществующей речки было еще одно поселение – Мирмекий. С восточной стороны, перед небольшой песчаной бухтой с речной долиной, скалистый берег резко обрывался. Специальных геоморфологических исследований здесь еще не проводилось и сложно реконструировать часть территории Мирмекия к юго-востоку от скального завершения коренного берега, где располагалось древнейшее ядро поселения, а также его прибрежную часть.

В северной части западного побережья пролива в глубине ныне несуществующей бухты в VI в. до н.э. было основано еще два поселения. Одно из них – Порфмий, находился в северной части излучины древнего морского залива на довольно высокой мысовой части коренного берега, с южной стороны ограниченного небольшой речной долиной. Состояние береговой линии и конфигурация суши показывают, что в древности этот пункт являлся, по мнению В.В. Веселова, самым удобным местом для переправы. Подъезд к проливу по суше здесь был более пологим, чем в других местах, где преобладают скалистые и обрывистые берега. Позже, когда береговая линия стала отступать от Порфмий и он потерял свое значение [Веселов, 1952, с.235-236]. В юго-западной части этой же бухты на невысоком холме располагалось еще одно раннее поселение – Парфений. С южной стороны холма в древности протекала ныне несуществующая река, впадающая в бухту. Она являлась источником питьевой воды для колонистов.

Большую роль в исчезновении северной бухты сыграли косы. Так, В.Л. Болдырев предполагал, что в северной части древнего пролива

существовала коса, которая в настоящее время полностью уничтожена морем. Эта Еникальская коса выдвигалась в море к юго-востоку от мыса Фонарь и под действием ветров все более отклонялась к западу, пока не сомкнулась с современным западным берегом Керченского полуострова в районе древних поселений Порфмий и Парфений [Болдырев, 1958, с.87, 89]. Д.Я. Беренбейм подсчитал, что при возможности равномерного заполнения древней бухты песком и илом с IV в. до н.э. по I в. н.э. море отступило от Порфмий на 250 м [Беренбейм, 1959, с.48]. В наши дни это поселение находится на удалении в 1,5 км от современного берега Керченского пролива.

Значительных изменений претерпела и Камыш-Бурунская бухта, особенно ее центральная и южная часть. Подъем уровня моря вызвал активную абразионно-аккумулятивную переработку рельефа береговой зоны, сопровождавшуюся изменением плановых очертаний береговой линии. Как правило, открытые участки берега характеризуются тенденцией к отступанию береговой линии, в то время как в заливах и бухтах происходило ее выдвижение. Участок побережья между Камыш-Бурунским заливом и озером Тобечик, охватывающий приморскую часть сельских территорий античных Нимфея и Тиритакки, является примером, где подобные изменения носили достаточно яркий характер. Результаты подводных археологических разведок показали, что за последние 1,5–2,0 тыс. лет произошло затопление прибрежной полосы шириной около 400–500 м. Протяженный участок обрывистого берега между м. Камыш-Бурун и озером Тобечик подвержен устойчивому отступанию со скоростью около 0,4–0,8 м/год. В результате повышения уровня моря за последние тысячелетия дневная поверхность античного времени в приморской низменной полосе оказалась погруженной на глубину до 5 м и перекрытой слоем более молодых отложений, что крайне затрудняет реконструкции палеотопографии на территории, непосредственной прилегающей к античным городищам [Поротов, Зинько, 2013].

Результаты геоморфологических и подводных археологических исследований, проведенных нашей экспедицией за два десятилетия, дают возможность воссоздать палеогеографическую ситуацию в южной части зоны пролива для приморской территории двух ранних поселений – Тиритакки и Нимфея. Полоса современного дна пролива шириной 250 – 300 м на глубинах от 0 до 4 м являлась склоном древней приморской террасы, на которой располагались античные поселения и курганы. Их остатки еще видны на линии прибоя. Следующую полосу современного дна шириной 80 – 100 м на глубинах

4 – 4,6 м можно связывать с припортовой зоной древнего Нимфея и сельских усадеб хоры. По данным подводных исследований, здесь имеются признаки существования античных построек и подъездных путей к ним. Далее шла полоса шириной около 100 м на глубинах 4,6 – 6 м, которая имеет довольно крутой склон с перепадами высот 1,5 – 1,7 м. Судя по всему, именно в этой зоне происходили сезонные изменения уровней Керченского пролива в древности. Мористее на полосе современного дна пролива шириной около 100 м и на глубинах 6 – 6,5 м располагались древние лодочные стоянки на палеоглубинах 0,5 – 0,7 м. В целом, сделанные замеры и картографирование подводных археологических объектов показывают, что минимальный уровень фанаторийской регрессии для района Нимфея в IV в. до н.э. мог соответствовать отметке 5,5 – 5,7 м ниже современного уровня Черного моря. Следовательно, за прошедшие 2,5 тысячи лет под водой оказалась полоса древней прибрежной зоны шириной более 400 м, что составляет около 3 кв. км территории Нимфейского полиса. Значительным разрушениям подверглась и древняя часть Нимфейского поселения, причем соотношение планов раскопок 30-х годов прошлого века с нынешней ситуацией показывает, что эти процессы продолжаются.

Геоморфологическая реконструкция проведена и для территории Тиритакского поселения, расположенного в вершине залива на высоком коренном останце, омываемого в древности с юга-запада рекой. Далее к югу располагалась широкая речная долина, по которой протекала еще одна река – палео-Чурубаш. Особенности конфигурации системы древних береговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палеозалива, которая на фоне продолжавшегося подъема относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурубашский лиман от моря, превратив его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором расположено Тиритакское поселение. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-Бурунского залива составляет 2–2,5 км [Поротов, Зинько, 2013]. Таким образом Тиритака сейчас оказалась на некотором удалении от морского берега. Эти же процессы способствовали и исчезновению бухты Нимфея, примыкавшей с севера к городищу.

Побережье пролива, как и всего Керченского полуострова, обладает повышенной сейсмической активностью. Особенности гео-

логического строения, связанные с близостью Южно-Азовского тектонического разлома, свидетельствуют о том, что здесь возможны колебания силой до 8-9 баллов. Данные письменных источников о землетрясении 63 г. до н.э., а также ряд археологических наблюдений свидетельствуют, что последствия таких природных катастроф могли существенно повлиять на ландшафт и особенности исторического развития данного региона.

Зона пролива обладает одной из лучших на Керченском полуострове агропроизводственной группой почв. Это слитные керченские тяжело- и средне-глинистые черноземы, развитые на третичных глинах и их делювии по широким долинам и их склонам, образуют особый вид южных черноземов приморского варианта и охватывают северо-восточный угол Керченского полуострова. С юга на склонах Парпачского гребня к нему примыкает область карбонатных средне- и маломощных черноземов [Дзенс-Литовская, 1970, с.28–30, сл.]. По своим физическим и физико-химическим свойствам, условиям залегания почвы этого района обладают наиболее высоким плодородием и ценностью на Керченском полуострове. Они пригодны для зерновых культур, виноградарства, бахчеводства. Недостаточно только обеспечение активной влагой, чем вызывается известная неустойчивость урожаев сельскохозяйственных культур. Но в сочетании с небольшой увлажненностью высокая степень прогревания почв создает благоприятные условия для развития земледелия. Лишь для небольших участков побережья, где преобладает холмистый рельеф, отмечены петрофитные степи, для которых характерно слабое развитие почвенного покрова [Дзенс-Литовская, 1970, с.75]. Таким образом, вблизи каждой из колоний находились значительные по площади пространства пригодных для сельского хозяйства обводненных земель, защищенные со стороны степей невысокими веерообразными скалистыми кряжами.

Для колонистов большое значение имели рыбные богатства региона. По свидетельству Страбона, в древности через пролив из Азовского в Черное море проходили косяки пеламиды [Strabo, VII. 6.2], а осетры в здешних местах достигали размеров дельфина [Strabo, VII. 3.18]. Судя по костным остаткам рыб, найденным при раскопках, греки вылавливали керченскую сельдь, осетровых, кефаль, анчоусы, камбалу, судака и тунца.

Богаты земли западного побережья Керченского пролива и природными минеральными ресурсами. Наиболее распространен камень, образованный органическими отложениями. Чаще всего встре-

чаются сарматские и меотические известняки-ракушечники, нередко выходящие на поверхность. Прочными мшанковыми известняками сложены многие приморские мысы. Ближе к речным поймам и морскому побережью, по склонам балок имеются относительно хорошие по качеству тонкие палеогеновые и меловые охристые глины. Они использовались в античности для местного гончарного производства. Для керамического и стекольного производства применялись и встречаемые здесь слабо ожелезненные пески. Значительны здесь и запасы железных руд, которые встречаются в одних слоях с сарматскими и меотическими известняками. В ряде случаев в краевых частях рудные мульды выходят на поверхность, делая возможным добычу открытым способом. Однако, насколько они могли быть использованы в эпоху античности, окончательно не решено. Керченская железная руда отличается рядом свойств: пылевидность, низкий процент железа, большое количество фосфора, которые, вероятно, делали невозможным ее использование в условиях античной металлургической техники, добывавшей кричное железо непосредственно из руды в примитивных плавильных горнах [Гайдукевич, 1949, с.116–117].

В заключение следует подчеркнуть, что прибрежные территории пролива обладали в античное время необходимыми условиями и возможностями для земледелия и животноводства, в его средиземноморском варианте, конечно же, с учетом северо-причерноморской специфики. А все природные богатства, а также удобный как в хозяйственном, так и в военно-оборонительном отношении рельеф местности делали европейское побережье Боспора Киммерийского довольно благоприятной территорией для выведения древнегреческих апойкий и развития самостоятельных государственных образований полисного типа. Все эти природно-ландшафтные особенности местности способствовали концентрации на узкой полоске побережья нескольких самостоятельных поселений, однако в каждой из больших заливов-бухт их могло быть основано не более одной-двух.

Е.А. ЗИНЬКО
(Керчь)

ПРИРОДА КИММЕРИДЫ В РОСПИСЯХ БОСПОРСКИХ СКЛЕПОВ

В свое время, анализируя росписи боспорских склепов, В.В. Стасов указывал, что основное их своеобразие состоит в правильной, хотя и условной передаче реальной жизни Боспора в античное время. «Керченские фрески являются чем-то вроде «tableaux de genre» одной в высшей степени любопытной местности и эпохи: они иллюстрируют нам с большой подробностью жизнь, события и нравы частных людей одной из тех разнообразных национальностей, которые почти два тысячелетия тому назад жили в местности нынешней Керчи. Эти исторические документы – неоцененные. Они восстанавливают то, о чем молчит история, что было пропущено на ее страницах, или что исчезло с них» [Стасов, 1872, с.220]. В определенной степени эти слова справедливы и для реконструкции природной среды, окружавшей боспорские города. Конечно, учитывая специфику росписей в погребальных склепах, в задачу древних живописцев (в большинстве своем очень посредственных) не входило реалистическое отображение местных ландшафтов и животного мира. Однако некоторые представления о природной среде Боспора в первые века н.э. можно все же почерпнуть.

Изображение окрестностей Пантикапея можно встретить в росписи склепа Анфестерия Гегесиппова, открытого в 1877 г. на северном склоне г. Митридат. Главное изображение, расположенное в люнетке задней западной стены погребальной камеры, представляет собой жанровую реалистическую картину, изображающую, не без условности, сцену из жизни погребенного с целым рядом бытовых подробностей [Ростовцев, 1914, с.172]. Изображенный условно-реалистичный пейзаж с условными сценами выезда и сидящей женщины навеян картинами из жизни знатного пантикапейца I в. н.э. в сте-

пи среди своих табунов. В тени деревьев небольших рощ, которые еще до сих пор встречаются в окрестностях Керчи, организовывалась временная стоянка и ставилась войлочная палатка с деревянной основой, врытой в землю [Вайнштейн, 1976, рис. 6.3.4]. Росписи склепа Анфестерия, как и большинства керченских склепов, постигла печальная участь – он оказался уничтоженным. Посетивший этот склеп в 1908 г. В.В. Шкорпил писал, что «от фресок остались только отдельные пятна красок» [Шкорпил, 1910, с.80].

Иной пейзаж представлен в росписи главной люнетки склепа Алкима Гегесиппова, обнаруженного в 1867 г. на некрополе Пантикапея [Ростовцев, 1914, с.161–169]. М.И. Ростовцев полагает, что он не является «плодом фантазии рисовальщика», а реалистично представляет поляну в роще и бегущую лань [Ростовцев, 1914, с.165]. В античный период в окрестностях Пантикапея было значительно больше рощ и дубрав, уничтоженных впоследствии в результате активной антропогенной деятельности. Так Н.И. Сокольский на основании данных П. Дюбрюкса и И. Бларамберга, обозначивших при составлении карты Боспора «горы, которые покрыты лесом» и где, по их словам, еще в начале XIX в. вырывали корни больших деревьев, располагал одну из таких крупных рощ к северу от Пантикапея, в районе современной деревни Войково. Вслед за Феофрастом, описавшим ближайшие окрестности Пантикапея [Теопhr., IV, 5, 1], он считал, что местная боспорская древесина была невысокого качества, т.к. отсутствовали хвойные и лучшие древесные породы, пригодные для строительства зданий и кораблестроительства. Из лесных деревьев здесь произрастали дуб, вяз, ясень и т.п., из древесины которых греки делали только предметы дворового обихода [Сокольский, 1971, с.22–24].

Аналогичные сюжеты с изображением лиственных деревьев и животных можно видеть в росписях еще нескольких пантикапейских склепов. Так, в склепе 1891 г. у входа на южной люнетке сохранилось изображение оленя (рис.1), щиплющего листву с дерева [Ростовцев, 1914, с.190; табл.LII, 1]. В склепе 1872 г. на западной боковой люнетке также среди трех деревьев нарисован бегущий олень [Ростовцев, 1914, с.303; табл.LXXVIII, 2], а на южной стене центральной ниши-лежанки возле двух деревьев в высокой и густой траве натуралистически изображены звери: слева дикий кабан и справа медведь [Ростовцев, 1914, с.304; табл.LXXVI, 2]. Изображения некоторых диких животных, обычно это кабан и олень, встречаются и в росписях других склепов в так называемых сценах охоты. Судя по

находкам костей в археологических слоях боспорских городов Нимфей, Тиритака, Пантикапей, Мирмекий, такие крупные дикие животные, как сайга, олень, волк, кабан, могли обитать в античную эпоху на Керченском полуострове.

Помимо животных, в росписях пантикапейских склепов встречаются и изображения птиц. На плафонах двух погребальных камер склепа Ашика, датируемого I в. н.э., были реалистично нарисованы летящие гуси и голуби [Ростовцев, 1914, с.354, табл.LXXXVIII, 1–2]. В склепе 1891 г. люнетки боковых стен заполнены разнообразными реалистически–условными изображениями птиц, среди которых можно опознать дроф и фазанов [Ростовцев, 1914, с.189–190; табл. LIV,3]. Несколько полихромных достаточно правдоподобных изображений птиц из семейства соек сохранилось на своде склепа Деметры (рис.2). Оперение брюшка и ноги всех птиц розовые, головки и крылья – синие, длинные закругленные хвосты у одних – синие с черными крапинками, у других – розовые с черными крапинками. Ноги птиц широко расставлены, длинный клюв открыт, крылья приподняты [Зинько и др., 2009]. В росписях поздних склепов также встречаются многочисленные довольно условные изображения голубей (рис.3), выполненные красной или черной краской [Зинько, 2006; 2008].

Встречаемые в росписях пантикапейских склепов I-х вв. н.э. ландшафтные пейзажи, рисунки животных и птиц, несмотря на всю условно-реалистичную трактовку и подчиненность сакральному содержанию погребальных изображений, являются важным источником знаний о природе европейского Боспора в античную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилищ степных кочевников Евразии //СЭ, 1976. № 4.
- Зинько Е.А. Изображения птиц в пантикапейских склепах IV–V вв. н.э. //Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековье. Ойкос. – Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006.
- Зинько Е.А. Новый (?) склеп некрополя Боспора ранневизантийского времени //ТГЭ, XLII. – Византия в контексте мировой культуры. СПб, 2008.
- Зинько Е.А., Русяева А.С., Савостина Е.А. [и др.]. Склеп Деметры. К., 2009.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Стасов В.В. Катакомба с фресками / ОАК. СПб., 1872.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья /МИА, вып. 178. – М., 1971.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1908 г. / ИАК, вып. 40, СПб., 1910.

Рис. 1. Склеп 1891 г. Роспись южного люнета.

Рис. 2. Склеп Деметры. Изображение сойки.

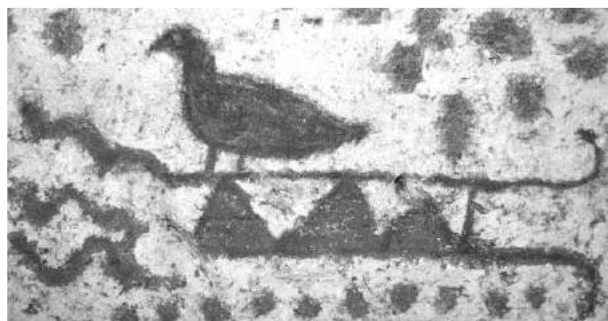

Рис. 3. Склеп № 46 (Система 2003 года). Изображение голубя.

В. Г.ЗУБАРЕВ, С. Л. СМЕКАЛОВ, С. В. ЯРЦЕВ
(Тула)

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ЛАНДШАФТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УРОЧИЩА АДЖИЭЛЬ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД¹

Связь расположения древних поселений с условиями среды обитания и, в особенности, с потенциалом сельскохозяйственного производства очевидна. Не менее очевидна и зависимость выбора места для поселения от особенностей имеющегося в наличии ландшафта. В этой связи несомненный интерес представляет анализ исторической ситуации на конкретной территории при наличии на ней одного или нескольких доминирующих объектов антропогенного воздействия на окружающую среду. В нашем случае таковой территорией является урочище Аджиэль.

Урочище Аджиэль занимает часть территории Восточного Крыма, примыкающей к Азовскому морю восточнее Узунларского вала. Свое название эта местность получила от расположенной здесь балки Аджиэль. Основная часть урочища и балки расположена в пределах квадратов 3270, 3272, 3070, 3072, 2870, 2872, 2874, 2672, 2674 топографической карты ГШ СССР масштаба 1:100000 (рис. 1). В результате исследований, проведенных в XX веке, здесь, кроме большого количества курганов, выявлено более десяти античных археологических памятников других типов – поселения, оборонительные форты-башни, земельно-межевые структуры, грунтовый некрополь. Археологические раскопки проводились в 2000–2002 гг. на Узунларском валу на одной из прилегающих башен [Масленников, 2003, с. 63–87], в 50–70-е гг. прошлого века на поселении III в. до н.э. – начала IV в. н.э. –

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища Аджиэль и городища Белинское)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).

Ново-Отрадное-I [Кругликова, 1975, с. 270, № 185; Кругликова, 1998], и с 1996 г. по настоящее время исследования ведутся на городище Белинское и его некрополе [Зубарев, 2000, с. 63–77; Зубарев, 2004] (рис. 1).

Городище Белинское является одним из крупнейших укрепленных городищ Восточного Крыма. Его площадь в пределах оборонительной стены – 8,2 га. Доминирующее значение этого поселения в рамках урочища Аджиэль, по крайней мере, для римского и позднеантичного времени сомнений не вызывает. Существование столь крупного центра, как и других поселений в этом районе, с одной стороны, связано, вероятно, с необходимостью обороны Боспорского царства и контролем над территориями, где в древности шли кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань, с другой – с благоприятными условиями для жизнеобеспечения гарнизона и гражданского населения. Одним из таких факторов, очевидно, являлось наличие воды, идущей по балке Аджиэль, другим – благоприятность условий для ведения сельского хозяйства, которые мы и попытаемся оценить далее.

В последние годы появилось достаточное количество работ, в которых рассматриваются возможности производства зерна в государствах Северного Причерноморья, в том числе и в Боспорском царстве [Кузнецов, 2000, с. 107–120; Одрин, 2004, с. 51–55; Одрин, 2007; Смекалов, 2011, с. 177–178]. Поднимался вопрос и о связи структуры сельских поселений с современными данными о плодородии, включая Керченский и Таманский полуострова [Гарбузов, 2009, с. 123–140; Гарбузов, 2015]. Как показано в работах Гарбузова, значительная часть поселений тяготеет к наиболее плодородным и в современное время землям. Это можно объяснить тем, что свойства почв, если они не были в исторически краткосрочном периоде нарушены антропогенными или стихийными воздействиями, связаны с почвообразующими породами, которые были в античности теми же самыми.

На рис. 1 представлена схема границ горных пород урочища Аджиэль и прилегающей территории, построенная на основании Государственной геологической карты России масштаба 1:200000 [карта, 1973]. Цифрами на рисунке обозначены типы пород, отмеченные на данной карте (на схеме некоторые виды объединены по сравнению с исходной картой).

1. Современные отложения. Пески, глины.
2. Нижний и средний плиоцен. Пески, глины, железные руды, ракушечные известняки, мшанковые рифы.

3. Средне и верхнечетвертичные отложения. Ракушечники, пески, суглинки.
4. Верхний миоцен. Мэотический ярус. Ракушечные известняки, мшанковые рифы, глины.
5. Верхний миоцен. Мшанковые рифы мэотического яруса.
6. Верхний миоцен. Сарматский ярус. Верхний подъярус. Глины, мергели, известняки.
7. Верхний миоцен. Сарматский ярус. Средний подъярус. Глины, мергели, известняки, пески.
8. Верхний миоцен. Сарматский ярус. Нижний и средний подъярусы. Глины.
9. Средний миоцен. Тарханский, чокракский, караганский и конкский горизонты. Глины, мергели, песчаники, известняки, гипсы.
10. Нижний миоцен. Майкопская серия. Верхняя часть. Глины с конкрециями сидеритов.

Как видно на рисунке 1, основную часть урочища занимают породы, обозначенные 2, 4, 8, т. е. преимущественно глины и ракушечные известняки разного времени. Именно эти породы и образуют материковый фундамент, подстилающий культурные напластования плато, на котором расположено городище Белинское.

Это плато первоначально, по-видимому, представляло собой единое целое с массивом ракушечника на противоположной стороне Аджиэльской балки. Последняя делает в этом месте небольшой изгиб, образуя нечто вроде мыса. При этом большая часть северо-восточного и юго-восточного склонов плато со стороны Аджиэльской балки имеет довольно крутой спуск, что, безусловно, способствовало усилению безопасности этого участка. Как показали раскопки, древняя дневная поверхность в северо-восточной части плато представляла собой относительно ровный выход желтого ракушечника, углубления в котором были заполнены материковым суглинком и глиной. Этот пласт ракушечника повышался в юго-западном направлении, достигая своего максимума в южной части (перепад высот на уровне древней дневной поверхности между восточным и южным участками составляет более 9 метров).

С другой стороны, юго-западная оконечность плато, на котором расположено городище, была наиболее опасной с точки зрения внешней угрозы, т. к. не имела естественной защиты. Ров, проходящий здесь в настоящее время, имеет искусственное происхождение. Правда, время его сооружения пока неясно, учитывая то обстоятельство, что на южном склоне плато в период поздней бронзы существовало

поселение. Впрочем, в нашем случае это не имеет значения. Сравнение плато с окружающим ландшафтом свидетельствует, что данное место являлось наиболее удобным с точки зрения основания поселения. К юго-востоку от него местность низменная, а имеющиеся к северо-западу возвышенности сложены из более твердого мшанкового известняка и имеют менее пологие вершины.

То, что место под строительство городища было выбрано не случайно и напрямую зависело от особенностей ландшафта, подтверждает и анализ почв на территории урочища Аджиэль. Схема почв, построенная на основании карты почв Украинской ССР масштаба 1:200000 [Грунты, 1967, листы 147, 154], показана на рисунке 2.

Согласно этой схеме, большую часть урочища занимают тёмно-каштановые почвы на тяжелых засоленных глинах (2), луговые и глубоко средние и сильно солонцеватые почвы, солончаки и солончаковый ил (3), черноземы южные слабогумусированные мицелляро-карбонатные на лессах и лессовидных породах (4), черноземы солонцеватые на плотных засоленных глинах и черноземы карбонатные щебнистые и галечниковые на карбонатных породах (6). Сопоставление геологической и почвенных карт позволяет выявить примерное соответствие:

Породам, обозначенным номером 2 (рис.1), соответствуют по большей части почвы 3 и 4 (рис. 2); породам 4 соответствуют почвы 4 и породам 8 соответствуют почвы 2 и 6. Таким образом, имеет место примерное соответствие видов горных пород и типов почв на значительной части урочища. Это говорит о том, что типы почвы определяются почвообразующими породами и, следовательно, не связаны с антропогенным или прочими воздействиями. Отсюда можно предполагать, что в античности они были такими же.

Наиболее плодородными из четырех типов почв, занимающих урочище, являются почвы 4 – черноземы южные мицелляро-карбонатные. Причем данный тип почв вообще является одним из самых плодородных на Керченском полуострове, и площади, занимаемые им, составляют всего около 30000 га, т.е. примерно 10% полуострова. Подобные почвы имеются в окрестностях Пантикалея, Тиритаки, Нимфея, Акры, Китея, а также в некоторых центральных районах полуострова. Согласно имеющимся данным [Драган, Блиндман, 1996, с. 34–39], бонитет этих почв составляет для озимой пшеницы 78, ячменя – 80, кукурузы – 70, винограда – 89, семечковых плодовых культур – 73 и косточковых плодовых культур – 76 баллов по 100-балльной

шкале. В то же время для остальной части полуострова выраженный в баллах бонитет составляет в основном 30–50.

По площади массив почв 4 состоит из двух частей: восточнее балки Аджиэль площадью 880 га и западнее площадью 1060 га, 320 из которых находятся между Узунларским валом и балкой. Общая же площадь массива составляет 1940 га, и он занимает 4-5 место по площади единых массивов почв данной категории на полуострове.

Городище Белинское расположено в 1-2 км к северу от массива плодородных земель, что подтверждает сделанное выше предположение о связи местоположения поселения с локальными особенностями рельефа и, в первую очередь, с наличием удобного плато, защищенного с трёх сторон Аджиэльской балкой. Стратегически возникновение здесь крупной крепости определялось необходимостью защиты рубежей Боспора в данной местности. Наличие же воды и значительного массива высокопродуктивных земель, которые могли обеспечить существование гарнизона и гражданского населения, в сочетании с обилием строительного материала (камень твёрдых и мягких пород, а также глина), способствовали постепенной эволюции этого первоначально военного поселения в сторону крупного хозяйственного центра. Эта эволюция подтверждается и данными раскопок [Зубарев, Седых, 2013, с. 250–274].

Если воспользоваться оценкой В.А. Кутайсова об урожайности пшеницы в 7 ц/га [Кутайсов, 2002, с. 191–307], то на площади восточнее Узунларского вала мог собираться урожай 7 ц/га × (880 га + 320 га) = 8400 ц. Принимая годовую норму потребления пшеницы на человека 237 кг/чел. по [Foxhall, Forbes, 1982, p. 41–90], получаем, 840000 кг/237кг/чел. = 3544 чел. Этого вполне достаточно для содержания гарнизона Белинского и гражданского населения, включая «выселки», общая численность которых составляла по нашим оценкам около 2000 человек [Зубарев, Смекалов, 2010, с. 242].

ЛИТЕРАТУРА

- Гарбузов Г. П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. Вып. 13. 2009.
- Гарбузов Г.П. Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск–Новосибирск. № 1. 2015.

- Драган Н.А., Блиндман С.А. Агроэкологическая оценка состояния почвенных ресурсов Крыма // Вопросы развития Крыма. Симферополь, Вып. 2. 1996.
- Зубарев В.Г. Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // Древности Боспора. М. №3. 2000.
- Зубарев В.Г. Античное поселение у села Белинское (АР Крым) // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Гуманитарные науки. 2004. №1. 2004
- Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н.э. // БИ. Вып. XXVIII. 2013.
- Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. К вопросу о планировке и численности населения городища Белинское на начальном этапе его существования // ДБ. Т. 14. 2010.
- Геологическая карта. Масштаб 1:200000. Лист L-37-XIX, XXV. ВСЕГЕИ. Спб. 1973.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М. 1975
- Кругликова И.Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. М. №1. 1998.
- Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. № 1. 2000
- Кутайсов В.А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. Т. 12. 2002.
- Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М. 2003.
- Одрин А.В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора в VI–IV вв. до н.э. // БФ. Ч. 1. 2004.
- Смекалов С.Л. Еще раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора. // Материалы Международной научной конференции «Боспорский феномен: население, языки, контакты». Спб. 2011.
- Грунты Украинської РСР, 1:200000, листи 147, 154. Киев. Укрземпроект, 1967.
- Одрин О.В. Ресурсний потенціал та структура господарської діяльності античних держав Північного Причорномор'я у VIII ст. до н. е: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2007.
- Foxhall L., Forbes H. A. Sitometreia: the role of grain as a staple food in classical antiquity // Chiron. No 12. 1982.

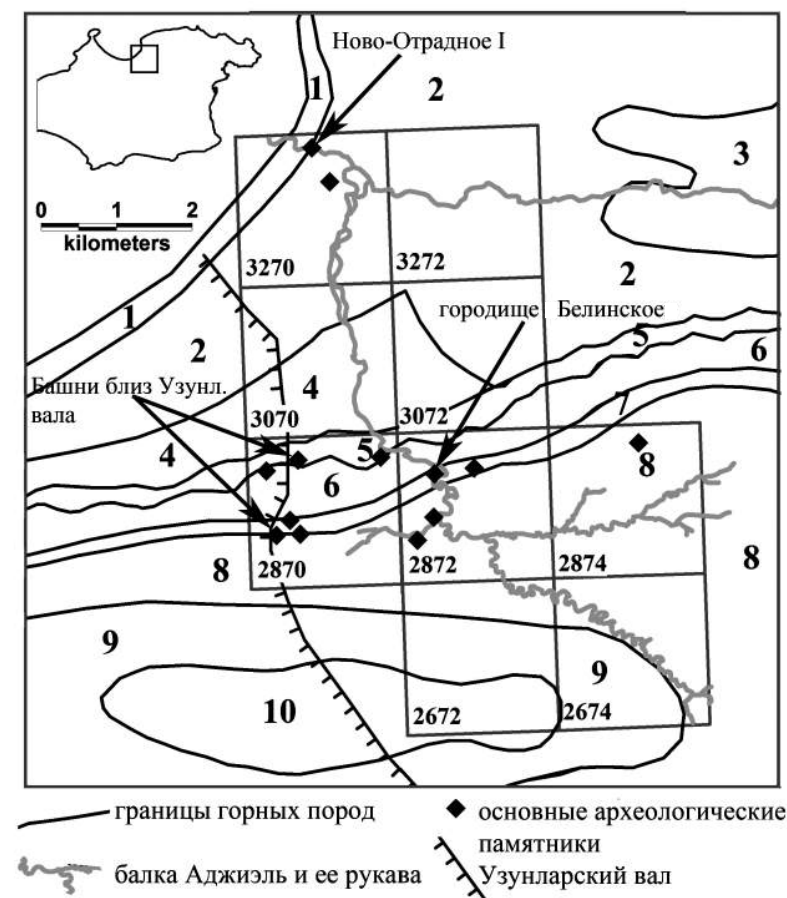

Рис. 1

А.В. ИВАНОВ, Н.И. СУДАРЕВ
(Краснодар, Москва)

О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ СИНДИКИ

Проблеме, что такое Синдика, и вопросу её локализации – не одно десятилетие, и этому посвящено довольно много работ. Между тем, исследователи, занимавшиеся этой проблемой, к единому мнению не пришли, что, на наш взгляд, не выглядит странным, если учесть фрагментарное, иногда размытое, а иногда и просто ошибочное представление об этой территории античными авторами, и не менее фрагментарная, локальная изученность региона археологами.

Обратить внимание на эту тему нас побудил целый ряд обстоятельств, среди которых наши работы на этой территории, связанные с ними наблюдения, а также, как показала ревизия исследований, посвященных и сопутствующих этой тематике, лакуна в знаниях об этом микрорегионе, ну и наконец – актуальность темы.

Опуская историографию вопроса¹, которая не входит в задачи данной работы, мы отметим, что с ней можно ознакомиться у А.М. Новичихина (Новичихин, 2011, с. 11–15), который подошел к этому вопросу максимально скрупулезно. Также отметим, что в своей работе, которая была посвящена теме границы Синдики, автор предложил, на наш взгляд, по большей части обоснованные границы, выстроенные с учетом всего максимума знаний, накопленных многими поколениями наших уважаемых предшественников. Однако упомянутая работа носит обзорный, чисто историко-графический характер, и её выводы – компиляция мнений без анализа собственного археологического материала (что, впрочем, ни в коем случае не обесценило работу).

¹ Вопрос имеет богатую историю, его в разное время поднимали Ю.С. Крушкол, Н.В. Анфимов, В.П. Шилов, В.Ф. Гайдукевич, В.И. Мошинская, Л.А. Ельницкий, В.Д. Блаватский, В.А. Горончаровский, А.И. Иванчик.

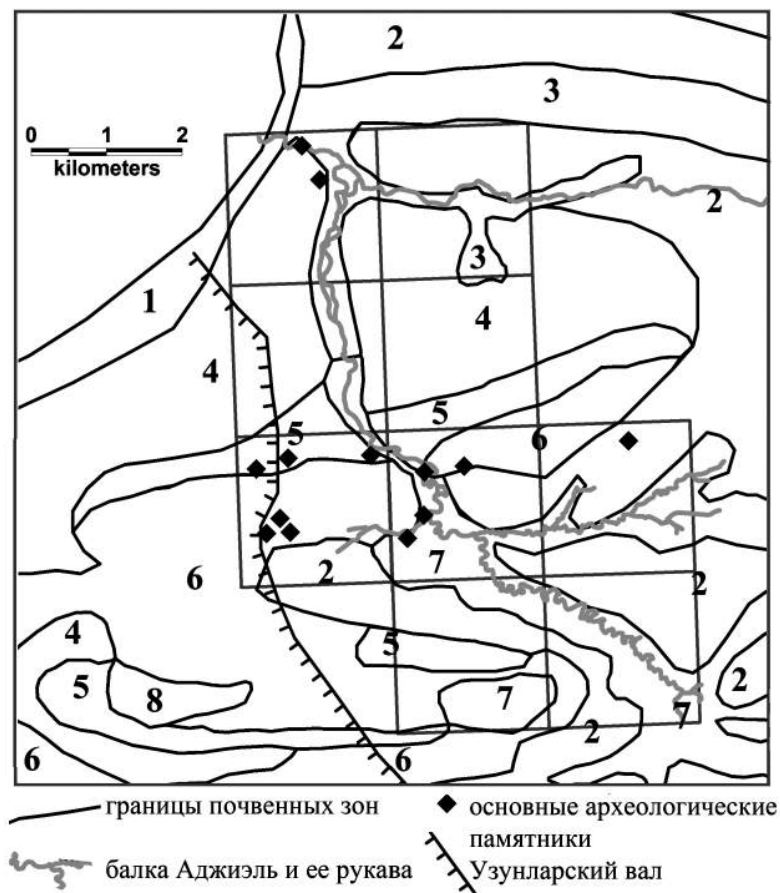

Рис. 2

Этим же историографическим путем шли В.А. Горончаровский и А.И. Иванчик (Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 219–232), с тем кардинальным отличием, что исследователи ограничились упоминанием синдов в античной литературной традиции и эпиграфических памятниках, но пришли к выводу, что синды – археологический «фантом» и что с ними можно связать лишь один памятник – Семибратнее городище (он же город Лабрит) и курганы. Ряд поселений, слабо изученных, но все же известных на тот момент, и могильников, которые не без основания считаются синдскими, по какой-то причине в данную работу не вошли.

Так что же скрывается под термином «Синдика»? Под ним мы понимаем территорию к юго-востоку от Таманского полуострова (см. об этом: Новичихин, 2011), населенную одним из автохтонов Кубани – синдами. С севера данная территория ограничена старым руслом р. Кубань (т.н. «Кубанским Боспором»)², с юга – предгорьями Северо-Западного Кавказа (вероятно, начало предгорий к югу от реки Анапка, в районе совр. пос. Варваровка, возможно, до современной ст. Натухаевская – Раевская (Анфимов, 1987, с. 90).

На данной территории мы встречаем близкий погребальный обряд – небольшие ящики, сделанные из дикарного камня и нередко выступающие над дневной поверхностью, часто не имевшие перекрытий, выкладки из камней, реже – небольшие ямки. Часто эти ящички и ямки являлись не остатками ингумаций, а своеобразными «оссуариями». В то же время встречаются погребения мужчин с оружием. Реже, в основном в юго-восточной и южной части данного региона, встречаются крупные ящики из массивных плит, нередко под курганной насыпью. Открыты и частично исследованы широкими площадями и поселенческие памятники, такие как Вестник, Усатова Балка, урочище Самойленко (Сударев, 2014, с. 95–102), которые дали представление уже о быте синдов.

Теперь о западных и восточных границах территории, которые должны как минимум совпадать с расселением синдов. Мы сразу исключаем из этой территории Тамань. Ещё Т.В. Блаватской было высказано сомнение в присутствии синдов на Таманском полуострове (Блаватская, 1959, с. 94), и на данный момент этот факт не вызывает сомнений. Более того, мы убеждены, что со времени греческой

колонизации на Тамани никакого варварского населения не было (Иванов, Сударев, 2012, с. 178–199; 2013, с. 213–217; 2013 а, с. 176–185; 2014, с. 197–204). Наиболее западные поселения, которые мы можем связать с автохтонами, расположены на материковой части нижней Кубани. Данная территория отличается хорошими плодородными почвами, большим количеством пресных водных источников, рек и ручьёв, наличием леса. Берега, выходящие к морю и «Кубанскому Боспору», изрезаны широкими долинами и балками. Наиболее крупными являются долины рек Анапка и Гастагаевка. Большое количество памятников известно по берегам Уташской и Михайловской балок. В этом регионе у хут. Вестник расположен и некрополь.

До недавнего времени больше всего вопросов вызывала восточная граница. Так, Ю.С. Крушкол, говоря о восточных районах Синдики, доводила её границу до современного Краснодара (Крушкол, 1971, с. 71), однако эту попытку, на данный момент, как уже отмечал А.М. Новичихин, нельзя признать состоятельной (Новичихин, 2011, с. 12). По нашему мнению, в этом вопросе больше всего продвинулись В.П. Шилов и Н.В. Анфимов, которые восточную границу Синдики проводили в районе Краснобатареиного городища (Шилов, 1950, с. 116, 123; Анфимов, 1963, с. 182–184; 1987, с. 90). Между тем, исследователи ограничились лишь упоминанием городища в качестве своеобразной границы, по сути, в рамках допущения, и ничем не аргументировали своих предположений. Справедливости ради надо отметить, что, действуя интуитивно, они, в целом, были не далеки от истины, подчеркивая особую роль Краснобатареиного городища в данном микрорегионе. Действительно, об особой роли этого городища сказано много и многими. Оно занимает стратегическое положение, безусловно являясь восточным форпостом Боспора, и если его рассматривать как самое восточное греческое поселение³, вполне можно предположить, насколько расширилась территория государства ко времени Перисада I⁴. Ненадолго оставим этот замечательный памятник – мы к нему ещё вернемся и двинемся на восток.

За Краснобатареиным городищем идет территория, заселенная меотскими племенами. Здесь расположена крупная группа памятников в г. Крымске, чуть западнее находятся поселение Виноградный-1 и поселение Красное, ещё западнее – могильник Фурожан. Крайней

² Нам неизвестны к северу от Кубани, на её правобережье памятники «синдского облика». Традиционно эти земли связывают с дандариями (Шилов, 1950, с. 121–123; Каменецкий, 1999, с. 235; 2000, с. 88; Шевченко, 2013а, с. 46–48).

³ Восточнее греческие памятники нам не известны.

⁴ Как показали работы Н.Ф. Шевченко, городище было основано во второй половине IV в. до н.э. (Шевченко, 2009, с. 434–437).

западной точкой, где зафиксированы меотские памятники, следует считать район реки Псиф (Иванов, 2011а, с. 63–67), по её берегам расположены поселения Посегун и Псиф-3. Западнее от этого обозначенного рубежа меотские памятники отсутствуют. В основном перечисленные меотские памятники существуют в пределах V – IV вв. до н.э. Более ранние материалы – конца VI в. до н.э. – были встречены лишь на поселении Красное; материалы начала – первой половины III в. до н.э. дают поселение Виноградный-1 (Шевченко, 2013б, с. 102) и поминальный комплекс могильника Фурожан. Таким образом, заселение данной территории началось в конце VI в. до н.э. Этот процесс следует связывать с оттоком скифов с территории Кубани, которые, судя по всему, явились причиной запустения указанной территории на протяжении большей части VI в. до н.э.⁵ На данный момент трудно сказать, из какого района Кубани пришли переселенцы, однако они принесли с собой все атрибуты меотской культуры и в дальнейшем продолжили свое развитие в её контексте. Во второй половине, ближе к концу IV в. до н.э., поселения на р. Псиф прекращают свое существование, что можно увязать с появлением и освоением этой территории Краснобатареиным городищем (Иванов, 2011б, с. 279–281). Прекращение жизни на поселении Виноградный-1 связано с военными действиями середины III в. до н.э., которые маркированы пожарами и ядрами пращи и баллисты (Шевченко, 2004, с. 417). Движение Боспорского царства на восток привело к тому, что во второй половине III в. до н.э. меоты были вытеснены со своих западных рубежей, и вплоть до времени Митридата эта территория вновь оказалась опустевшей.

Таким образом, раскопки наших предшественников, в том числе и наши работы, показали, что крайней западной территорией расселения меотов является условный треугольник между горами Кавказа, рекой Кубанью на севере и рекой Адагум на востоке (Иванов, 2015). Показали они и полное отсутствие к востоку от гор могильников с каменными конструкциями, которые характеризуют приморское, синдское население региона, и наоборот, к западу от гор не засвидетельствовано присутствие населения, носителя меотской АК. Таким образом, восточную границу Синдики мы проводим по Кавказскому хребту, который упирается в пойму реки Кубань, образуя естественный рубеж. Наверное, единственный удобный проход между двумя

⁵ Напомним, что в данном регионе присутствует лакуна более века между протомеотскими памятниками и памятниками, о которых идет речь.

локациями – узкий промежуток между отрогами гор и рекой – успешно использовали греки при выборе места для сооружения Краснобатареиного городища.

Внимательный читатель уже заметил, что мы умышленно разделяем эти два «этнические кластера» – синдов и меотов (в широком понимании – приморские племена региона Анапы-Новороссийска и прикубанских меотов). Опуская в данной работе полемику об этнической принадлежности этих племен, отметим, что, по нашему глубокому убеждению⁶, синды (как и все другие приморские племена) под воздействием целого комплекса факторов, влиявших на их развитие, уже ко времени сложения меотской культуры, процесс которой протекал в VI до н.э., значительно отличались от неё.

Различия выражены в следующих признаках: во-первых, в погребальной обрядности, которая заметно разнится с могильниками прикубанских меотов; во-вторых, в керамическом комплексе, в котором уже на ранних этапах значительную роль начала играть импортная посуда (что в дальнейшем, в отличие от меотов, привело к практически полному отказу от собственного керамического производства⁷); ну и, в-третьих, непосредственная близость к греческим апойкиям, оказавшим огромное всестороннее влияние на синдов. Все перечисленное приводит нас к выводу о том, что синды – отдельная археологическая культура, вышедшая из протомеотского субстрата и продолжавшая свое развитие под воздействием различных факторов, отдельно от основной части меотских племен Прикубанья. Но эта тема совсем другой работы.

⁶ Помноженному на опыт работ и на синдских поселениях, и некрополях, и на разнообразных меотских памятниках.

⁷ Естественно, слова «почти полному отказу» мы ставим в кавычки. На всех исследованных нами памятниках начиная с VI в. до н.э. встречается немалое количество лепной керамики, которая сохраняется на разных этапах существования поселений, имеет свои отличительные черты. Ее процентное соотношение к кружалной и в V–IV вв. до н.э. продолжает оставаться весьма высоким.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В.* Синдика в VI–IV вв. до н.э. // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Краснодар. Вып. XXXIII. 1963.
- Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар. 1987.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М. 1959.
- Горнчаровский В.А., Иванчик А.И.* Синды // Античное наследие Кубани. Т. 1. М. 2010.
- Иванов А.В.* О двух меотских поселениях у границ Азиатского Боспора // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир, Краснодар, Москва. 2011а.
- Иванов А.В.* О восточной границе Боспорского царства // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. 2011б.
- Иванов А.В.* К вопросу о западной границе расселения меотов Кубани (конец VI – начало III вв. до н.э.) // III Международная конференция молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования». М.Иванов А.В., Сударев Н.И. 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. М., Т. 16. 2015.
- Иванов А.В., Сударев Н.И.* Комплексы догреческого населения, исследованные на Западном некрополе Гермонассы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь. (Материалы XIV Боспорских чтений). 2013.
- Иванов А.В., Сударев Н.И.* Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. Т. 17. 2013а.
- Иванов А.В., Сударев Н.И.* О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь. (Материалы XV Боспорских чтений). 2014.
- Каменецкий И.С.* Греки и меоты // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб. 1999.
- Каменецкий И.С.* Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар. 2000.
- Крушкол Ю.С.* Древняя Синдика. М. 1971.
- Новичихин А.М.* Границы Синдики // Былые годы. Черноморский исторический журнал. № 3 (21). 2011.

- Сударев Н.И.* Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова. СПб. 2014.
- Шевченко Н.Ф.* Виноградный-1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь. 2004.
- Шевченко Н.Ф.* Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2009.
- Шевченко Н.Ф.* Племена восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-на-Дону. 2013а.
- Шевченко Н.Ф.* Культовые сооружения типа ботросов на поселении Виноградный-1 // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар. 2013б.
- Шилов В.П.* О расселении меотских племен // СА. Т. XIV. 1950.

М.М. КАЗАНСКИЙ
(Париж)

ГОТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И КЛИМАТ В III В.

Вторжение боранов и готов на Боспор Киммерийский в 250-х гг. уже давно привлекало внимание исследователей. При этом в русской историографии сложилось два взгляда на вопрос о том, откуда и каким путем пришли эти варвары, обычно условно объединяемые под этнонимом «готы». Для его прояснения постараемся привлечь некоторые данные о природной среде Северного Причерноморья того времени¹.

По мнению В.Ф. Гайдукевича, северные варвары, в первую очередь бораны², сначала завладевают Танаисом и уже оттуда, по морю, прорываются на Боспор Киммерийский (рис. 1, 1). Затем, используя захваченный боспорский флот, бораны и готы совершают набеги на восточное побережье Черного моря в 256/257 гг. (Гайдукевич, 1949. С. 443–445). Действительно, судя по монетным находкам, Танаис погибает в 251 г. или вскоре после этой даты. При этом в слоях разгрома найдены типично германские умбоны щитов, типа Хоруля и Конин (Щукин, 2005. С. 138; Щукин, 2011. С. 174, рис. 5, 9–12). Были ли владельцы германского оружия в числе нападавших или входили в состав гарнизона города, можно только гадать. Ясно, однако, что Танаис был разгромлен варварами и германцы в той или иной роли оказались участниками этого события. Предполагается, что нападение на Танаис совершили герулы, впоследствии совершившие морской

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Дмитрия Коробова, Владимира Малашева и Игоря Храпунова за ценную помощь в работе над этой статьей.

² Этническая принадлежность боранов не установлена. Все догадки об их германском, сарматском и даже славянском происхождении опираются на произвольные толкования созвучий древних этнонимов.

поход из Меотиды в 267 г. (Шелов, 1972. С. 303). Может быть и так, но тогда странно, что герулы никак себя не проявили на понтийском театре военных действий между 251 и 267 гг. Во всяком случае, устье Дона после разгрома Танаиса в 251 г. вполне могло стать плацдармом для варварской экспансии на Черном море.

Вторая гипотеза была высказана Д.Б. Шеловым, Т.Н. Высотской и А.И. Айбабиным (Шелов, 1972. С. 302; Высотская, 1972. С. 187; Айбабин, 1999. С. 32–36). Эти исследователи полагают, опираясь на сообщение Иоанна Зонары, византийского автора XII в., что в 250-е гг. варвары вторглись на Боспор с запада, с территории Крымского полуострова (рис. 1, 4). Согласно Зонаре, нападение совершили варвары, участвовавшие ранее в войне на Балканах. С Боспора они вышли на Меотиду и разорили хору каких-то городов. А.И. Айбабин предполагает, что речь может идти о Танаисе (Айбабин, 1999. С. 32). В пользу «западного» происхождения нападающих свидетельствует клад Долинное, в Юго-Западном Крыму, содержащий монеты 251 г., а также «крылатую» дакийскую фибулу. Последняя может принадлежать участникам Скифских войн на Дунае в 248–251 г. (Щукин, 2005. С. 138). Следует вспомнить и гибель в середине III в. Неаполя Скифского и поселения Альма-Кермен, что явно свидетельствует о «сухопутной» войне внутри полуострова. А.И. Айбабин допускает, что сначала варвары посуху вторглись в Северо-Западный Крым, где разрушили укрепленное Южно-Донузлавское поселение, затем вдоль западного берега Крыма, разрушив по дороге поселение Усть-Альма, продвинулись к Третьей гряде Крымских гор и уничтожили здесь крепость Алму-Кермен и Неаполь Скифский. Затем варвары обосновались на Южном берегу Крыма и уже потом вторглись на Боспор. Здесь момент нападения варваров отмечен в Пантикапее слоями разрушений и пожаров с монетами 254–256 гг. (Айбабин, 1999. С. 32–36, рис. 2).

Т.Н. Высотская полагает, что готы и их союзники могли попасть в Крым тремя путями: морем через Меотиду (рис. 1, 1), из устья Днепра (рис. 1, 3), также морем, продвигаясь вдоль крымского побережья, и, наконец, сухим путем, через Перекоп (Высотская, 1972. С. 187).

Гипотеза сухопутного вторжения варваров в Крым сразу же вызывает некоторую настороженность, поскольку подобным образом, до знаменитого похода фельдмаршала Миниха, сопровождавшегося огромными небоевыми потерями, в Крым удавалось ворваться только степным кочевым народам с их мощной конницей. Готы же и бораны наверняка были оседлыми народами, хотя бы потому, что степные кочевники никогда не пускались в масштабные военно-морские

предприятия, как это делали оседлые варвары – германцы, славяне, протоадыги и др. Вооружение оседлых варваров, участников Скифских войн хорошо известно (см., напр., *Kokowski*, 1993; *Kazanski*, 1994; *Магомедов, Левада*, 1996; *Kazanski*, 2013. Р. 494-509). Судя по этим археологическим данным, основу боевой силы у северных варваров – готов, боранов, герулов и др. – составляла пехота, вооруженная копьями и щитами с металлическими элементами (вспомним находки в Танаисе и Южно-Донузлавском поселении). Были, несомненно, и всадники, о чем свидетельствуют находки шпор (*Kazanski*, 1994. Р. 430–435), но вряд ли они доминировали в варварском войске. Для такой армии поход в открытую безводную степь заранее обречен на неудачу: большая часть бойцов просто умрет от кишечных болезней, нехватки воды и питания, как это и случилось в армии Миниха. Именно поэтому Е.В. Веймарн уже давно усомнился в возможности сухопутного вторжения готов и предположил, что они совершали свои нападения по морю, вдоль крымского побережья (рис. 1, 1, 2) (Веймарн, 1971. с. 62)³.

Впрочем, подобная сухопутная экспедиция стала бы возможной, если в римское время климат крымских степей был более благоприятным, чем в наши дни. Поэтому стоит привлечь данные о климате степного Северного Причерноморья в римское время. Считается, что в Северном полушарии в I–III вв. усиливается аридность (Таиров, 2003. С. 17). «Рубеж эр», как стало модно говорить после работ М.Б. Щукина, многие исследователи связывают с потеплением климата. Максимум его гумидизации приходился на I в. до н.э. – I в. н.э., затем во II–III вв. н.э. наступила аридизация, вновь сменившаяся влажным периодом в IV–V вв. н.э. (Демкин и др., 2012. С. 171, 172). При этих общих тенденциях в различных регионах климатические изменения происходили по-разному. Так, в Западной Европе, по данным дендрохронологии, климат с 45 г. до н.э. по 200 г. н.э. был в основном влажным, с 250 по 420/430 гг. резко усиливается аридизация (*Schmidt, Gruhle*, 2003; *Schmidt, Gruhle*, 2003a). В целом в Римской империи период 200–400 гг. менее стабилен, чем предыдущий.

³ Кстати, совсем не исключено, что, двигаясь вдоль побережья на малых каботажных судах, как это предполагал Е.В. Веймарн, германцы и другие северные варвары могли попасть в Крым, в частности в юго-западную часть полуострова и ранее середины III в., о чем могут свидетельствовать, в частности, находки некоторых предметов вооружения (напр., *Kazanski*, 1994. Р. 431, Fig. 1, 2, 3; Храпунов, 2003. С. 339, 340, Рис. 5, 2). При этом речь может идти как о приазовских, так и о нижнеднепровских варварах.

Примерно с 200, а особенно в 260–290 гг., усиливаются холода, хотя теплые и холодные годы чередуются, потом начинается потепление (*McCormick et al.*, 2012. Р. 185). По данным письменных источников, в первую очередь для Римской империи, I век был самым засушливым, в 180–350 гг. влажность повышается, а затем с конца IV в. снова понижается (Бараш, 1989. С. 18). В III в. зимы были очень суровыми, в частности зима 250/251 гг. (Бараш, 1989. С. 25, 26). Всего в III в. в Римской империи недородов от суровых зим было 5, от засухи – 5, от избытка влаги – 1 (Бараш, 1989. Приложение 1).

Что же касается евразийских степей, то здесь для античного времени по данным почвоведения выделяется несколько климатических периодов: савроматский гумидный – не менее 150 лет; раннесарматский аридный – 300 лет; ранне-среднесарматский гумидный – 200 лет; позднесарматский аридный – 150 лет; позднесарматский гумидный – более 100 лет. Наиболее влажными климатическими условиями характеризовались VI–V и I вв. до н.э., I и IV вв. н.э., а самыми засушливыми – IV–III вв. до н.э. и II–III вв. н.э. (*Демкин и др.*, 2013. С. 32). В предгорьях Северного Кавказа палеопочвы в конце II в. и начале III в. свидетельствуют о климате более сухом, чем сейчас (*Kokhlova et al.*, 2007). Для волго-уральских степей в позднесарматское время, во второй половине II – первой половине III вв. н.э., палеопочвы свидетельствуют об аридизации климата. Очередная гумидизация климата здесь начинается во второй половине III в. н.э., она особенно ярко проявилась в IV в. н.э. (*Демкин и др.*, 2012. С. 163).

В отношении древнего климата степей Северного Причерноморья есть мнение, что в I–VII вв. ситуация могла быть близкой нынешней (*Таиров*, 2003, рис. 11). Но по палинологическим данным, в северопричерноморских степях, в том числе и в Крыму в I–III вв. н.э. фиксируются более засушливые климатические условия (*Герасименко*, 2007). Гумидизация здесь отмечена с IV в. н.э. (*Герасименко*, 2007), «... что согласуется с общеевропейскими трендами развития климатической ситуации» (*Демкин и др.*, 2012. С. 171, 172). Конечно, археологу сложно оценить выводы специалистов в области естественных наук, но представляется, что некий консенсус всё же у них намечается – степи Крыма в интересующее нас время вряд ли были более гостеприимными, чем в эпоху Миниха.

О возможной аридизации степей Крыма во II – III вв., на мой взгляд, могут свидетельствовать и изменения археологической ситуации, фиксирующие оттоки и притоки древнего населения. В первую очередь это касается степных сарматских памятников. Отмечено, что

в I – первой половине II вв. сарматских погребений в степях Северной Таврии и Крыма значительно больше, чем в предыдущую эпоху или в последующее время. Имеются могилы знати, свидетельствующие о существовании здесь неких центров власти. Во второй половине II–III вв. количество сарматских погребений в Северной Таврии резко уменьшается, а в степном Крыму они практически полностью исчезают, крымская степь становится безлюдной. Зато отмечена значительная концентрация населения в предгорьях Центрального и Юго-Западного Крыма (Симоненко, 1993. С. 112, 118, рис. 22 и 25; Храпунов, 2004. С. 117, 126–128, рис. 36).

Похожая ситуация складывается и в Северо-Западном Крыму, где в начале римского времени имеется значительное оседлое население. Но в конце I в. или начале II в. почти все поселения здесь оставлены, в том числе такие крупные, как Калос Лимен, Беляус, Южно-Донузлавское⁴. То же самое происходит и в долине Булганака, в Западном Крыму. При этом следов разрушений и военных действий на заброшенных поселениях нет. Показательно, что примерно тогда же, в начале II в., прекращается жизнь и на многочисленных скифских поселениях Нижнего Приднепровья. И хотя их исчезновение принято связывать с агрессией сармат, следов военных действий, как и в Северо-Западном Крыму, там тоже нет (Храпунов, 2004. С. 116, 117). Может быть, всё-таки основной причиной исчезновения населения и на Нижнем Днепре, и в степях Крыма и Северной Таврии, и в Северо-Западном и Западном Крыму было не вторжение неприятелей, а в первую очередь экологический кризис, связанный с климатическими изменениями, а точнее, с возрастающей аридизацией?

Несомненно, любое ухудшение экологической и, как следствие, экономической ситуации сопровождается усилением военной напряженности. Однако в Крыму некий военный стресс археологически ярче всего выражен для несколько более позднего времени, т.е. для первой половины – середины III в., когда отмечены следы разрушений и пожаров на Усть-Альме, в Неаполе и других поселениях, имеются монетные клады (Храпунов, 2004. С. 117, 121–123). Трудно сказать, идет ли речь о вторжении северных варваров, прорвавшихся в юго-западную часть полуострова по морю, например из устья Днепра (см. выше), о нашествии каких-то кочевых народов, например алан,

⁴ Найденный на данном памятнике германский умбон щита типа Хоруля (Щукин, 2011. С. 174, рис. 5, 8) скорее всего попал сюда уже после прекращения жизни на поселении.

или же о войне между какими-то крымскими группировками – все версии равновероятны.

Что же касается готов и боранов, появившихся на Боспоре, то мне представляется, что им не имело смысла вторгаться в безлюдную и негостеприимную для них сухую степь, не имея необходимой для этого многочисленной и хорошо подготовленной кавалерии. По крайней мере, они никогда не делали этого в основной зоне своего расселения, на территории современной Украины, где готы и их союзники если и выходили за пределы лесостепи, то предпочитали держаться долин рек или морского побережья. Скорее всего, их первое вторжение в Крым в 250-е гг. было осуществлено морским путем из Меотиды⁵ на небольших судах, типа более поздних славянских моноксил, вполне пригодных для каботажного плавания. Только захватив на Боспоре Киммерийском настоящие морские суда и получив в свое распоряжение опытные экипажи моряков, варвары в 256/257 гг. вырвались на оперативный простор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 151 с. 1999.
- Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе. Ленинград: Гидрометеиздат. 23 с. 1989.
- Веймарн Е.В. Одні з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. Т. 1. С. 61—65. 1971.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова Думка. 192 с. 1972.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР. 624 с. 1949.
- Герасименко Н.П. Ландшафтно-кліматичні зміни на території України за останні 2,5 тис. років // Історична географія: початок XXI століття. Вінниця: Теза. С.41–53. 2007.
- Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда волго-

⁵ На Меотиду варвары могли попасть либо с Нижнего Днепра и р. Молочной и затем продвигаться вдоль азовского побережья, либо из бассейна Северского Донца, где памятники оседлых варваров с элементами черняховской культуры появляются не позднее второй трети III в. (см. напр. Щукин, 2005. С. 133; Любичев, 2010).

уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пущино: Институт физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН. 216 с. 2012.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Ельцов М.В., Хомутова Т.Э., Удальцов С.Н. Эволюция почв и динамика климата степей Восточной Европы во второй половине голоцена // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием) / Отв. ред. И. В. Аськеев, Д. В. Иванов. Казань: Отечество. С. 32–34. 2013.

Любичев М.В. О хронологии горизонта Боромля (датировка фибул группы VII О. Альмгрена в комплексах Центральной и Восточной Европы) // Древности. С. 136–155. 2010.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. № 5. С. 304–323. 1996.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. : Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск : Рифей. 68 с. 2003.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Т. III. С. 329–350. 2003.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке (Боспорские исследования. Вып. VI). Симферополь–Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ, Центр археологических исследований БФ «Деметра». 240 с. 2004.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. Москва: Наука. 351 с. 1972.

Щукин М.Б. Готский путь. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 576 с. 2005.

Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus. № 4. С. 167–178. 2011.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim C. Lubin -Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. P. 429–485. 1994.

Kazanski M. Barbarian Military Equipment and Its Evolution in the Late

Roman and Great Migration Periods (3rd–5th C. A.D.) // War and Warfare in Late Antiquity (Late Antique Archaeology, vol. 8) / Eds. A. Sarantis, N. Christie. Leiden - Boston: Brill. P. 493–521. 2013.

Khokhlova O.S. Khokhlov A.A., Oleynik S.A., Gabuev T.A., Malashev V. Yu. Paleosols from the groups of burial mounds provide paleoclimatic records of centennial to intercentennial time scale: A case study from the Early Alan cemeteries in the Northern Caucasus (Russia) // Catena. № 71. P. 477–486. 2007.

Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 335–354. 1993.

McCormick M., Büntgen U., Cane M.A., Cook E.R., Harper K., Huybers P., Litt T., Manning S.W., Mayewski P.A., More A.F.M., Nicolussi K., Tegel W. Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientific and Historical Evidence // Journal of Interdisciplinary History. Vol. XLIII: 2. P. 169–220. 2012.

Schmidt B., Gruhle W. Klimaextreme in Römischer Zeit. Eine Strukturanalyse dendrochronologischer Daten // Archäologisches Korrespondenzblatt. № 33. S. 421–426. 2003.

Schmidt B., Gruhle W. Niederschlasschwankungen in Westeuropa während der letzten 8000 Jahre // Archäologisches Korrespondenzblatt. № 33. S. 281–300. 2003a.

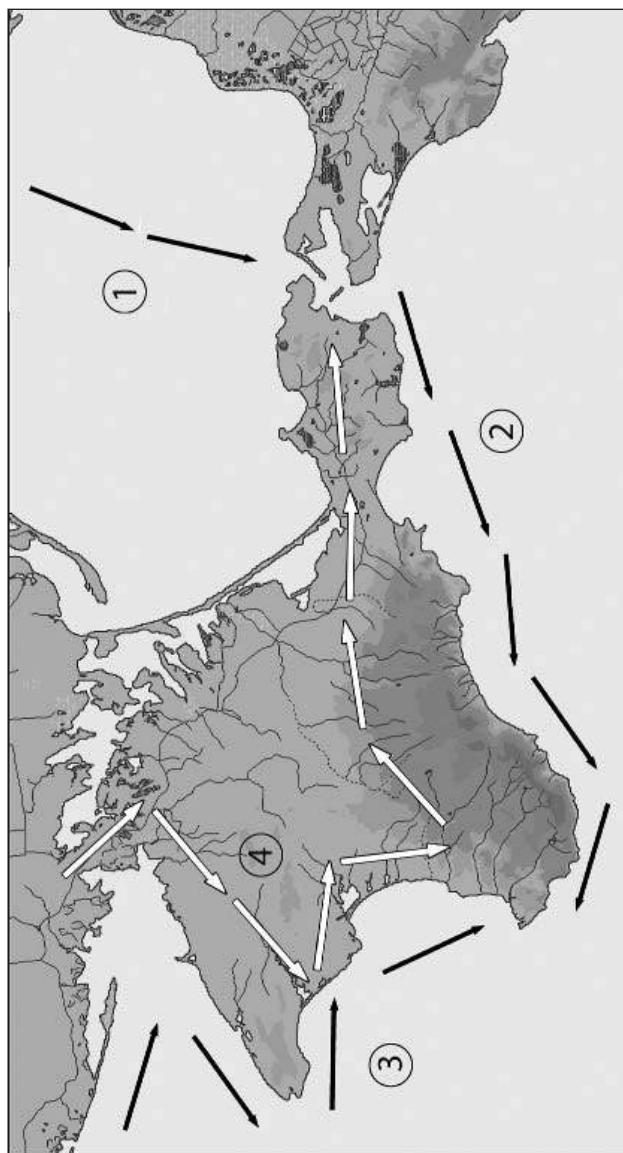

Рис. 1. Гипотетические направления «готских» вторжений в Крым в III в.

1: Гайдукевич, 1949; Веймарн, 1971; Высотская, 1972; 2: Веймарн, 1971;
3: Веймарн, 1971; Высотская, 1972; Шелов, 1972; 4: Высотская, 1972; Айбабин, 1999.

А. В. КОВАЛЬЧУК
(Москва)

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЗОЛЬНИКОВ НА ПОСЕЛЕНИЯХ КАРАЛАРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ*

Зольные холмы являются характерной деталью ландшафта сельских поселений Крымского Приазовья. Значительные размеры некоторых из них (около 14 м) и их антропогенное происхождение привлекали внимание исследователей уже в XIX веке. Так, первые описания холмов в урочище Куль-тепе и находок из них были произведены местным помещиком А. А. Дириным¹.

Археологические исследования на зольных холмах были проведены впервые И. Т. Кругликовой². Она заложила небольшие раскопы на зольниках у поселений Казантип-восточный (Афанасьевка) и Золотое-восточное II (Куль-тепе)³, а также привела краткие сведения о размерах и расположении холмов для ряда поселений данного региона (Семеновка, Андреевка Северная, Андреевка Южная, Марфовка, Ново-Николаевка, Ново-Отрадное). Исследовательница была первой, кто применительно к объектам сельской хоры попытался выделить какую-либо систему в расположении зольников и объяснить разницу в числе холмов, находящихся у разных памятников. Несмотря на то, что ей не удалось доказать наличие взаимосвязи в расположении зольников и отдельных жилищ в районе Куль-тепе, вынос холмов, «связанных с культом домашнего очага»⁴, за городские стены она объясняла наличием «какого-то магического смысла»⁵. При решении вопроса о количественном различии ею была высказана гипотеза о связи холмов поселения с числом больших семей или групп родственников, проживавших здесь и «совершавших культовые обряды вместе»⁶.

Зольникам, как особым объектам сакральной жизни боспорской хоры, посвящен отдельный раздел монографии А. А. Масленникова⁷.

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ № 13-31-01287.

Автор дает краткое описание всех известных ему зольников данного региона и рассматривает широкий круг вопросов, связанных с методикой раскопок, назначением, функционированием и хронологией зольных холмов. Что касается интересующего нас вопроса, особенностей расположения этих объектов относительно поселенческих структур, исследователь приходит к следующим выводам. Зольники характерны для поселений римского времени, независимо от их размеров и типологического разнообразия⁸. В эллинистическое время они не являются обязательным атрибутом ландшафта поселения, в случае их наличия они всегда располагаются внутри основной застройки, что является характерной особенностью только этого времени⁹. Зольники, находящиеся за пределами поселения, располагаются все же не вдалеке от городских стен, преимущественно с малозащищенных напольных сторон. В условиях господства в данном регионе сильных ветров подобное размещение скоплений золы и отказ от ее сброса с берегового обрыва является нелогичным и, возможно, связано с их сакральными функциями¹⁰. Холмы не насыпали на крутых склонах, только в случае сбросового характера зольника¹¹. Выбор типа зольника (сброс с обрыва или холм) невозможно объяснить, исходя из рельефа, датировки или типологии поселения¹².

Обратимся теперь непосредственно к топографическим планам поселений и рассмотрим местоположение зольных холмов относительно других поселенческих структур. Мы будем двигаться вдоль побережья с запада на восток. Отметим сразу, что большинство зольных насыпей не подвергалось археологическим исследованиям, данные об их размерах почти всегда имеют приблизительный характер.

1. Казантип-восточный¹³ (Афанасьевка) (II в. до н. э. – III в. н. э.)

Поселение лежит на небольшом мысу, омываемом с севера, юга и востока морем (рис.1). Три зольных холма располагаются непосредственно за границами поселения, в нескольких метрах от оборонительной стены и вала. Два из них находятся в северо-западной части мыса, в нескольких метрах от берегового обрыва, в настоящее время они частично оплыли и возвышаются на 3 и 6 метров. На них были произведены небольшие работы И. Т. Кругликовой¹⁴, установившей, что зола ссыпалась непосредственно на материковую скалу, и отнесшей их к эллинистическому времени (конец III–II вв. до н. э.). Еще один большой и оплывший зольник находится в западной части, в небольшой долине, окруженной со всех сторон выступами скал.

2. Золотое (берег) (III в. до н. э. – III в. н. э.)

Поселение, расположенное на небольшом мысу, ограниченном

с запада морем, раскопано частично, границы определены приблизительно. Зольник располагается в восточной части памятника, по видимому, еще в пределах поселения, в непосредственной близости от оборонительной стены. Диаметр холма – около 30 м, высота – 3 м, восточная часть срезана огородами. В 2013 году на зольнике была проведена магнитная съемка, показавшая несколько аномалий в районе холма.

3. Золотое-Восточное I (Сююрташ) (середина III – конец II вв. до н.э.)

Поселение находится на мысу, омываемом с севера морем и отделенном с запада и востока крутыми обрывами. В рельефе памятника хорошо выделяются два зольных холма, расположенных внутри поселения, в его юго-западной части, приблизительно в 10-15 метрах от южной оборонительной стены (рис. 2). Зольники оплывшие, западный приблизительно в два раза меньше восточного, диаметром 10 и 20 м, высотой 0, 8 и 0, 7 м. Часть западного зольника была раскопана А. А. Масленниковым, который зафиксировал некую конструкцию, огораживающую зольник, и остатки помещений второго строительного периода, перекрывающих юго-западную часть холма. В связи с чем он высказал предположение о прекращении функционирования западного зольника в конце первого строительного периода и возникновение в это время второго (восточного) холма¹⁵.

4. Золотое-Восточное II (Куль-тепе) (III в. до н. э. – VI в. н. э.)

Остатки жилых построек зафиксированы на нескольких возвышенных плато между скалистыми выступами. Разбросанность строительных остатков, вероятно, подтверждает существование здесь скорее группы небольших усадеб¹⁶, чем единого поселения. Нами здесь были отмечены четыре крупных зольника высотой около 17, 13, 9 и 6 м. Зольники располагаются между выступами скал на некотором удалении от моря, южнее небольшого мыса. На одном из зольных холмов И. Т. Кругликовой был заложен небольшой раскоп, позволивший отнести функционирование объекта к римскому времени (III в. н. э.)¹⁷.

5. Сиреневая бухта (последние века до н.э. – VI в. н. э.)

Поселение расположено на мысу, омываемом с севера морем и имеющем крутые обрывы с западной и восточной части. Площадь памятника сильно пострадала во время Великой Отечественной войны, в связи с чем здесь проводились лишь небольшие археологические исследования (в частности, была открыта башня на мысу), точная датировка поселения и его границы неизвестны.

В районе поселения были зафиксированы два зольника (рис. 3). Зольник 1 находится у юго-восточного края городища, по всей види-

мости, внутри поселения, так как остатки строений находятся в 5 м к юго-западу от него. Холм располагается на краю обрыва, у крутого спуска в бухту, на склоне которого фиксируются зольные отложения и фрагменты керамики. Высота зольного холма на сегодняшний день составляет 1,3 м, диаметр – около 20 м, центральная часть нарушена строением BOB. Восточная часть холма раскопана в 2013–2014 гг., содержит материал II – VI вв. н. э.

Зольник 2 располагается за валом, за пределами городища, в 60 м к северу от святилища. Диаметр – около 20 м, высота – около 1 м.

6. Полянка (III – I вв. до н. э.)

Зольный холм находится в северо-западной части поселения, внутри городских стен, на краю высокого берегового обрыва, на склонах которого фиксируются зольные сбросы. Высота холма – около 1-1,5 м, диаметр – около 20 м. Восточная часть холма раскопана А.А. Масленниковым.

7. Мыс Зюк

Поселение располагается в восточной оконечности мыса, окруженного с севера, юга и востока Азовским морем. Северная и северо-восточная часть мыса характеризуется наличием обрывистых берегов, острыми выступами скал, трещинами и расщелинами. В связи с этим наиболее благоприятной для жизни был южный и юго-восточный участок. А. А. Масленников установил, что на памятнике функционировало, по крайней мере, два зольника¹⁸. Так, в ранний период (рубеж VI–V вв. до н. э. – первая треть III в. до н. э.) зола сбрасывалась непосредственно с юго-восточного обрыва и, заполняя неровности и трещины, способствовала выравниванию площади. Впоследствии этот зольный сброс был перекрыт оборонительной стеной. Ко второй трети III в. до н. э. относится образование нового зольного холма, который расположился у крутого обрыва в северо-западной части мыса, внутри поселения, в непосредственной близости от оборонительной стены.

Особенностью всех рассматриваемых поселений является их расположение на небольших мысах с крутыми берегами, которые с одной стороны омывались морем¹⁹. В связи с подобным географическим местоположением памятников и особенностями самих зольников (летучесть золы при ветреной погоде²⁰) наиболее логичным и наименее трудозатратным было депонирование зольных остатков двумя способами: либо сбросом их с береговых обрывов вниз (т.н. сбросовые зольники), либо вынесением холмов на противоположный край поселения, к оборонительной стене или за пределы основной застройки. Отметим здесь несколько моментов.

Прежде всего, зольники почти никогда не располагаются в северной²¹, прилегающей к морю части памятника. На наш взгляд, отказ от размещения холмов у северных оконечностей мысов объясняется розой ветров в данном регионе. Как следует из метеорологических данных за 1945–2005 гг., на Караларском побережье почти круглый год господствующими являются северный и северо-восточный ветры. В связи с чем значительная часть ссыпаемой в северной части мыса золы при ветреной погоде сдувалась бы непосредственно на жилые кварталы. И в результате почти всегда предпочтение отдается насыпным холмам, которые располагаются в южной части мыса (Золотое-Восточное II, Сиреневая бухта, Куль-тепе). В наиболее отдаленной от моря части мыса находится зольник поселения Золотое (берег).

Несколько иная ситуация наблюдается на полуострове Казантип, где господствуют восточный и северо-восточный ветры. Здесь зольники помещены за оборонительную стену, с запада от поселения.

Отдельно следует также сказать о поселении Полянка, где размещение холма в северо-западной части памятника было наиболее практичным решением. Поселение находится в углублении между отрогами скал, окружающих его с северной, восточной, южной и юго-западной сторон и защищающих от ветров. Зольный холм здесь лежит на краю крутого обрыва, с которого могли быть сброшены излишки золы по мере роста поселения и расширения жилых кварталов.

Таким образом, зольные холмы всегда находятся на окраине поселения, иногда еще внутри городских стен (Золотое-Восточное II, Сиреневая бухта, Золотое (берег), Полянка, мыс Зюк), либо непосредственно за оборонительными стенами (Куль-тепе, Казантип-Восточный II). Причем это различное расположение зольников никак нельзя связать со временем существования памятников. Возможно, зольники внутри поселений относятся к начальному периоду существования поселения, их возникновение предшествовало возведению системы обороны.

Отметим еще два момента. Во-первых, некоторую связь зольных холмов со святилищами, их нахождение в непосредственной близости от последних. Это касается, прежде всего, зольника 2 в Сиреновой бухте, который располагается на некотором удалении от поселения, в нескольких десятках метрах от функционировавшего здесь святилища. Помимо этого, на мысе Зюк на месте раннего зольника была обнаружена некая постройка, которая, по всей видимости, имела сакральное назначение.

Во-вторых, тот факт, что часть зольных холмов, находящихся еще внутри городской застройки, были расположены рядом с крутыми береговыми обрывами (Сиреневая бухта, Полянка, мыс Зюк), на склонах которых то ли в результате эрозии почв, то ли в связи с преднамеренным сбросом фиксируются зольные отложения. Возможно, подобное местоположение не было случайностью, а выбиралось с учетом будущего прироста населения и расширения городской застройки, в условиях которых часть зольных горизонтов могла быть сброшена вниз. В связи с этим, вероятно, не всегда возможно четкое разграничение сбросового и насыпного характера зольников.

Таким образом, расположение зольных холмов на поселениях Караларского побережья определялось преимущественно двумя факторами: господствующими ветрами в регионе и рельефом местности. Кроме того, отдельные зольные насыпи тяготели к святилищам и иногда могли располагаться на крутых склонах, которые облегчали сброс излишков золы в условиях роста поселений.

¹ Дирин. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. XIX. 1896. С. 126.

² И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 106.

³ Там же. С. 106-107, 132.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 108-109.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ А. А. Масленников. Сельские святилища европейского Боспора. М., 2007. С. 406-457.

⁸ Там же. С. 441.

⁹ Там же. С. 441.

¹⁰ Там же. С. 442.

¹¹ Там же. С. 443.

¹² Там же. С. 441.

¹³ Поселение не относится к памятникам Караларского побережья, однако было включено в раздел в связи с его хорошей изученностью, проведенной на нем топографической съемкой и наличием информации о зольных холмах.

¹⁴ 1975, с. 106-107.

¹⁵ А. А. Масленников. Там же. С. 411.

¹⁶ И. Т. Кругликова. Там же. С. 131.

¹⁷ Там же. С. 132.

¹⁸ А. А. Масленников. Там же. С. 424.

¹⁹ Некоторым исключением служит лишь поселение Полянка, ограниченное с севера и запада морем, а с юга и востока зажатое выступами скал.

²⁰ Еще одним известным способом противодействия разлета золы с холма является промазка его поверхности слоем глины.

²¹ На поселении Казантип-Восточный – это восточная часть мыса, на поселении Золотое (берер) – западная часть.

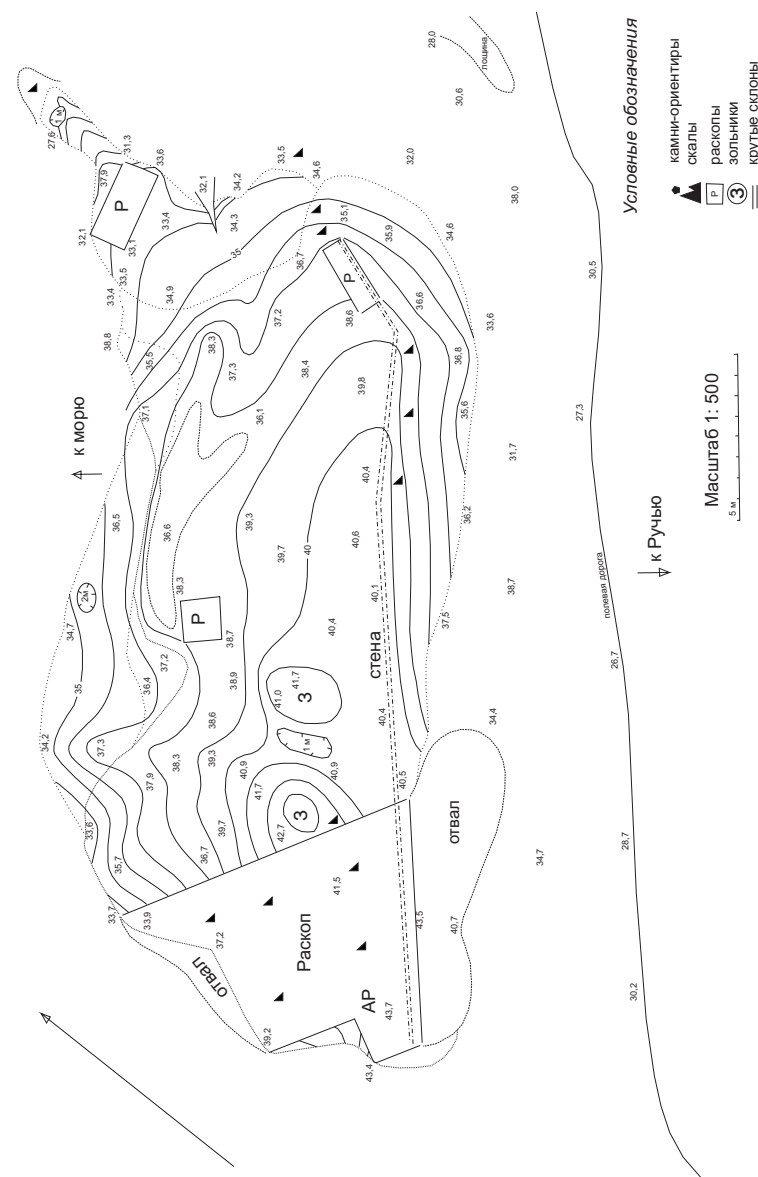

Рис. 1. Топографический план поселения Золотое-Восточное (Сююрташ).

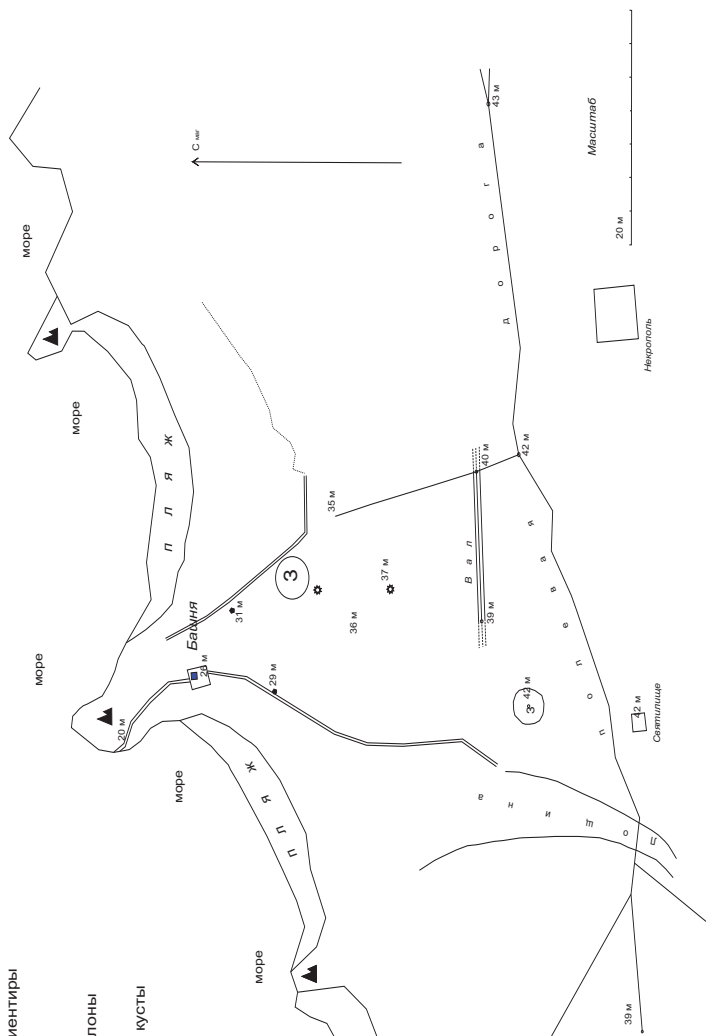

Рис. 2. Топографический план поселения Сиреневая бухта.

Д.В. КОНКИН
(Симферополь)

ЧАСТНО-ВАКУФНЫЕ ЗЕМЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА: ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ И ЛОКАЦИЯ НА МЕСТНОСТИ (по материалам ведомостей XIX века)¹

Вакуф – традиционный вид мусульманской благотворительности, получивший широкое распространение в исламских государствах. В процессе развития данного благотворительного института выделилось несколько видов вакуфов. В наиболее общем виде их необходимо разделять на духовные (*wakf khayri*) и частные вакуфы (*wakf ahli*).

Частные вакуфы – продукт влияния адатного права на шариат, суть которого состояла в формальной передаче имущества на благотворительные цели. На самом деле доходы, извлекаемые из такого имущества, почти в полном объеме оставались в роду посвяtitеля. Но при этом само имущество иммобилизовалось, что обеспечивало сохранение его в целостности и защиту от внешних экспансий [Hennigan, 2004, p. xiv-xv; Peters, 2002, p.59-60]. Таким образом, этот вид вакуфа не был даже актом благотворительности, а являлся, скорее, процедурой для гарантированного соблюдения интересов собственника имущества и его наследников.

Частные вакуфы имели свои особенности. В Крымском ханстве Ф.Ф. Лашков выделял следующие виды частных вакуфов:

эбнай-вакуф, когда право пользования «посвященным» имуществом закреплялось за потомками одного лишь мужского пола;

эвляд-вакуф – имуществом в такой форме могли пользоваться потомки как мужского, так и женского пола [Лашков, 1896, с. 37].

Прибавление к названным видам вакуфа слов «биюктен-биюк» (тат. «среди взрослых – старший» [Абдуллаева, 1997, с. 89]) означало закрепление права наследования за старшим в потомстве. Только

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825».

в отношении эбнай-вакуфа закрепление происходило за старшим потомком в роду по мужской линии, а в отношении эвляд-вакуфа – за старшим без различия пола. Поэтому, например, сын владельца не мог наследовать частный вакуф, пока старшим в роду оставался дядя [Завадовский, 1885, с. 145].

В Крыму существовали еще особые виды смешанного вакуфа. Один из них представлял собой соединение эвляд и эбнай-вакуфов, когда «по прекращении потомства мужского рода, вакуф должен перейти к женскому потомству...» [Лашков, 1896, с. 40]. Другой «состоял в том, что учредитель вакуфа предоставлял себе пользование вакуфною землею при своей жизни, и только после его смерти вакуф переходил к потомству» [Лашков, 1896, с. 40-41].

Первые достоверные сведения о количестве и расположении вакуфных земель в Крыму относятся к XIX веку, когда на полуострове российской администрацией было составлено несколько реестров этих имуществ. В 1821 г. по поручению таврического губернатора А.Н. Баранова губернским казенным дел стряпчим Криницким была подготовлена опись эбнай и эвляд вакуфных имуществ Крыма (опись Криницкого) [частно-вакуфное владение..., 1892, с. 17]. Еще одна ведомость частно-вакуфных земель была составлена в соответствии с п. 3 «Мнения» Государственного совета от 22 марта 1829 г. Составление ее курировалось новороссийским и бессарабским губернатором М.С. Воронцовым. В 1849 г. ведомость была дополнительно сверена на местности чиновником для поручений при таврическом губернаторе Мишелем (опись Мишеля), тем не менее, вызвала ряд нареканий по своему качеству [частно-вакуфное владение..., 1892, с. 50]. В 60-е гг. XIX в. составление сведений о вакуфах было поручено уездным кадиям, но и эти описи «оказались неверными» [ГАРК, ф. 315, д. 1221, л. 13, 13об.; ГАРК, ф. 315, д. 1199, л. 1]. В 1871 г. подсчетом и составлением ведомостей частным вакуфам занималась Комиссия для приведения в известность вакуфов в Крыму под руководством князя Дадешкелиани [Конкин, 2012]. Наконец, многолетнюю работу по фиксации как частных, так и духовных вакуфов завершила учрежденная в 1885 г. в Симферополе Особая комиссия о вакуфах в Крыму.

В итоге все предыдущие наиболее полные и достоверные описи частных вакуфов были объединены в одном издании [сравнительная ведомость..., 1893], благодаря чему появилась возможность получить информацию об их учредителях, проследить динамику изменений статуса вакуфов, локализовать частно-вакуфные земли Восточного

Крыма на местности, а также сделать определенные выводы о хозяйственно-экономическом развитии региона.

Анализ сравнительной ведомости частных вакуфов позволяет говорить о значительном распространении данного вида владений в Восточном Крыму, и в частности на Керченском полуострове. Характер завещанного имущества: пахотные, сенокосные земли, их количество свидетельствуют о достаточно широком распространении и качественном развитии сельского хозяйства среди местных мусульман в условиях сложного природного фактора и ограниченных материальных ресурсов. В то же время следует отметить процесс перехода данного вида имущества из владений крымскотатарских родов в собственность частных лиц. Что являлось нарушением как мусульманских обычаев, так и действовавшего российского имперского законодательства. Данный процесс фиксируется на протяжении всего XIX века, но наибольшую интенсивность приобрел во второй его половине, что, очевидно, связано с событиями Крымской войны 1854-56 гг. и последовавшей вслед за ними массовой эмиграцией крымскотатарского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаева З.З. Частное вакуфное землевладение в Таврической губернии // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2 (декабрь). – С. 89–91.
- Завадовский А.Г. Сто лет жизни Тавриды. – Симферополь, 1885.
- ГАРК. – Ф. 315. – Оп. 1. – Д. 1221. О разрешении производить продажу не приносящих дохода вакуфных участков земли и ветхих строений. 1 июня 1867 – 5 дек. 1878 г.
- ГАРК. – Ф. 315. – Оп. 1. – Д. 1199. О поверке вакуфных имений и капиталов и о составлении им точных ведомостей. 27 сент. 1866 – 17 ноября 1871 г.
- Конкин Д.В. Имперские подходы в решении мусульманских проблем: на примере учреждения и деятельности «Комиссии для приведения в известность вакуфов в Крыму» (1871 год) // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции «IV Научные чтения памяти У. Боданинского» (Бахчисарай, 17-19 октября 2012 г.) / [ред.-сост. В.Е. Науменко]. – Бахчисарай, 2012. – С. 20–21.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. – 1896. – № 24. – С. 35–71.
- Сравнительная ведомость частным в Крыму вакуфам, составленная Высочайше учрежденной Особой комиссией о вакуфах в 1893 г. – Симферополь, 1893.
- Частно-вакуфное владение в Крыму. – Симферополь, 1892.
- Hennigan P.C. The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A.H. Hanafi legal discourse. – Leiden-Boston, 2004. – (Studies in Islamic law and society; v.18).
- Peters R. [Wakf] In Classical Islamic law // The Encyclopaedia of Islam. – Leiden, 2002. – Vol. XI. – P. 59–63.

М.А. КОТИН, А.В. КОТИНА
(Керчь)

ПОСЕЛЕНИЕ ЭЛЬТИГЕН-ЗАПАДНОЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ

Взаимосвязь природного фактора и античного общества общеизвестна [Блаватский, 1976]. Накопленный опыт колонизационной практики помогал в выборе места для поселения, в частности, при выборе места для Нимфея было выбрано место на высоком скалистом морском мысе, с естественными рубежами защиты. Мыс господствовал над значительным участком побережья, ограниченным на севере современным озером Чурбаш и уходящей далеко на запад балкой, а на юге – озером Тобечик [Зинько, 2003. С. 17].

При освоении земель в округе Нимфея в первую очередь осваивались земли, наиболее удобно расположенные и находящиеся вблизи к городищу, которое просматривалось из города. Наиболее близким поселением к Нимфею является Эльтиген-Западное, расположенное северо-западнее самого городища в 1 км от него.

Поселение занимает небольшую мысообразную возвышенность, образованную пологой балкой, ориентированной: запад–восток (рис. 1, № 1) и небольшим оврагом, ориентированным: север–юг (рис. 1, № 2), по которым, судя по всему, в древности проходили дороги [Зинько, 2003. С. 215]. Эти балки являются естественными границами поселения с юга и запада. Северную и восточную границы поселения выявить пока не удалось. Примерная площадь поселения, судя по распространению керамики, составляет 0,5 га. Рельеф данного района представляет собой степь с малочисленными небольшими холмами. Деревья на территории поселения отсутствуют, это, по всей видимости, связано с тем, что до недавних пор этот участок распаивался.

Дорога № 1 (рис. 1, № 1), вероятно, начиналась у западных ворот Нимфея, шла в западном направлении через Нимфейский курганно-грунтовой могильник. На этом участке дорога прослеживается

ся на протяжении около 0,5 км в виде узкого длинного понижения, ориентированного з – ю-з. Далее на запад она разрушена насыпью современного шоссе [Зинько, 2003. С. 240].

Дорога № 2 (рис. 1, № 2) шла с севера на юг, хорошо прослеживается на участке пересечения с дорогой № 1, в районе поселения. Здесь она сохранилась в виде неглубокого понижения с пологими бортами. Далее шла в южном – юго-западном направлении вдоль южной цепочки курганов Нимфейского некрополя, расположенных по краю приморской террасы. За 2-м маяком древняя дорога, вероятно, по естественному пологому склону спускалась ниже к морю. И далее прослеживается по цепочке курганов, вытянутых параллельно берегу вдоль поселений Героевка-3, Героевка-2, вплоть до поселения Героевка-1. Протяженность сохранившегося отрезка дороги составляет 6 км [Зинько, 2003. С. 240]. Начало дороги, скорее всего, находится северо-восточнее поселения, возможно, она начиналась в районе т.н. «плавней», которые некоторые исследователи связывают с предполагаемым Нимфейским заливом [Силантьева, 1959. Рис. 1; Худяк, 1962. С. 69]. Затем она проходила по некрополю, который располагался в 350–400 м от поселения. В этой части некрополя находится «аллея склепов» (рис. 1, № 3, № 4), при исследовании которой были обнаружены погребения, относящиеся к позднеархаическому и эллинистическому времени, т.е. к тому же времени, когда существовало поселение [Грач, 1999. Табл. 1; Соловьев, 2003. Рис. 93; 94]. Материковая скала на данном участке залегает на глубине 0,8 – 1,2 м. При раскопках Н.Л. Грач в материковой скале выявлены следы вырубки известняковых блоков, что может свидетельствовать о существовании здесь каменоломни открытого типа [Зинько, 2003. С. 241].

В целом, следует отметить, что данный район благодаря удобному в оборонительном аспекте рельефу местности, а также значительным природным ресурсам являлся благоприятным местом для возникновения различных поселений, в том числе и поселения Эльтиген Западное.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д. Природа и античное общество. – М. – 1976.
 Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. – Л. – 1999.
 Зинько В.Н. Хора Боспорского города Нимфея // БИ. IV. – 2003.
 Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 69. – 1959.
 Соловьев С.Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. – СПб. – 2003.
 Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–II вв. до н. э. – Л. – 1962.

Рис. 1. Поселение Эльтиген Западное. Схема расположения объектов:
 1 - Дорога № 1;
 2 - Дорога № 2;
 3 - «Аллея склепов»;
 4 - Раскоп 1995-1996 гг.
 5 - Территория каменоломни.

М.Г. КРАМАРОВСКИЙ, Э.И. СЕЙДАЛИЕВ
(С-Петербург, Бахчисарай)

ИСЛАМСКАЯ ОБЩИНА СОЛХАТА: ГЕОГРАФИЯ И СОЦИУМ

В докладе мы хотим показать некоторые проблемы развития т.н. «монгольского» города в Крыму, структура которого развивалась в рамках трех общин – *исламской, христианской и иудейской*. Из них *мусульманская* была самой молодой, поскольку до XIII в. Северное Причерноморье не знало ислама как вектора развития. В то же время необходимо отметить, что особенности формирования мусульманской общины напрямую зависели от нескольких факторов. В первую очередь, это, конечно, этническая составляющая. Немаловажную роль играл и фактор географической среды, в которой формировалась городская культура Солхата. Важно подчеркнуть, что складывание новой для Крыма религиозной общины шло одновременно с формированием городских структур Солхата.

Наши представления об исторической топографии Солхата основаны на сопоставлении натурных наблюдений и плана города, снятого русским военным топографом И. Лютовым около 1783 г. Согласно этому плану, градообразующая магистраль перерезает пятно городской застройки XV–XVIII вв. с запада на восток, расчлняя средневековое городище на две неравные части. При этом куст христианских памятников оказался в юго-западном секторе поселения, а *кенасса*, обозначившая центр еврейского Солхата, указана на плане в юго-восточном секторе. Исламские кварталы расположившиеся вдоль трассы, заполнили всю центральную часть города, потеснив застройку инокультурных общин. Примечательно, что два из шести христианских храмов, вероятно, принадлежавших армянской общине, после 1363 г., когда город опоясал оборонительный ров, остались за линией городских укреплений. Необходимость строительства рва (инициатива крымского *улусбека Кутлуг-Буга*) была вызвана бояз-

нью наступления на Крым великого князя литовского Олгерда, нанесшего поражение ордынцам под Синими водами (1362 г.). Спустя двенадцать лет ров и вал были дополнены беклярибеком Мамаем (1380) каменными стенами с башнями. Этим Солхат на время уравновесил потенциал генуэзской Каффы. Протяженность нового оборонительного пояса беспрецедентна для Крыма и достигает 6,734 п/м.

Помимо тюрок, основного населения Солхата и исламизированных монголов, составляющих тонкую прослойку элиты вплоть до конца XIV в., здесь проживали *аланы, греки, славяне, иудеи (караимы и евреи), армяне, латиняне (выходцы из Латинской Романии и Лигурии)*. Все они группировались, как уже отмечалось, в трех религиозных общинах. Каждая не была едина ни этнически, ни исповедально. Так, христианские кварталы знали представителей нескольких конфессий – *ортодоксально православной (византийской), несторианской, греко-католической, католической и армяно-григорианской*. В иудейских кварталах проживали представители двух сект. *Караимы* жили по законам *Торы*, *раббаниты*, следовали Устному Закону, позднее внесенному в *Талмуд*.

Общая повседневная жизнь горожан (в период расцвета города в первой пол. XIV в. их число, вероятно, достигало восьми тысяч) определялась несколькими главными факторами: властью представителя золотоордынского хана – *баскака* (тюрк.), общим для всех горожан рынком, развитие которого подхлестнуло введение с начала 1260-х гг. общегосударственного монетного чекана, и единой системой водопользования. В отношениях с властью бесспорен приоритет исламской общины.

Мусульмане не сразу заняли доминирующие позиции в городе. По-видимому, до последних лет XIII в. положение исламской и христианской общин было если и не равновесно, то близким к паритету. Об этом можно судить по отголоску споров о запрете колокольного боя в христианских кварталах Солхата, сохранившихся в документах Ватикана. Попытка запрета удалась не сразу. В 1280-х гг. в Крыму францисканцы окрестили жену всеильного ордынского темника Ногай *Яйлак* и нескольких крупных монгольских беков. Усиление позиций общины позволило сохранить церковную традицию праздничных перезвонов в Солхате вплоть до начала XIV в. Колокольный бой, так испугавший в марте 1333 г. Ибн Баттуту в Керчи, в Солхате уже был упразднен.

Первая квартальная мечеть появляется в Солхате только осенью 1263 г. Она была построена рядом с рынком на благотворительные средства сына хаджи Омера ал-Бухари. Это событие, несомненно,

отразило настроения, существовавшие в поволжской столице в окружении хана-мусульманина Берке (1257–1266). При хане Менгу-Тимура Солхат и Судак были переданы в «кормление» освобожденному Ногаем из византийского плена в 1265 г. иконийскому экс-султану 'Изз ад-дину Кейкавусу II, родственнику берковичей. В этот период в городе сформировался исламский вектор, определивший его культурное лицо на несколько будущих столетий. Около середины 1330-х годов на средства матери правителя Солхата *Кутлуз Тимура Инджибек Хатун* (ум. 1375) малоазийской артелью было возведено величественное здание медресе. Одна из последних крупных мечетей, вероятно, построена в годы короткого периода восстановления золотоордынского единства при хане Токтамыше (1381–1395).

Солхат, в отличие от ряда золотоордынских городов, не был разорен дотла Тимуровским погромом в 1395 г. и на протяжении всего периода средневековья развивался, главным образом, как исламский город. В 1396 г. на благотворительные средства внучки *Кутлуз Тимура Бай Буглы Хатун* построена обитель дервишей – текие, позже перестроенная в мечеть, получившую название *Куршун Джами* (Свинцовая мечеть).

Центром *исламского города* остался архитектурный комплекс, состоящий из медресе и возобновленной на новом месте «старой» мечети Узбека (первая треть XIV – вторая половина XV в.). «Новая» мечеть Узбека сохранила портал, *михраб* и основные детали аркады первоначальной, датированной 1314 г. Мечеть была перенесена к северной стене медресе 30-х гг. XIV в. скорее всего на исходе XV в. Имя золотоордынского хана и дата постройки первоначальной мечети взяты из надписи на портале. В ленте над полуаркой входа арабская надпись с датой 714 г.х. = 1314 г., содержит имя хана *Мухаммеда Узбека вместе с именем строителя* (архитектора?) *Абдул-Азиза Ибраима аль-Ирбили*. *Нисба Абдул-Азиза Ибраима «аль-Ирбили»* указывает на его родину – город Ирбиль (Арбела) в Ираке. *Михраб* мечети повторяет структуру портала, но украшен еще богаче. В эпиграфическом фризе читается коранический текст. Обмеры и графический анализ портала и *михраба*, их декоративного убранства приводят нас к истокам – художественной традиции, сложившейся в северной части Центральной Анатолии в период сельджукских эмиратов.

В городе господствовал тюркский язык. Об этом можно судить по надписям на монетах местного чекана, где известно четыре варианта *пулов* с фразой «*сорок восемь – один ярмак*». Тюркский уже на раннем этапе становления Солхата стал языком межэтнического общения.

Омастикон мусульманской общины свидетельствует, что среди жителей города большее распространение получили общеисламские имена: *Урус, Бейрам, Кутлу, Буджук, Лачин*. Однако в просопографии Солхата и его округа XIV в. семьи анатолийского происхождения все же определяются по *нисбам* отцов. Их немного – всего пять. Это, прежде всего, *Эль Кастамуни* (№70), *Эль Ахлати* (№94) (Акчокраклы, 1927, с.4, 11,12), *Эт-Токати* (№190), *Эс-Сиваси* (№22) (Акчокраклы, 1929, с.2, 5,7) и имя шейха *Якуба Коневе* из Отуз (Акчокраклы, 1927, с.15, №1). Очевидно, к этому списку нужно добавить надгробие 776 г.х.=1374 г. (№ 25 по списку Акчокраклы Эрмитаж, инв. № Сол. 11) с тюркской надписью. Имя владельца, к сожалению, все еще не прочтено, но упоминание – *алемдара* (знаменосца) *эхи* (?) связывает его (или его отца?) с традицией исламской Малой Азии. Надгробие шейха из Отуз датировано 729 г.х.= 1328 г. Приведенные имена – убедительное проявление малых диаспор, связавших Солхат и близкие к нему поселения с отдельными провинциями сельджукской Малой Азии в XIII-XIV вв., включая столицу Румийского султаната Конию.

В городской культуре исламская анатолийская диаспора ярко проявила себя как в духовной жизни, так и в облике материальной культуры. Один из ярких представителей анатолийской диаспоры шейх Абу Бакр Руми, представитель *шафиитского* меньшинства и автор суфийского трактата «*Каландарнаме*», служил имамом в одной из соборных мечетей города. Абу Бакр родился в Акхешире (Анатолия), но до конца жизни жил в Солхате.

Особое расположение Солхата, на границе кочевой степи, обеспечило наполнение исламской общины Солхата вторым тюркским компонентом — кипчаками.

Свидетельства марокканского шейха Ибн Батуты (1333 г.) позволяют констатировать, что исламская община города, сформировавшаяся в короткое время на новой для себя почве, оказалась все же привержена не арабской, а тюркской модели ислама, что, безусловно связано с тюркским большинством молодой общины.

Таким образом, географическое расположение Солхата, среда, в которой формировалась его городская культура, неразрывно были связаны с особенностями формирования социума этого золотоордынского города.

Н.Л. КУЧЕРЕВСКАЯ
(Керчь)

О ГЕОГРАФИИ ПРОИЗВОДСТВА ФАНАГОРИЙСКИХ СТЕЛ

Как известно, в дельте любой реки в наносных почвах камень отсутствует и его приходилось везти с коренного берега. А как обстояло дело на Таманском полуострове? Известно, что на Тамани, в условиях дефицита строительного камня, в погребальных конструкциях часто использовалось дерево. Источником наших знаний могут стать каменные стелы, традиционно использовавшиеся греками. Откуда фанагорийцы брали камень для изготовления погребальных памятников? Существовали ли собственные школы или стелы заказывали там же, откуда и материал? Попробуем ответить на эти вопросы.

Стелы с рельефными изображениями из некрополя Фанагории представляют собой интересное явление в боспорском искусстве. Некоторые из них имеют много общего с надгробиями европейского Боспора в сюжетах, манере исполнения, материале (известняк), другие отличаются техникой резьбы по камню и введением необычных элементов в сюжетную линию. Именно на основании этих отличительных особенностей выдвинута гипотеза о существовании собственного производства стел в Фанагории.

Если Керченский полуостров богат месторождениями известняка (в основном, брекчиевыми меотисами – плотными однородными пластами каменной породы), то на Таманском полуострове встречаются месторождения лишь мшанковых (рифовых) и карстовых известняков, не пригодных для камнерезного производства. Греки придерживались античных традиций, поэтому даже при отсутствии годного для изготовления надгробий камня в окрестностях Фанагории её население испытывало потребность в соблюдении всех привычных ритуалов погребального обряда и обставляло его в соответствии с обычаями метрополии. Следовательно, камень и (или)

изделия из камня были привозными. Мрамор в Фанагорию могли привозить из Греции в качестве балласта на судах, а известняк, очевидно, доставляли с территории европейского Боспора. Производство фанагорийских надгробий именно в Пантикапее подтверждается не только материалом – известняком, добываемом на Керченском полуострове, но и стилистическими особенностями надгробных рельефов населения Фанагории.

Ряд фанагорийских стел имеет близкие аналогии памятникам, найденным в некрополях Пантикапея. Стела Гокона, сына Агафа и Агафа, сына Гокона (КБН, № 992) со стихотворной эпитафией, найденная в станице Сенной в 1951 г., увенчана резным анфемием, под которым располагаются три розетты и в углублении эдикулы – рельеф с изображением сцены прощания: стоящие рядом юноша и бородастый мужчинажимают друг другу руки. Рельеф объемный, довольно высокий, выполнен тщательно с соблюдением пропорций и необходимой проработкой деталей. Стела имеет сходство в построении схемы сюжета и манере исполнения с надгробием Архелая и Фавна из Пантикапея (КЛ-306, КБН, № 262) I в. до н.э. На рельефе КЛ-399, датированном концом II – началом I в. до н.э., черты лиц безбородых персонажей аналогичны. На стеле Саббиона и Хресты (КЛ-415, КБН, № 704) замечено сходство Саббиона с изображением бородастого мужчины на фанагорийском надгробии, оно сказывается в развороте головы, исполнении прически и бороды, идентичных элементах костюма, одинаковой проработке частей тела: плотных со сглаженными очертаниями ног, выделяющихся рельефно коленных чашечек.

Стела Аполлония, его жены Мегисты и сына Хреста (КЛ-205, КБН, № 995) I в. н. э. также содержит сцену прощания. На рельефе, заключенном в поддерживаемую пилястрами и украшенную растительным декором арку, изображены держащиеся за руки мужчина и женщина, рядом мужская фигура. Стелу отличает плоский рельеф, исполненный с выделением крупных объемов, проработанных гравировкой. Подобная упрощенная манера исполнения, плоскостной рельеф, статичная постановка фигур, пренебрежение к рельефной проработке элементов костюма и архитектурного декора характерны и для пантикапейских рельефов I–II вв. н.э.: надгробия Фарнака и Кули (КЛ-171, КБН, № 526), стела со сценой прощания, помещенной в арку (КЛ-276) [Матковская, Твардецкий, Тохтасьев, Бехтер 2009, № 120], памятник Эрота, сына Филома, (КЛ-286, КБН, № 406), стела Лингион и Гедин (КЛ-297, КБН, № 451), надгробный рельеф КЛ-416 (КБН, № 646), стела Аполлония и Перисала (КЛ-889, КБН, № 347).

Изображение всадника на скачущем коне (КЛ-344, КБН, № 996) I в. н.э. из Фанагории продолжает традицию таманских стел, которые стремятся передать динамику движения посредством изображенного за спиной всадника развевающегося наподобие крыла плаща. Однако техника исполнения находит аналогии среди найденных в Пантикапее памятников. Такой же тщательно проработанный, объемный и утонченный рельеф, с вытянутыми пропорциями человеческой фигуры представлен на пантикапейской стеле Гликарион, жены Эрота, (КБН, № 305) второй половины I в. до н. э. – начала I в. н. э., хранящейся в Эрмитаже. К этой же школе можно отнести хранящееся в Британском музее женское надгробие Дасхас (КБН, № 306). Определенное сходство в исполнении сюжета прослеживается со стелой Перигена, сына Асклепиада, (КБН, № 491) из эрмитажного собрания.

Большим изяществом отличается стела Элиды, дочери Деметрия, (КЛ-293, КБН, № 997) с изображением сидящей на троне обожествленной умершей в окружении служанок, датированная I в. н.э. Превеличенное внимание резчика к передаче драпировок, переданных условно, но живописно, деталям интерьера, правильной передаче пропорций фигур свидетельствуют о высоком уровне ремесленного мастерства. Манера исполнения находит аналогии среди рельефов из Пантикапея, однако изображение обрамляющих эдикулу каннелированных колонн на сложнопрофилированных базах делает этот рельеф уникальным. Возможно, памятник изготовлен в Пантикапее по конкретному заказу с учетом пожеланий заказчика.

Из группы стел, которые можно отнести к пантикапейской «школе», выбивается двусторонний памятник Агафа (КБН, № 1000), в один из рельефов которого – сцену трапезы – введены не типичные для Боспора элементы: слуга, держащий на поводке собаку, и служанка, совершающая жертвенное возлияние над алтарем. На оборотной стороне стелы в рельеф с изображением двух обращенных друг к другу всадников внесены «какие-то животные». На поврежденном рельефе с трудом можно распознать голову кабана (под ногами коня слева) – по-видимому, охотничий трофей, и сидящую собаку в центре композиции. Образ собаки часто сопровождает изображение бога-охотника на надгробиях из Пантикапея (КБН, №№ 145, 464, 537, 597, 602, 960, КЛ-743) и из Тамани (КЛ-145, КБН, № 1012). Протома кабана встречается лишь на фризе архитрава из Пантикапея в сцене псовой охоты (КЛ-379, 1268) [Буйских, 2009, № 185, с. 195–197]. Вероятно, погребенный был охотником, что подтверждается изображениями животных на надгробии. Исполнение рельефов отличается

скрупулезной проработкой деталей в ущерб соблюдению пропорций фигур и черт лиц персонажей, не связанные с формами тел драпировки одежд имеют декоративный, схематичный характер. Изображения коней тяжеловесны, с подчеркнуто выпуклыми рельефными деталями. Подобные образы коней мы встречаем лишь на фанагорийских стелах (КЛ-145; 146) [KW, № 561, Т. XXXIX; KW, № 617, Т. XLII] с нетипичными для европейского Боспора «пряничными» акантовыми орнаментами в центральной акротерии фронтона на завершии и на помещенном под завершием высоким фризе, сочетающем акант и ионийский киматий. Всадники на этих стелах также условно примитивные, с заложенными в схематичные складки подолами кафтанов и развевающимися за их спинами плащами. Выпуклость мускулистой шеи, грудины и крупа коня характерна для стелы Феагена и Кулии из Ахиллия I–II вв. н.э. (КБН, № 1025).

Не имеет четких аналогий с памятниками европейского Боспора найденная в районе Фанагории стела Асклепиада, сына Деметрия, (КЛ-312, КБН, № 1001) II в. н.э. и надгробие Протиона, сына Камарсаза, из Гермонассы (КЛ-176, КБН, № 1088) с двумя рельефами [Савостина, 1992, № 34]. Оба памятника датированы II в. н. э., они содержат сцены заgrabной трапезы, на которых изображен возлежащий на ложе умерший и рядом в полном масштабе – стоящий мужчина. Объединяет эти рельефы манера исполнения: плоскостной рельеф, графическая проработка деталей, аналогичные детали мужского одеяния: на пирующих героях надет кафтан, поверх наброшен плащ, концы которого создают валик на поясе. На рельефах европейского Боспора пирующий всегда изображен в греческой одежде – хитоне и гиматии.

Традиционная для Боспора схема – сидящая в кресле обожествленная умершая, показанная в профиль, – на фанагорийской стеле Василиска, сына Коллия, (КБН, № 1002) содержит довольно редкое дополнение сюжета в виде стоящей на высоком постаменте женской фигуры, выполненной в мелком масштабе [Коровина, 1968, с. 107, рис. 13]. Рельеф плоский, изображения переданы большими объемными массами, почти не расчлененными гравировкой. По-видимому, детали восполняла роспись памятника. Такой сплошной объем скульптурных масс не находит аналогий в изготовлении памятников европейского Боспора.

На основании перечисленных выше отличительных стилистических особенностей можно выделить отдельную группу памятников фанагорийского социума, не характерных для европейского Боспора.

Возможно, они изготовлены из привозного керченского известняка в мастерской, существовавшей в Фанагории в I–II вв. н.э. Во II–I вв. до н. э. производство надгробных памятников было сосредоточено в мастерских Пантикапея. Из них мы можем выделить две мастерские, экспортировавшие надгробия из известняка в азиатскую часть Боспора. Они имели свой стиль и разный уровень технического исполнения рельефов. По-видимому, в процессе тесного культурного и экономического взаимодействия традиции пантикапейских ремесленников повлияли на становление и развитие камнерезного ремесла в Фанагории.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских А.В.* Античная архитектура из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев, 2009. Т. IV. Кн. 1.
- Коровина А.К.* Группа надгробных стел Таманского полуострова // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 100–109.
- Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
- Матковская Т., Твардецкий А., Тохтасьев С., Бехтер А.* Боспорские надгробия из собрания Керченского историко-культурного заповедника. II в. до н.э. – III в. н.э. Киев, 2009. III. Ч. 1. Кн. 2.
- Савостина Е.А.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // СГМИИ. Археология и искусство Боспора. 1992. Вып. 10. С. 357–386.
- Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

С.Б. ЛАНЦОВ, М.С. ШАПЦЕВ
(Симферополь)

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА САКСКО-ЕВПАТОРИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Сакско-евпаторийское побережье (от оз. Сасык-Сиваш до южной оконечности оз. Кизил-Яр) является частью степной приморской аккумулятивной золово-аллювиальной-пролювиальной низменной равнины, имеющей низменные берега из песка, известняковой и сланцевой галек. Береговая линия на этом отрезке берега изменилась незначительно, поскольку важнейшим условием абразионного развития берега является крутой уклон исходного откоса прибрежной части дна моря. Не могла оказать сильного влияния на изменение береговой линии и характерная для Черноморского бассейна циркуляция вод, направленная против часовой стрелки и осложнённая различными ответвлениями, потому что на вытянутых участках берега это воздействие не является существенным.

Береговую динамику на сакско-евпаторийском побережье нужно связывать, в первую очередь, с возможными ингрессионными процессами, вызванными новейшим тектоническим прогибанием Сакской мульды и общим повышением Мирового океана за последние 2500 лет. Несомненно, имело место и некоторое изменение антропогенного характера.

Начиная с 1929 г. на сакско-евпаторийских пляжах производилась разработка гальки и песка для строительства Днепровской гидроэлектростанции. Добыча производилась вплоть до семидесятых годов XX в. В результате были размыты пляжи, вдоль побережья были вырыты котлованы, дно которых оказалось ниже уровня моря. В штормы искусственные водоразделы подвергались постепенному разрушению, в результате чего море соединилось с этими лагунами антропогенного происхождения. Таким образом, более чем двадцатикilометровый берег между Ева-

торией и южной оконечностью оз. Кизил-Яр был уничтожен на ширину свыше 30 м.

Кроме того, до недавнего времени вдоль всего побережья сплошной полосой тянулись частью оплывшие, а частью превратившиеся в озёра громадные котлованы. Они являлись остатками второй приморской линии добычи песка и гравия. В результате современной антропогенной деятельности, по-видимому, часть античных памятников полностью уничтожена (например, святилище на Сакской пересыпи) и (или) затоплена, как поселение Кизил-Яр, расположенное в прибрежной полосе недалеко от одноимённого озера.

На территории сакско-евпаторийского побережья в настоящее время находится три крупных соляных озера: Сасык-Сивашское, Сакское, Кизил-Яр. Геологические исследования, в частности изучение иловых отложений, говорят о том, что их бассейны отшнуровались от моря не позднее 5 тыс. лет назад и, следовательно, их галечно-песчаные пересыпи в античное время уже существовали.

Однако вполне возможны во время штормов перебросы морских волн через пересыпи в их наиболее узких местах, особенно учитывая частые и сильные западные и юго-западные лобовые ветры. В результате таких перебросов могут временно исчезать и менять конфигурацию пляжи, образовываться обширные гирла в пересыпях. О неоднократно возникающей связи Чёрного моря с озёрами свидетельствует фауна донных отложений озёр, в которых отмечено чередование слоёв ила, содержащих морские и лиманные моллюски. В античное время, вероятно, такие явления происходили довольно часто. Так, например, культурный слой поселения Кара-Тобе-2, расположенного на берегу Сасык-Сивашского озера, лежит на небольшой прослойке илов, возникших, очевидно, в результате такого мощного прорыва пересыпи озера. Вместе с тем, промывы водоразделов в целом вряд ли могли повлиять на морфологию береговой линии в связи с тем, что гирла, как правило, быстро затягивались.

Источников пресной воды в районе расположения озёр в настоящее время мало. По балкам наблюдаются лишь временные сезонные водотоки, в период ливней и таяния снегов. Возможным источником воды в античное время могла являться так называемая «верховодка». Она несколько солоновата на вкус, «настиляет уровень» морской воды в пересыпях приморских озёр, залегая под пеком и галькой максимально на глубине 2 – 3 м от поверхности, в зависимости от высоты водоразделов и сезонных колебаний.

При споро-пыльцевом анализе донных отложений (илов) Сакско-

го озера (в возрасте 1500–2000 лет) в них была обнаружена пыльца дуба, бука, граба, лещины, ольхи, каштана и различных трав. Исходя из того, что пыльца встречается лишь в ареалах распространения самих пород, установлено, что во время формирования исследованного сапропеля, т. е. в античный период, на берегах водоёма располагалась лесостепь. Наличие лесостепной растительности может указывать и на более благоприятный, чем теперь, гидрологический режим.

В настоящее время в прибрежных районах озёр Сасык, Сакское, Кизил-Яр выделяются следующие компоненты галогенных почв: черноземы солонцеватые, лугочерноземные солонцеватые, тёмно-каштановые солонцеватые, солонцы на средних и тяжёлых глинах. Следует обратить внимание на общую карбонатность почв, характеризующуюся некоторым накоплением кальция в условиях недостатка влаги, а также малым содержанием фосфора, что препятствует высокой урожайности культурных злаков. Возможно, увеличение карбонатности, как и исчезновение древесно-кустарниковой растительности, связано с изменением климата и ухудшением гидрологии района в постантичное время.

В целом, здешние почвы вполне пригодны для возделывания культурных злаков и других основных сельскохозяйственных структур. Они не менее плодородны, чем лишь слегка прикрывающие на отдельных участках скалу щебнистые чернозёмы Донузлавского района и слабогумусированные чернозёмы Евпаторийского увала.

В результате вышеизложенной краткой палеогеографической характеристики локального участка побережья стала ясна естественная близость экологической ситуации в нём другим, хорошо изученным археологическим районам Северо-Западного Крыма.

В.В. МАЙКО
(Симферополь)

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКИ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII вв.

Во второй половине X в. в связи с повышением роли Константинополя посредническая роль приморских городов Таврики в торговле Руси и Византии заметно оживляется. Сказанное справедливо и по отношению к провинциальным византийским городам Восточного Крыма. В этой части полуострова в указанный хронологический период пока известно только два крупных городских центра Сугдее и Боспор. Их выгодное географическое расположение на пересечении морских транспортных магистралей и наличие городской инфраструктуры предшествующего времени способствовали значительному увеличению площади застройки и постепенному превращению в крупнейшие торговые центры данного региона Крыма. При этом главным градообразующим фактором становятся городские порты, роль которых значительно возросла. С другой стороны, нельзя не учитывать и тот факт, что благодаря сложной политической ситуации жизнь в восточной Таврике со второй половины X в. сосредоточивается только в указанных городских центрах, а подавляющее большинство сельских поселений прекращает существование. Переселение значительной массы жителей под защиту городских стен не могло не способствовать быстрому развитию урбанистических процессов в Сугдее и на Боспоре.

Формирование самого облика византийских городов Восточной Таврики второй половины X – первой половины XIII вв. также во многом определялось географическими условиями их расположения.

К середине X в. в столице и крупнейших городах Византийской империи вырабатываются основные приемы, способствовавшие упорядочению внутри городской застройки. Это, прежде всего, попытки создания более или менее четких городских кварталов. Эти

перемены, менявшие облик Константинополя и городов центральных провинций Византии постепенно, для провинциальных городов, особенно расположенных на границах империи, имели гораздо большее значение. Благодаря несравнимому с другими синхронными памятниками масштабу исследований идеальным примером является Херсонес. Здесь в середине X в. в качестве ядра застройки городских кварталов можно рассматривать жилые усадьбы с хозяйственными сооружениями и христианскими часовнями. Безусловно, развитию и упорядочению квартальной планировки Херсонеса во многом способствовало географическое расположение города на относительно ровной поверхности. Сказанное в полной мере относится и к Боспору, географические условия месторасположения, по крайней мере портовой части этого города, схожи. Здесь большинство исследованных домов на участке раскопа на Рыночной площади составляли городской квартал, разделенный перпендикулярными улицами, примыкающий к храму Иоанна Предтечи. Исходя из сохранившихся строительных остатков X – первой половины XIII вв. на участке раскопа 1990-91 гг. А.И. Айбабина в Кооперативном переулке, не исключено, что квартальная планировка, подчиненная руслу ручья, существовала и там.

Географическая ситуация в Сугдее изначально была иной. Горный рельеф портовой части этого средневекового города диктовал соответствующие приемы планировки жилых, хозяйственных и культовых построек, исключавшие возможность организации крупных компактных городских кварталов. В отличие от возведения городских кварталов на ровной поверхности жилые дома в портовой части сооружались на искусственных террасах склонов гор, спускавшихся к морю. Однако, несмотря на сложный рельеф, строители, тем не менее, максимально полно пытались применить элементы квартальной планировки.

Бухта морского порта средневековой Сугдеи с севера ограничена хребтом горы Крепостной, с южной – побережьем моря, с востока и запада – выступающими в море скальными мысами Джаневез-Кайя и Полвани-Оба. Общая площадь порта составляет около 4,5 га. Глубокий овраг, протянувшийся с северо-запада на юго-восток, делит территорию порта на две неравнозначные части. Основные исследования 1965–2014 гг. проводились в восточной части Судакского порта. Рельеф местности на участке практически всех раскопов с севера на юг понижается под углом около 30°, таким образом, перепад высот составляет более 4 м. Судя по многолетним раскопкам в порто-

вой части Сугдеи, здесь на южном склоне Крепостной горы сейчас выделяется пять террас. Исследования на участке раскопов III и VI однозначно показали, что в данном случае между второй и третьей террасами, поверхность которых была в некоторых местах искусственно сnivelирована, существовал небольшой переулочек шириной не более 1,50 м, повторявший рельеф горного склона.

В настоящее время лучше всего изучена застройка второй террасы, где открыто пять построек. Основным типом сооружений являлись здания, представлявшие собой двухкамерные дома с хозяйственным двором, чаще всего обнесенным каменной оградой. В северо-западном или северо-восточном углах одного из помещений располагалась печь-тандыр. В некоторых случаях прослежено последовательное возведение на одном и том же месте нескольких печей-тандыров. Иногда печь располагалась и на территории хозяйственного двора, примыкающего к дому. Там же чаще всего размещались пифосы. Характерным отличием данного периода, связанным с урбанистическими процессами, являлось появление вторых этажей.

Все упомянутые постройки на второй террасе портовой части Сугдеи, имеющие одинаковую ориентацию, несмотря на сложности рельефа, расположены практически на одной оси по направлению запад–восток. На третьей террасе раскопана усадьба с полуподвалом, ориентированная аналогично. По своему конструктивному решению она почти не отличается от классической провинциальной византийской усадьбы Херсонеса. При сооружении ее полуподвала использованы естественные перепады высот, которые невозможно было ликвидировать нивелировкой. При перепланировке помещения «А» этой усадьбы в первой половине XIII в. скальный выход был использован в конструкции западной стены. Совершенно логично, что аналогичное применение естественного рельефа при возведении построек в портовой части Сугдеи отмечено для всех периодов существования средневекового города.

Влияние географического фактора при формировании застройки провинциального византийского города рассматриваемого хронологического периода отмечено не только в Сугдее. В Партенидах, на южном берегу Крыма, исходя из схожего рельефа местности, наблюдается характер застройки склона горы, совершенно аналогичный Сугдее и также с попытками квартальной планировки.

Значительное влияние оказало изменение природных условий на функционирование порта средневековой Сугдеи. В ранне и средне-византийское время он находился в бухте Лимена-кале непосред-

ственно у подножия крепостной горы. Начиная с первой половины XIII в., порт, вероятнее всего, был расширен и главный товарооборот совершался уже на новом месте – в бухте поселка Новый Свет примерно на 5 км западнее. Оснований для подобных выводов несколько. Основная масса археологического материала, так или иначе связанного с деятельностью порта, обнаружена в бухте Лимена-кале, в подавляющем большинстве не выходит за рамки первой половины XIII в. В бухте же поселка Новый Свет за исключением комплекса кораблекрушения второй половины X-XI вв. и отдельных находок широкого хронологического диапазона основная масса находок, безусловно, связанных с кораблекрушениями и деятельностью порта, датируется начиная со второй четверти XIII в. Не исключено, что расширение порта средневековой Сугдеи было связано с поднятием уровня моря, которое ухудшило географическое расположение первоначального порта в бухте Лимена-кале.

Таким образом, географические факторы оказывали серьезное влияние на формирование облика средневековых городов восточного Крыма. Вместе с урбанистическими процессами они определяли особенности их инфраструктуры и исторической топографии.

А.А. МАСЛЕННИКОВ
(Москва)

«МАЛЕНЬКИЙ» ЧЕЛОВЕК НА БЕРЕГАХ МЕОТИДЫ*

Проблема соотношения социума и природы, окружающей среды интересовала общество всегда, но касалась каждого её члена. В обычных, стабильно привычных условиях она (эта проблема) как бы и не возникает, вернее, не замечается. (Это как со здоровьем человека.) Но стоило нарушиться некоему «привычному ходу вещей», и она вырастала подчас до размеров катастрофы. Природа, как живой организм, живёт по своим законам. Человек же в этом «дуэте» есть, вернее, долго был существом «прилагательным». И на протяжении всей своей истории так или иначе приспосабливался к окружающей среде, болезненно воспринимая все её неожиданные перемены. В сущности, социум всё в большей степени становился своего рода её «барометром». Вот почему все, кто занимается соответствующими (то есть с приставкой «палео») областями знаний, вольно или невольно, вернее, признавая или делая это неохотно, но по сути дела зависят от историков и археологов, точнее, их информации. В свою очередь, в археологии, в том числе северопричерноморской, стало общепринятым мнение о том, что все смены местных историко-археологических общностей-культур есть следствие кардинальных палеоклиматических изменений или даже катастроф. Более того, даже для боспороведов очевидна взаимосвязь, пусть пока не во всех случаях достаточно выявленная и обоснованная, таких природных колебаний и событийно-хозяйственной периодизации этого государства. Вряд ли стоит останавливаться на конкретизации этого поло-

* Доклад и тезисы подготовлены в рамках работ по проекту гранта РФФИ № 13 06 00081 «Структура сельских территорий европейского и азиатского Боспора в эпоху эллинизма...».

жения. Информативное наполнение соответствующих примеров и хронологических этапов требует совместной работы специалистов вышеупомянутых дисциплин. Поэтому ограничимся лишь той фактологией, которая очевидна на взгляд археолога. Более того, постараемся вообще не делать широких «обобщений», не выходя за рамки небольшой территории и примеров, взятых из материалов раскопок всего лишь одного, но достаточно основательно исследованного памятника.

Речь, естественно, пойдёт о поселении Полянка и, отчасти, её «соседях». Её обитателей и по статусу, и по достатку, и по образу жизни, и в бытовом плане вряд ли можно назвать иначе, как «маленькие» люди боспорского социума. (Мне не нравится термин «рядовое население...», он какой-то коряво-казарменный. «Простое» тоже не очень. А тут в кавычках, вроде как и ничего.)

Появлению этого поселения, судя по археологическим данным и сопутствовавшим наблюдениям, как мы неоднократно писали и рассказывали, предшествовала некая природная катастрофа, скорее всего, сейсмического плана. Кажется, нам удалось убедить всех и, прежде всего, самих себя, что здесь, на достаточно большом скалистом прибрежном плато, находившемся непосредственно к востоку от поселения I в. до н.э., несколькими (?) десятилетиями ранее располагалось другое, весьма значительное городище, синхронное (и однотипное?) ряду соседних памятников Меотийского побережья. И плато, и само поселение исчезли, оставив о себе «воспоминания» в виде мощного (толстого, протяжённого и насыщенного разнообразными находками) зольно-мусорного сброса с довольно крутого западного склона этого плато в сторону прилежавшей к нему относительно небольшой котловинообразной долины. Многочисленные находки в этом слое позволяют датировать время бытования «раннего» поселения началом III (скорее, несколько позднее) – концом (или рубежом?) II вв. до н.э. «Верхняя» граница этой хронологии, а следовательно, и примерная дата вышеупомянутой вероятной катастрофы всё ещё остаётся не вполне определённой. Ясно лишь, что она имела место ранее известного нам землетрясения 63 г. до н.э. В таком случае мы вправе предположить, что в течение непродолжительного времени в районе, по крайней мере Крымского Приазовья, (лучше в данном случае говорить: «Примеотидья») имела место целая серия сейсмокатастроф. Всё бы это так, но есть одно не вписывающееся в данный «контекст» обстоятельство. Соседние (к западу и востоку) поселения эллинистического времени, жизнь на которых

(Крутой берег и Сююрташ), кстати, тоже «пресеклась», скорее всего, в это же время, в плане геологии практически не пострадали. А ведь сила предполагаемого землетрясения, совершенно разрушившего наверняка скалистый, как и везде в этой части побережья, его участок в районе Полянки, должна была быть не малой. И даже не меньшей, нежели в 63 г. до н.э., когда она, по мнению специалистов, могла составлять как минимум 8 баллов. Даже если допустить, что эпицентр пришёлся именно сюда, то и тогда на расстоянии от 2-4 до 15 км последствия его должны бы быть весьма и весьма ощутимыми. Попутно заметим, что в противном случае причины прекращения жизни на упомянутых городищах (кроме мыса Зюк) становятся как бы необъяснимыми. Никаких археологических оснований для предположений об антропогенном факторе (военные действия) нет. Остаётся полагать, что мы имеем здесь дело с косвенными последствиями природных катаклизмов либо неизвестными нам военно-политическими обстоятельствами. В первом случае речь может идти, например, о смене «режима» грунтовых вод, что привело к исчезновению или засолённости воды в колодцах. (Последние, несомненно, существовали на побережье во времена античности и археологически зафиксированы.) Во втором – ввиду практически абсолютного «молчания» письменных свидетельств, поле для всякого рода фантазий и предположений безгранично. Таким образом, известное свидетельство Страбона о безлюдье Восточно-Крымского побережья Меотиды вроде бы находит своё подтверждение. Но обратимся, наконец, к нашему «герою» или «героям».

Он появляется в районе прежнего поселения некоторое время спустя. Точная продолжительность этой «лакуны» пока не вполне ясна. Очевидно, от нескольких лет до двух-трёх десятилетий. При современном состоянии нашей источниковедческой базы (вещеведческой хронологии) и без новых письменных свидетельств (появление которых крайне маловероятно) большая точность здесь пока невозможна. Так или иначе, но в упомянутой долине население строит новый посёлок. При этом проводятся значительные предварительные работы – выравнивание и уборка уже упоминавшегося мусорного грунта, особенно мощного в восточной части поселения, у подножия скалистого холма под террасирование площади с последующей застройкой. И тут неизбежно встаёт вопрос, точнее, даже два. Откуда взялся наш «герой», то есть обитатели нового поселения? И были ли они «генетически» связаны со своими предшественниками? На первый мы, скорее всего, не ответим никогда, разве что только предполо-

жив, что это была группа (община, команда, отряд) неких поселенцев или «без рода и племени», или же относительно цивилизованных. На второй вопрос, вероятно, будет правильнее дать отрицательный ответ. Почему? Да хотя бы исходя из, так сказать, психологического (палеопсихологического?) аспекта. Что мы имеем в виду? А то, что селиться рядом с местом, где совсем или относительно недавно случилась страшная (хотя и локальная) катастрофа, её очевидцам или просто информированным было бы как - то «неуютно». (А вдруг снова «треханёт»?) Здесь же принцип «бережёного Бог бережёт» новопоселенцев, по всей видимости, не беспокоил по причине «молчания» их генетической памяти.

Но природа, вернее стихия, вскорости, напомнила им о себе. Мы имеем в виду очевидные археологические следы (наглядные и даже показательные деформации целого ряда кладок) очередного (единственно известного нам) землетрясения 63 г. до н.э. В ряде случаев и даже на целых участках городища разрушения, видимо, оказались столь серьёзными, что пришлось вовсе забросить, перестроить или перепланировать не только отдельные помещения, но и некоторые «кварталы» застройки. Попутно должно отметить, что такие катаклизмы наверняка сказались на очертаниях береговой линии, уровне моря и, конечно, состоянии грунтовых вод. В этой связи нашему «герою» или «героям» пришлось и, может быть, даже не единожды, искать место для гавани и виноградников, рыть колодцы, приспособляться к розе ветров, особенностям почв и прочим неоднозначным проявлениям местного климата. В общем, учиться выживать, исходя из какого-то своего, а не чужого, заимствованного опыта. Заимствовать, скорее всего, было здесь поначалу не у кого. Впрочем, вопрос о преемственности (не люблю я слова «континуитет», хотя латынь уважаю) местных этнокультурных традиций, а следовательно, и населения хоры, по крайней мере Европейского Боспора, на протяжении именно этих нескольких веков (III–I вв. до н.э.) остаётся дискуссионно открытым. С учетом же почти полного отсутствия археологических данных о погребальной практике обитателей усадеб «царской» хоры и Примеотийских городищ последующего времени, вплоть до рубежа эр, задача это представляется тем более неразрешимой.

Но вернёмся к природе и социуму. Именно социуму, ибо в одиночку (и даже с семьёй) наш «герой» просто бы здесь не выжил. Примите во внимание все сложности обустройства, строительства, налаживания хозяйственной деятельности и многое другое, включая сбор топлива на зиму, рытьё колодцев, охоту, рыбную ловлю, защиту.

Сколь-либо значительных городов, да и просто населённых пунктов, на которые можно было бы «опереться» в случае чего, в ближайшей, да и отдалённой округе не было. (Напомним, здесь же, на территории т.н. царской хоры, в IV–III вв. до н.э. эта ситуация, вернее, демографо - поселенческая структура была совершенно иной.) Главным условием успеха было, таким образом, наличие определённого коллектива первопоселенцев, вероятно, в форме некоей соседской общины, состоявшей из нескольких (примерно 15-20) относительно небольших по численности (разделённых) семей, скорее всего, близких по уровню достатка и статусу. (Каждой принадлежал на данном памятнике многокамерный дом-квартал.) В том, что это было именно поселение работников, а не полуказарма «военных поселенцев», свидетельствует, помимо особенностей общей и частной планировки и характеристики находок, отсутствие вплоть до последнего этапа существования этого посёлка каких-либо оборонительных сооружений. Более того, или лучше – именно поэтому, специфично и само местоположение памятника. Для него выбран не относительно высокий и по возможности труднодоступный прибрежный мыс или плато, как это было до и после рассматриваемого времени, а как бы специально укрытое, особенно со стороны степи, заглублённое пространство. То есть место весьма сомнительной выгоды не только в плане сколь-либо долговременной обороны, но и в качестве убежища. Ни в предшествовавших, ни в последовавших периодах местной истории мы с такой локализацией населённых пунктов на хоре Европейского Боспора почти не сталкиваемся.

Зато сталкивались и наверняка ... с природными трудностями жители «нашего» посёлка. И, наверное, самой заурядной, постоянной и непростой из них были суровые (по крымским понятиям, конечно) зимы. Судя по информации всё того же Страбона, отражавшей реалии именно рассматриваемого времени, Меотида в это время года могла выглядеть также «жутковато-непривлекательно», как и в отдельные годы два тысячелетия спустя. (То есть море и пролив замерзали). А значит, вопрос отопления помещений, а равно и самого топлива стоял весьма остро. Анализ строительных остатков свидетельствует, что изначально размеры помещений в границах домов-кварталов были больше при их меньшем числе. Впоследствии же часть проходов была заложена, появились стены-перегородки и таким образом при сокращении площади число помещений под жильё и хозяйственные нужды несколько выросло. (Правда, для этого помимо климатических могли быть и демогра-

фические причины). Очаги вопреки, как считается, правилам фиксируются не только во дворах. Попасть в предположительно жилое помещение можно было только через двор или некий тамбур. Сами дома-кварталы имели солидные внешние стены, часть из которых являлась заборами. Поселение, как это мы уже отмечали, было укрыто не только от чужого глаза, но и от господствовавших (и господствующих по сей день!) самых неприятных, сильных и холодных северо-восточных ветров. Чем топил (явно по-чёрному) наш «герой» – поселянин? Заранее заготовленными дровами, хотя бы и сушняком (сохранялись участки леса?), кизяком, соломой, а может ... высушенной (вяленой?) рыбой «дешёвых» пород? А что? Меотида – морская «житница» Боспора. Нужен соответствующий анализ пыльцы и золы. Где в зимнее время содержали скот? Пространства «двориков» теоретически позволяли это, но только отчасти. Забот поселянину это, надо думать сильно прибавляло. Как он сохранял тепло? Двери, вероятно, всё же существовали, хотя ни одного специально «оформленного» порога не выявлено, а ключей не найдено. Вешали вместо них кошму, войлок? Кто его знает? Жили, конечно, тесно, скученно. Но в целом с природой всё было не так уж плохо. Не считая, естественно, катаклизмов типа упомянутого землетрясения 63 г. Но и его пережили. Виноград рос и созревал не хуже, надо думать, чем сейчас. «Общественная» (одна, но значительная по площади и производительности) винодельня (подчёркнём это наблюдение) обслуживала посёлок. А вот пашня вряд ли находилась рядом. Уж очень каменисты эти окрестности. Зато они удобны как пастбища для относительно небольших стад, главным образом, овец и коз. Чем был «клад» в амфоре? Общей «кассой»? Зимой, да и вообще в ненастье, всякие контакты по морю, в том числе и торгово-обменные, надо думать, замирали. Ждали сезона. Копили? А довольно солидное «здание» под святилище? Общинный культовый центр? Сакральный пантеон, судя по находкам терракот, был самым «пёстрым», но вполне «в духе времени». Божественные женские персонажи, «отвечавшие» за природу в разных её проявлениях, (Деметра-Кора, Кибела) преобладали, но вроде бы не столь очевидно, как несколькими столетиями ранее. Одним словом, природе поклонялись, природой пользовались и от природы защищались всем «обществом» и как могли.

Трудно сказать, как эти природные обстоятельства отражались на погребальной практике. Некрополь (могильник?) до сих пор (к нашей великой радости) тут не найден, впрочем, как и близ других эллинисти-

ческих поселений этого района. Ну, не кремировали же они своих покойников, не отвозили в Пантикапей и не топили в море!? Нет поблизости и курганных насыпей с соответствующими захоронениями.

Судя по времени бытования Полянки (около 90 лет), наш «герой», если ему, конечно, повезло, мог порадоваться за своих внуков. А вот тем, по крайней мере «дома», это было не дано. Поселение было оставлено его жителями где-то между 12 и 8 гг. до н.э. И, скорее всего, природа тут была ни при чём. А дальше? Дальше на это место никто не пришёл. И это тоже примечательно, ибо... не «святое» оно оказалось. Зато раскопки последних лет в полной мере проиллюстрировали слова из песни нашего «доморощенного» поэта и лирика:

« ... и развалины храмов
заносит колючим песком».

Действительно, в юго-восточной части памятника верхний, дерново-гумусный «горизонт» культурных напластований, сформировавшийся за несколько последних столетий, практически повсеместно подстилагается весьма солидным (до 0.5 м) слоем светло-буро-оранжевой супеси. В сущности, это слежавшийся мелкий морской песок. Его золотое происхождение очевидно, но как и почему он оказался здесь, а на остальных участках этого поселения и тем более на соседних не фиксируется? Да и основное направление сильных ветров, как мы уже писали, на протяжении последних тысячелетий вроде бы не сменилось. Или почти не сменилось? То есть были (уже много лет спустя после полного запустения городища) значительные периоды, когда оно менялось? Но почему опять-таки именно в этом месте? Зато не вызывают сомнений следы поздних землетрясений в виде больших глыб известняка, отколовшихся от скального массива на востоке и скатившихся в долину на уже давно заброшенные развалины.

На этом, пожалуй, наш несколько вольный рассказ можно и закончить. Получилось не «основополагающе» и даже не проблемно. Но, может быть, хотя бы интересно? С точки зрения, «маленького» человека...

Е.А. МОЛЕВ
(Н-Новгород)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ БОСПОРА НАКАНУНЕ ЕГО ПОДЧИНЕНИЯ ПОНТУ

Границы Боспорского государства на протяжении длительного времени его существования менялись неоднократно. Наиболее полно и четко они описаны в труде Страбона, который замечает, что в его время большая часть государства находилась в Европе, некоторая же часть – в Азии (Strabo. VII. 4.4). При этом граница между Европой и Азией проходила, по его данным, по Боспору Киммерийскому – Меотиде и реке Танаису (VII, 4. 5). Нас будут интересовать границы Боспора накануне его включения в состав Понтийского царства Митридата Евпатора.

Отметим сразу, что по мнению ряда исследователей «География» Страбона в основных своих чертах отражала действительное размещение народов в Таврике во II – начале I вв. до н.э. (Rostowzew, 1931, s. 45; Мачинский, 1974, с. 122-123; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 252; Скрипкин, 1996, с. 162; Молев, 2010, с. 268). В процессе описания территории Боспора он не раз отмечает его пограничные рубежи. Так, описывая город Феодосию, он отмечает, что она «была прежде границей земли боспорян и тавров» (Strabo. VII. 4.4). В нашем случае «прежде», несомненно, относится к эпохе Спартокидов. Далее он еще раз подчеркивает, что боспорские правители «владели малым [Керченским полуостровом] у устья Меотиды и Пантикапея вплоть до Феодосии (VII, 4.5). Пограничным городом Боспора на западе Феодосия стала при Левконе I. И в период наивысшего расширения территории государства при Перисаде I она оставалась прежней – у границ владений тавров (КБН, 113. Стк. 111-112).

Учитывая тот факт, что в херсонесском декрете в честь понтийского полководца Диофанта Феодосия также упоминается первой из пунктов боевых действий Диофанта на Боспоре (IPE, I2, № 352. Стк.42),

можно не сомневаться, что при последнем Спартокиде западной границей Боспора была хора Феодосии. По мнению А.В. Гаврилова, в течение многих лет исследовавшего хоры Феодосии (Гаврилов, 2002, с. 166), Феодосия со второй половины III в. до н.э. становится центром укрепленного района, на который возлагалась задача обороны западных рубежей Боспора. И главную роль в этом играли укрепления типа небольших крепостей, находящиеся на западных и восточных подступах к городу.

Естественной границей, с одной стороны, остановившей их продвижение далее на запад, а с другой – обеспечившей более или менее надежную охрану уже завоеванной территории, для Спартокидов здесь мог стать также вал, вырытый потомками слепых, который простирался «от таврских гор до Меотийского озера» (Her., IV, 3.2.). Как они его использовали и сохранился ли он ко II в. до н.э., неизвестно. Однако многочисленные исследования территории Ак-Монайского перешейка, подытоженные в работе А.А. Масленникова (Масленников, 2003, с. 8–36), дают основания думать о возможности присутствия здесь древних погранично-оборонительных сооружений. В какой мере укрепления границы обеспечивали безопасность государства, судить сложно. Лишь один косвенный аргумент – удар Диофанта по Феодосии с моря, позволяет думать, что укрепления границы и в период правления последнего Спартокида были достаточно надежны.

Однако направление главного удара могло быть выбрано Диофантом и в силу того, что скифы, начавшие оседать на Керченском полуострове в непосредственной близости от хоры боспорских городов уже с конца VI в. до н.э. (Бессонова, Бунатян, Гаврилюк, 1988, с. 108; Бунатян, Бессонова, 1990, с. 23), ко II в. до н.э. составляли здесь основную массу сельского населения (Яковенко, 1985, с. 19-20). В политическом отношении они оставались подданными скифских царей (Масленников, 1993, с. 8, 35), и их мятеж на Боспоре мог серьезно затруднить продвижение войска Понта по суше.

Как бы там ни было, западная граница Боспора явно была определена географическими условиями местности и потому оставалась таковой на протяжении долгих лет истории государства.

Иной была ситуация на восточных границах государства. Обратим внимание на то, что Страбон отделяет азиатскую часть Боспорского царства от территорий варварских племен, прежде всего ближайшей к нему здесь Синдики (Strabo., XI,2,1; XI,2,10). Вероятно, это связано с тем, что изначально острова в дельте Кубани не были

заселены синдами. Эллины освоили их еще в процессе колонизации, и именно эта территория в представлении Страбона и его источников относилась непосредственно к Боспору. К числу территорий, управляемых последним Спартокидом, относились также город Горгиппия и ее округа. Танаис и меотские племена, прежде входившие в состав государства, вероятно, в течение II в. до н.э. выходят из подчинения Боспору.

Под именем меотов обычно понимается собирательное название племен, населявших восточное побережье Меотиды и земли у Гипаниса. Страбон относит к числу меотов и синдов (Strabo., XI, 2,11). Однако боспорские эпиграфические документы (КБН, 8, 9, 10, 11, 971, 972, 1015, 1039, 1040), ранние авторы Гелланик (FGrH 4 F 69 Jakoby) и Псевдо-Скилак (Ps. Scyl., § 72), а также более поздние – Полиен (Poleaen.VIII. 55) и Дионисий (Dionys. Per. 681), различают в этническом плане синдов и меотов. Такое различие, вероятно, связано с тем, что Страбон относил синдов к меотам по признаку проживания на одной территории у Меотийского озера. Однако при этом он неоднократно называет область Синдика, что заставляет думать, во-первых, об особом положении этой территории в рамках Боспорского государства. Не исключено, что эти сведения Страбона восходят к более раннему источнику (Тохтасьев, 2004, с. 163). Но поскольку он их не опровергает, очевидно, что и в его время Синдика входила в состав Боспора и составляла особую область в его составе. С синдами обычно связывают Таманскую археологическую группу меотских памятников (Каменецкий, 1989, с. 226-227). Восточная граница Синдики (и соответственно, Боспора) четко не определяется.

Южнее синдов у границ Боспора располагались племена зихов, ахейцев, гениохов и керкетов. Занимались они, в основном, пиратством (Strabo., XI, 2, 12). Причем последние боспорские правители, по данным Страбона, предоставляли им корабельные стоянки и право продавать добычу в городах государства. Это свидетельствует о достаточно напряженных отношениях Боспора со своими юго-восточными соседями и необходимости строительства пограничных укреплений и в этом районе.

Восточнее и севернее синдов проживали племена меотов. По данным Страбона, меотские племена подчинялись частично правителям Танаиса, частично правителям Боспора и время от времени поднимали восстания против своих властителей (XI,2,11). Это замечание позволяет рассматривать Танаис как независимый полис. Но что особенно важно, Страбон специально оговаривается, что меоты-

земледельцы по своей воинственности не уступаютномадам (XI,2,4). Как справедливо заметила в свое время Т.В. Блаватская, представление об одинаковой воинственности земледельцев и кочевников могло сложиться у Страбона лишь в том случае, если обе эти группы племен были одинаково враждебны Боспору (Блаватская, 1959, с. 154) и вели с ним постоянную борьбу за независимость. В результате восточные границы государства постоянно менялись.

По письменной традиции со времени Митридата Евпатора точно зафиксировано существование независимого царства у одного из хорошо известных по боспорской эпиграфике меотских племен – дандариев. Судя по информации античных авторов (Strabo., XI,1,11; Plut., Luc. 16; Tac. Ann. XII,15) и данным археологии дандарии и в I в. н.э. занимали ту же территорию, что и в VI в. до н.э. – к северу от боспорского города Тирамба (Масленников, 1977, с. 129).

Кроме дандариев, к концу II в. до н.э. независимость могли приобрести и другие племена – тореты, керкеты, псессы, фатеи, досхи. Аппиан, сообщая о прибытии Митридата на Боспор в 64 г. до н.э., говорит, что «в области Меотиды было много правителей» (App., Mithr., 102). И, судя по тому, что Митридат заключает с ними договоры о дружбе и союзе и выдает замуж за них своих дочерей, правители эти были вполне независимы. Стать таковыми они могли только в период кризиса на Боспоре при последнем Спартокиде.

Таким образом, в Азии границы Боспорского государства к концу II в. до н.э., вероятнее всего, проходили с юга на север от Горгииппии до русла Гипаниса (Кубани) в районе Семибратнего городища и далее на север до Меотиды в районе Тирамбы.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора. М., 1959.
- Бунатян Е.П., Бессонова С.С.* Про етнічний процес на Європейській частині Боспору в скіфський час // Археологія. 1990. № 1.
- Бессонова С.С., Бунатян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Гаврилов А.В.* Укрепленные памятники античной эпохи в ближайших окрестностях Феодосии // БИ. Вып. II. Симферополь-Керчь, 2002.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Масленников А.А.* К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977.
- Масленников А.А.* Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. Докторская диссертация (рукопись). Архив РИА. 1993. Р2 № 2522.
- Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16.
- Молев Е.А.* Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н.э. // Gaudeamus igitur: сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010.
- Скрипкин А.С.* К вопросу об этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.
- Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.
- Яковенко Э.В.* Скифы на Боспоре. Автореферат докт. дис. М., 1985.
- Rostowzew M.* Scythien und der Bosporus. Berlin, 1931.

Н.В. МОЛЕВА
(Н-Новгород)

ЛАНДШАФТНОЕ СВЯТИЛИЩЕ В СКАЛАХ НА МЫСЕ ТАКИЛЬ: ДЛЯ КОГО И ДЛЯ ЧЕГО?

В свое время Ю.В. Андреев, рассматривая природную среду и ритмы культурогенеза Эгейского мира, высказал интересную мысль: «Решая эту задачу, нам, само собой разумеется, придется искать некий средний путь между «Сциллой» географического детерминизма и «Харибдой» высокомерного историзма, для которого в картине прошлого существуют только человеческие фигуры и нет никакого пейзажного фона» (Андреев, 1995, с. 2). Это побудило нас обратиться еще раз к рассмотрению ландшафтного святилища на мысе Такиль. Важную роль в нем играла именно пейзажная составляющая.

Мыс Такиль, на котором было обнаружено святилище античного времени, находится на юго-восточной оконечности Керченского полуострова. Он представляет собой треугольный выступ, как бы маркирующий вход в Керченский пролив со стороны Черного моря. На протяжении более чем тысячелетней истории существования греческих городов на берегах Понта Эвксинского и Боспора Киммерийского, уровень моря неоднократно изменялся. Оно отступало до 5–5,5 м к середине I тысячелетия до н.э. (в частности, к IV в. до н.э.) и постепенно наступало с середины I тысячелетия н.э., частично или полностью поглощая территорию боспорских городов и поселений. Соответственно, была подвержена изменениям и береговая линия суши (Поротов, Зинько, 2013, с. 13). Мыс Такиль, образованный скалами сарматских (дикарных) известняков, по мнению специалистов, практически не абразируется (Зенкевич, 1958, с. 193) и его очертания сохранились теми же, что и в древности. Поэтому для мореплавателей и торговцев он долго оставался четким навигационным ориентиром (до начала XX в. на нем находился маяк).

Обратимся к географической характеристике мыса. Эти данные

окажутся весьма полезными для определения особенностей древнего святилища, располагавшегося на нем. Мыс представляет собой скалистое плато с небольшим уклоном в сторону степи. Со стороны моря он ограничен высоким скалистым выступом с крутыми, почти вертикально обрывающимися краями. В скалах имеются довольно глубокие расселины. Почвенный слой со стороны степи невелик и испещрен выходами камней, поэтому он никогда не распахивался.

В 20-е – 40-е годы XX века на территории мыса разведками Ю.Ю. Марти и В.Ф. Гайдукевича был обнаружен обильный подъемный материал IV–III вв. до н.э., что позволило исследователям локализовать там небольшой городок Акру (Марти, 1928, с. 15). Последующие раскопки Н.В. Молевой (1974–1975 гг.) не подтвердили это предположение. Было выяснено, что весь этот подъемный материал находится в дерновом слое, а значит, был смыт осадками или осыпался с прибрежных скал, окаймляющих мыс со стороны моря (Молева, 2002, с. 9). Раскопки на вершине скальной гряды, в расселинах подтвердили это и привели к открытию сакрального объекта. В трещинах скал были обнаружены три сохранившихся нижних слоя общей мощностью 75–85 см; верхние слои сползли к подножию скал. Все слои насыщены золой, створками устриц и мидий, костями мелкого рогатого скота (овец и коз) и многочисленными фрагментами амфор (более 2500 обломков – 92% от всей керамики – на площади 40 м²). Поскольку само святилище и его материалы уже опубликованы (Молева, 1990; Молева, 2002), ограничимся очень краткими характеристиками культурных слоев.

Первый (верхний) – 20–25 см; в нем обнаружено 583 фрагмента греческой импортной керамики. Абсолютно преобладают обломки хиосских и фасосских амфор V – первой половины IV в. до н.э. Есть также аттические килики первой половины V – первой половины IV вв. до н.э., часть открытого ионийского светильника начала V в. до н.э. В целом слой датируется V–IV вв. до н.э.

Второй слой включает в себя фрагменты хиосских и фасосских амфор конца VI – начала V вв. до н.э.; массивных чернолаковых киликов того же времени; чернофигурных киликов первой четверти V в. до н.э.; 9 фрагментов местного чернолощеного сосуда, орнаментированного процарапанными косыми насечками (это единственный здесь образец варварской посуды VI в. до н.э.). В целом находки слоя датируются концом VI – первой половиной V вв. до н.э.

Фрагменты посуды из третьего слоя – самые многочисленные, лежат на материковой скале (дно расселины) с продолбленными ям-

ками и насчитывают 1025 фрагментов амфор (в основном, хиосских), киликов, «ионийских чаш» VI в. до н.э., причем от его начала до конца. Там же были найдены части алебастрового алабастра, обломок сине-желтого миниатюрного финикийского сосуда и амулет из раковины каури.

Более поздние слои, вероятно, возвышавшиеся в виде зольной насыпи над расселинами и относящиеся к IV-III вв. до н.э., сползли к подножию скал под влиянием внешних природных воздействий и рассыпались по всему мысу (Молева, 2002, с. 10-11).

Таким образом, перед нами очень своеобразный памятник, возникший не позже (а может быть, и раньше, учитывая время основания Пантикапея) середины VI в. до н.э., который можно интерпретировать по-разному.

Первое: свалка золы, костей и битой керамики. Сразу возникает вопрос: откуда она взялась? VI и первая половина V в. до н.э. – это время, когда в округе не было ни греческих городов, ни поселений. Китей в 4 км юго-западнее мыса Такиль возник в V в. до н.э. (Молев, 2010, с. 30). Акра – в 3-х км севернее – не ранее середины IV в. до н.э. (Куликов, 2004, с. 160-161). Ближайшие города, которые существовали в середине VI в. до н.э., – это Нимфей (25 км севернее мыса) и Киммерик (21 км западнее мыса), не могли иметь отношения к нашему памятнику. В перипле IV в. до н.э. эти территории упоминаются как скифская земля (Ps.Scyl., 68).

Второе: сакральный объект, связанный с некрополем Китея или Акры. Действительно, гряда курганов Джург-Оба ограничивает некрополь Китея с севера и доходит до мыса Такиль. Но, как уже упоминалось, в VI в. до н.э. Китея, тем более Акры еще не существовало и, соответственно, не могло быть и некрополей.

Третье: остается единственный вывод – зольные отложения, насыщенные керамикой и костями мелкого рогатого скота, это слои святилища, в котором ведущую роль играли естественные расселины в живописных скалах, знаменующих собой вход в пролив – Боспор Киммерийский. За скалистым мысом мореплавателей ожидало довольно сильное встречное течение, образованное стоком вод из Меотиды и впадающих в пролив рек. По мнению гидрографов, это течение, зарождавшееся в Керченском проливе, определило более поздние лоции на Черном море с середины I тысячелетия до н.э. (Писаревский, 2009, с. 117). Кроме того, в ранний период колонизации берегов Керченского пролива там было мало городов и греческого населения, да и до лоцманов можно было добраться только в Пантикапее. Так что пла-

вание по проливу, тем более в окружении варварских земель, было трудным и опасным (Шамрай, 2003, с. 277–280). Тем более что карт и лоций берегов Боспора Киммерийского в VI–V вв. до н.э. еще не было. Кстати, на известных нам античных картах полуостров Крым и Керченский пролив не обозначались вовсе (Подосинов, 2001, с. 231). В.Ф. Гайдукевич считал, что достаточный опыт плавания в Черном море и Керченском проливе накопился только к IV в. до н.э., может быть, к концу V в. до н.э. (Гайдукевич, 1969, с. 12–13).

В восприятии греческих мореплавателей и торговцев проливы имели «функции мостов в круговороте племен, идей, товаров» и являлись активными контактными зонами. В частности, это в полной мере относилось к Боспору Киммерийскому (Андреев, 1995, с. 2–3). Не случайно у древних греков существовала традиция основания храмов и святилищ у входа в проливы и на мысах, засвидетельствованная в письменных источниках. Геродот упоминает «храм у входа в Боспор (Нер., IV. 87), Павсаний – храм Афины на мысе Сунион (Paus., I.1.1). Вполне вероятно, что святилище на мысе Такиль также являлось сакральным местом для судов, входящих в пролив, и было «своеобразным погранично-топографическим или культовым знаком», где необходимо было сделать остановку и совершить жертвоприношения, сопровождавшиеся трапезой (Масленников, 2007, с. 435-436)¹.

Что касается принесения жертв в расселины, то такая традиция была очень древней и привычной для греков (Paus., V. 13.8-11; V. 14. 8, 10). Ярко проявляется она и в боспорских городах: в гроте на вершине горы Сююрташ, в святилище на мысе Зюк и в Сиреновой бухте в Приазовье (Масленников, 2007, с. 275, 340, 353), в Нимфее (Худяк, 1962, с. 36) и Мирмекии (Гайдукевич, 1952, с. 198; Бутягин, 2007, с. 133). Гроты и расселины, по религиозным представлениям греков, являлись местами, соединяющими земной и хтонический миры, поэтому такие объекты чаще всего выбирались для сооружения святилищ. Культурные слои таких памятников как в Греции, так и на Боспоре содержат

¹ Мнение А.А. Завойкина, основанное на сходстве в устройстве Такильского и Китейского святилищ (зольный холм над расселинами в скалах), о том, что китейский зольник является преемником Такильского во времени и содержании, представляется маловероятным. Заметим, что последний функционировал по III в. до н.э. включительно, когда святилище в Китее существовало уже около 200 лет, а время возникновения сакрального памятника на мысе Такиль (не позже середины VI в. до н.э.) характеризуется отсутствием постоянного греческого населения в ближайшей округе. См. Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Симферополь-Керчь, 2013. С. 124.

большое количество золы с остатками жертвоприношений. Последние представлены костями животных и посудой, предназначавшейся для возлияний и ритуальных трапез.

Святылище на мысе Такиль, по классификации А.А. Масленникова, может быть отнесено к автономным ландшафтным сакральным объектам (Масленников, 2007, с. 434–436). Он же впервые обратил внимание на то, что среди артефактов этого памятника нет ни терракот, ни граффити – традиционных посвящений олимпийским богам, зато абсолютно преобладает посуда для возлияний и винопития (Масленников, 2007, с. 435). Еще одно наблюдение – остеологический материал довольно скромен и представлен костями мелкого рогатого скота, т.е. тех животных, которых брали на корабли для собственного пропитания и принесения в жертву. В VI – начале V вв. до н.э. в окрестностях Такиля домашних животных взять было негде.

Таким образом, обряд жертвоприношения на мысе Такиль выглядит следующим образом: мореходы причаливали к подножию скал, поднимались к расселинам и совершали жертвоприношения. Основные его этапы – это заклание, расчленение, сбрасывание в землю (расселины) части туши животного, возлияние вином, кровью и водой; все это сопровождалось коллективной ритуальной трапезой (Маковский, 1996, с. 26). Причем для жертвоприношения и последующей трапезы должны были использоваться животные и плоды (в частности, хлеб), выращенные человеком. То, что свойственно дикой природе, для жертвы не допускалось (Видаль-Накэ, 2001, с. 53).

Мыс Такиль, конечно же, олицетворял собой дикую природу, не затронутую человеческой цивилизацией, поэтому все необходимое для приношений бралось с собой. Часть этих продуктов, часто большая и лучшая, шла на приготовление пищи для последующей трапезы с винопитием (отсюда зола в слоях памятника). По завершении обряда оставшиеся кости, посуда и зола также сбрасывались в расселины. Соответственно, не вызывает удивления тот факт, что вся посуда за единственным исключением (местный сосуд первой половины VI в. до н.э. – тоже произведение человеческих рук) является продукцией греческих мастеров. Кроме того, среди костей животных не найдено останков крупного рогатого скота, так как на сравнительно небольших кораблях для собственного употребления моряками перевозились козы и овцы.

Таким образом, осуществлялась идея нерасторжимости связи между живыми людьми и божественными силами, а повторение церемоний обеспечивало непрерывность такой связи (Мосс, 1999, с. 222).

Возникает вопрос: в честь каких богов совершались все эти сакральные действия? Указаний на их греческий внешний вид и соответствующие имена, о чем могли бы свидетельствовать терракотовые статуэтки и граффити, нет. Вместе с тем, вещи и обряды, а также традиция почитания расселин – греческие. В этой связи вспомним, что у греков, весьма терпимых к иным религиям, существовал обычай приносить жертвы местным богам – покровителям осваиваемых ими земель. Иногда такие боги (в частности, малоазиатские) вводились в олимпийский пантеон. Поэтому вполне закономерно предположение, что при входе в Боспор Киммерийский с его еще варварскими берегами на очень приметном, важном для мореплавателей месте, каким был мыс Такиль, да еще с почитаемыми в связи с культом земли расселинами, возникло святылище. Вероятно, в нем осуществлялись скромные жертвоприношения безымянным местным богам – покровителям этих земель с просьбой о благоприятствовании в плавании, колонизации побережья и прочих делах. Святылище продолжило свое существование вплоть до III в. до н.э. (так датируются самые поздние находки на территории мыса), когда все окрестные берега были заселены греками и эти земли перестали быть *terra incognita*.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В. Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза. Материалы к конференции «Древний мир: проблемы экологии», 18-20 сентября 1995 г., Москва, 1995.
- Бутягин А.М., Каспаров А.К. Костные останки животных из «Западного зольника» Мирмекия // Боспорский феномен (далее БФ). СПб., 2007. Т. I.
- Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // Боспорские города. Т. I. МИА. 1952. № 25.
- Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. № 116.
- Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Симферополь-Керчь, 2013.
- Зенкевич В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М., 1958.
- Куликов А.В. О хронологии культурных слоев античного городища Акра // БФ. СПб., 2004. Т. I.

- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик, Китэй, Акра. Симферополь, 1928.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, 2010.
- Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов, 1990.
- Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму: святилище в скалах // Молева Н.В. Очерки са-кравльнй жизни Боспора. Н.Новгород, 2002.
- Мосс М. О функции и природе жертвоприношения // Метафизические исследования. Вып. 10. Религия. СПб., 1999.
- Писаревский Н.П. Морские трассы на Понте Эвксинском во времена Геродота // Норция. Вып. 6. Воронеж, 2009.
- Подосинов А.В. Крым и Керченский пролив в античной картографии // БФ. СПб., 2001. Т. II.
- Поротов А.В., Зинько В.Н. Изменения уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время // Боспорские исследования (далее БИ). Т. XXVIII. Керчь, 2013.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962.
- Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы // Боспорские чтения. Вып. IV. Керчь, 2003.

С.А. МУЛЬД
(Симферополь)

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ РАСПОЛОЖЕНИЯ ГРУППЫ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Погребальные памятники позднескифского времени в Крыму являются объектами археологических раскопок уже более века. Однако, несмотря на столь длительный период, эти объекты изучены еще далеко недостаточно, в особенности захоронения II – I вв. до н.э. Последние в сколь-либо значительном количестве представлены только в некрополе Неаполя Скифского, Дмитровском, Битакском могильниках, а также в подкурганных каменных склепах на территории бывших имений Черкеса, Пастака, Талаевой и др. В последние годы большое число могил данного времени открыто на могильнике Левадки.

Могильник находится в 6 км к юго-западу от г. Симферополя, на южной окраине одноименного села. Первые исследования здесь были проведены в 1997 г., а с 2000 г. по 2013 г. систематически велись экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины. За это время открыто 176 погребальных сооружений, в том числе: 21 катакомба, 24 склепа, 85 подбойных могил, 46 могил в простых грунтовых ямах, из которых 35 было использовано для конских погребений, а 4 могилы имели плитовое перекрытие. Также исследовано 3 погребения собак и 31 хозяйственная яма поселения, территория которого отчасти оказалась перекрытой могильными сооружениями.

Перечисленные типы сооружений встречены на всех участках некрополя и нигде не создают заметных скоплений, кроме одной группы, речь о которой пойдет ниже. Однако функционировали они несинхронно. Так, погребения II – I вв. до н.э. совершались только в катакомбах и склепах, а захоронения первых веков н.э. – преимущественно в подбойных и простых грунтовых могилах, почти полностью заменивших собой погребальные сооружения других типов. Верхний хронологический рубеж функционирования могильника – середина

III в. н.э. – дата гибели всех позднескифских памятников Предгорного Крыма.

Итак, древнейшие захоронения на могильнике Левадки совершались в катакомбах и склепах. Входная яма сооружений первого типа – **катакомб** – прямоугольной, квадратной или иногда округлой в плане формы. Изредка она имеет выделенную ступеньку в одном из углов. Размеры ямы варьируются от 1х1,5 м до 1,6х2,2 м. Погребальная камера вытянуто-овальной формы с низким невыделенным сводом. Ее обычные размеры: ширина 0,9-1,5 м, длина 1,8-2,2 м. Разместить покойного в таких сооружениях можно только по линии главной оси, ориентируя в двух противоположных направлениях. Длинные оси камеры и ямы (в случае прямоугольных очертаний) параллельны. Погребальная камера непосредственно примыкает к стенке ямы, их соединяет маленькое отверстие-лаз (рис.1,1). Девять открытых в Левадках катакомб имели по две погребальные камеры, расположенные в противоположных стенках ямы.

К сожалению, только шесть могил этого типа сохранились непо потревоженными. В них находилось от двух до десяти захоронений. Среди сопровождающего инвентаря хронологически наиболее показательны чернолаковые чашки, лепные шаровидные курильницы, фибулы ранне- и среднелатенской схем, поясные крюки и пряжки с неподвижными язычками, бронзовые зеркала с железными ручками, железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел и пр., типичные в основном для II – начала I вв. до н.э.

По-видимому, несколько позднее катакомб на некрополе появляются погребальные сооружения следующего типа – **большие склепы** Т-образной планировки. Последние имеют большую погребальную камеру прямоугольной, трапециевидной или значительно реже округлой формы, размером, как правило, не превышающим 2,5х2,5 м, вырубленную в одной из торцевых стенок входной ямы. Свод плоский высотой не менее 1 м. Значительные размеры камеры позволяют располагать умерших во всех направлениях. Входная яма вытянутой прямоугольной или трапециевидной формы. Ее ширина не превышает 1,5 м, длина 3 м. Яма перпендикулярна длинной оси камеры и постепенно понижается к входу в нее. Противоположный конец ямы иногда имеет 2-4 ступеньки, облегчающие доступ в сооружение. Камеру и яму также соединяют узкое отверстие-лаз и высокая ступенька (рис.1,3).

Только два таких сооружения сохранились не ограбленными и содержали в одном случае двух погребенных, в другом – не менее

шестнадцати. По костным останкам из ограбленных склепов число погребенных могло составлять несколько десятков человек. Датированные их предметы – краснолаковая посуда, фибулы, маленькие круглые зеркала и орнаментированные зеркала-подвески, пряжки с подвижными и неподвижными язычками, поясные крюки. Склепы сооружают в I в. до н.э. до I в. н.э., но некоторые из них продолжают использовать вплоть до III в.

И в катакомбах, и в склепах совершались ярусные захоронения. После погребения вход в камеру закрывался каменной плитой, установленной вертикально, а входная яма плотно заполнялась камнями.

Кроме того, на могильнике Левадки обнаружено восемь могил, конструкцию которых можно рассматривать как переходную форму от катакомб к склепам. Условно эти объекты можно назвать **«малыми склепами»**. В их конструкции сочетаются элементы сооружений двух описанных выше типов. Так, форма погребальной камеры остается как в катакомбах, соответственно сохраняется и возможность располагать покойных только в двух противоположных направлениях. А входные ямы начинают вытягиваться по линии, перпендикулярной осевой камеры, т.е. могилы приобретают форму Т-образной планировки. В одном случае переходной формы строители начали сооружать входную яму «по старинке», в результате ее ширина оказалась 1,7 м (рис.1,2).

Кроме конструктивных особенностей, эта группа выделяется и своим расположением на территории могильника, которую с юга ограничивает глубокая балка. Ее тальвег тянется с северо-востока, поворачивает на юг и обрывается на краю скального массива куэсты. На восточном склоне балки на сегодняшний день обнаружено 19 могил, в том числе и рассматриваемые «малые склепы», а также 2 хозяйственные ямы. Примечательно, что здесь ориентировка могил, кроме одной подбойной, отличается от ориентировки захоронений остальной части могильника. Так, склепы камерами ориентированы на запад, тогда как на основном участке – на юго-восток.

Только один из «малых склепов» был ограблен, что облегчает их датировку. Обнаруженные в них предметы – лепная посуда (в том числе курильница на высокой ножке), фибулы, пряжки с подвижными и неподвижными язычками, бытовые предметы, украшения – характерны для I в. до н.э., что соответствует времени смены первого типа сооружений, катакомб, другим более приспособленным к функциям семейной усыпальницы – большим склепам Т-образной планировки.

Возможно, дальнейшие исследования могильника Левадки по-

зволят уточнить данную схему и расширить наши знания о погребальном обряде позднескифской археологической культуры Центрального Крыма.

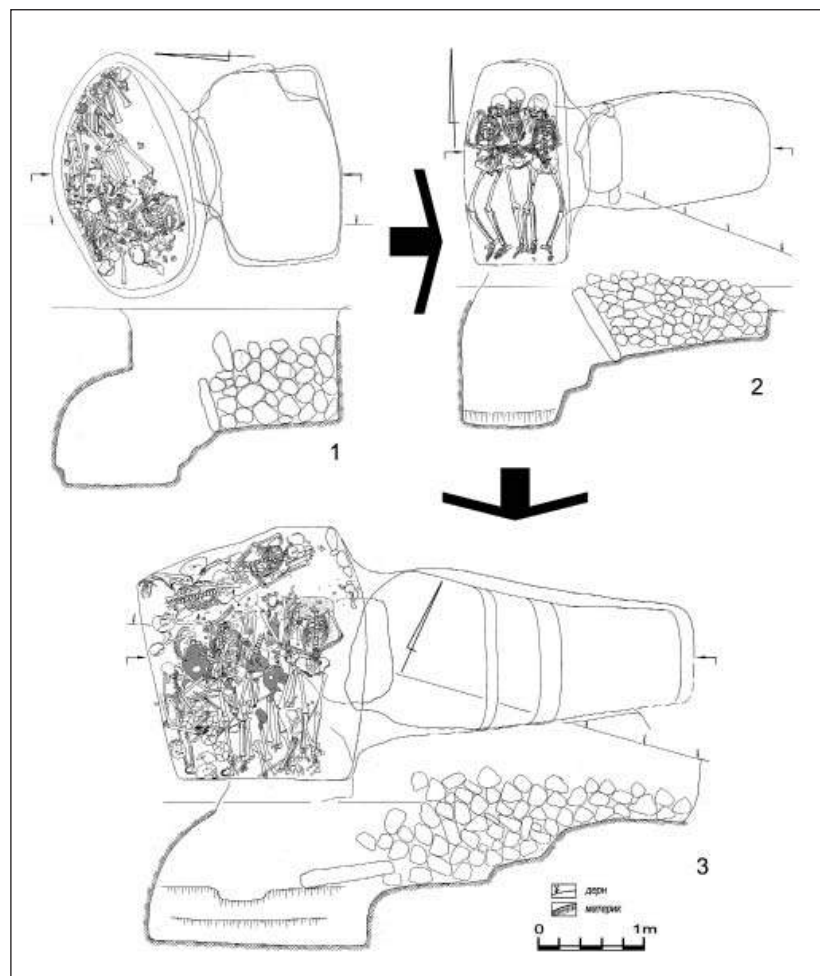

Рис.1. Погребальные сооружения II – I вв. до н.э. могильника Левадки:
1 – катакомба (могила № 115), 2 – «малый склеп» (могила № 80), 3 – большой склеп
Т-образной планировки (могила № 96).

В.Е. НАУМЕНКО, А.А. ДУШЕНКО
(Симферополь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЮЖНОЙ ПЕРИФЕРИИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ЦЕНТРЫ (по материалам исследований 2010 – 2013 гг.)

В 2010–2013 гг. одним из важных направлений работы Горнокрымской археологической экспедиции Бахчисарайского историко-культурного заповедника (руководитель – В.Е. Науменко) в сотрудничестве с Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского являлись комплексные исследования южной периферии Мангупского городища. Целью работ были составление подробной археологической карты местности и получение информации о хозяйственно-культурном использовании данного района Крымского предгорья в эпоху средневековья.

Район исследований представляет гористую местность, рельеф которой определяет цепь горных вершин (Орта-Сырт, Илька, Кая-Баш, Бабулган) высотой от 582 до 736 м над уровнем моря, выступающая водоразделом между Адым-Чокракской, Ай-Тодорской, Бельбекской и Байдарской долинами данного района Крымских предгорий (рис. 1). Покатые склоны гор образуют глубокие овраги и балки, богатые на природные источники воды. Местность покрыта лесом, главным образом, лиственных пород, и сетью современных грунтовых дорог, которые, вероятно, повторяют в общих чертах средневековый ландшафт региона.

Еще в начале 90-х гг. XX в. в результате археологических разведок сотрудниками Мангупской археологической экспедиции на склонах г. Илька и в урочище Суаткан были выявлены следы брака и куски печины от производства средневековой кровельной черепицы [Памятники, 1994, с. 72, 84-85]. В 2003 г. небольшие по объему раскопки проводились на вершине г. Бабулган, где были открыты руины христианского храма XIV-XV вв. с прилегающим плитовым могильником и участок культурного слоя с материалами II–IV вв. н.э., которые

связаны с функционировавшим здесь святилищем в римское время [Герцен, 2004, с. 92–95]. В 2007–2008 гг. повторное обследование балки ручья Суаткан позволило локализовать одну из печей для обжига строительной керамики [Шрег, 2009, с. 180; Schreg, 2013, р. 424–425, abb. 12, 15–16].

Исследования 2010–2013 гг. включали в себя систематические археологические и магнитометрические разведки всего изучаемого района округа Мангупа, а также раскопки отдельных обнаруженных памятников. В результате установлено, что в эпоху средневековья здесь функционировало несколько производственных гончарных центров и храмово-монастырских комплексов, что свидетельствует о достаточно активном освоении и использовании этой территории населением городища и его округа. Предварительные результаты исследований уже введены в научный оборот в виде ряда кратких сообщений об основных этапах проведенных работ либо публикаций, где дана характеристика отдельных групп массового археологического материала [Науменко, Моисеев, Смекалова, Чудин, 2011, с. 241–243; Науменко, Моисеев, Смекалова, Чудин, 2012а, с. 91–92; Науменко, Моисеев, Смекалова, Чудин, 2012б, с. 52–54; Моисеев, Смекалова, Чудин, 2013, с. 76–77; Науменко, Душенко, Корзюк, Лесная, Моисеев, 2013, с. 82–83; Моисеев, Чудин, 2014, с. 63; Науменко, Душенко, Корзюк, Моисеев, Чудин, 2014, с. 68–71; Моисеев, 2014, с. 278–292; Науменко, 2014, с. 302–307]. В настоящей работе остановимся на основных итогах изучения следов гончарного производства на южной периферии Мангупского городища.

Одним из главных результатов археологических исследований 2010–2013 гг. стало установление точного местонахождения и границ двух крупных центров по производству, вероятно, средневековой строительной керамики на склонах г. Илька и в урочище Суаткан. По данным магнитометрической разведки, Илькинский гончарный центр насчитывает не менее 17 печей для обжига черепицы, расположенных на трех локальных участках – Илька-1, Илька-2, Илька-3. В балке ручья Суаткан зафиксировано 16 подобных магнитных аномалий, вероятно, также от гончарных печей, топографически распределенных в пределах двух участков – Верхний и Нижний Суаткан. Выборочные раскопки на четырех из обнаруженных производственных комплексов позволили не только в целом подтвердить данные магнитометрии, но и установить общую хронологию функционирования гончарных центров в пределах VI–XV вв. Два гончарных комплекса, на участках Илька-1 и Илька-2, о которых речь пойдет ниже, изготовлявшие черепицу в XV в., полностью изучены археологически (рис. 1–2).

Двухкамерная гончарная печь на участке Илька-1 (печь №1) имеет в плане прямоугольную форму со скругленными углами (общие размеры 4,00 x 2,85 м), повторяя в целом контур котлована, вырытого при сооружении комплекса с поверхности материкового суглинка (рис. 1; 2, I). Конструктивно состоит из обжигательной и топочной камер, разделенных «подом» печи – плитой толщиной 0,20 м из сырцовых кирпичей и слоя горизонтально уложенных крупных фрагментов черепицы на толстом глиняном растворе. Топочная камера с одним продольным (шириной и высотой до 0,75 м) и четырьмя поперечными каналами (шириной 0,20–0,25 м) сложена из сырцовых кирпичей прямоугольной формы (стандартный размер 0,32 x 0,20 x 0,11 м). Продольный канал со стороны входа в печь оформлен арочным кирпичным сводом шириной 0,50 и высотой до 0,95 м. В центральной и восточной частях «пода» печи фиксируются квадратные в плане отверстия – продухи (0,20 x 0,20 м). Предположительно их было не менее 16, по четыре на каждый из поперечных каналов. Загрузочная камера печи также сложена из сырцовых кирпичей, но с укрепляющей внешней обкладкой из бутовых камней и крупных фрагментов керамики на слое глиняного раствора. Со стороны входа стены печи укреплены Г-образными пилонами из сырцового кирпича и крупных бутовых камней на глиняном растворе, в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки, которые, как контрфорсы, предохраняли разрушение купола печи в восточном направлении.

Печь на участке Илька-2 (печь №3) имеет подпрямоугольную в плане форму со скругленной южной частью (рис. 1; 2, II). Внутренние размеры комплекса 3,50 x 2,50 м, ориентирован по оси юг–север. Сооружение состоит из топочной, загрузочной камер и разделяющего их «пода». Топочная камера включает в себя два продольных канала шириной 0,40–0,45 м. Вход в нее оформлен тремя выступами–«пилонами», сложенными из известняковых блоков со следами подтески, обожженных кирпичей и крупных фрагментов черепицы на глиняном растворе. Ширина восточного и западного «пилонов» составляет 0,90 м, центрального – 0,40 м. Стены и дно топочных каналов обмазаны слоем глиняного раствора мощностью до 0,01 м. «Под» печи №3 сооружен из обожженных кирпичей и слоев черепицы, разделенных между собой прослойками раствора. Толщина «пода» составляет 0,20–0,30 м. Он частично разрушен в северной части и, вероятно, изначально полностью перекрывал «пилоны» топочной камеры. При зачистке поверхности «пода» выявлено 17 отверстий-продухов диаметром до 0,10 м, через которые нагретый воздух поступал из топки в загрузоч-

ную камеру. Последняя сохранилась на высоте до 0,40-0,60 м. Внешний панцирь обкладки камеры сложен из бутового камня, внутренний – из крупных фрагментов черепицы, горизонтально уложенных на связующем растворе. На внутреннем панцире местами сохранились остатки глиняной обмазки мощностью до 0,01 м.

Особенностью раскопанных производственных комплексов является наличие в непосредственной близости от них двух малых печей округлой формы диаметром 1,80 м (Илька-1, №2) и 1,20 м (Илька-2, №10), с одним продольным и тремя поперечными каналами в топочной камере (рис.1-2). Функциональное назначение их пока не ясно. Возможно, «малые» печи использовались для предварительной сушки полуфабрикатов черепицы. Отметим также наличие в «слое разрушения» печи на участке Илька-2 и среди подъемного материала фрагментов бракованных амфор «причерноморского» типа VIII-X вв. Однако вопрос производства других видов керамики, кроме строительной, на г. Илька и в балке ручья Суаткан может быть решен лишь в процессе дальнейших исследований.

Результаты комплексных археологических и геофизических исследований 2010-2013 гг. содержат важную информацию об археологических памятниках и хозяйственном использовании южной округи Мангупского городища в период средневековья. Наличие здесь двух крупных ремесленных центров по изготовлению строительной керамики в условиях отсутствия явных следов стационарных поселений, укреплений, редкости храмовых комплексов позволяет уверенно говорить о производственной специализации южной округи Мангупа. Такой выбор представляется не случайным и полностью определяется природно-географическими условиями местности. Во-первых, в округе г. Илька и в урочище Суаткан, где располагались печи по изготовлению средневековой черепицы, наличествуют достаточные естественные запасы сырья (глины), топлива (лес) и воды, необходимые для организации такого рода ремесла. Во-вторых, покатые склоны горных вершин позволяли экономически эффективно, без особых дополнительных затрат сооружать котлованы гончарных печей непосредственно в их обрывах, в материковом плотном суглинке, который прочно держал форму комплексов в условиях постоянного и разрушительного воздействия огня. В-третьих, еще раз отметим общую слабую заселенность района, что теперь объясняется, в том числе, и наличием здесь масштабного производства строительной керамики, трудно совместимого с жизнью обычного обывателя. Наконец, в-четвертых, местоположение гончарных центров на водоразде-

ле четырех крупных горных долин Юго-Западного Крыма открывало изготовителям керамики прямой доступ к основным рынкам сбыта продукции в регионе, которым, как показывает изучение строительной керамики Ильки и Суаткана, определенно являлись Мангуп, Эски-Кермен и Херсонес.

В свою очередь, столь активное использование природных ресурсов человеком на протяжении длительного времени не могло не оказывать и обратного влияния на ландшафт местности в виде вырубки лесов, эрозии почв и т.д. Окончательный масштаб антропогенного вмешательства в традиционную экологическую среду может быть выяснен только в ходе продолжения исследований. Данное же сообщение в этом смысле выглядит лишь постановкой научной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Памятники архитектуры и археологии. Бахчисарайский район. Научно-производственные работы по обследованию территорий и подготовке предложений по организации зон охраны памятников. Т.6. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его округи. Книга 2. Альбом 2. Материалы предварительных и историко-архивных исследований. Памятники округи Мангупа (авторы проекта – Ю.С. Воронин, А.Г. Герцен). Симферополь, 1994.
- Герцен А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник материалов научной конференции. Керчь, 2004. Вып. V
- Шрег Р. К вопросу изучения освоения округи Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009.
- Schreg R. Forschungen zum Umland der Höhlenstädte Mangup und Eski Kermen – eine umwelthistorische Perspektive // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Mainz, 2013.
- Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Разведки на северо-восточном склоне г. Илька и в урочище Суаткан // Археологічні дослідження в Україні. 2010 р. Київ-Полтава, 2011.

- Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Комплексные археологические и геофизические исследования на склонах горы Илька // Археологічні дослідження в Україні. 2011 р. Київ, 2012а.
- Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований // К 185-летию начала раскопок в Херсонесе. Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012б.
- Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Разведки в уроч. Суаткан на периферии Мангупского городища // Археологічні дослідження в Україні. 2012 р. Київ, 2013.
- Науменко А.А., Душенко А.А., Корзюк Д.В., Лесная Е.С., Моисеев Д.А. Средневековые гончарные центры на склонах г. Илька // Археологічні дослідження в Україні. 2012 р. Київ, 2013.
- Моисеев Д.А., Чудин А.В. Исследования гончарного центра в балке ручья Суаткан (южная периферия Мангупского городища) // Археологічні дослідження в Україні. 2013 р. Київ, 2014.
- Науменко В.Е., Душенко А.А., Корзюк Д.В., Моисеев Д.А., Чудин А.В. Исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Археологічні дослідження в Україні. 2013 р. Київ, 2014.
- Науменко В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т.III.

Рис. 1. Археологические памятники Адым-Чокракской долины по результатам исследований 2010-2013 гг.

Рис. 2. Ильинский производственный центр. I. Участок Илька-1. Гончарные печи № 1 и 2. II. Участок Илька-2. Гончарные печи № 3 и 10.

Т.В. ОЛЕЙНИК
(Харьков)

О НЕКОТОРЫХ КОНСТРУКТИВНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ УСАДЬБЫ НА МАСЛЯНОЙ ГОРЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОГРАФИИ ЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ

На данном этапе исследования античной усадьбы, открытой в 2012 г. на Масляной горе (Ölberg, высота 104,5) в окрестностях Севастополя [Филиппенко, Тюрин 2014],¹ предстала значительная часть южной и восточной внешних стен, короткие участки западной и северной стен, а также три помещения (рис. 1.1). В этой статье речь пойдет о некоторых конструктивно-планировочных особенностях усадьбы, связанных с ее внешними обводными стенами, в контексте стратегии ее расположения и географии застройки хоры Херсонеса.

Первый период датируется концом IV – началом III – второй половиной – концом (60-70-ми гг. -?) III вв. до н.э. В это время появляются массивные внешние усадебные стены толщиной 1,55 м, имеющие двухлицевую кладку, и угловое квадратное помещение 1 (со сторонами 4,2 м по внешнему периметру). Последнее, вероятно, можно также проинтерпретировать и в качестве башни, которая, помимо сторожевых и дозорных, могла также нести сигнальные и навигационные функции, учитывая обозримость с данной высоты прибрежной акватории моря [Смекалова, 2014. С. 73, 74–75; Филиппенко, Тюрин, 2014, с. 26-27] и взирая на толщину его стен (0,95-1,55 м), значительно превышающую возможные требования потенциально несомой нагрузки [Кутайсов, 1995, с. 53]. Аналогом здесь может служить подобное по своему высотному и угловому расположению и небольшим размерам ($d = 4,5$ м, однако круглое в плане) помещение в западном углу усадьбы участка 100, находящейся на самой высокой точке над Стрелецкой бухтой. Помещение также предположительно интерпре-

¹ Автор выражает благодарность А.А. Филиппенко за предоставленную возможность публиковать материалы из проведенных им раскопок.

тируется исследователями как башня и как навигационный знак [Николаенко, 2001, с. 57].

В течение второго периода существования усадьбы (со второй половины – конца III – не ранее 80-х гг. II вв. до н.э.) внешние стены были «продублированы» с тыльной стороны, однако не по всей длине. Дополнительные внешние стены второго периода (толщиной 0,75-1,08 м) имели однолицевую кладку с забутовкой, обращенную лицевой стороной внутрь усадьбы, что может недвусмысленно свидетельствовать лишь о том, что первоначальные наружные стены при этом сохранялись и продолжали функционировать. Суммарная толщина внешних стен первого и второго периодов достигает от 2,3 до 2,65 м, что уже позволяет говорить об их оборонительном характере, обусловленном наличием определенной нарастающей внешней угрозы (учитывая, что во второй половине III в. до н.э. на всем Гераклейском полуострове укрепляются усадьбы [Кругликова, 1983, с.48], и укреплялся сам Херсонес (во второй половине – конце III в. до н.э. в городе появляется цитадель) – именно в связи с херсонесско-скифским конфликтом) [Стржелецкий, 1969, с. 25-26; Зубарь, Антонова, 2001, с. 51; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2001, с. 513-514, 529]. Любопытно, что обычно пояс утолщения пристраивается снаружи сооружений, то здесь – с внутренней стороны. Вероятно, не было необходимости устраивать его по всему периметру [Олейник, 2015], учитывая, что толщина стены 1,55 м изначально вдвое превышает стандартную 0,70-0,75 м [Смекалова, 2014, с. 69]. Для сравнения: толщина куртин «Страбонова» Херсонеса колебалась в пределах 1,6-2,8 м [Щеглов, 1995, с.47], а в херсонесской цитадели толщина первой стены 20 куртины составляет 1,55 м [Гриневич, 1927, с. 72].). Возможно, таким способом были отремонтированы или укреплены поврежденные или потенциально уязвимые участки внешних стен. А возможно, это был всего лишь прием для повышения этажности или пристройки дополнительных внутренних помещений [Олейник, 2015].

В плане форма усадьбы близка к квадратной, приблизительные ее размеры по внешнему периметру наружных ограждающих стен – 27,1-27,2 x 24,45-24,60 м практически идентичны пропорциям **изолированных усадеб** на участках №№ 41 и 221 хоры Херсонеса. Размеры усадьбы на участке 41 в первый период существования (вторая половина IV – первая половина III вв. до н.э.) составляют 27,4 x 23,7 м. [Николаенко, 2001, с. 30-31]. На участке 221 усадьба эллинистического времени имела параметры 27 x 24 м [Николаенко, 2001, с. 92-93]. Аналогична и усадьба Большой Кастель, построенная во второй половине IV в.,

частично перестроенная после начала III в. до н.э.: также 27 x 24 м [Смекалова, 2014, с. 78]. Причем характерно, что тамошняя керамика из слоев периода гибели усадьбы (конец первой – начало второй четверти II в. до н.э.) морфологически близка здешней, также относимой ко времени гибели усадьбы (последние десятилетия II – начало I вв. до н.э.) [Тюрин, 2013, с. 103; Монахов, 1999, с. 565–567, табл. 237, 4, 5]. Интересно отметить, что исследуемая нами усадьба продольной осью ориентирована по направлению север – юг, тогда как приведенные выше аналоги – по направлению, близкому к западу – востоку (рис. 2.1–2.3). Существуют аналоги и среди **усадеб, заблокированных по квартальному принципу** [Буйских, 2008, с. 148–154]. Например, на городище Чайка (особенно в первый строительный период, но также и в последующие) дома-усадьбы могли колебаться в размерах (по 24 x 25,5–26 м каждый) за счет разницы в толщине наружных обводных стен (-NB!) и блокировались в «кварталы» по шесть домов (с узкой стороной 49,5–50 м соответственно) [Буйских, 2008, с. 150–151].

По своим параметрам длины и ширины данная усадьба также близка по типу к **«городскому дому большой площади»**, распространенному на Херсонесском городище [Буйских, 2008, с. 106–128, 139–141]. Дома этого типа прослежены в Центральном (кв. LXXIII, в т.ч. «монетный двор»), Северо-Восточном (кв. II (24 x 27 либо 21–22 x 24,45 м) и VII (21-22 x 24,48 м)) районах, на Северном берегу (кв. XV (22,5-23,85 x 26,6-27,0 м)), и в Портовом районе («казарма» (27 x 19 м)) Херсонеса. Вероятно, ими была застроена большая часть города [Буйских, 2008, с. 106–124, 97; ср.: Рыжов, 1985, с. 157]. Но подобными параметрами могли быть наделены как отдельно взятые дома большой площади, так и целые кварталы, состоящие из **домов малой площади**: XVI (23 x 26,4 м) и XIX (24 x 27 м) на Северном берегу [Буйских, 2008, с. 128]. Оба типа домов относятся к раннему периоду регулярной застройки в Херсонесе (не позднее третьей четверти IV в. до н.э.) [Буйских, 2008, с. 130]. Поэтому можно сказать, что пропорции сторон усадьбы на Масляной горе являются своего рода «классикой жанра» для городской и сельской жилой застройки этого полиса.

Остается спорным вопрос, какие же линейные меры использовались при застройке Херсонеса. При применении дорического фута-стандарта 0,3265 м [Буйских, Золотарев, 2001, с. 114–115; Буйских, 2008, с. 97] стороны усадьбы на Масляной горе равняются 75 x 83 фута (24,45-24,50 x 27,10 м). А при использовании аттико-эвбейского фута, равного 0,296 м [Щеглов, 1976, с.235] – 83 x

92 фута (24,55-24,60 x 27,20 м). Более точное измерение сторон исследуемого памятника представится возможным только при условии дальнейшего продолжения его раскопок.

Совпадение размеров исследуемой усадьбы со стандартными размерами других усадеб, встроенных в систему регулярной размежевки хоры Херсонеса, говорит о том, что данный объект принадлежит этой же системе, является ее частью. В противном случае отдельно стоящий самостоятельный объект не имеет смысла привязывать к каким-либо стандартным пропорциям сторон и площади. Учитывая, что усадьба Масляная гора находится вдали от ранее известных поселений и усадеб, возможно, следует искать в ее окрестностях следы размежевки и другие аналогичные объекты [Олейник, 2015], о чем свидетельствуют и картографические источники, в частности, верстовая карта Крыма конца XIX в., где обозначена данная усадьба и аналогичные ей (-?) на соседних высотах: на высоте 49 (на юго-запад от исследуемой нами) (рис. 1.2), и у сгоревшего сада в стороне пос. Камышлы (на восток от Масляной горы) [Павлов, Боголюбов, Игнатъев, 1889, 1990, л. XVI-9, л. XVII-10)]. Это же косвенно подтверждают и следы размежевки на северной стороне Севастопольской бухты, «перекрытые поздними виноградниками», на которые указывает Г.М. Николаенко, ссылаясь на аэрофотосъемку 1940-х гг. [Николаенко, 1999, с. 41-42, 75, 78]. Таким образом, открытие усадьбы на Масляной горе позволяет восполнить еще один «пробел» на карте эллинистической хоры Херсонеса, каковым ранее считались территории к северу от Севастопольской бухты.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских А.В., 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Симферополь. Вып. 5. 424 с.
- Буйских А.В., Золотарев М.И., 2001. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. № 1. С. 11–132.
- Гриневиц К.Э., 1927. Стены Херсонеса Таврического. Ч. II. // ХСб. Вып. 2. С. 5–104.
- Зубарь В.М., 2007. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове: История раскопок и некоторые итоги изучения. – К.: ИД. «Стилос». 318 с.; илл.
- Зубарь В.М., Антонова И.А., 2001. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // Бахчисарайский историко-культурный сборник. Вып. 2. Симферополь. С. 45–53.

- Кругликова И.Т., 1983. Херсонесская усадьба на наделе 10 // КСИА. Вып. 174. С. 43–51.
- Кутайсов В.А., 1995. Фортификация Херсонесской периферии // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК. СПб. С. 52–53.
- Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 680 с.
- Николаенко Г.М., 1999. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н.э. Ч. 1. Севастополь. 83 с.
- Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь. 164 с.
- Олейник Т.В., 2015. О чем расскажут стены эллинистической усадьбы на Масляной горе? // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН.
- Павлов (поруч.), Боголюбов (кап.), Игнатъев (поруч.), 1889, 1990 гг. Таврическая губерния. Симферопольский уезд. // Верстовая карта Крыма. Л. XVI-9, XVII-10.
- Рыжов С.Г., 1985. Дом IV–III вв. до н.э. в Херсонесе // СА. Вып. 4. С. 155–162.
- Смекалова Т.Н., 2014. Античная усадьба – экономическая и социальная единица Херсонесского государства // История и археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс». С. 63–154.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В., 2001. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан. 828 с.
- Стржелецкий С.Ф., 1969. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. Вып. 4. С. 7–29.
- Тюрин М.И., 2013. Новые открытия в Юго-Западном Крыму: античное поселение на высоте 120 в нижнем течении р. Бельбек. // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 103–105.
- Филиппенко А.А., Тюрин М.И., 2014. Отчет о раскопках горным отрядом Севастопольской археологической экспедиции укрепленного поселения на Масляной горе в 2013 г. // НА НЗХТ. Дело № 4282/1. 44 л., 80 илл.
- Щеглов А.Н., 1976. Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции) // ХКААМ. М.: Наука. 158 с.
- Щеглов А.Н., 1995. Крепостные стены «старого» Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК. СПб. С. 44–49.

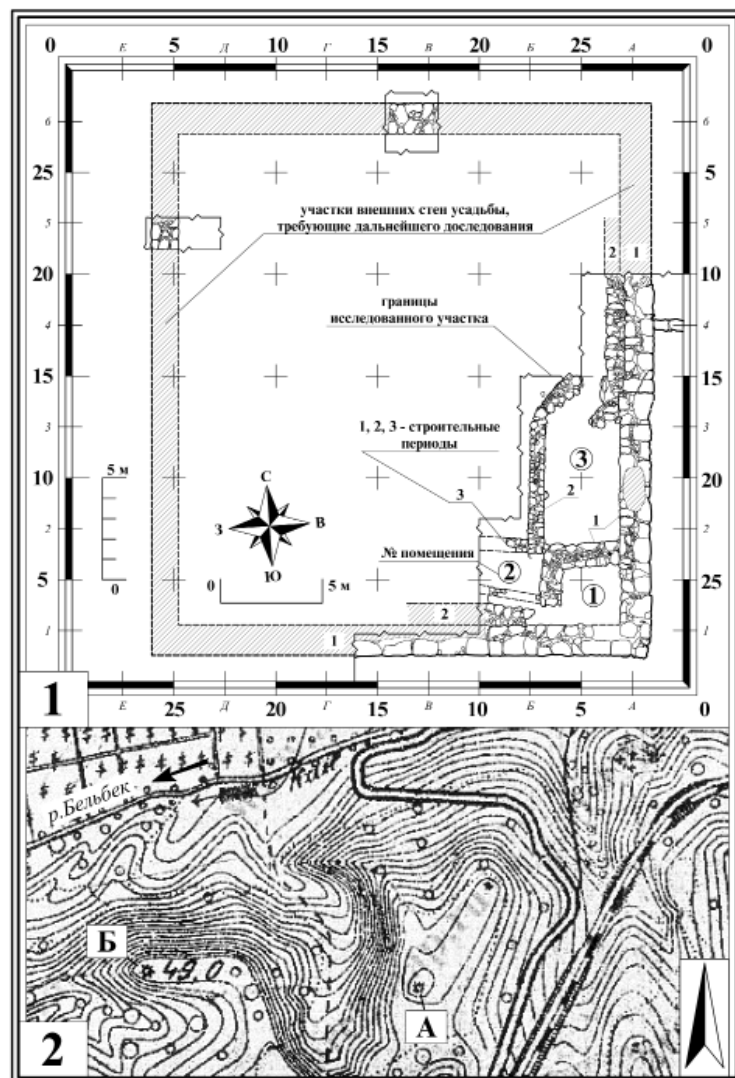

Рис. 1. Усадьба на Масляной горе.

1 – Генеральный план. 2014 г.; 2 – Верстовая карта с обозначением места расположения объекта. 1890, 1990 гг. А – усадьба на Масляной горе, Б – предполагаемый аналогичный объект.

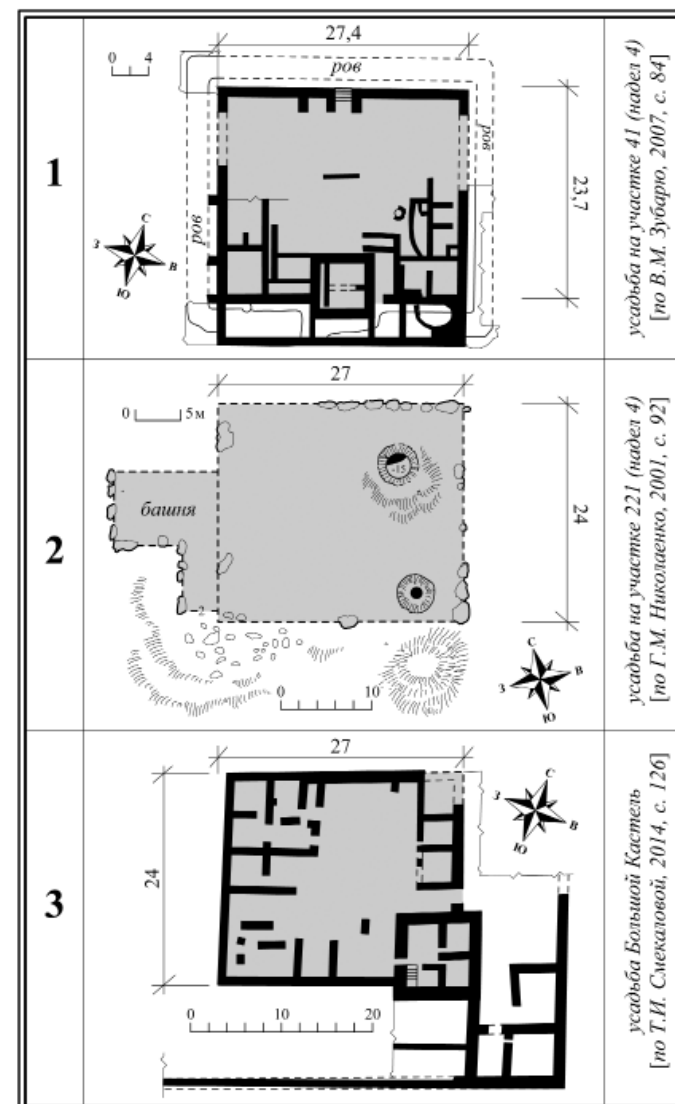

Рис. 2. Изолированные сельские усадьбы Херсонеса.

1, 2 – ближняя хора; 3 – дальняя хора.

НИКОЛАЙ ПОВАЛЯЕВ
(Гёттинген)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. ГЕРОДОТ И АРХЕОЛОГИЯ

Сведения античных авторов, особенно классического времени, о северном Причерноморье редки и поэтому очень важны. Особое положение среди них занимает скифский логос Геродота, ставший в последние годы снова предметом ожесточенных дискуссий. Спорят в основном о том, насколько правдивы данные «отца истории». Я не буду здесь обсуждать абсолютно крайние точки зрения, когда либо жестко отрицают, что за скифскими рассказами Геродота стоит некая неафинская реальность (Fehling, 1989, 240–243; против Bäßler, 2011, 103–140), либо пытаются буквально интерпретировать сведения нашего автора, например, находят в археологических материалах Бельского городища античный храм (см. Bäßler, 2014, 235–236). Моя точка зрения состоит в следующем: Скифский логос содержит в себе как минимум три «интенциональные» истории¹ с присущей каждой идеализированной картиной мира, в том числе специфическим образом, воспринятым окружающей средой. Это представления самого Геродота с сильным афинско-ионийским подтекстом, воззрения ольвийских греков и скифов. Следует особо подчеркнуть, что восприятие окружающей среды, в частности географической либо этно-географической, далеко от объективности. В случае контактов различных культур, в данном случае центральной афинской, провинциальной ольвийской и чужеродной скифской, нельзя ожидать строго фактологической передачи информации от носителя одной культуры носителю другой. Представители каждого культурного сообщества, сталкиваясь с «другими», были склонны передавать идеализированно-обобщенные представления о самих себе, представления, являвшиеся центральными для

¹ О понятии интенциональная история см. Gehrke, 2010, 15–33.

собственной идентичности и включавшими в себя специфическую картину мира. К сожалению, в научной литературе на данное обстоятельство не обращается должное внимание. Как пример неучета интенционального характера сообщаемых о Скифии сведений, можно привести выводы А. Иванчика (Ivantchik, 2007, 238–241) по поводу правдивости рассказа Геродота (4. 71–72) о погребальном ритуале скифских царей. Вполне справедливо критикуя, очевидно, французский структурализм и особенно теоретический подход Ф. Артога (Hartog, 1988, 1–34), А. Иванчик производит сопоставление данных Геродота с результатами раскопок на исторической территории скифов. Результат получается достаточно своеобразный. Описание Геродота включает в себя обряды, встречавшиеся здесь с VII по IV в. до н.э., причем наибольшие совпадения у геродотовского текста с данными археологии фиксируются в Келермесских курганах VII–VI вв. до н.э. А. Иванчик интерпретирует данный факт как признак того, что информант «отца истории» принадлежал к консервативным кругам скифской знати, ориентированной на старину (Ivantchik, 2007, 241). С моей точки зрения, дело здесь не в особенной консервативности геродотовского поручителя. Информация об обрядах VII в. до н.э. из Келермесских курганов не могла в 450 г. до н.э. быть фактом биологической памяти какого-то лица или семьи. Биологическая память быстротечна и возможна лишь в пределах трех поколений. Скорее, данные Геродота – это записи социальной памяти, важнейшей скрепы общества и способа создания коллективной идентичности. Социальная память есть определенный социально-психологический конструкт, она несет в себе некие идеализированные представления о самих себе и потому схематична. Вполне возможно, что формативный период для исторического скифского этноса действительно пришелся на время пребывания их предков на северном Кавказе в VII–VI вв. до н.э. Наиболее яркие признаки этой эпохи были включены как части в конструкцию идентичности, которая не была абсолютно статичной. Отсюда и «размытость» данных Геродота. Главное, повторюсь, однако в том, что социальная память и определяемая ею идентичность связаны с определенными пространственными схемами, о которых речь пойдет ниже, и с соответствующим этим схемам восприятием окружающей среды, в том числе географией пространства. И если реальная география не встраивалась в схему, то зачастую хуже было для реальности. Вполне возможно, например, что данные об области Герр, как граничной полосе скифской земли, есть следствие главенства схемы над реальностью.

Анализ скифских представлений об окружающей среде не является, по понятным причинам, основной целью моего доклада. Геродот писал для греков в первую очередь, даже если казалось бы о варварах, и здесь можно согласиться с Ф. Артогом, все-таки о греках. Достаточно указать на его склонность подчеркивать у варваров именно отличия от греческого образа жизни. Поэтому в дальнейшем я сконцентрируюсь на греческих представлениях сначала Геродота, а потом ольвийцев о мире, окружающей среде и ее влиянии на общество и человека.

Восприятие географической среды у Геродота носит детерминативный характер. Его пространственные представления могут быть кратко охарактеризованы следующим образом. «Отец истории» выступает против теории равенства континентов; Европа, по его мнению, намного больше Азии и Африки (4. 37–45). Однако определенная пространственная симметрия в картине мира Геродота просматривается. Нил течет с запада на восток и лишь потом поворачивает на север. Напротив нильской дельты лежит Кипр. Напротив Кипра находится самое узкое место Азии с текущим на север Галисом, который является своего рода вертикальной осью между расположенными напротив друг друга дельтами Нила и Истра (2. 31–34). Эти две реки в отношении своего протекания, длины и значения симметричны. Так же, как Нил, Истр течет с запада на восток, потом поворачивает к морю. В данном случае к Черному и впадает в него напротив устья Галиса (4. 48–50). За Нилом жизни нет, т. к. из-за жары местность к югу представляет собой безлюдную пустыню (2. 31). Аналогично безжизненны северные области, земли к северу от Скифии (4. 31). Ввиду подобной установки скептически оцениваются все сведения как легендарного характера, например, о Гипербореях (4. 32), так и достоверные, к примеру, о таянии снега и ледовых масс как одной из причин разлива Нила (2. 22), подрывающие идею о безжизненности севера и юга. Сходство Нила и Истра побуждает Геродота также проводить параллели между природой Скифии, особенно ее гидрографии, и Египта (4. 47, 50, 53).

За подобной картиной мира стоит идея о своего рода зеркальной симметрии климатических зон относительно воображаемого экватора. Эта идея была основной частью концепции, призванной обосновать успех греков в противостоянии персам. Дело в том, что Геродот и его старшие современники прекрасно осознавали периферийный характер своей культуры по отношению к некоторым более древним восточно-средиземноморским обществам, см., например, его египетскую хронологию (2. 43, 100), а также разницу потенциалов Азии, объединенной в персидском царстве, и Эллады. Тем не

менее, греки одержали верх, и эта победа требовала объяснения. Объяснение было довольно комплексным и содержало в себе географически-психологическую доминанту. Только области вдоль своеобразного экватора, проходящего через Милет (1.142), обладали наилучшим климатом, способствующим развитию умственных способностей, в том числе способности принимать долгосрочные разумные решения, и были наиболее пригодны для развития полиса.² Важную роль играла при этом многозональность и пространственная ограниченность ландшафтов. Эта последняя характеристика была, по-видимому, решающей в преимуществах греческого полиса над восточными царствами, как это ярко проявляется в новелле об основателе единого мидийского государства, Деиоке (1. 96-100). Мидия лежит не очень далеко от «экватора», так же как и греческие полисы. Однако ее огромные пространства способствуют становлению непредставимой для малоразмерных греческих государств отчужденности между правителем, создающим бюрократическую систему, без которой управлять такими гигантскими территориями нельзя, и подданными. Та дистанция, которая легла между Деиоком и мидийцами, невозможна даже в тираническом полисе просто в силу миниатюрности последнего. Авторитарная власть препятствует ясному рассудку, она ведет к заносчивости (*hybris*), неспособности прислушаться к разумному совету и потере способности предусматривать отдаленные последствия своих действий даже у очень одаренных и первоначально добродетельных владык (ср. Schulz, 2013, 333–344), как это видно на примере Кира (1. 204–207). В этом лежали структурные слабости восточных деспотий. Охваченные гордыней, владыки свысока относятся к «периферийным» народам: грекам, эфиопам, скифам. Однако попытки покорить последних заканчиваются тяжелыми поражениями (Dewald, 2003, 28–35).

Что касается скифов, именно в рамках этой модели, которую в несколько упрощенном виде можно свести к более поздней аристотелевской формуле, согласно которой самые умные народы живут в центральной климатической зоне, Геродот подчеркивает неспособность всех северо-причерноморских племен, включая скифов, которые обладают, правда, одним-единственным искусством быть непобедимыми. С одной существенной оговоркой – это, скорее, заслуга не столько скифов, сколько окружающей среды и результирующе-

² О важности для Геродота способности человека действовать в рамках т. н. „long-term transactional order“, см. Povalachev, 2014, 78–83.

щего из приспособления к этой среде способа хозяйствования, создающего конного воина (4. 46–47).

Обобщенный взгляд на скифов, как кочевников, хорошо подтверждается данными археологии и палеоботаники (Гаврилюк, 1999). Однако параллельно с этой, казалось бы, верной трактовкой у Геродота имеется другое, противоречащее ей описание скифских племен как земледельцев (4. 17–18), которое не находит удовлетворительного археологического соответствия. Это несовпадение не случайно. Модель расселения скифских либо полускифских племен вокруг Ольвии отражает более простую и древнюю схему, нежели схема Геродота, разграничивающую «своих» и «чужих» (Bichler, 2013, 18). Подобная модель может быть представлена в виде нескольких концентрических кругов. В центре находится полис со своим внутренним делением: городским центром, хорой и собственным пограничьем (эсхатия). Этот круг был охвачен более широким кругом, населенным родственными греческими племенами, разделяющими общие культурные ценности. Последний был заключен в пояс не греческих, но все-таки цивилизованных урбанизированных культур, к которым принадлежали народы Востока, Карфаген и этруски. Далее вокруг располагалась концентрическая зона негородских примитивных культур, скифы, индийцы, эфиопы, племена западной и северной Европы. За ней лежал последний безлюдный круг. Именно там находились острова блаженных и вход в подземный мир, если не само подземелье (Hölscher, 2000, 12–14).

Подобные представления были характерны для архаических поэтов, Гомера и Гесиода, и *mutatis mutandis* продолжали существовать на локальном уровне и в классическое время. При этом восприятие собственного полиса как центра приводило к сильным искажениям реальной картины мира и, что важно для данной темы, реального состояния окружающей среды. Как небольшой пример, можно указать на характерное для классического времени восприятие Аттики, одного из самых засушливых ландшафтов Греции, как своего рода земной рая, самой плодородной земли, на которой всё растет и цветет (Софокл, Эдип в Колоне 668ff; Еврипид, Медея, 824–849). Помимо любви к родному полису, за таким восприятием стояла важнейшая идеология ранней классики, а именно представление об автохтонности и, следовательно, необыкновенности афинян, как можно увидеть из описания Геродотом претензии последних на лидерство на военном совете у Платей (9. 27). Эта модель, подчеркивающая особую роль Аттики и ее выдающуюся природу, была актуальна и в IV в. до н. э. (Платон, Менексенос, 237b-c; 238d-239a-b). Очень вероятно, что страстные об-

винения Демосфеном Македонии в планах захвата Аттики даже после Херонеи, когда стало ясно, что Афины нужны македонскому царю в качестве союзника, были связаны с невозможностью отойти от прежней, важнее для самоидентификации афинян идеологии (Демосфен. Речь о венке, §141, 169). В контексте рассматриваемых вопросов важно подчеркнуть именно схематизм мышления классических авторов и устойчивость модели, делающей родной полис центром мира.

Можно с уверенностью полагать, что у ольвийцев существовала своя, ориентированная на описанную выше культурную модель схема мироздания. Как следует из новеллы о Скиле (4. 78–79), центр полиса являлся очагом культуры. Помимо ярких архитектурных признаков, Ольвия обладала всеми важнейшими культурными составляющими полисной общины, религиозным и политическим взаимодействием граждан. Признаки характерной для традиционной модели дифференциации полисной территории можно увидеть в существовании предместья (4. 78, 4). Еще один элемент традиционной модели, греческое окружение, был заменен на каллипидов, греческих скифов (4. 17), хотя абсолютно неясно, в чем эта греческость выражалась. Ольвиополиты не могли использовать более развитую схему Геродота и помещать самих себя в зону неспособных к полисной жизни народов. Они создавали для себя замену, зачастую на основе ложных этимологий, привычных культурных кругов, окружающих родной полис. К более дальнему поясу, нежели каллипиды, принадлежали скифы-земледельцы, как *aroteres*, так и *georgoi* (4. 17–18). Еще дальше жили либо кочевники, либо лежала безлюдная пустыня.

Во многом разница между общей схемой Геродота и ольвийской моделью определяется масштабом. То, что в рамках общей канвы греко-персидских войн может быть периферией для нашего автора, как, например, Северное Причерноморье, оказывается центром для местных греков. Последние подчеркивают исходящий от них культурный импульс, за которым, по моему мнению, стоят претензии на укорененность в ландшафте и некую сферу влияния. За пределами этой сферы взгляды ольвиополитов и Геродота на туземцев, вполне вероятно, совпадали: культурных достижений у последних быть не могло. Там же, где таковые оказывались, всегда нужно было искать следы греков. Именно для объяснения факта существования большого квази-городского поселения в зоне негородской культуры возникло сказание об эллинских беженцах и основанном ими в земле будинов городе (4. 108).

Заканчивая доклад, следует подчеркнуть еще раз необходимость анализа тех моделей, которыми руководствовался Геродот при пере-

даче данных о Скифии и ее соседях. Не следует использовать его сообщения как иллюстративный материал, без глубокого изучения контекста и, в первую очередь, моделей мышления и связанного с ними способа восприятия окружающего мира. Способ восприятия был настроен на парадигмы своего времени и был частью идентичности, которая, как было уже подчеркнуто выше, сама являлась социальным конструктом.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаврилюк, Н.* История экономики степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев. 1999.
- Bäbler, B.* Das Land der Skythen – ein Wolkenkuckucksheim Herodots?, in: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos*. Göttingen, 103–140. 2011.
- Bäbler, B.* Herodot im Land der Skythen. Die Stadt Gelonos, in: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen, 231–250. 2014.
- Bichler, R.* Die Analogen Strukturen in der Abstufung des Wissens über die Dimensionen von Raum und Zeit in Herodots Historien, in: K. Geuss, E. Irwin, T. Poiss (Hrsg.), *Herodots Wege des Erzählens. Logos und Topos in den Historien*. Frankfurt a. M., 17–42. 2013.
- Dewald, C.* Form and Content: The Question of Tyranny in Herodotus, in: K. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and Its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 28–35. 2003.
- Fehling, D.* Herodotus and his „Sources“. Citation, Invention and Narrative Art. Leeds. 1989.
- Gehrke, H.-J.* Representations of the past in Greek culture, in: L. Foxhall, H.-J. Gehrke, N. Luraghi (eds.), *Intentional history: spinning time in ancient Greece*. Stuttgart, 15–33. 2010.
- Hartog, F.* The Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History. Berkeley and Los Angeles. 1988.
- Hölscher, T.* Einführung, in: T. Hölscher (Hrsg.), *Gegenwelten: zu den Kulturen Griechenlands und Roms in der Antike*. München, 9–18. 2000.
- Ivantchik, A.* Zum Totenritual skythischer „Könige“: Herodot und der

Archäologische Befund, in: H. Parzinger, W. Menghin, A. Nagler (Hrsg.), *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. Berlin, 238–241. 2007.

- Povalahev, N.* Literarische Tradition und architektonische Ausstattung: Überlegungen zu einer „Sonderstellung“ Phanagoreias am Nordpontos, in: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen, 75–110. 2014.
- Schulz, F.* Xerxes, Agamemnon und Hektor: Fehlentscheidungen und Fähigkeit zur Einsicht, in: K. Geuss, E. Irwin, T. Poiss (Hrsg.), *Herodots Wege des Erzählens. Logos und Topos in den Historien*. Frankfurt a. M., 333–344. 2013.

Д.Ю. ПОНОМАРЕВ, А.В. НИКИТАЕВ
(Керчь)

СОЦИАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Понятие «социальные болезни» подразумевает под собой общее название болезней человека, возникновение и распространение которых в определяющей степени зависят от влияния неблагоприятных условий социально-экономического строя. К ним относят туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркомании, рахит, авитаминозы и другие болезни [Социальные болезни, БСЭ, 1976, с. 247, ст. 728, 729]. Социально-экономические причины очень разнообразны – нищета, бездомность, отсутствие заботы о детях, миграция, война, расовые, этнические и религиозные конфликты, профессиональные вредности и пр.

В современной врачебной практике специалисту не составляет труда установить диагноз заболевания, входящего в группу «социальные болезни». Но как быть палеопатологу, который исследует скелет. Но и в этом случае особых сложностей нет, поскольку некоторые из них находят отображение на костях скелета. Это, конечно же, туберкулез, а также венерические заболевания, такие как сифилис и гонорея.

ТУБЕРКУЛЕЗ

Избираем одну из его локализаций, а именно – туберкулез костей и суставов. Частота его составляет более 20% по отношению к другим проявлениям экстрапульмонального туберкулеза. Он встречается в любом возрасте, но преимущественно у взрослых. Чаще поражаются позвоночник, тазобедренный и коленный суставы. Развитию заболевания способствуют травмы и частые перегрузки опорно-двигательного аппарата, переохлаждение, повторяющиеся общие заболевания, а

также неблагоприятные условия труда и быта. Опять-таки социальные факторы налицо.

При исследовании могилы № 8 южно-го могильника Южно-Чурубашского поселения (автор раскопок д.и.н. В.Н. Зинько) было обнаружено патологическое костное образование (рис. 1). Это два спаянных друг с другом грудных позвонка (пол индивида определить не удалось, возраст около 25–40 лет).

Процесс связан с перенесенным в детстве туберкулезным спондилитом. Нарастание деструктивных явлений в телах позвонков (особенно в верхнем) привело к развитию патологического компрессионного перелома их тел, которые приобрели клиновидную форму. При этом в теле верхнего позвонка наблюдается неполный перелом, сопровождавшийся более выраженным сжатием его тела. Одновременно с деформацией в теле верхнего позвонка (со стороны верхней замыкательной пластинки) возник очаг деструкции с проявлением начальных признаков репарации (кратерообразный дефект, обнажающий губчатое костное вещество, на поверхности которого видны островки компактного вещества). То есть на момент смерти индивида имела место постспондилитическая фаза патологического процесса, сопровождающаяся его стиханием, но остаются различного рода последствия в виде деформации спины (т.н. gibbus), спинномозговых расстройств и пр. [Пономарев, 2003, с. 254, 255].

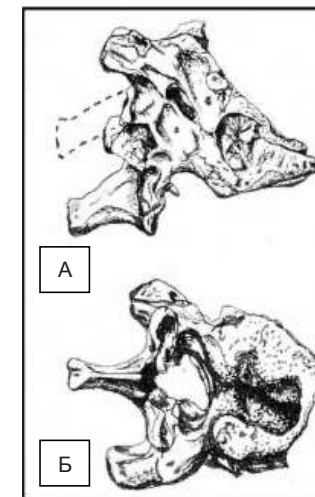

Рис.1. Грудные позвонки, туберкулезный спондилит.
А - вид сбоку; Б - вид сверху.

ВЕНЕРИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ

Венерические болезни – инфекционные болезни, возбудители которых передаются от больного человека или носителя здоровому преимущественно половым путем, реже при тесном бытовом контакте, которыми являются, как правило, специфические паразиты человека. К этим заболеваниям относят в том числе сифилис и гонорею, которые сопровождаются поражением костной ткани [Ильин, 1991, с. 309].

Палеопатогеография венерических заболеваний как наука развивается с XIX века и представлена очень широко в мировой научной литературе [Венерология, 1976, с. 352–356].

Нами при изучении палеоантропологического материала из погребений античной и средневековой эпох, обнаруженных на территории г. Керчи и его округи, выявлены случаи проявления костно-суставных форм поражения гонореей и сифилисом.

ГОНОРЕЯ

Гонорея – венерическая болезнь, вызываемая гонококком Нейссера, характеризующаяся преимущественным поражением слизистой оболочки мочеполовых органов. При гонорее в патологический процесс вовлекаются не только мочеполовые пути, но и суставы. Гонорейные артриты встречаются редко – в 2-3% среди болеющих [Дьяченко, 1958, с. 159, 160]. Чаще поражается лучезапястный сустав, а случаи артрита мелких суставов кисти крайне редки. Запущенные и нелеченные стадии заболевания заканчиваются разрушением суставных хрящей, впоследствии переходящим в костный анкилоз.

Рис. 2. Анкилоз (сращение) межфалангового сустава пальца кисти с его углообразной деформацией при запущенной гонорее.

В рамках публикации мы описываем гонорейное поражение сустава кисти, выявленное на скелете женщины 30-40 лет из погребения № 2 хозяйственной ямы № 6 на поселении Бондаренково VII, расположенного близ г. Керчи. Автор раскопок (Д.В. Бейлин, зав. отд. КГИКЗ) датирует его 2-й пол. IV – 1-й пол. III в. до н. э. [Бейлин, Пономарев, 2013, с. 87–91]. Патологический процесс проявился в межфаланговом суставе пальца левой кисти. Фаланги неподвижно скреплены между собой костной спайкой (рис. 2). На поверхности погребенного дефекта костной ткани в области костного анкилоза хорошо

видно, что спайка представлена губчатой костной тканью, что свидетельствует о том, что гонореей женщина заболела будучи уже взрослой.

Патологический процесс осложнился развитием стойкой углообразной деформацией пальца в области пораженного сустава: фаланги расположены по отношению друг к другу под углом порядка 135°, при этом средняя фаланга отклонена в ладонную сторону. Такая деформация в определенной степени могла препятствовать или же существенно нарушать выполнение мелких функциональных движений кисти, например, таких, как взятие пальцев в щепоть или же захват кистью, которые для женщины-хозяйки, хранительницы очага, совершенно необходимы.

СИФИЛИС

В 1521 г. врач и писатель Джироламо Фракасторо [Fracastoro G., 1960] написал поэму «*Syphilis sive morbus Gallicus*». Выдуманный им герой, «несчастный» древнеримский пастух по имени Сифиллус (Syphilus), прогневавший богов, был наказан ужасной болезнью, поразившей сыпью, бубонами и язвами все его тело. С тех пор по имени пастуха врачи и стали называть эту болезнь [Рохлин, 1965, с. 93–103]. Только лишь в XX веке ученые-палеопатологи стали определять некоторые изменения на костях как проявление сифилиса. Общеизвестным является предположение о заносе сифилиса в Старый Свет из Мезоамерики около 1493 года с ее открытием Христофором Колумбом, которое впоследствии было опровергнуто. Многие ученые указывают на случаи заболевания сифилисом в древние эпохи [Vallois, 1934, р. 666], в том числе на территории Франции в эпоху неолита (P.Reymond, Le Baron J.) [Рохлин, 1961, ст. 1037, 1038], в Прибалтике эпохи XV – XVIII вв. [Дэрумс, 1966, с. 12, 13], в средневеком Киеве (кон. XV – XVI вв.) [Козак, 2001, с. 144-146], а также в многих других регионах. Не является исключением и древний Крым, хотя полуострову, находящемуся на стыке эпох и культур, не было уделено должного внимания со стороны палеопатологов.

Мирмекийская археологическая экспедиция (автор раскопок Бутягин А.М., Санкт-Петербург) проводила исследование некрополя на территории античного городища Мирмекий, находящегося в черте современной Керчи АР Крым. Автор раскопок датирует его XIII-XIV вв. В ходе исследования получен значительный костный материал, при исследовании которого на костях 4 индивидов были выявлены признаки третичной формы сифилиса. В рамках тезисов

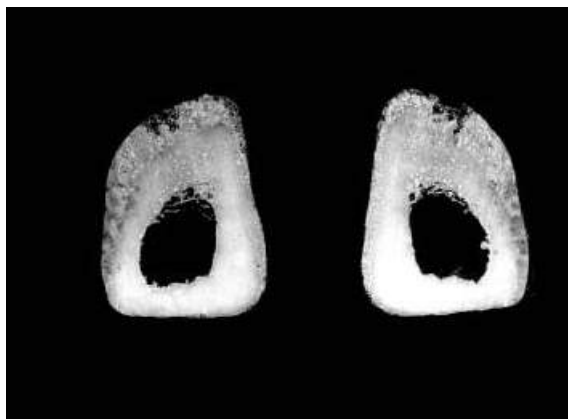

Рис. 3. Поперечный распил правой большой берцовой кости на уровне диафиза в средней трети. Видно резкое утолщение передней стенки диафиза с одновременным искривлением обвода (сифилитический остеопериостит).

хочется описать один случай. Могила № 50. Женщина, 25–30 лет. Правая большая берцовая кость. Характерное саблевидно-дугобразное искривление диафиза впереди за счет периостальных и эндостальных разрастаний костной ткани. На поперечном распиле отмечается выраженное костеобразование [Рейнберг, 1964, с. 281–286] со стороны эндоста в области переднего гребня диафиза (рис. 3).

Анализ находок костей со следами третичного сифилиса позволяет детализировать статистику заболеваемости населения средневекового Мирмекия [Пономарев, Никитаев, 2014, с. 55]. Исследовано 50 скелетов взрослых индивидов (биологический возраст более 18 лет), из которых 41 (82%) принадлежал мужчинам, а остальные (18%) – женщинам. Таким образом, заболеваемость третичной формой сифилиса среди взрослой части популяции составляла 8%, а среди мужчин итог больше – 14,9%.

При этом подчеркиваем – это третичная форма, сопровождающаяся поражением костной ткани, которая четко отображается на субфосильных костях. Сколько было случаев первичной и вторичной форм сифилиса, неизвестно. Вероятнее всего, столь высокий процент заболеваемости сифилисом на Мирмекии связан с особенностью формирования колонии, по мнению автора раскопок, не исключено, могильник был оставлен военным гарнизоном.

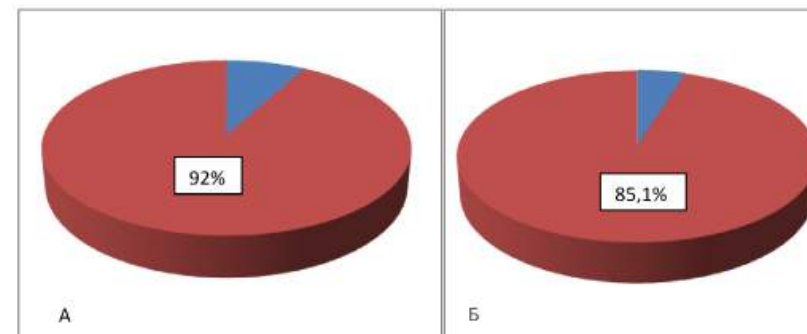

Рис. 5. Гистограммы. Заболеваемость сифилисом в популяции «Мирмекий».

А – среди взрослого населения. Б – среди мужской части взрослого населения.

■ Индивиды без признаков сифилитического поражения костей.

■ Индивиды со следами третичного сифилиса на костях скелета.

Так что, значок «социальные болезни» вполне можно прикрепить и на карту древнего Боспора. Хотя наши данные и немногочисленны, но вполне дополняют и обновляют данные по палеопатологии Крыма. При этом интересно, что даже в одном случае (сифилис) получены вполне приличные статистические данные, а это не так часто в нашей практике.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин. Д.В., Пономарев Д.Ю. Комплекс хозяйственных ям поселения Бондаренково VII // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке. СПб., 2013.
- Венерология // Большая Медицинская Энциклопедия. Под. ред. акад. Б.В. Петровского. Т.4. М. 1976.
- Дьяченко В. А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М., 1958.
- Дэрумс В.Я. Костная патология жителей Прибалтики по материалам археологических раскопок. Автореф. дис. ... докт. мед. наук. Рига, 1966.

- Ильин И.И. Венерические болезни. Малая Медицинская Энциклопедия. Гл. ред. акад. АМН СССР В.И. Покровский. М., 1991.
- Козак О.Д. Сифіліс у середньовічному Києві // Археологія. 2001. № 4.
- Пономарев Д.Ю. Антропологические материалы могильников хоры Нимфея (демографические и палеопатологические данные) // Боспорские исследования. Вып. IV. Симферополь-Керчь, 2003.
- Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В. Венерические заболевания среди населения античного и средневекового Боспора // Медицинская экспертиза и право. М., 2014. № 3.
- Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. 4-е изд. Ч. 1. М., 1964.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.-Л., 1965.
- Рохлин Д.Г. Палеопатология // Большая Медицинская Энциклопедия. Т. 22. М., 1961.
- Социальные болезни // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 24. Кн. 1. М., 1976.
- Vallois F. - V. Les maladies de l'homme pr historique. Rev. sci. 1934. P. 666.
- Fracastoro Girolamo. Syphilidis sive morbi gallici tres. In der Übersetzung von Ernst Alfred Seckendorf ,1892 – 1941, Verlag Lisius Tischer, Kiel, 1960.

Д.А. ПРОХОРОВ
(Симферополь)

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДНЫХ КАТАКЛИЗМОВ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ОПИСАНИЯХ АВТОРОВ XVII ВЕКА*

В XVII в. на Крымском полуострове выращивали пшеницу, рожь, просо, овес, чечевицу и ячмень, причем Иоганн Тунманн обращал внимание на то, что посевы ячменя давали хороший урожай, частично отправлявшийся в Константинополь – ежегодно из Крыма вывозилось до 60 судов¹. По словам французского посла в Крыму Шарля де Пейссонеля (1753 г.), из крымских портов ежегодно отходило от 100 до 150 судов, груженных ячменем, просом и пшеницей для Оттоманской Порты², причем налог с собиравшегося в Крыму в конце XVIII в. урожая зерновых составлял от 12 тыс. до 40 тыс. четвертей в год³. Однако довольно часто Крымское ханство нуждалось в привозном хлебе, поэтому наблюдалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, кочевое и оседлое земледелие позволяло отправлять хлеб на экспорт; с другой – в неурожайные годы в Крыму начинался настоящий голод – «длительные засухи, неурожаи и вызванные ими голодовки вели к массовому падежу скота и вымиранию населения»⁴.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825».

¹ Тунманн И.Э. Крымское ханство (Прим., предисл. и прил. Н.Л. Эрнста). Симферополь, 1991. С. 43.

² Peyssonnel Claude-Charles, de Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris: Cuchet, 1787. Т. I. P. 165.

³ [Лашков Ф.Ф.] О Камеральном описании Крыма. Сообщение Ф.Ф. Лашкова // ИТУАК. Симферополь, 1897. № 2. издание 2-е. С. 30.

⁴ Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. С. 8; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л.: АН СССР, 1948. С. 333, 342, 418.

Например, русский посланник Петр Савелов сообщал, что в 1626 г. «лето в Крыму было сухмяное» и неурожайное, «хлеб и сено не родился», а цены на все съестные припасы чрезвычайно поднялись и члены посольской свиты, находившиеся в Чуфут-Кале в течение 9 недель, буквально голодали, «траву и корень всякой собираючи ели, а где будет <...> у жидов, что добудут», причем четверик⁵ ячменя стоил полтора золотых, за четверик пшеницы платили от 2 до 15 золотых (цена на нее доходила и до 40 золотых), баранина продавалась по цене 10 золотых, говядина – от 15 до 20 золотых, можара⁶ сена – 10 золотых, а ведро воды – 2 золотых⁷. Вынужденные искать защиты за крепостными стенами Чуфут-Кале, послы Л. Савелов и С.И. Тарбеев сообщали о том, что члены русской дипломатической миссии, ограбленные татарскими мурзами и потерявшие все свои сбережения, лошадей, а также привезенные для хана поминки, «из жидовского городка бились с ними [татарами] беспрестани <...> и в осаде, государь, мы помирали голодною смертью <...> хлеба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли»⁸. Прусские посланники Кологривов и Дуров платили за четверик пшеницы от 26 алтын⁹ 4 деньги и до 1 рубля, а за четверик ячменя – по 4 и более гривен¹⁰.

Кроме погодных катаклизмов и неурожая в течение 1628–1629 гг., по свидетельству многих источников, в Крыму свирепствовала эпидемия чумы: многие «сидячие и юртные деревни... стали пусты»¹¹. Моровое поветрие опустошило такие города, как Бахчисарай, Гёзлөв, Карасубазар, Керчь, Балаклава, Мангуп и Чуфут-Кале. Глава миссии доминиканских монахов в Кафе Эмиддио Дортелли д'Асколли упоминал, что «жесточайшая чума смела сотни тысяч людей. Четыре

⁵ Четверик – в XV–XX вв. русская единица измерения объема сыпучих тел; равнялся 1/8 четверти, или 26,24 литра.

⁶ Можар, можара – длинная двух- и четырехколесная повозка с решеткой из деревянных палок по бокам; использовалась в хозяйствах крымских жителей вплоть до начала XX в.

⁷ [Савелов Л.М.] Посылки в Крым в XVII веке. Сообщил Л.М. Савелов // ЗООИД. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1902. № 24. Ч. II: Материалы. С. 75; [Савелов Л.М.] Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. Пред. Л.М. Савелова // ИТУАК. Симферополь, 1906. № 39. С. 8, 71, 72, 102, 103.

⁸ Из истории сношений Москвы с Крымом. С. 7, 10, 71, 72.

⁹ Алтын – номинал русской денежной системы; составлял от 3 до 6 копеек.

¹⁰ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. С. 182.

¹¹ Там же.

года сряду появлялась саранча, каждый раз в большем количестве и ранее прежнего, причиняя невероятные убытки не только людям, в виде сильной дороговизны, но, кроме того, в зимнее время погибло великое множество скота по недостатку подножного корма и запасов сена; наконец, выпадали часто великие снега при сильнейших морозах»¹². Около 30 тыс. татар переселились с семьями, «кто морем, кто сухим путем», в Румелию, «причем из каждого поселения уходило то более, то менее одной или двух тысяч человек, смотря по числу жителей»¹³. Эпидемия, которая распространилась и на территорию современной Украины, стала затихать лишь весной 1629 г. Летом 1632 и 1645 гг. нашествия саранчи вновь уничтожили хлеб «без остатку» во всех улусах¹⁴.

В начале декабря 1642 г. прибывшие в Крым посланники Б. Приклонский и Г. Лавров сделали в своем статейном списке запись о засухе и, как следствие, большом неурожае в Крыму. В этом документе были перечислены цены на некоторые основные продукты питания: например, за «острамок»¹⁵ соломы нужно было платить 3 золотых, за можару сена – 5–6 золотых, за четверть ячменя – по 6 золотых, за четверть ржи или пшеницы – по 8 золотых¹⁶. В августе 1643 г. «ближний царев человек» (приближенный хана) Маметша ага заявил посланникам, что татары с голода продают жен и детей: «Ныне де царю некоторыми мерами татар-воров унять немочно, потому что стал голод большой, жен и детей своих продают; кому де не своровать, сворует за нужею, хотя смерть свою видит, и тех де воров где сыскать»¹⁷. Московские посланники Г. Неронов и Н. Головин, прибывшие в Крым в декабре 1643 г., сообщали о голоде на полуострове, продолжавшемся третий год. Посланники упоминали о том, что не смогли добыть ячменя на корм для кречетов и ястребов, которых они везли в подарок царю, и птицы погибли; рацион же самих послов был сильно урезан. Летом и осенью 1645 г., по свидетельству посланников Т. Караулова и Грязного Акишева, голод в Крыму продолжал свирепствовать: «хлеб

¹² Эмиддио Дортелли д'Асколли. Описание Черного моря и Татари (1634 г.); пер. Н.Н. Пименова; прим. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV, Ч. II: Материалы. С. 125.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. С. 182, 194, 342.

¹⁵ Острамок – на Руси единица для определения количества сена, составлял приблизительно от 1 до 2 возов сена.

¹⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. С. 313.

¹⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. С. 313.

и конский корм» не уродились, дождей не было вовсе, «жары великие, земля выгорела, а которой кормишко и был и тот саранча поела». Значительное число крымских татар откочевало за Перекоп в степи. Один из татарских «языков» в мае 1646 г. показал в Посольском приказе, что в Крыму голод и хлеб не родился уже шестой год¹⁸.

Частые неурожаи и голод вынуждали крымских татар идти в набеги, о чем свидетельствует и обращение крымского хана Мехмеда IV Герая к султану в 1644 г. за разрешением отправиться в поход на Москву: «Меженина, хлеб не родился четыре года и от того де они (татары) голодни»¹⁹. В одном из донесений сотника астраханских стрельцов И. Лутовинова, захваченного татарами в плен весной 1646 г., говорилось, что «без войны де крымским и ногайским людям быть не уметь, изнела их скудость и большой голод <...> и крымские де, и ногайские люди, и черные татаровя полоном хотят быть корыстны и войне ради»²⁰. В 1645 г., по словам русских послов Т. Караулова и Акишева, необыкновенная засуха уничтожила большинство посевов, а нашествие саранчи довершило бедствие: послы сообщали в Москву, что в Крыму «голод большой», какого не бывало, «как Крым стал». Московскую четверть хлеба покупали по 3 рубля, «да и купить негде и нечем»; митрополит Браиловский Мелетий писал в Москву, чтобы ожидали нового нападения татар, потому что в Крыму голод, и татары едят человечину²¹.

В связи с ослаблением Османской империи в XVII в. подвоз зерна из Египта в Крымское ханство, в котором был очередной неурожай из-за сильных зимних морозов, начал давать сбои. Во время шестой турецко-венецианской войны 1645–1669 гг. Стамбул в течение трех лет (1655–1657 гг.) был блокирован с юга, и султан Мухаммед IV Герай приказал везти хлеб из Крыма. Однако в 1657 г. на полуострове вновь после суровой зимы и вынужденного военного бездействия был голод: «в Крыму у татар многие конские и животинные стада з бескормицы померли. А почала быть в Крыму весна апреля с 1 числа»²². В «Статейном списке бывших в Крыму посланников Романа Жукова

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 333.

²⁰ Там же. С. 390.

²¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. С. 342; Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 325.

²² Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М.: Наука, 1987. С. 192.

и подьячего Лариона Пашина», отправленных в Крым в феврале 1657 г., сообщалось, что цена осьмины²³ ржи на бахчисарайском рынке составляла 50, 60, 80 копеек и доходила до 1 рубля золотом²⁴. Караим Юсуп (=Юсуф, Иосиф) со слов турецких купцов сообщал, что в столице Оттоманской Порты цена на рожь достигала невероятно-го даже по тем временам предела в 8–9 крымских золотых (3 рубля русскими)²⁵. «Таков де дорог хлеб, что за пять или за шесть денег человек не наестся. А по хлеб де и по соль посылают беспрестанно в Крым в Козлев город. И оттоле де в Царьград беспрестанно корабли приходят со пшеницею и с солью»²⁶. Опасаясь голода в собственных владениях, Мехмед IV Герай, вопреки фирману турецкого султана, вывоз зерна запретил под страхом смертной казни, а когда из Стамбула пришли 15 галер за хлебом и солью, крымский правитель приказал отгрузить только одну соль²⁷. Зерновым поставщиком Стамбула в Северном Причерноморье в подобных ситуациях становилась Бесарабия²⁸. В 1645 г. султан, в свою очередь, запретил доставку хлеба из Турции в Крым в связи с тем, что весь флот был задействован в средиземноморской войне²⁹.

О засухе, неурожаях и голоде на Крымском полуострове сообщал также Равви Иаков бен Мордухай в 1685 г. Его сочинение было издано как приложение к книге «Иггерет а-викуах» («Послание спора»)³⁰ Равви Ильи. В записках Равви Иакова бен Мордухая (очевидно, принадлежавшего к караимской общине Чуфут-Кале) приводилось несколько исторических заметок о событиях, произошедших на полуострове после участия крымского хана Мурад Герая в венском по-

²³ Осьмина, осьминник – одна из основных мер сыпучих тел на Руси; в соответствии с «Положением о мерах и весах» Российской империи 1899 г., 1 осьмина равнялась 104,956 литра.

²⁴ Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством. С. 192.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Барабанов О.Н. Товарооборот черноморской торговли в XVIII веке (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 279.

²⁹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. С. 342, 418.

³⁰ Трактат Равви Ильи перекликается с трудом испанского философа и поэта XIII в. Шмуэля Товии бен Йосефа Фалакеры (1225 – ок. 1290) «Иггерет а-викуах», посвященного проблемам взаимоотношений между философией и религиозными догматами [Giron-Negron, Luis M. Alfonso de la Torre's «Vision deleytable»: Philosophical rationalism and the religious imagination in 15th century Spain. Leiden: Brill, 2001. P. 66].

ходе в 1683 г. Тогда вновь наблюдалась кризисная ситуация в связи с неурожаем: «В этом году (1684) во время жатвы произошел голод в Крыму, в Румелии и в Молдавии. Говорят, что в последней стране такой был голод, что, увидев кого-нибудь приезжающего из чужой земли, бедные жители падали перед их лошадьми и умоляли, чтобы их взяли с собой, и что они будут рабами, лишь бы спаслись от голодной смерти <...> В Крыму голод начался в Августе месяце 1684 года, а в Мае и Июне месяцах 1685 года цена четверти пшеницы в Бахчи-Сарае доходила до 500, а в Карасу-Базаре до 880 левков»³¹.

«Я сам, – продолжал свое повествование автор заметок, – купил оку³² муки за 12 левков³³, 6 июня 1685 года, в Г. Кыр-ер а в Карасу-Базаре платили за оку пшена и пшеничной муки по 15 левков, а за сарачинское пшено по 36 левков, слышно было, что в г. Кафе 30 и 25 драхм³⁴ хлеба продавалось за 1 левку монет Селим-Гирей-Хана. Не только хлеб, но все съестные припасы были очень дороги; так, например: 12 волошских орехов продавалось за 1 левку. Селим-Гирей-Хан, видя, что не привозят в город хлеба, послал своих чиновников в деревни искать хлеба и увещевать, что, если находится у кого хлеб, пусть привозит на продажу и пощадит жителей от ужасов голода. Несмотря на то, что начали привозить и продавать, голод не облегчился, пока не помиловал Господь и не дал дождя. Бог внушил милосердие в сердце нашего общества города Кыр-ер. Богатейшие хозяева призвали бедных и нищих, всякий по своему состоянию, да воздаст им Господь стократ за их доброе сердце!»³⁵

Далее Равви Иаков бен Мордухай сообщал о том, что 1686 г. был тоже неурожайным для всего полуострова: «четверть пшеницы продавалась ценою 400 левков, проса 240 левков: так дороговизна продолжалась до Ноября месяца 1687 года <...> Весь Декабрь этого года был очень дождлив. В течение же следующих двух месяцев не было ни дождя, ни снегу; только 14 Марта 1688 года упал небольшой дождь, и с этого месяца началась возвышаться цена хлеба [...] 13 чис-

³¹ Несколько исторических заметок, написанных Равви Иаковом, сыном Равви Мордухая, в конце книги Игерет-Гави-Кувах [иск. ивр. Иггерет а-викуах]. Пер. А.С. Фирковича // Временник императорского Общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. С. 132.

³² Ока, окка – мера веса в Крымском ханстве; 1 окка – 1283 грамма.

³³ «Левок», «левки» – распространенное в XVII в. в название голландского левендальдера (т.н. «львиный талер»).

³⁴ Драхма – мера веса, равная 1,5 золотника, т.е. около 6,39 грамма.

³⁵ Несколько исторических заметок. С. 133.

ла я заплатил за четверть пшеницы 180 левков, за четверть проса 728 лев: за оку муки 21 левков, по этой цене Козловский батман муки стоит 140 серебряных левков, что составляет 11,000 левков монеты Селим-Гирей-Хана, стоимость серебряной левки равняется 100 левкам медным, ока проса стоила 16 лев., ка сарачинского пшена 20 лев., ока соленой баранины 14 лев., ока не соленой 10, отрубей 8 лев. Говорят, что в деревнях ока муки продавалась 25 лев., а ока сена – 5 и 6 лев., ока коровьего масла 50 лев., свечного сала 40 лев: бекмеза (сырых овощей) 18 лев., четверть ржи 800 лев., десяток волошских орехов 1 левков, за провоз четверти пшеницы из Козлова в Бахчи Сарай 90 левков. Весною того года овца с ягненками стоила 170 лев., коза с козлятами 150 лев., корова 7 червонцев»³⁶.

Описывая бедствия, которые выпали на долю населения, автор заметил, что «многие из Татар питались кровью животных и падалью, рассказывали, что ели даже человеческое мясо, потому что многие умирали с голоду на улицах и на рынках, и во всех дворах был плач и стон. Нищих, просящих милостыню по домам, было бесчисленное множество. – В этом году вещи золотые, серебряные, медные и разные платья продавались за бесценно. Известный вес золота отдавали за 70 и даже 60 левков, а серебра 50 и 60 левков, око меди 40 и 35 лев: многие распродали все свои дорогие вещи для доставления себе хлеба, и сделались очень бедными и ходили по домам просить милостыню. Из бедного же народа очень много померло от голода; некоторые из них, по большей части деревенские жители, валялись по улицам без погребения»³⁷.

³⁶ Несколько исторических заметок. С. 133.

³⁷ Там же. С. 134.

В.Ю. РАДОЧИН
(Симферополь)

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РАЗНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (антропологический аспект)

Одной из главных задач исторического исследования является реконструкция условий и образа жизни древнего населения.

Важнейшим источником получения информации является комплексное изучение и правильная интерпретация данных, полученных при исследовании антропологических материалов.

В исследовательской работе очень важен комплексный подход, включающий в себя целый ряд направлений. Прежде всего, это тщательный сбор материала (включая материал неудовлетворительной сохранности), остеоскопические и остеометрические мероприятия, реконструкция двигательной активности индивида, воссоздание возможных физических нагрузок на организм, оценка влияния патогенных факторов и, как следствие, проявление реактивных и адаптационных процессов. Помимо перечисленных узкоспециальных направлений, необходимо привлечение данных смежных дисциплин (палеозоология, палеоботаника, геология, геохимия и т.д.).

Вопрос оценки полученных результатов всегда соотносится с географической составляющей памятника (климатические условия, ландшафтная среда, животный и растительный мир). Реконструкция образа жизни древнего населения в разные промежутки времени должна быть неотъемлемо связана с изучением изменений географических условий, в которых проживало общество.

Географическая среда представляет собой совокупность климата, животного и растительного мира, ландшафтную и геологическую составляющие, что определяет условия жизни в целом, тип хозяйственной деятельности, трудовую активность и, как следствие, влияет на общее благополучие популяции.

На всех этапах развития люди зависели от естественной среды

обитания. Общество всегда существует в определенных географических условиях, что составляет определенный комплекс образа жизни и хозяйственной деятельности.

Среда обитания может являться провоцирующим фактором развития патологических процессов. Заболевания всегда обусловлены одной или несколькими причинами (механические, физические, химические или биологические).

Идеальным случаем для проведения любого антропологического анализа является работа с материалом после полного окончания археологических работ на исследуемом памятнике. В этом случае любая полученная информация будет более полной с учетом всех внутригрупповых особенностей.

Исследование прижизненной физической активности индивида должно быть комплексным и состоит из нескольких этапов. Прежде всего, это остеометрические и остеоскопические методы. Одним из составляющих методов остеоскопии является оценка мезоморфии. Явления костной перестройки, наступающие в ответ на механическую нагрузку и перегрузку, довольно многообразны.

Далее возможна реконструкция типичных действий с помощью анализа маркеров физической активности, позволяющая установить стереотипные движения и систему физических нагрузок. Затем кинематическая схема сопоставляется с существующими моделями для интерпретации выявленных движений в качестве компонентов тех или иных занятий.

За счет однообразной динамической нагрузки формируется функциональное перенапряжение опорно-двигательного аппарата. По определенным специфическим изменениям возможно реконструировать определенные трудовые комплексы нагрузок. Наиболее ярким примером может служить «всаднический комплекс».

Занимаясь реконструкцией профессиональной деятельности индивида, нужно обязательно изучать каждый случай применительно к среде обитания и разрабатывать кинематическую схему для рассматриваемых условий, т. к. одни и те же изменения в костном аппарате и проявления одинаковых патологических изменений у людей, живущих, к примеру, в городских условиях и у сельского населения по природе будут одинаковыми, но «профессиональную» нагрузку будут иметь различную.

Следующим важным этапом работы является изучение возможных профессиональных травм и заболеваний, обусловленных перенапряжением отдельных органов и систем, а также стрессовы-

ми ситуациями, ведущими к изменениям суставных поверхностей и возникновению возможных патологических проявлений. Установление связи заболеваний опорно-двигательного аппарата с профессиональной деятельностью и перегрузкой требует тщательного анализа условий их возникновения.

Немаловажным фактором в изучаемом вопросе является рассмотрение различных стрессовых нагрузок, испытываемых организмом. Как известно, стресс – состояние организма, возникающее в результате интенсивных или длительных воздействий, независимо от их качественной природы, и характеризующееся напряжением неспецифических адаптационных механизмов. На сегодняшний день разработаны методики комплексного изучения скелетированных останков, с помощью которых по определенным маркерам стресса можно реконструировать условия жизни древнего населения.

Стрессовые маркеры можно разбить на большие группы: механические (травмы, ушибы, ранения, переломы костей, вывихи суставов и т. д.), физические (температурные воздействия), биологические (возбудители инфекций, вирусы болезни). Существуют определенные индикаторы стрессовых состояний, которые позволяют говорить об адаптивных или реакционных механизмах в организме.

Примером таких индикаторов могут служить: поротический гиперостоз и как его особая форма *cribra orbitalia* (наиболее часто данный маркер связывают с анемическими состояниями), эмалевая гипоплазия (специфические нарушения зубной эмали во время ростовых процессов), кариес (чаще всего проблемы, обусловленные особенностями питания), изменения вследствие воспалительных процессов и т.д. Следует учитывать, что за каждым маркером может быть ряд причин его появления.

К одному из маркеров эпизодического стресса можно отнести холодовой стресс. Этот маркер указывает на природу воздействующего фактора, к примеру обморожение, как крайнее проявление холодового стресса. Хорошо известно, что эти термические повреждения происходят при соответствующих предрасполагающих условиях, как при кратковременных экстремальных температурных потрясениях, так и при длительном воздействии неблагоприятных факторов (длительная повышенная влажность при температурах, близких к нулю).

Следующим пунктом исследования является оценка патологических и травматических поражений. Каждая болезнь имеет свою причину, без которой она не может возникнуть и которая обуславливает характерные для нее признаки. В качестве причин болезней выступа-

ют патогенные факторы окружающей и внутренней сред организма. Наряду с особенностями этиологических факторов большое значение имеют свойства самого организма, подвергающегося патогенному воздействию, его реактивность.

Применение методов биоархеологических реконструкций позволило в последнее время получать больше информации, изучая детские костные останки, что, в свою очередь, существенно дополняет картину каждой конкретной исследуемой группы населения.

Важным моментом в работе является реконструкция палеодиеты. Необходимо проводить анализ данных материала, полученного за все время функционирования исследуемого памятника.

С особым вниманием следует относиться к демографическим показателям популяции, поскольку они являются важным маркером уровня жизни и общего состояния здоровья населения.

Таким образом, комплексное и грамотное сочетание всего спектра антропологического исследования может существенно дополнить наши знания об условиях жизни и занятиях людей из далекого прошлого, позволит реконструировать их образ жизни применительно к определенным географическим условиям.

Е.А. САВОСТИНА
(Москва)

ГРОБНИЦЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ БОСПОРА: ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И РАСПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ¹

В изучении Боспора монументальные подкурганные сооружения имеют особое значение. В связи с недостаточной сохранностью городских ордерных построек именно по гробницам можно судить об искусстве архитектуры боспорян. Именно «склепы», как их называют в отечественной литературе, и их декор служат источником для реконструкции представлений о загробной жизни боспорцев, их связях с греческим и негреческим миром. Нельзя сказать, что боспорским гробницам уделялось мало внимания, в свое время это было предметом занятий и автора этих строк, однако все-таки остается ощущение некоторой недосказанности.

Так, до сих пор склепы не воспринимаются в полной мере как исторический источник – и сам феномен возникновения на Боспоре монументальных гробниц, и их ранняя архитектурная форма могли бы в большей степени быть учтены при обсуждении характера государственной власти, установившейся на рубеже V – IV вв. до н.э. Также осталась неясной проблема географии их расположения, объяснения причин удаленности от городов или, наоборот, включения гробниц в городские некрополи в разные периоды существования Боспора. Указанные обстоятельства позволяют вновь обратиться к давней теме.

Точное время появления каменных гробниц на Боспоре неизвестно, поскольку большая часть склепов была разграблена, раскопана в XIX в. без соответствующей фиксации находок, и лишь несколько весьма важных памятников исследованы в наши дни. Данные, кото-

¹ Вариант этого доклада был прочитан на «круглом столе», посвященном 100-летию Кубланова в 2014 г. (Савостина, 2014, с. 18–23).

рыми мы располагаем, указывают с большой достоверностью на то, что склепы появились на Боспоре не позднее IV в. до н.э. (предположительно в V в. до н.э.), и что на основе сравнительного анализа архитектуры этих сооружений можно представить их эволюцию. Имеющиеся сведения показывают существование на Боспоре нескольких типов гробниц, различающихся конструкцией перекрытия, развитием внутренней структуры сооружения. По конструкции перекрытия они разделяются на имеющие уступчатый свод, полуцилиндрический и плоский. Внутренняя структура склепа зависела от того, для какого количества погребений он предназначался, как были организованы вход в камеру и преддверие (архитектура Анапского склепа 1975 года со сдвинутым с центральной оси дромосом показывает запланированность установки нескольких саркофагов). Конструкция перекрытия и структура гробниц изменялись во времени.

Идея первых уступчатых склепов – фигура правителя

Истоки традиции возведения подкурганных каменных гробниц на Боспоре пока не известны (Ростовцев, 1914; Блаватский, 1955, с. 29–53; Гайдукевич, 1981, с. 654). Ни Иония, прародительница боспорских полисов, ни тесно контактирующая с Боспором Атика не знали гробниц такого рода. Но подкурганные монументальные сооружения имели распространение в соседних с греками землях, в малоазийской Карию, где найдены склепы с уступчатым перекрытием. В Кумах, раннем полисе Великой Греции со смешанным населением найдена гробница конца VIII в. до н.э. с купольным сводом, и пока неясно, был ли захороненный в ней греком или италийцем. Монументальные подкурганные сооружения найдены во Фракии, знаменитой купольными гробницами конца V–IV и III вв. до н.э., в Македонии, где особую известность с IV в. до н.э. получили усыпальницы с полуцилиндрическим сводом (Rhômiopoulou, 2007, p. 15-26, fig. 1; Brecoulaki, 2006). Также были известны монументальные гробницы и на территории греческой Сицилии – в Сиракузах до сих пор показывают гробницу Архимеда, поскольку она упоминалась источниками. О ней пишет и Цицерон, видевший ее в 75 г. до н.э., украшенную шаром, вписанным в цилиндр, как просил Архимед, и кому бы ни принадлежало то, что сейчас выдают за гробницу Архимеда, в наших определениях это явно монументальный «склеп».

В Геле был период, когда в V в. до н.э. после замены монолитных каменных саркофагов на глиняные (из-за потребностей нового строительства в камне) появляются богатые аристократические гроб-

ницы с угловыми колоннами, скульптурой, настенными росписями. Особенно интересны гробницы в Мегаре Гиблейской, где для элиты была создана особая форма захоронений, так называемая «монументальная комната», *cella*, которая «по роскоши затмила все, когда-либо существовавшее в Сиракузах» (Высокий, 2004, с. 194 сл.). Подобный род гробниц – расписанные изнутри «монументальные комнаты» известны и в Посидонии (Пестум) в IV в. до н.э., но, может быть, их идея возникла и раньше, до завоевания этих мест луканами (около 400 г. до н.э.), – и можно отнести к этой традиции интерьерные саркофаги и такой выдающийся памятник, как Гробница ныряльщицы, ок. 470 г. до н.э.

Опираясь на археологические данные, исследователи областей Великой Греции пытаются выявить социальную дифференциацию этих захоронений и определить их динамику. Так, по их наблюдениям, ситуация в Мегарах, где на фоне общего социального расслоения существовала группа еще более влиятельная – «богачи», свидетельствует о незначительном притоке новых поселенцев и сохранении существенного удельного веса аристократии первого поколения переселенцев в полисе. Этот социальный слой, возможно, составляли крупные землевладельцы, потомки первых поселенцев, относящиеся к тому большому числу «древних олигархий Сицилии», о которых сообщает Аристотель (Pol. V, 10, 4). С этим слоем и связывают появление монументальных погребальных сооружений.

О происхождении гробниц на Боспоре также нужно думать в контексте не только истории архитектуры, но и истории политической и социальной. Вспомним, что монументальные гробницы известны в таких государственных образованиях, где устанавливалась сильная централизованная власть. Такие царства, как Фракия, Македония, сатрапии Карики, а также греческие тирании – по типу сиракузской, акрагантской – могут служить примером.

Таким образом, тип гробницы, ее архитектурный строй – это не только традиция, но и сознательный выбор, дающий начало традиции (дискутируется проблема появления гробниц «македонского» типа как предпочтение Александра Великого (именно так сейчас предлагают трактовать знаменитую Гробницу II Большого кургана в Вергине (Borza, Palagia. 2007, p. 81–125).

И в этой связи не могу не упомянуть находки новой гробницы в Амфиполисе, которую также связывают с семьей Александра.

В отечественной историографии вопросы государственного устройства Боспора, определения его формы и сути правления ста-

вились многократно (о недавней дискуссии по этой теме см.: Подосинов, 2013, с. 186–191; Завойкин, 2013; Виноградов, 2005, с. 247). Как параллель с полисами Северного Причерноморья – Боспора и Ольвии – в свое время приводились греческие тирании на Сицилии, среди которых рассматривалась, в основном, тирания Дионисиев (Шелов-Коведяев; Виноградов Ю. Г.). В специальных работах, где эти государственные формы рассматриваются более подробно, привлекает внимание анализ политического устройства Акраганта в VI в. до н.э., когда к власти пришла аристократическая партия и Телемах стал басилеем. Как полагают, Телемах, видимо, получил почетную должность архонта-басилея, которая в Акраганте сохранялась и в середине V в. до н.э. Его внук Ферон, распространив влияние Акраганта на всю западную половину Сицилии, создал весьма характерный для первой половины V в. до н.э. тип государства – «крупное объединение панрегионального масштаба с монархической формой правления» (Высокий, 2004, с. 118)². Началась эра процветания Акраганта. Ферон после смерти «получил героические почести» от своих сограждан (Diod. XI, 53, 2). Сохранился памятник эллинистического времени, называемый «Могила Ферона» – предполагается, что он может стоять на месте реального монумента V в. до н.э.

Исключительное положение Ферона в акрагантском сообществе отражено в преданиях, связанных с местом его погребения. Хотя сама гробница не сохранилась, очевидно, что ей придавалась особая роль, которая воплотилась в легенду. Такое же положение видим на Боспоре, где символом почитания правителя была «могила Сатиры» (Strabo. XI, II 6-7), основателя боспорской династии Спартокидов.

Монументальные гробницы того времени на Боспоре известны. Так же, как в других социумах, они являются проявлением социального расслоения в боспорском обществе (об этом писал еще Гайдукевич, ср. недавнюю диссертационную работу Мейера: Meijer, 2014). Но находка таких выдающихся памятников, как склеп Царского кургана, свидетельствует, что не только, как и в Мегарах, на фоне всеобщего расслоения выделяется пласт «богачей», но над ними еще возвышается некто, для всех недостижимый.

Идея архетипа уступчатого склепа, отразившаяся и в гробнице Царского кургана, проявившаяся и в других памятниках (Большая Близница) состоит в возвышении одной персоны, в которой про-

² Как видим, в греческих колониях процессы формирования монархий проходили и до походов Александра, ср.: (Подосинов, 2013, с. 187).

ступает фигура правителя, обладающая значимостью, адекватной значимости монарха. На основе анализа формы первых боспорских гробниц можно предположить, что, как и в Акраганте, «крупное объединение» на этих территориях также имело монархическую форму правления. Данные предположения соответствуют результатам проницательного анализа В.В. Латышева, который на другом материале – дошедших до нас письменных и эпиграфических источниках, правовой и социальной ситуации – приходит к выводу, что власть Спартокидов в основе своей была монархической задолго до того, как была засвидетельствована официальным афинским декретом 286 г. до н.э. (Латышев, 1909, с. 85).

Особенности расположения гробниц и очевидные изменения

Как исторический источник, показывающий социальный статус правителей Боспора и динамику вовлечения в эту символическую орбиту верхушки боспорского общества, монументальные боспорские гробницы уникальны. Расположение на местности также является примечательной чертой подкурганых гробниц Боспора. В эпоху поздней классики и раннего эллинизма они, как правило, удалены от городов и, в отличие от пантикапейских курганов, в большинстве сконцентрированных на кряже ЮЗ-Оба, на Азиатском Боспоре расположены на значительном расстоянии друг от друга, небольшими группами. Группы уступчатых склепов известны в районе современного аэропорта Анапы (Тарасовские склепы, курган Султан-гора), в окрестностях древней Фанагории, нередко по несколько практически одновременных небольших склепов располагается в одном кургане (Большая Близница). Удаленное расположение характерно и для полуциркулярных склепов раннего эллинизма (склеп кургана Васюринской горы, Анапский склеп, 1908). Такое расположение гробниц можно поставить в зависимость от местоположения землевладений: усыпальницы сооружались на землях рода или на их границах. Похожую, хотя и не настолько очевидную ситуацию можно наблюдать и в расположении македонских гробниц, которые со второй половины IV в. до н.э. начинают распространяться гораздо шире мест традиционных царских захоронений в Эгах (Moritz, 2006, S. 161, taf. 1; Rhoïmiropoulou, 2007, fig. 1), как раз в период, когда чрезвычайно усиливается и обогащается возвысившаяся при Филиппе новая знать, гетайры.

Подкурганые склепы новой эпохи – первых веков нашей эры, напротив, приближены к городу (Горгиппия – склеп Геракла, Пантика-

пей – склеп Деметры) и определенно входят в границы городского некрополя. Не так давно обследованы подкурганые гробницы римского времени в Гермонассе, расположенные у границ городища, – их, что любопытно, можно видеть на древней карте, где недалеко от городища обозначены курганные насыпи. В 2002 году один из таких склепов автором этих заметок по инициативе сотрудника Таманского музея Э.Р. Устаевой подвергся изучению. Нельзя исключить, это могла быть гробница римского времени, располагавшаяся в ближних окрестностях Гермонассы, часть ее курганной насыпи сохранилась до наших дней, несмотря на расположение на территории частной усадьбы. И в этом также можно видеть последствия неких структурных изменений, происходящих в обществе и Боспорском государстве.

В сопоставлении с другими названными выше традициями основная линия эволюции монументальной погребальной архитектуры Боспора показывает самостоятельность и в создании собственных форм, и в развитии типов, и в эволюции идей. Уже в конце IV в. до н.э. идея монокосмоса и единого владельца гробницы уходит на второй план и архитектурный строй перерождается – это очевидно и в архитектуре, и росписи склепа Васюриной горы. Но, в отличие от гробницы-храма Македонии, гробницы-шатра Фракии, гробницы-дома Этрурии, идея гробницы-героона на Боспоре сохранится и будет развиваться здесь еще и в римское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. XXIV. 1955. С. 29–53.
- Василиев А. Античная гробница в Казанлыке. София, 1958.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса. VII–I вв. до н.э. М., 1989.
- Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Вылева Ю. Росписи раннеэллинистических гробниц Фракии и Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Ч. 1. 2007.
- Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. / Studia classica. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н.э. с уступчатым покрытием / Боспорские города. Л., 1981. С. 6–54.

Завойкин А.А. Образование Боспорского царства: От полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2013.

Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909.

Макимова М.И. Артюховский курган. М., 1975.

Савостина Е.А. О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей // Погребальная культура Боспорского царства. К 100-летию первого исследователя Илурата М.М. Кубланова (1914–1998). СПб., 2014.

Borza E.N., Palagia O. The Cronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina // Jdl 122, 2007.

Brecoulaki H. La peinture funéraire de Macedoine. Emplois et fonctions de la couleur IVe - IIe s. av. J.-C. Athenes, 2006.

Meijer E. Feasting and the Monarchy: the Feast as a Venue for Social and Political Negotiation between the Macedonian King and the Macedonian Elite, from Philip II to the Fall of Macedon. - Master's thesis Utrecht, 2014.

Moritz R. Wand- und Deckenmalereien spätklassischer und hellenistischer Zeit im nord- und westpontischen Raum. – Dissertation PhD der Universität Hamburg. Hamburg, 2006.

Rhōmiopoulou K. Tombeaux macédoniens; l'exemple des sépultures à décor peint de Miéza // Peinture et couleur dans le monde Grec antique. – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007.

С.Ю. САПРЫКИН
(Москва)

ДРЕВНИЕ ПУТИ ПЛАВАНИЯ ПО ПОНТУ ЭВКСИНСКОМУ

1) Наиболее популярный путь плавания к Северному Причерноморью от пролива Босфор Фракийский проходил вдоль фракийского побережья до Ольвии и далее к Северо-Западному Крыму и Херсонесу Таврическому, а оттуда вел к побережью Южного Крыма, Феодосии и Пантикапею. Этот долгий маршрут древние моряки могли сократить за счет плавания в открытом море от Истра к Северо-Западному Крыму или непосредственно от восточной оконечности Ахиллова Дрома (Тендра) к Бакальской косе.

2) Другой путь проходил вдоль южнопонтского побережья и далее поворачивал к Синдике и Боспору, куда моряки доплывали либо по открытому морю от Фемискиры или р. Фермодонт либо вдоль кавказского побережья. Эти маршруты были опасными и длительными, особенно вдоль побережья Кавказа, где пиратствовали гениохи, ахейцы и зиги. Поэтому мореплаватели стремились направлять свои корабли по так называемому «кратчайшему пути» от мыса Карамбис в Пафлагонии до мыса Бараний Лоб (Аю-Даг) в Южной Таврике, откуда можно было доплыть до Боспора, Херсонеса и далее вдоль Западного Крыма достичь Ольвии и Тиры. Однако этот маршрут древнегреческие мореходы начали использовать не ранее основания Херсонеса Таврического в конце второй – третьей четверти V в. до н.э., но особенно интенсивно с IV в. до н.э. Морской путь вдоль Западного Причерноморья и «кратчайший путь» через Черное море были привлекательны для моряков, поскольку попутные течения и ветры способствовали быстрому прохождению кораблей по этим маршрутам (Золотарев, 1979, 94–100; 1981, 144–150).

3) Самыми древними являлись на Черном море морские пути вдоль Фракии и Северо-Западного Причерноморья, а также вдоль

южнопонтийского берега к Фемискире (Фермодонту) и далее к Боспору и Синдики. Это было связано с плаваниями первых греческих колонистов, т.к. наиболее ранние колонии Борисфенида, Истрия, Синопа были основаны как раз в ходе освоения этих маршрутов. Милетская колонизация Боспора Киммерийского стала возможной чуть позднее, ближе к концу VII – рубежу VII – VI вв. до н.э., когда ионийские мореходы освоили южнопонтийский и восточный морские пути вдоль Кавказа и от Фемискиры до Синдики и Боспора, откуда через древний пролив в районе современного Таманского полуострова можно было выйти прямо в Азовское море. В 518 г. до н.э. именно вдоль западнопонтийского побережья, по маршруту плавания, освоенному ранее всех других морских путей по Черному морю, греческие корабли сопровождали до Дуная персидское войско Дария I, направлявшееся в Скифию. Во время причерноморской экспедиции Перикла в 439–437 гг. до н.э. афиняне, проплыв вдоль Южного Понта, направились от Фемискиры к Боспору, миновав опасное кавказское побережье, а затем вдоль Южного Крыма и Западной Таврики добрались до Ольвии, Тиры, Никония, Истрии, Аполлонии Понтийской и вернулись обратно в Эгеиду. В результате эти города, включая Керкинитиду и Тамираку, вошли в Первый Афинский морской союз, а Амис, Синопа и Гераклея Понтийская оказались в непосредственном подчинении у Афин.

4) Воды, омывавшие берега Каркинитского и Тамиракского заливов, а также побережье Западной Таврики, превратились в район интенсивного древнегреческого судоходства в V – IV вв. до н.э. Когда на Боспоре Киммерийском возникли греческие города, но особенно после основания Феодосии и Херсонеса Таврического, маршрут плавания к Южной Таврике, Северо-Западному Крыму, Керкинитиде, Ольвии и далее на юг к западнопричерноморским полисам и Византии стал использоваться наиболее часто. Об этом свидетельствует граффито V в. до н.э. из Керкинитиды, которое сохранило обрывок письма некоего моряка своей возлюбленной Гикее и рисунок носа военного корабля с тараном. После создания в середине – второй половине IV в. до н.э. аграрной периферии Херсонеса в Северо-Западном Крыму, откуда вывозили пшеницу и другие сельскохозяйственные продукты, греческие судоводители стали регулярно посещать этот регион. Они использовали местные гавани либо как транзитные пункты на пути в другие крупные порты, либо как цель конечного путешествия для подвоза товаров и погрузки пшеницы и винодельческой продукции. Через данный регион пролегали практически все известные в древности маршруты кораблей – от Боспора Киммерийского к Боспору

Фракийскому и обратно, по кратчайшим путям от Истра к Западной Таврике и Херсонесу и обратно, и от Южного Понта по «кратчайшему морскому пути» к Южной Таврике – Херсонесу – Ольвии и обратно. Греческие надписи с упоминанием дельфийских послов-феоров в западнопонтийские города, Херсонес и Боспор, а также свидетельства об обменах посольствами между этими государствами и Дельфами показывают, что западный маршрут плавания по Понту в III–II вв. до н.э., включая Северо-Западный Крым, продолжал пользоваться большой популярностью (Граков, 1939, 246–250; Сапрыкин, 2014, 356). Не случайно, что в некоторых пунктах побережья Северо-Западного Крыма найден ряд надписей моряков этого же времени (Сапрыкин, Попова, 2014, 50–65; Сапрыкин, Внуков, 2014, 358–363).

На протяжении VI – первой половины IV в. до н.э. этот район судоходства, находившийся в треугольнике Истрия – Ольвия – Керкинитиды и составлявший зону ионийского культурно-религиозного и отчасти политического влияния в Северо-Западном Причерноморье, подпадал под негласный контроль ольвийского полиса, обусловленный влиянием общепонтийских святилищ Ахилла Понтарха, покровителя моряков, на Левке и Тендре. После подчинения Северо-Западного Крыма Херсонесу Таврическому морские коммуникации в регионе оказались под надзором херсонеситов и Гераклеи Понтийской, заинтересованной в вывозе оттуда хлеба (Сапрыкин, 1986). Вследствие временного упадка хоры Херсонеса в результате вторжения сарматов в начале III в. до н.э. контроль херсонеситов и гераклеотов за хлебной торговлей там ослаб, о чем наглядно свидетельствует херсонесская присяга. Этим воспользовались ольвиополиты, издревле стремившиеся сохранять влияние в регионе, а также союзные им крымские скифы – миксэллины, в свою очередь заинтересованные контролировать вывоз зерна. В начале III в. до н.э. некий ольвийский гражданин изгнал с острова Левка пиратствовавших сатархов и тавров (IosPE I². 325), а во II в. до н.э. ольвийский наварх Посидей, сын Посидея, находившийся на службе у царей Крымской Скифии, во главе эскадры ольвийских кораблей очистил от пиратов-сатархов местные воды (IosPE I². 672), что обезопасило моряков от возможных нападений пиратов. Тогда же в районе Тарханкута возникло святилище местной тавроскифской богини Тарги > Тарки, куда эллины, в том числе и херсонесцы, в основном, очевидно, моряки, делали посвящения счастливому плаванию (Тохтаев, 2013, 195; Сапрыкин, 2014, 18).

Ряд граффити из святилища Тарги, поселений Чайка и Кара-Тобе говорит нам о том, что после разгрома сатархов и тавров, а также побе-

ды понтийских войск над крымскими скифами, во II – I вв. до н.э. – I в. н.э. греческие мореходы стали активно посещать Северо-Западный Крым. Это было связано с вхождением Таврики и Ольвии в состав Понтийского царства. Ольвийский декрет в честь амисского кибернета, относящийся к митридатскому времени, показывает, что южнопонтийские судоводители использовали кратчайший путь по Черному морю, чтобы достичь Северного Причерноморья. Это следует из указания декрета о плавании кибернета из Амиса в открытом штормовом море, что было возможно лишь при выборе им кратчайшего пути. Это означает, что он не мог не миновать Херсонес и побережье Северо-Западного Крыма (IosPE I². 35).

5) Популярность западнопонтийского морского пути, включая каботажный путь вдоль Северо-Западного Крыма, объяснялась тем, что греки в целом опасались выходить в открытое море и использовать «краткий морской путь» через Черное море постоянно. Когда корабли Диофанта с войсками шли на помощь Херсонесу в преддверии ее времени напрямик через Черное море, – это представлялось делом исключительным и опасным (IosPE I². 352). В свою очередь путь на Боспор вдоль кавказского побережья считался небезопасным, поскольку существовала постоянная угроза нападений гениохов и ахейцев. Их пиратские рейды становились более-менее редкими или прекращались вовсе только после специальных морских акций, которые боспорские цари (Евмел, Асандр, Савромат II) предпринимали против пиратов. Поэтому навклеры и кибернеты предпочитали более безопасный, но длинный морской путь вдоль Северо-Западного Крыма и Левобережного Понта. Не случайно, что до нашего времени дошла надпись моряка с Боспора, который сделал посвящение Ахиллу на Тендре (IosPE I². 332). Восточные маршруты из Южного Понта на Боспор и в Меотиду, как каботажный, так и в открытом море, стали интенсивно использоваться только со времени Митридата Евпатора, которому при содействии его наварха Неоптолема удалось победить флот варваров, очевидно северокавказских пиратов, в Керченском проливе. После создания Панпонтийской державы и объединения в ее границах Пафлагонии, Понтийской Каппадокии, Боспора, Херсонеса и Колхиды путь по «кратчайшему маршруту» и вдоль кавказского побережья стал фактически регулярным. В годы митридатских войн эти маршруты кораблей оказались связанными с древним морским путем вдоль североанатолийского побережья, поэтому они контролировались эскадрами судов из Амиса, Синопы, Гераклеи, Тия, Амастрии, Фарнакии.

6) В римскую эпоху, особенно после того как в 64 г. н.э. флот Понтийского царства Полемонидов перешел к римлянам, последние стали патрулировать по всему периметру Черного моря: они держали 40 кораблей против гениохов, тавров и других варваров, которые жили возле Боспора, Меотиды и Понта (Ios. Bell. Jud. II. 16. 4). При Домициане, Траяне, но особенно в связи с введением римских войск в Северо-Западное Причерноморье и Таврику в середине II в. н.э., Римская империя взяла под опеку безопасность прохождения кораблей в западной части Черного моря, что было поручено Равеннской эскадре и Мезийскому Флавиеву флоту. В связи с поражением Боспора от тавроскифов и вторжения их в Ольвию во второй четверти – середине II в. н.э. римское военное присутствие на море гарантировало греческим навклерам безопасность от нападений тавров и сатархов. Только после усиления боспорского присутствия в Таврике при Савромате II охрана морских путей вдоль крымского побережья до Аю-Дага и напрямую от Северной Анатолии к Крыму и Боспору вновь перешла к боспорским монархам и это способствовало интенсификации плаваний кораблей. В Херсонесе римского времени обнаружено несколько проксенических декретов в честь навклеров из разных полисов. Их плавания в районе Юго-Западной и Южной Таврики позволили упрочить связи между античными городами в западной и восточной частях Понта Эвксинского.

7) Морские пути вдоль кавказского побережья, а также маршруты вдоль Южного Крыма, Западной Таврики и Левобережного Понта, которыми издревле пользовались древнегреческие судоводители, стали интенсивно эксплуатироваться варварами – боспорцами и сарматами – в позднеантичную эпоху во второй половине III – начале IV в. н.э., когда они совершали на боспорских же кораблях набеги на римские малоазийские и западнопричерноморские провинции. Это говорит об устойчивости морских коммуникаций в Понте Эвксинском на протяжении всей античной эпохи.

Т.Н. СМЕКАЛОВА, Б.В. БЕВАН, В.А. КУТАЙСОВ
(С-Петербург, Симферополь)

ЗАБЫТЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОКЛИМАТЕ КРЫМА

В предлагаемом сообщении речь пойдет о данных по изучению многометровых слоистых донных отложений озера Саки в северо-западном Крыму, опубликованных В.Б. Шостаковичем еще в 1930-е гг. (Шостакович, 1934), но не использовавшихся ранее для палеоклиматических определений в этом регионе. Между тем, датированные иловые отложения озера могут служить летописями климата, позволяющими достоверно характеризовать среду обитания древнего человека. Среди материалов об отложениях в водоемах на территории юга Восточной Европы данные В.Б. Шостаковича по Сакскому озеру привлекают внимание прежде всего длительностью и непрерывностью ряда (с 2294 г. до н.э. по 1894 г. н.э.) (Шостакович, 1934; Швец, 1978, с. 11).

Озера Северо-Западного Крыма

Неотъемлемым элементом прибрежного ландшафта Северо-Западного Крыма является большая группа соляных озер, отделяемых от моря песчаными пересыпями. Они условно объединяются в две группы: Евпаторийскую из 14 и Тарханкутскую из 8 водоемов (рис. 1 а). Наиболее крупные из них с юга на запад: Багайлы (Кичик-Бель или Контуган), Кызыл-Яр, Сакское (рис. 1б), Сасык-Сивашское, Бююк и Кучук Отар Мойнакские, Б. и М. Яли Мойканские, Тереклы-Конрат, Аирчинское, Аджи-Байчинское, Ойбурское, Донузлавское, Сарыгёл (Караджинское), Ак-Мечетское, Панское, Ярылгачское, Джарылгачское, Бакальское и других, всего общим числом 22, не считая небольших из них (Дзенс-Литовский, 1934; Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Рабич, 1936; Понизовский, 1965; Олиферов, Тимченко, 2005).

Все озера западного побережья Крыма делятся на три типа: лиманные, лагунные и риасовое (Дзенс-Литовский, 1938). Последние

представлены всего одним примером – Донузлавским озером. Образование водоемов было в большинстве случаев связано с затоплением низовьев долин и корытообразных котловин в процессе непрерывной трансгрессии черноморского бассейна и последующим отшнурованием их от моря песчаными косами. В типологии лиманов Причерноморья крымские озера отнесены к закрытым лиманам с сезонным поступлением речного стока или лишенным речного стока. Кроме того, в поддержании их уровня существенную роль играет инфильтрация морской воды через пересыпь, поступление через провалы и размывы, в меньшей степени подземный сток. Следовательно, глубина озер в какой-то степени может свидетельствовать об определенных этапах ускорения повышения морского уровня, когда на дне лиманов просто не успевали накопиться илистые отложения. По мнению А.И. Дзенс-Литовского, во времена древнегреческой колонизации на месте некоторых озер были морские заливы и глубокие удобные бухты – прекрасные гавани для стоянки судов и ловли рыбы, которые позднее отделились от моря песчаными косами.

Только те озера, в которых под илистыми отложениями залегают слои морского песка, когда-то в древности были морскими заливами. Те же водоемы, в которых илы залегают непосредственно на твердых материковых породах, никогда не являлись морскими заливами (Зенкович, 1960, с. 158). Вероятно, в античный период могли уже существовать как полноценные озера Кизил-Ярское, Сакское, Бююк-Мойнакское, Ойбурское, Донузлавское. Те случаи, когда под песчаными пересыпями буровыми скважинами были вскрыты слои ила, свидетельствуют о том, что прибрежные бары в процессе морской трансгрессии перемещались в глубь суши. Характерной чертой лиманов является то, что их длинная продольная ось почти всегда перпендикулярна морскому берегу (Б. Отар-Мойнаки, Сасык-Сиваш, Сакское, Кизил-Яр, Караджа, Джарылгач). Напротив у лагун, расположенных между песчаными пересыпями и суглинистого шлейфа, продольная ось направлена параллельно берегу моря (Тереклы-Конрат, Аирчи, Аджи-Бейчи, Ойбурское) (Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Рабич, 1936, с. 16). В таких озерах, как Тереклы-Конрат и Ойбурское, от водоемов в глубь суши протягиваются заливы (Кутайсов, 2010).

Озеро Сакское (Саки)

Сакское оз. расположено в Северо-Западном Крыму, на берегу Каламитского залива, в степной части Крыма, в 20 км к юго-востоку от г. Евпатории (рис. 1). От моря озеро отделяет песчаная коса шири-

ной 0,4-0,5 км и высотой до 5 м. Уровень воды в озере на 2 м ниже уровня моря, длина озера 5,5 км, ширина от 1,6 до 3 км, средняя глубина 0,8 м. Площадь водного зеркала 9,7 кв. км, озерной котловины – 15,7 кв. км (рис. 1 б), водосбора – 180 кв. км. Берега невысокие – до 5 м. (Швец, 1978, с. 12-13).

Ранее озеро питалось за счет спорадического стока балок, крупнейшие из которых – Чокракская и Чеботарская, а также подземными и поверхностными водами. Однако после строительства в 1895 г. запруд в устьях балок поверхностные воды из бассейна почти не достигают озера и оно питается морскими водами, фильтрующимися через песчаную пересыпь и по искусственному каналу, а также рапой соседнего, Сасык-Сивашского озера.

Дно озера покрыто илами мощностью до 27 м и общим объемом свыше 41 куб.м. Верхний слой отложений (3-3,5 м) составляют черные и темно-серые илы с редкими кристаллами гипса и соли. Под темными илами обнаружен слой (мощностью 3,7 м) с наличием линз корневой соли, а под ними – серо-стальные илы, переходящие в серые с голубоватым оттенком.

В районе озера годовая норма осадков – 300-400 мм, наибольшая – 600 мм (Швец, 1978, с. 12). Наибольшая сумма суточных осадков превышает 100 мм, интенсивность ливней может достигать 6 мм/мин. Такие ливни вызывают размывы поверхности бассейна, а продукты размыва обычно составляют существенную часть отложений в озере.

По самым последним данным, формирование Сакского озера произошло приблизительно 5200 лет назад (Субетто и др., 2009, с. 310), а находящегося значительно северней Джарылгачского – 4700 лет назад (Субетто и др., 2007, с. 282 – 284; 2009, с. 310; 2010). Сравнение толщ лиманных отложений озер Сасык-Сиваш и Сакского предоставляет нам важный факт, говорящий о различном времени формирования пересыпей этих соседних озер. В Сакском озере отложен четырехметровый слой черной лиманной «грязи» и трехметровый слой соли, а в Сасык-Сивашском озере таких отложений нет. Здесь прямо от поверхности начинаются обычные илы с «дресвой» и даже ракушей. Это существенное различие отражает одновременность полного отделения двух соседних заливов от моря, расстояние между которыми не превышает 4 км (Зенкович, 1960, с. 177-178).

Долгое время считалось, что внутренние берега Сасык-Сивашского озера оставались не освоенными древними эллинами и, таким образом, не входили в состав хоры ни Керкинитиды, ни Херсонеса

(Щеглов, 1978, рис. 8). Некоторые сомнения в таком взгляде могло вызвать открытие в 1982 г. С.Ю. Внуковым херсонесского поселения Гаршино IV – III вв. до н.э., на северном берегу небольшого лимана, впадающего в оз. Сасык-Сиваш. Обследования восточных и северных берегов Сасык-Сивашского озера в недавнее время (2012–2014 гг.) выявили пять новых херсонесских усадеб и более двух десятков поселений эпохи поздней бронзы и раннего железного века в обширной балочной системе водосбора оз. Сасык-Сиваш (Кутайсов, Смекалова, 2013, с. 136–239).

Метод изучения тонких слоев в длинных сериях монолитов ила

Воздействие солнечной энергии на различные геофизические и биологические явления совершается через промежуточное звено, которым является климат. В природе существует ряд объектов, в которых отразились в той или иной форме как сезонные, по временам года, так и более продолжительные периодические изменения в деятельности солнца. Сюда относятся концентрические кольца древесины и слоистые, так называемые «ленточные» глины («varves» – на английском языке) (Шостакович, 1935, с. 256).

В 1920–30-х гг. на озерах Крыма проводились комплексные исследования на основе бурения донных отложений и пересыпей. Наиболее детальные буровые работы были проведены на оз. Саки летом 1930 г. исследовательской группой под руководством А.И. Дзенс-Литовского. За несколько лет до этого Б.В. Перфильев предложил аппараты («поршневый бур») и методы изучения тонкослойного строения в длинных сериях монолитов ила, а также разработал методику идентификации годовых слоев в непрерывном чередовании за многие века (Перфильев, 1927). Как выяснилось, для Сакского оз. такие монолиты от поверхности илов до глубины 8,5 м соответствуют промежутку времени около 5600 лет (Шостакович, 1935, с. 257). По методу Б.В. Перфильева были получены цилиндрические монолиты с ненарушенным строением пробы ила Сакского озера. Пробы илов затем разрезались в специальном приборе – пелотоме – на ряд отдельных пластов (срезов). После вскрытия в них тонкослойного строения окислением они сохранялись под стеклом в особых приспособлениях (Шостакович, 1935, с. 257).

Связь толщины годовых слоев ила с климатическими элементами проявляется в двух направлениях. Во-первых, климатические разницы холодной и теплой половины года вызывают образование

отличающихся друг от друга летних и зимних слоев, повторяющихся из года в год в правильном чередовании. Во-вторых, индивидуальные климатические особенности каждого года (за счет различного из года в год количества получаемой тепловой энергии) отражаются в энергии илообразования, то есть в колебаниях толщины отдельных годовых слоев отлагающегося ила (Шостакович, 1935, с. 258–259).

Особенно важное преимущество иловых отложений для геохронологических исследований заключается в том, что слоистость илов с помощью методики Б.В. Перфильева при соответствующих предосторожностях можно открыть от самой поверхности, и первый годовой слой соответствует году взятия пробы (Шостакович, 1935, с. 257). Таким образом, можно точно датировать каждый последующий слой ила, что является обязательным условием для палеоклиматических реконструкций.

Данные по слоистым иловым отложениям Сакского озера

В.Б. Шостаковичу были предоставлены фотографии в натуральную величину срезов, сделанных с серии монолитов, добытых в Сакском озере летом 1930 г., когда монолитное микростратиграфическое бурение удалось довести до отметки 9,5 м в глубину. Всего было получено 164 снимка 70 монолитов из 10 параллельных скважин. В имеющейся части материалов между отдельными трубками на глубинах в интервалах 6,5–6,8 и 7,83–8,00 м от поверхности остались все же разрывы, не перекрытые соседними кернами. Таким образом, обработанная В.Б. Шостаковичем серия монолитов охватывала пласт ила от поверхности до глубины 6,5 м (Шостакович, 1935).

В отложениях Сакского озера отмечается сезонная закономерность: зимой отлагаются светлые илы, а летом – более темные, насыщенные продуктами ввозной и ветровой эрозии. Сочетание летних и зимних слоев дает возможность датировать отложения с годовым интервалом времени. Неточности определения границ между годовыми слоями, которые иногда трудно различить, могут исказить сведения только за данный и смежный год, на общий ход отложений это не должно оказывать влияния.

Отложения Сакского озера по яркости, непрерывности и надежности иловых микростратификаций стоят на первом месте среди всех исследованных иловых отложений озер юга Восточной Европы. С.И. Костин считал, что толщины слоев илов в Сакском озере характеризуют увлажненность за отдельные вековые и сверхвековые циклы, и использовал данные В.Б. Шостаковича при характеристике

колебаний климата на Русской равнине в историческую эпоху (Швец, 1978). Ю.В. Первольф (1935) использовал эти же данные для изучения колебания гидрологического режима длительного времени.

Многие ученые констатировали, что данные Шостаковича очень хорошо согласуются с другими независимыми наблюдениями, поэтому их можно считать ценными сведениями по палеоклимату Северного Причерноморья (Швец, 1978). Уникальный по длительности ряд иловых отложений, зафиксированный В.Б. Шостаковичем, представляет большой интерес для освещения гидрологического режима озер, исследования процессов заиления, для восстановления климатических и гидрологических характеристик с древности до наших дней. До настоящего времени не опубликовано аналогичного по длительности непрерывного ряда сведений о природных явлениях.

Использование данных В.Б. Шостаковича для палеоклиматических определений в античное время в Крыму

Опубликованные данные Шостаковича представляют собой длинные и сложные таблицы величин толщин годичных слоев (Шостакович, 1934, с. 130–137). Эти данные были нами оцифрованы и представлены в виде табличных данных. Затем по ним с помощью специальных компьютерных программ были построены графики изменения толщин иловых отложений за различные периоды времени. На графиках данные нанесены в виде небольших крестиков. Графики сглаживались методом скользящего среднего с различным шагом.

Первый из построенных графиков (рис. 2 а) содержит все имеющиеся у В.Б. Шостаковича данные, с 2294 г. до н.э. до 1894 г. н.э. При построении применялось усреднение методом скользящего среднего по 51 годам. Рассмотрение этого графика приводит нас к выводу о существовании неких периодических явлений в колебаниях климата с периодом примерно 150–200 лет. Кроме этого, очевидно, что в последней трети III тыс. до н.э. климат был значительно более влажным, чем во все последующие эпохи. Начиная с IX в. н.э. наблюдается постепенное увеличение влажности климата со значительным максимумом в XII в. н.э.

Второй из представленных графиков охватывает весь античный период (с 550 г. до н.э. до 350 г. н.э.). Данные строились с усреднением по 13 годам (тонкая линия) и по 41 году (жирная линия). Выявленная ранее периодичность колебаний климата подтверждается, причем выделяется два явных оптимума с наиболее влажным климатом – 360 г. до н.э. и 140 г. н.э. (рис. 2 б). Особенно интересен первый максимум – во второй половине IV в. до н.э., то есть во время

наибольшего расцвета сельскохозяйственных территорий Боспора и Херсонеса в Восточном и Северо-Западном Крыму, о чем мы знаем по археологическим данным. Не менее любопытно, что за этим оптимумом следует глубокий и продолжительный минимум, наибольший по длительности и амплитуде для всей античной эпохи (рис. 2 б). Подобный по величине минимум мы наблюдаем только для времени ок. 1000 г. до н.э. (см. рис. 1 а).

Рассмотрение данных по толщинам иловых отложений для эпохи позднего классицизма и эллинизма (от 450 г. до 200 г. до н.э.) (рис. 1 в), которые построены с усреднением по пяти (тонкая пунктирная линия) и девяти (жирная линия) годам, позволяет нам детально изучить упомянутое явление. Мы можем наглядно видеть, что за длительным периодом благоприятного для сельского хозяйства влажного климата, который продлился более 30–40 лет (370–330 гг. до н.э.), последовал короткий более засушливый период (320–310 гг.). Этот период затем сменился продолжительным периодом сухого и жаркого климата (310–280 гг.), причем засухи, вероятно, следовали несколько лет подряд, что было особенно губительно для аграриев.

Полученные выводы свидетельствуют, что в IV в. до н.э. в Северо-Западном Крыму, а, возможно, и во всем Северном Причерноморье, произошла смена климата влажного и умеренного в середине этого столетия на сухой и жаркий в конце века. Вероятно, несколько засух, следующих несколько лет подряд в самом конце IV в. до н.э. и начале III в. до н.э., привели к угасанию сельских поселений и их пахотных угодий в Северо-Западном и Восточном Крыму. К этой беде добавились набеги степных кочевников, орды которых под влиянием того же природного катаклизма пришли в движение в поисках путей выживания. Вероятно, именно эти факторы явились причиной гибели хоры как Херсонеса, так и Боспора в самом начале III в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Дзенс-Литовский А.И.* Гидрогеологические условия евпаторийской группы Крымских соляных озер // Водные богатства недр земли на службу социалистическому строительству (Первый все-союзный гидрогеологический съезд). М.- Л., Новосибирск: Гос. н-т. горного геолого-нефт. изд-во, 1934, с. 178–197.
- Дзенс-Литовский А.И.* Геология района Сакского озера // Саки-курорт, 1935, вып. 1, с. 31–94.
- Дзенс-Литовский А.И.* Пересыпи и лиманы Азово-Черноморского побережья и степного Крыма // Природа, 1938, № 6, с. 23 – 26.

- Зенкович В. П.* Морфология и динамика советских берегов Черного моря. Часть II (северо-западная часть). М., 1960.
- Курнаков Н.С., Кузнецов В.Г., Дзенс-Литовский А.И., Рабич М.И.* Соляные озера Крыма. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Ортли.* Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Материалы к археологической карте Крыма. 2013. Вып. XI, часть 2.
- Кутайсов В.А.* Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху // Боспорские исследования. 2010. Вып. XXIV.
- Олиферов А.Н., Тимченко З.В.* Реки и озера Крыма. – Симферополь: Доля, 2005, с. 200 – 202.
- Понизовский А.* Соляные ресурсы Крыма. – Симферополь: Изд-во “Крым”, 1965, с. 121, 125.
- Перволюф Ю.В.* Гидробиологические работы на Сакском озере // Саки-курорт, 1935, вып. 1, с. 299–321.
- Перфильев Б.В.* Методика исследования иловых отложений // Труды пресноводной Бородинской станции, вып. V, 1927.
- Субетто Д.А., Столба В.Ф., Кузнецов Д.Д., Неуструева И.Ю., Сапелко Т.В., Лудикова А.В.* Стратиграфия и хронология озерных отложений Крыма – основа реконструкции голоценовых изменений уровня Черного моря // Геология морей и океанов. М., 2007, том I.
- Субетто Д. О., Герасименко Н.П., Бахмутов В.Г., Неуструева И.Ю., Сапелко Т.В., Кузнецов Д.Д., Давидова Н.Н., Лудикова А.В., Столба В.Ф.* Реконструкція палеогеографічних умов західного Криму у пізньому голоцені за літологічними і палеонтологічними матеріалами вивчення озер // Фізична географія і геоморфологія, т. 56, 2009, с. 299–310.
- Субетто Д. А., Сапелко Т.В., Столба В.Ф., Кузнецов Д.Д., Нестеров Е.М.* Новые палеолимнологические исследования в Крыму // Геология, геоэкология, эволюционная география. СПб, 2010, вып. X, с. 188–303.
- Швец Г.И.* Многовековая изменчивость стока Днепра. «Гидрометиздат», Л., 1978.
- Шостакович В.Б.* Иловые отложения озер и периодические колебания в явлениях природы // Записки Государственного гидрологического института, 1934 г., т. 13, № 9, с. 95–137.
- Шостакович В.Б.* Иловые отложения Сакского озера как летописи климата // Саки-курорт, 1935, вып. 1, с. 255–272.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

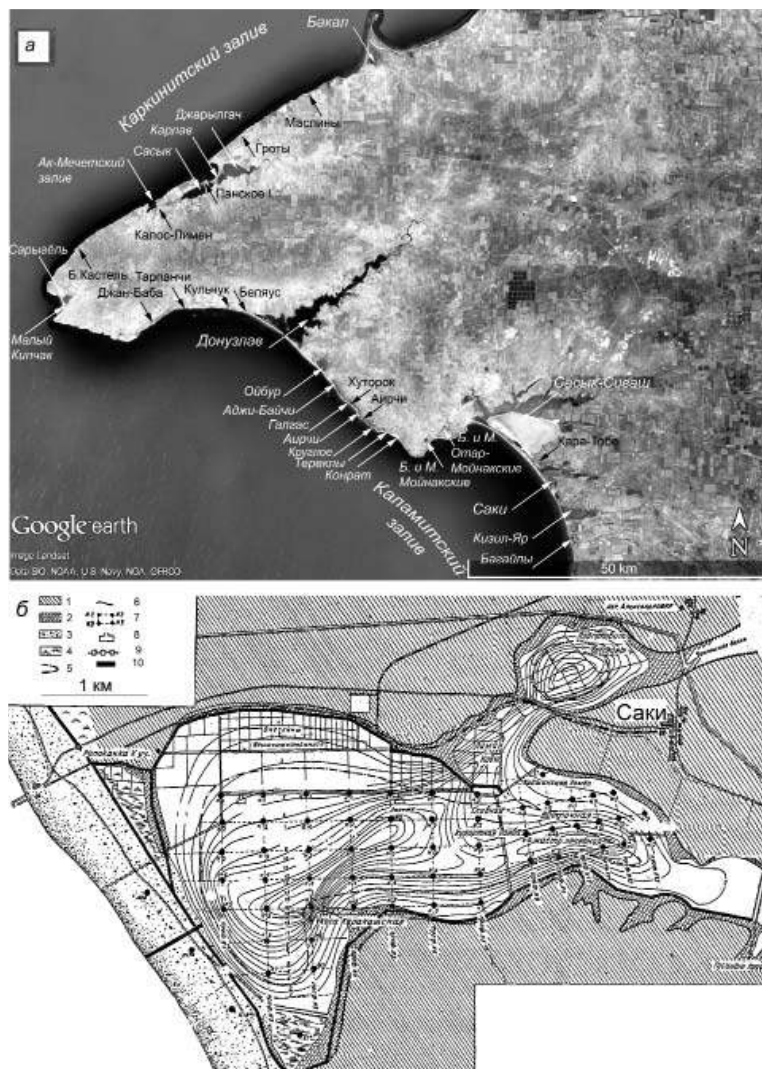

Рис. 1.

а – Озера Северо-Западного Крыма, показанные на космическом снимке. б – Геологическая карта Сакского озера. По: (Дзюнс-Литовский, 1935, 69).

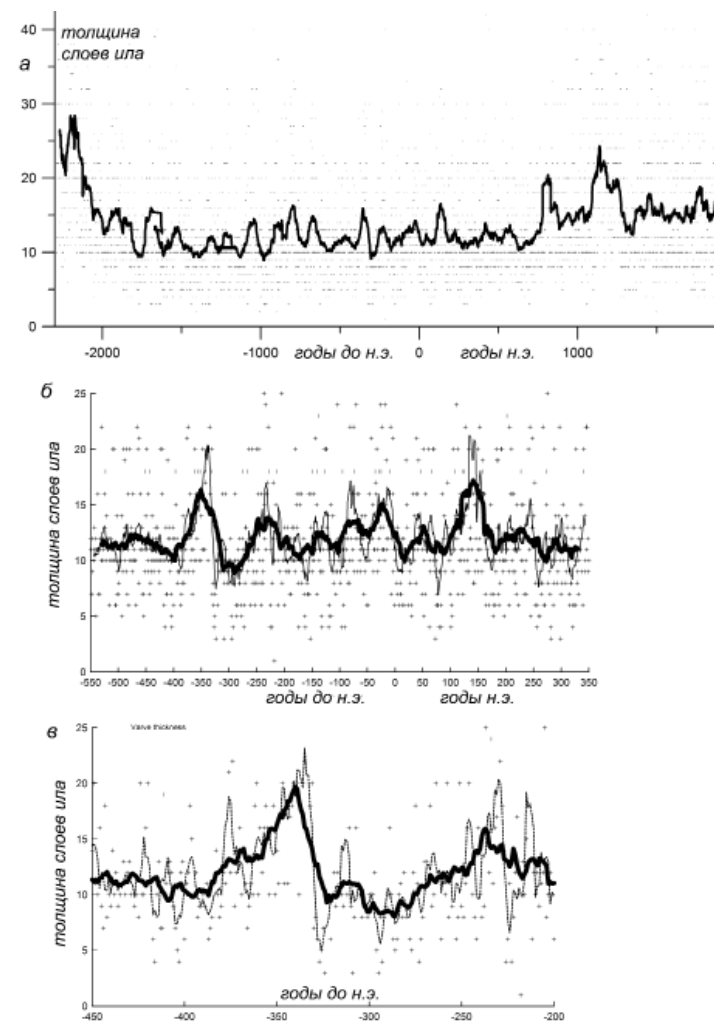

Рис. 2. Графики изменения толщин годовых слоев ила Сакского озера, построенные по данным В.Б. Шостаковича (1934).

а - За период от 2294 г. до н.э. по 1894 г. н.э. усреднение проведено по 51 году; б – за отрезок от 550 г. до н.э. по 350 г. н.э. усреднение сделано по 13 годам (тонкая линия) и по 41 году (жирная линия); в - от 450 г. до н.э. усреднение проведено по 5 годам (тонкая пунктирная линия) и 9 годам (жирная линия).

А.В. СМОКОТИНА
(Симферополь)

ПОЗДНЕРИМСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА В ГОРОДЕ БОСПОРЕ

Географическая среда оказывала влияние на керамическое производство различных регионов Причерноморья и Средиземноморья: на состав и структуру глиняного теста сосудов, набор примесей и технологические приемы изготовления керамических изделий. Специфический набор признаков, характерный для того или иного центра производства, в настоящее время удается выявлять благодаря визуальному анализу черепка. В отдельных случаях наличие или отсутствие в составе глиняного теста определенных естественных или искусственных примесей (пироксена, золотистой или серебристой слюды и других), характер покрытия и обработки поверхности сосудов позволяют уточнить возможный регион изготовления керамической продукции.

Краснолаковая посуда объединяется в группы глиняного теста (или «фабрики» (fabric) в западной историографии) по совокупности технико-технологических признаков, особенностям состава и структуры теста и лакового покрытия, включая цвет и плотность черепка и лака, состав примесей в глиняном тесте. При этом учитывается морфология сосудов и набор орнаментальных мотивов и композиций. Такие группы соответствуют отдельным центрам и/или регионам производства краснолаковой посуды.

Краснолаковая керамика широко распространялась по всему Средиземноморью и Причерноморью благодаря активной морской торговле. Географическое положение города Боспора – столицы Боспорского царства, а затем одного из важнейших византийских форпостов на пути из империи в Азию, во многом предопределило его роль главного военно-политического, торгово-экономического и культурного центра на берегу пролива Боспор Киммерийский.

Поступление на Боспор импортной керамики конца IV – первой половины VII вв., в первую очередь краснолаковой посуды и амфор, свидетельствует о регулярных торгово-экономических связях региона с другими причерноморскими и средиземноморскими центрами. В настоящее время зафиксированы и частично введены в научный оборот находки краснолаковой керамики из раскопок в Босфорском (рис. 1,1) и Кооперативном (рис. 1,2) переулках, по ул. Ленина, 10, 12 (рис. 1,3), на плато горы Митридат (рис. 1,4), около церкви Иоанна Предтечи (рис. 1,5), по ул. Театральной, 12 (рис. 1,6), а также в некоторых погребениях боспорского некрополя (рис. 1,7,8). Найденная на этих участках краснолаковая посуда принадлежала продукции одного причерноморского (Pontic Red Slipware – PRS) и трех средиземноморских производственных центров (Late Roman C / Phocaean Red Slipware – LRC/PhRS, African Red Slipware – ARS, Late Roman Light-Colored – LRL-C).

Основная масса доступной для детального изучения краснолаковой керамики г. Боспора была выявлена в ходе археологических исследований в Босфорском переулке в 2007–2009 гг. экспедицией под руководством А.И. Айбабина, на участке, выделенном под строительство нового корпуса Керченского музея (рис. 1,1). В результате изучения полученных материалов удалось установить, что в керамическом комплексе города с конца IV – начала V вв. и до первой половины VII в. количественно доминирует керамика группы LRC/PhRS (ок. 55,2%), значительная часть посуды принадлежит предположительно южнопонтийскому центру (PRS) (ок. 43%) и лишь единичные находки поступали в город с территории современного Туниса (ARS) (1,3%) и еще из пока не определенных мастерских, расположенных, вероятно, на западе Малой Азии и производивших керамику группы Late Roman Light-Colored (0,5%).

География распространения импортных групп краснолаковой керамики наряду со статистическим анализом посуды из боспорских комплексов позволяет выявить основные направления и эволюцию торговых связей города в позднеримский и ранневизантийский периоды. На протяжении второй половины – конца IV – начала VI вв. в боспорских комплексах преобладает керамика группы Pontic Red Slipware, распространенная, главным образом, в прибрежных районах черноморского бассейна. Ситуация меняется на рубеже первой-второй четверти VI в., когда Боспор переходит под контроль Византии. В этот период наблюдается уменьшение роли региональной причерноморской торговли и всплеск поставок товаров из средизем-

номорских центров. С начала VI в. прекращается производство краснолаковой посуды PRS, возрастает импорт продукции в амфорах из Восточного Средиземноморья, в частности с о. Крит и из регионов Киликии и Кипра, а также резко увеличиваются поставки малоазийской керамики группы «Поздний Римский С / Фокейская краснолаковая», которая в комплексах второй-третьей четверти VI в. составляет в среднем уже около 70% всех сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria. Керчь, 2008. С. 5–8.
- Смокотина А.В. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 328–362.
- Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
- Смокотина А.В. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII вв.: дис.... канд. истор. наук: 07.00.06. Симферополь, 2014.
- Arsen'eva T.M., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8. P. 415–491.
- Domžalski K. Late Roman light-coloured ware: a rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the neighbouring pontic littorals) // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, понтиварварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 284–291.
- Hayes J.W. Late Roman Pottery. London, 1972.
- Hayes J.W. Roman pottery: fine-ware imports // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2008. Vol. XXXII.
- Smokotina A.V. The North African red slip ware and amphorae imported into Early Byzantine Bosphorus // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2014. 43. P. 71–80.

Рис. 1. Археологические исследования г. Керчи, участки раскопок с находками краснолаковой керамики: в Босфорском (1) и Кооперативном (2) переулках, по ул. Ленина, 10, 12 (3), на плато горы Митридат (4), около церкви Иоанна Предтечи (5), по ул. Театральной, 12 (6), в склепе № 180 на углу ул. Эспланадной и ул. Шлаббаумской, 17 (7) и в могиле № 19/1904 г. (8).

П.Г. СТОЛЯРЕНКО, Д.В. БЕЙЛИН
(Керчь)

**К ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ
ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КЕРЧЕНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ
(район городищ Парфений и Порфмий)**

Северо-восточная оконечность Керченского полуострова во все исторические эпохи имела важное стратегическое значение, являясь местом пересечения торговых путей и самым коротким путем для переправы на Таманский полуостров. Несомненно, весь этот район в силу специфики своего расположения должен был занимать важное место и в структуре Боспорского царства. Письменная традиция донесла сведения о двух расположенных тут населенных пунктах. Археологические реалии также указывают на существование двух городищ в прибрежной зоне северо-восточной части Керченского полуострова, расположенных между современными поселками Опасное и Жуковка, которые и отождествляются большинством исследователей с Парфением и Порфмием. Расстояние между ними по прямой линии составляет всего 1,3 км. Несомненно, что с античной эпохи прилегающая к городищам территория, а также очертания береговой линии на этом участке подверглись значительным изменениям. В настоящее время оба городища расположены приблизительно в 1 км от современной береговой линии, на берегу отмершего Еникальско-го лимана, который отделен от пролива узкой песчаной косой, образовавшейся в результате аккумулятивных морских отложений. По геологическим данным, процесс зарождения Еникальского лимана датируют посткарангатским временем, как и другие лиманы Керченского полуострова, он образовался из открытого залива, в результате отторжения от пролива песчаной косой. В настоящее время он утратил облик лимана, в значительной степени занесен глинистыми грунтами и не имеет четко выраженной береговой линии. Заполнение его водой носит в значительной степени сезонный характер, и происходит оно в осенне-зимний период. Значительное обмеление лимана

по сравнению с прибрежными водоемами юго-восточной части Керченского полуострова обусловлено общим поднятием северо-восточного тектонического блока [Шнюков и др., 1981. С. 124].

В разные годы рядом исследователей высказывалось предположение о существовании в период античности на месте современных плавней между мысами Глейки и Еникале обширного морского залива, служившего гаванью обоим городищам. Впервые оно было высказано К.Э. Гриневичем [Гриневич, 1927. С. 51], проводившим разведки в северо-восточной части полуострова в начале XX века. Вот как он описал свои наблюдения: – С первого взгляда на эти плавни становится ясно, что они являются результатом долгого процесса аллювиальных наносов, что в древности береговая линия была немного иной; в этом месте море вдавалось в сушу, образуя залив, часть которого составляют ныне находящиеся здесь плавни с соленым озером. Того же мнения придерживался и В.В. Веселов, предполагая, что залив постепенно мелел вследствие аккумуляции речных и морских наносов и постепенного поднятия суши [Веселов, 1952. С. 230, 235-236]. В пользу существования залива высказывались и исследователи Порфмий [Кастанаян, 1983. С. 162.; Вахтина, 2005. С. 110]. К таким выводам пришел и коллектив исследователей – геологов, указывающих на то, что Еникальский лиман являлся судоходным и обмеление его произошло уже в историческое время [Шнюков и др. С. 137].

Косвенным подтверждением существования морского залива в античный период служит сам факт основания на его берегу приблизительно в середине VI в. до н.э. двух довольно крупных поселений. Едва ли можно представить, что переселенцы обосновались в удалении от морского побережья, на берегу болота. Близость расположения Парфения и Порфмий друг к другу также свидетельствует в пользу того, что они основаны на берегу единственной на этом участке побережья бухты, прикрытой от преобладающих северо-восточных ветров и удобной для корабельной стоянки. На 6 км к западу, вплоть до Змеиног мыса, побережье Керченского пролива не обладает удобными для стоянки местами, не известны здесь и крупные поселения античного времени. Та же ситуация характерна и для побережья в сторону Азовского моря. Ближайший населенный пункт, который мог иметь гавань-поселение на Змеином мысу, расположен на северной оконечности Керченской бухты приблизительно в 6 км к западу от Парфения. Таким образом, оба города могли располагать общей просторной гаванью, прикрытой от преобладающих северо-восточных ветров, способной вместить несколько десятков судов и

являющейся единственным возможным местом дислокации флота и переправ на западном побережье самой узкой части пролива.

На реконструкцию не только палеогеографической, но и исторической ситуации района могло бы существенно повлиять решение ряда вопросов, связанных с уточнением времени и динамики обмеления залива и нарастания косы. Вероятно, вход в бухту постепенно перекрывался нарастающей от одной из ее оконечностей песчаной косой. Это сопровождалось ее обмелением в результате аккумуляции в бухте илистых наносов двух пересыхающих балок, бывших в то время, скорее всего, более полноводными малыми реками. Наибольшая из них известна под названием Баксу [Санжаровец, 2011, с. 483], она берет свое начало у поселка Баксы, чуть ниже по течению ее русло перекрыто дамбой и изливается в центральную часть бывшего залива, между городищами Парфений и Порфмий. Устье другой безымянной пересыхающей балки впадает в лиман у южной окраины городища Парфений. Ее русло перегорожено двумя дамбами, образующими небольшие водоемы, один из которых расположен в непосредственной близости от городища.

Не изучена морфология и направление намыва песчаной косы, отрезавшей лиман от пролива. Если она нарастала с севера, как большинство аккумулятивных береговых образований Керченского пролива, то на определенном этапе своего формирования она еще больше прикрывала бухту от северо-восточных ветров, выполняя функцию естественного мола. В то же время речные наносы могли в большей степени откладываться в прикрытой косой северной части бухты, и в какой-то момент, она, видимо, обмелела настолько, что стала несудоходной. По археологическим данным, Порфмий прекращает свое существование около середины I в. до н.э. Несмотря на то, что этот период истории Боспорского царства насыщен трагическими событиями, пока нет оснований связывать с ними гибель городища. Тем более что при изучении поздних слоев Порфмий не выявлено следов пожаров или разрушений. Также непонятно, почему жизнь на этой важной в стратегическом отношении крепости, выполнявшей функции переправы, не могла возобновиться в последующий период. В связи с этим интересно предположение, впервые высказанное Е.Г. Кастанаян, о том, что Порфмий мог быть добровольно оставлен своими обитателями в связи с утратой роли переправы, в результате обмеления бухты [Кастанаян, 1983. С. 162].

Не исключено, что функции переправы с этого момента выполнял соседний Парфений, который мог находиться в более выгодном

положении, располагаясь у выхода из бухты, южная часть которой могла оставаться судоходной. Во всяком случае, Парфений существует, по меньшей мере, на полтора столетия дольше Порфмий, т.е. до начала II в. н.э. Более того, в полевом сезоне 2013 года на городище выявлены остатки рыбозасолочного производства середины – второй половины I в. н.э., что само по себе подразумевает близкую связь с морем. Это вполне согласуется со свидетельством Страбона, который в начале I в. н.э. упоминает селение Парфений, находящееся в самом узком месте пролива.

На данном этапе исследований эти предположения носят лишь гипотетический характер. Для полной и достоверной реконструкции палеогеографической модели этого участка побережья пролива необходим комплекс специальных, в первую очередь, геологических исследований. Сухая поверхность значительной площади лимана, особенно в летний период, предоставляет возможность широко использовать различного рода геофизические приборы и методы, например, геолокацию. К тому же прибрежные части обоих городищ, где есть вероятность обнаружения припортовых сооружений, археологически никогда не исследовались. Такие работы особенно актуальны в настоящее время, когда район современной переправы порт Крым интенсивно осваивается и все более охвачен хозяйственной деятельностью, вероятно, через несколько лет в значительной степени могут быть утрачены возможности для такого исследования.

Реконструкция прибрежной полосы северо-восточной оконечности Керченского полуострова представляет интерес не только в связи с локализацией припортовых районов, гаваней и прочих остатков, связанных с морской деятельностью, но и разрешением сложной и остро дискуссионной в последние годы проблемы локализации переправ и ряда других вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

- Вахтина М.Ю. К вопросу о локализации Порфмия // БФ. Проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005. С 107–112.
- Веселов В.В. Древние городища в районе Синягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. – Т. 1. – Симферополь, 1952. – С. 227–237.
- Гриневич К.Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Том 1 (58-й). – Симферополь, 1927. С. 47–52.
- Кастанаян Е.Г. Порфмий // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 1983. Vol. 13. С. 162–168.
- Санжаровец В.Ф. Вдоль Босфора Киммерийского. Из истории происхождения топонимов крымского берега и акватории Керченского пролива. // Топонимика Крыма 2011. Вып. 2. Симферополь. 2012. С. 445–500.
- Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л., Науменко П.И., Иноземцев Ю.И., Скиба С.И. Керченский пролив. – К. 1981. –159 с.

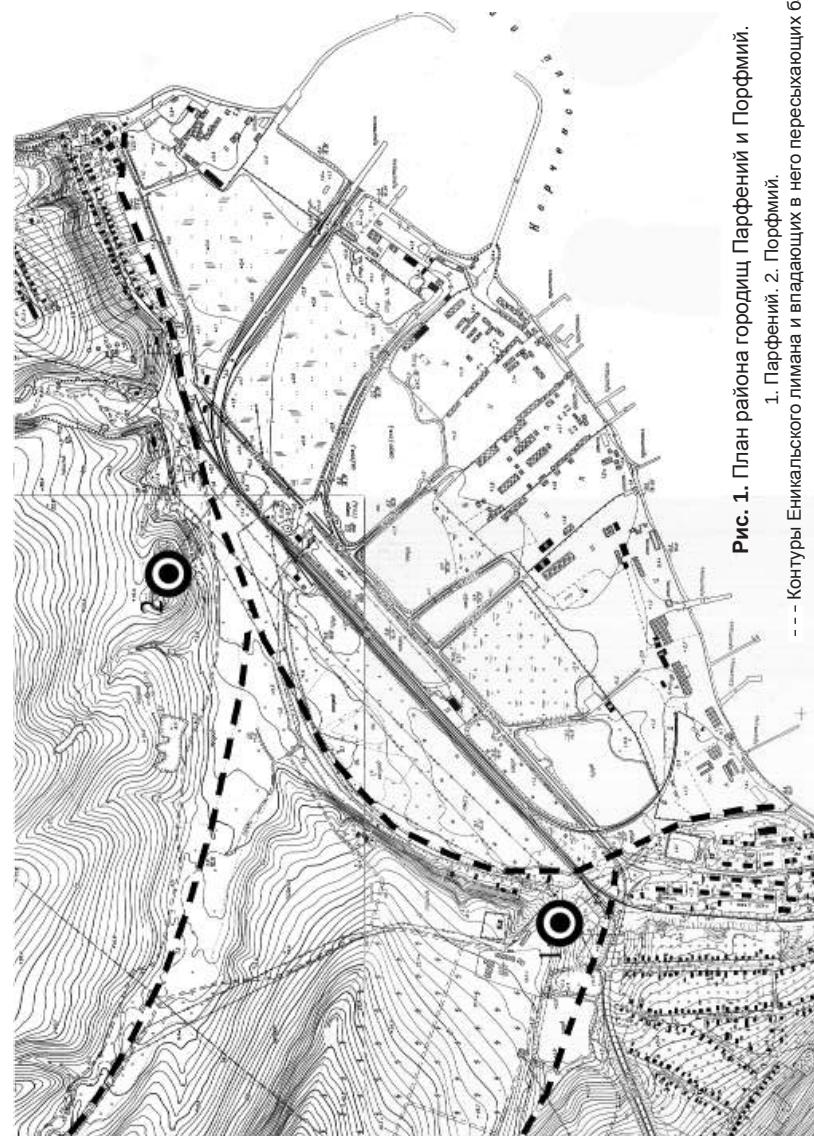

Рис. 1. План района городищ Парфений и Порфмий.

1. Парфений. 2. Порфмий.

--- Контур Еникальского лимана и впадающих в него пересыхающих балок.

Рис. 2. Вид района городищ Парфений и Порфмий с юга.
1. Парфений. 2. Порфмий.

И.В. ТОЛОЧКО, В.В. ПОЛЬШИН
(г. Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕЛЬТЫ ДОНА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Под действием различных эндогенных и экзогенных процессов площадь земной поверхности, которую в современное время занимает акватория Таганрогского залива и примыкающая к нему с северо-востока дельта Дона, в голоцене испытывала неоднократные трансформации. В результате этого менялись конфигурации берегов и район впадения в море реки Дон. Учитывая то обстоятельство, что на протяжении голоценовой истории (особенно в последние 2500 – 3000 лет) район Приазовья активно осваивался людьми, памятники материальной культуры могут являться важными маркирующими признаками, позволяющими восстановить ландшафты прошлых эпох.

Систематические археологические разведки на побережье Таганрогского залива и в дельте Дона проводятся начиная с 1920-х годов и до настоящего времени. На южном побережье Таганрогского залива (в районе Новомаргаритово, у оснований Чумбур-косы и Павло-Очаковской косы) (рис. 1, А – С) в последние годы были найдены фрагменты архаических амфор, в том числе клазоменских, хиосских, эолийских, милетских, самосских, а также отдельные обломки расписной ионийской керамики (рис. 2 – 3). Однако бесспорных следов поселений или могильников античного времени на южном побережье Таганрогского залива до настоящего времени не обнаружено, что, по всей видимости, обусловлено интенсивностью абразионных процессов на этом участке побережья.

В течение VII–IV вв. до н.э. на Нижнем Дону увеличивается (по сравнению с предшествующей эпохой рубежа финальной бронзы – раннего железа) количество поселений и могильников. Так, ко второй половине – концу VII в. до н.э. – третьей четверти VI в. до н.э. относится функционирование греческой колонии, известной как Та-

ганрогское поселение). С приходом новой волны населения в конце первой четверти V в. до н.э. в дельте Дона появляются родовое кладбище кочевников и постоянный зимник с относительно стабильным населением. В степях вокруг донской дельты исчезают кочевнические погребения, происходит определённое запустение нижнедонских степей [Житников, 1997. С. 50–59]. Но к IV в. до н.э. в низовьях Дона (непосредственно в дельте, на право- и левобережье) существует уже не менее десятка временных стоянок и поселений. Елизаветовское городище превращается в административный, хозяйственный и культурный центр всего Нижнего Подонья [Шелов, 1970. С. 54 и сл.; Брашинский, Марченко, 1980. С. 211–218]. Большая часть посёлков располагалась на песчаных дюнах между современными хуторами Дугино и Лагутник. Крупнейшим из поселений округа было городище Лагутник. Характер находок свидетельствует о том, что местное население в основном занималось рыболовством [Марченко, Житников, Яковенко, 1988]. Очевидно, род занятий населения дельты скифского времени является дополнительным свидетельством существования большого слабосоленого водоёма, изобиловавшего рыбой и расположенного к северу от Елизаветовского городища¹. Судя по археологическим находкам, уже в первой половине IV в. до н.э. на Елизаветовском городище объёмы добываемой рыбы намного превышали потребности населения. Можно предположить также, что многие греческие центры, поддерживающие связи с нижнедонским регионом, получали донскую рыбу, в основном ценных пород (например, осетровых), а также различные рыбопродукты [Житников, 1992. С. 27; Gavriljuk, 2005. S. 105–113].

В первой четверти III в. до н.э. «при впадении Танаиса в Меотийское озеро» на высоком правом коренном берегу притока Дона – Мёртвого Донца – был основан Танаис. Поселения, существовавшие в низовьях Дона в первые века нашей эры и составлявшие округ Танаиса, располагались на правобережье и левобережье – на мысах, образованных коренным берегом. На территории самой дельты известны лишь несколько местонахождений керамики первых веков нашей эры. Эта ситуация была характерна для периода I–III вв. н.э. В IV в. н.э. картина существенно меняется, в дельте Дона появляется сеть поселений типа Рогожкино. О возможных при-

¹ Известны карты первой половины XIX в., на которых в районе истока ерика Лагутник в центральной части дельты Дона показаны очертания сильно заиленного озера Прогной площадью около 7 км².

чинах изменений в системе расселения в дельте Дона в IV в. н.э. см.: [Гудименко, Толочко, 2012. С. 180–182].

Причина тяготения поселений округа Танаиса к коренному берегу, вероятно, в увеличении в хозяйстве удельного веса земледелия, в его усовершенствовании по сравнению с более ранней эпохой. Но очевидно, что изменение местоположения крупнейших поселенческих памятников в первые века нашей эры требует объяснения и в рамках трансформации ландшафтов прибрежных районов.

Открывший в середине XIX в. Елизаветовское городище П.М. Леонтьев высказывал твёрдое убеждение в том, что с северной стороны поселения, примыкающего к обширной болотистой, заросшей камышом равнине, “в древности, без сомнения, был морской лиман, который мог служить гаванью для судов” [Леонтьев, 1854]. Археологические исследования, проведённые в начале XX в., позволили установить, что с севера Елизаветовское городище было ограничено большой судоходной протокой, возможно, являвшейся в древности главным руслом Дона [Миллер, 1934]. Не исключено также, что море, отступая, образовало лиман или озеро, связанное с Таганрогским заливом двумя или тремя рукавами [Марченко, Житников, Копылов, 2000]. По другой из версий, на месте современной дельты Дона и примыкающего к ней участка акватории Таганрогского залива в промежутке между джеметинской (4–5 тыс. лет назад) и нимфейской (около 2–1,5 тыс. лет назад) трансгрессиями существовала грядово-ложбинная система древних водотоков, разделённых серией островов. Данные ложбины заполнены илистыми осадками мощностью 2–4 м и, скорее всего, образованы русловым потоком, прорезавшим коренные отложения палеодолины Дона [Артюхин, 2011].

Изменение размеров водных акваторий является одним из регламентирующих факторов, влияющих на системы расселения и образ жизни населения в прибрежных районах. Как правило, доводы исследователей, изучающих историю развития Азовского моря и колонизацию его берегов в античное время, основываются на результатах археологических и геологических данных, часто полностью противоречащих друг другу. При этом мнения расходятся – от версии полного отсутствия моря до точки зрения, исключающей наличие регрессии в это время [см., например: Fouache, Kelterbaum, Brückner, Lericolais, Porotov, Dikarev, 2012].

При проведении биостратиграфических и литологических исследований большое внимание мы уделяли характеристике сохранившегося раковинного материала бентосных организмов из колонок мор-

ских отложений, поскольку они достаточно чутко реагируют на смену условий седиментации и могут быть индикаторами изменения глубин, солёности, температуры и типа грунта [Матишов, Толочко, Потапов, Набоженко, Польшин, Дюжова, Ковалёва, Золотарёва, 2013]. Палинологический и диатомовый анализы морских осадков, отобранных из различных горизонтов грунтовых колонок, позволили проследить динамику изменений, происходивших с морским бассейном в позднем голоцене. Биостратиграфические исследования были дополнены данными по абсолютному возрасту морских осадков (радиоуглеродный анализ по створкам раковин) и сейсмоакустическому зондированию морского дна. По результатам диатомового анализа водорослей Азовского шельфа было установлено, что во вскрытых грунтовыми трубками разрезах морских осадков чередуются зоны с массовым развитием двух видов (*Actinocyclus octonarius* Ehr. и *Actinopterychus senarius* (Ehr.) Ehr.), обитающих в условиях мелководных опресненных районов, а также зоны с большим содержанием спор диатомовых водорослей из рода *Chaetoceros*, указывающих на периоды увеличения общей солёности водоема. С использованием маркерных видов диатомовых водорослей были выделены хронологически зафиксированные этапы понижения и повышения уровня моря на протяжении последних 3000 лет [Ковалёва, Золотарёва, 2013]. Интерпретация палинологических данных показала, что общий тренд к аридизации климата, охватывающий весь юг Восточно-Европейской равнины, в суббореальном и субатлантическом периодах голоцена не был непрерывным и чередовался с периодами, когда преобладали гумидные условия [Матишов, Новенко, Красноруцкая, 2011].

По данным малакологического анализа донных осадков, образовавшихся около 6000 л.н. (абсолютный возраст 5900 ± 140 л.н.), можно сделать вывод, что в это время широкое распространение в морском водоёме получила средиземноморская фауна, которая достигла своего расцвета в пик джеметинской трансгрессии. В северо-восточной части современной акватории Азовского моря доминировали мидиевые сообщества (*Mytilus galloprovincialis*) и сообщества с богатой средиземноморской фауной (*Chamelea gallina*, *Gastrana fragilis*, *Paphia aurea* и др.) [Набоженко, 2013].

В дальнейшем уровневый ход моря претерпевал изменения, вызванные чередованием относительно кратковременных регрессивно-трансгрессивных фаз. Эти изменения хорошо фиксируются в разрезе толщи морских осадков голоценового возраста и подтверждаются данными радиоуглеродного анализа. Во временном интервале от

4,5 до 2,6 тыс. л.н. для черноморского побережья Таманского полуострова выделяются три трансгрессивные фазы с возрастом 3,7; 3,1 и 2,6 тыс. л.н., чередующиеся с регрессивными стадиями [Измайлов, 2005]. Подъёмы уровня моря на трансгрессивных этапах за эти две тысячи лет максимально проявились на шельфе в районе современной дельты Кубани. Также некоторое расширение морских границ наблюдалось в устьевых частях рек, в частности реки Дон. Об этом можно судить по составу отложений трансгрессивной фазы (4,5–4 тыс. л.н.) на площади современной дельты Дона, представленных серыми иловатыми глинами с повышенным содержанием раковин моллюсков [Зайцев, Зеленщиков, 2009]. Споро-пыльцевые спектры из отложений, сформированных на временном отрезке от 3000 до 2500 л.н., свидетельствуют о преобладании гумидных условий в это время [Матишов, Новенко, Красноруцкая, 2011].

Согласно палинологическому анализу морских отложений в хроноинтервале 2500–2000 л.н., на территории Нижнего Подонья господствовали теплые засушливые условия. Преобладающим типом растительности являлись в основном разнотравно-злаковые и полынно-маревые степи. Солончаковые сообщества в сочетании с галофитными лугами занимали засоленные понижения [Матишов, Новенко, Красноруцкая, 2011].

Азовское море в это время (2700–2300 л.н.) представляло собой морской водоем с хорошо выраженной черноморской малакофауной [Невесская, 1965]. Двустворчатые моллюски (*Bivalvia*) из колонковых проб, датированных 2700–2300 л.н., представлены комплексом солелюбивых видов средиземноморского происхождения, среди которых доминировали *Ceras-toderma glaucum*, *Abra segmenta*, *Abra nitida*, *Mytilus galloprovincialis* [Набоженко, 2013]. Возможно, что такой видовой состав малакофауны во многом определялся более широким соединением с Чёрным морем на юге и отсутствием распреснения со стороны Кубани. Существует и другое мнение, предполагающее интенсивное распреснение Азовского моря и ухудшение сообщения с Чёрным морем, что привело к массовому вымиранию черноморской фауны в середине первого тысячелетия до н.э. [Хрусталёв, Щербаков, 1974].

Еще одним косвенным доказательством понижения уровня моря в фанаторийскую стадию могут являться результаты сейсмоакустических исследований дна Таганрогского залива, проведенных в последнее время [Матишов, 2007; Матишов, Польшин, Болдырев, Мысливец, Маев, Зверев, 2007; Шейков, 2013; Польшин, Тарасов, Солдатов, Пивнев, 2013].

В ходе исследований строения дна залива, проводимых сотрудниками Южного научного центра РАН, удалось обнаружить поверхность размыва, образованную в субаэральной обстановке и погребенную под слоем молодых (новоазовских) отложений, образованных при последующей трансгрессии моря [Матишов, 2007]. Глубина залегания данной поверхности и незначительная мощность вышележащего слоя морских отложений дают основание предполагать ее сравнительно молодой возраст. Особенно отчетливо эрозионная поверхность проявляется под наносами аккумулятивных тел кос Чумбурская, Очаковская, Сазальницкая и Песчаные острова, а также подводным валом, расположенным к западу от с. Круглого [Матишов, 2007; Матишов, Польшин, Болдырев, Мысливец, Маев, Зверев, 2007].

На графиках акустической записи устьевой области Миусского лимана предположительно фиксируется переуглубленная речная долина, соответствующая регрессивной стадии развития морского бассейна. Если исходить из предположения о наличии палеодолины, то мощность аллювиального вреза в морское дно в этом месте достигает 4 м [Польшин, Тарасов, Солдатов, Пивнев, 2013]. Выше по разрезу аллювиальный врез перекрывается слоем горизонтально лежащих морских осадков мощностью до 2 м, сформированным при трансгрессивном подъеме уровня моря. Отложения палеорек хорошо коррелируются по мощности и абсолютным отметкам высот со вскрытыми под аккумулятивным телом Беглицкой косы аллювиальными осадками, образованными во время фанаторийской регрессии [Зайцев, Зеленщиков, 2009].

Судя по разрезам акустической записи дна, в направлении от берега к центру залива рельеф погребенной денудационной поверхности сглаживается, а мощность перекрывающего ее слоя морских отложений возрастает до 2 м и более. Это указывает на то, что на стадии регрессивного этапа здесь существовала относительно узкая водная артерия, по своей ширине значительно уступавшая современному Таганрогскому заливу.

Очевидно, накопление донных отложений, перекрывающих эрозионную поверхность, происходило на трансгрессивной стадии развития моря. По данным диатомового анализа, возраст образцов из слоев, соответствующих с пиком подъема уровня (нимфейской трансгрессией), составляет $1760 \pm 120 - 1500 \pm 100$ л.н. Примерно в это же время (2000–1700 л.н.), судя по результатам палинологических исследований, климат на водосборной площади Азовского моря становится более влажным. По данным малакологического анализа,

донные сообщества с доминированием стеногалинных *Bivalvia* стали замещаться сообществами с эвригалинными видами. Это хорошо заметно по видовому составу малакофауны из слоя донных осадков, образовавшегося около ~1700 л.н. Солёность моря стала постепенно снижаться, но была ещё выше, чем в современный период.

Морские границы в результате абразионных процессов значительно расширились, а площадь акватории Таганрогского залива увеличилась. В дальнейшем из мобилизованного на дне залива обломочного материала и ракуши под действием морских течений и волнений стали образовываться современные косы. Молодость образования этих аккумулятивных тел подтверждается тем фактом, что их подводные продолжения залегают на поверхности размыва фанаторийского возраста [Матишов, 2007]. Возраст кос также подтверждается данными о видовом составе моллюсков, найденных в их отложениях на южном и северном берегах залива в результате бурения (Матишов, Толочко, Потапов, Набоженко, Польшин, Дюжова, Ковалёва, Золотарёва, 2013. Рис. 2, табл. 1–4).

Большие участки прибрежных районов суши на пике нимфейской трансгрессии были затоплены, а дельта Дона отступила на восток от своего современного положения. Отложения трансгрессивной (нимфейской) стадии представлены здесь песками, обогащенными малакофауной (до 30%), которые вверх по разрезу перекрываются глинистыми супесями и иловатыми глинами [Зайцев, Зеленщиков, 2009]. Результаты изучения кернового материала скважин показали, что в пределы современной донской дельты море проникло до г. Азова на сравнительно короткий период на пике подъема уровня.

Таким образом, с достаточной долей уверенности можно говорить о том, что в начале нашей эры морские условия с солёностью воды более 7‰ кратковременно существовали значительно восточнее нынешних границ и распространялись на часть площади, занимаемой современной дельтой Дона.

По результатам сейсмоакустических исследований также можно сделать вывод, что со времени фанаторийской регрессии уровень моря в среднем повысился от 2–2,5 м на меридиане морского края дельты Дона (напротив центрального и южного рукавов реки) до 4–4,5 м на меридиане устьевой области Миусского лимана. В результате этого древние формы субаэрального рельефа были затоплены водами наступающего моря и сглажены активным накоплением осадочного материала. Постепенно стали меняться контуры дельты Дона, поднялся уровень грунтовых вод, что в конечном итоге привело к под-

топлению ранее пригодных для заселения мест и миграции населения в III в. до н.э. – III в. н.э. на возвышенные участки коренного берега.

ЛИТЕРАТУРА

- Артюхин Ю.В. Влияние эволюции береговой зоны северо-восточной части Керченского пролива на сохранность некоторых объектов античной эпохи // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2011. Вып. 15. С. 8–22.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К. Елизаветовское поселение на Дону – поселение городского типа // Советская археология. 1980. № 1. С. 211–218.
- Гудименко И.В., Толочко И.В. Памятники позднеантичного времени из дельты Дона // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: сб. статей конференции. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2012. С. 180–217.
- Житников В.Г. Нижнее Подонье в VI – первой трети III в. до н.э. (экономическая характеристика). Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1992.
- Житников В.Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона // Российская археология. 1997. № 1. С. 50–59.
- Зайцев А.В., Зеленщиков Г.В. Голоцен дельты Дона // Геология, география и экология океана: материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Д.Г. Панова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 124–126.
- Измайлов Я.А. Эволюционная география побережий Азовского и Чёрного морей. Кн. 1. Анапская пересыпь. Сочи, 2005. 174 с.
- Ковалёва Г.В., Золотарёва А.Е. Трансгрессивно-регрессивные этапы развития Азовского моря (по результатам диатомового анализа новоазовских отложений) // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: сб. статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 280–283.
- Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи, IV. М., 1854. С. 396–516.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // Советская археология. 1988. № 3. С. 63–79.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis II. Tanais 2. М., 2000. 281 с.
- Матишов Г.Г. Сейсмопрофилирование и картирование новейших отложений дна Азовского моря // Вестник Южного научного центра. Т. 3, № 3, 2007. С. 32 – 40.
- Матишов Г.Г., Польшин В.В., Болдырев М.А., Мысливец В.И., Маев Е.Г., Зверев А.С. Новые представления о голоценовых отложениях шельфа Азовского моря (по данным картирования и сейсмопрофилирования дна) // Экосистемные исследования Азовского, Чёрного, Каспийского морей и их побережий. Т. IX. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. С. 42–50.
- Матишов Г.Г., Новенко Е.Ю., Красноруцкая К.В. Динамика ландшафтов Приазовья в позднем голоцене // Вестник Южного научного центра. 2011. Т. 7. № 3. С. 35–43.
- Матишов Г.Г., Толочко И.В., Потапов В.В., Набоженко М.В., Польшин В.В., Дюжова К.В., Ковалёва Г.В., Золотарёва А.Е. Нижнее Подонье в эпоху поздней бронзы и раннего железа: палеогеографические реконструкции // Вестник Южного научного центра. Том 9, № 4. С. 56– 65.
- Миллер А.А. Археологические разведки. М.; Л., 1934. 216 с.
- Набоженко М.В. Реконструкция и динамика таксоценоза двустворчатых моллюсков (Mollusca: Bivalvia) Азовского моря в позднем голоцене в связи с изменением солёности // Труды зоологического института РАН. Приложение № 3. Пятьдесят лет концепции критической солёности. Спб., 2013. С. 182–191.
- Невесская Л.А. Позднечетвертичные двустворчатые моллюски Чёрного моря // Труды Палеонтологического института АН СССР. Т. 105. М.: Наука, 1965. 391 с.
- Польшин В.В., Тарасов С.П., Солдатов Г.В., Пивнев П.П. Результаты сейсмоакустического профилирования дна Таганрогского залива Азовского моря // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: сб. статей. Ростов-Дон: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 524–527.
- Хрусталёв Ю.П., Щербаков Ф.А. Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их осадконакопления. Ростов-Дон: Изд-во Ростов. ун-та, 1974. 152 с.
- Шейков А.А. Реконструкция долины палео-Дона под акваторией Таганрогского залива по результатам ГДП-200 // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: сб. статей. Ростов-Дон: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 690–693.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 251 с.
- Gavriljuk N. Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern

Black Sea Area in the Early Iron Age // Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Black Sea Studies. Vol. 2. Ed. by T. Bekker-Nielsen. Aarhus University Press. 2005, p. 105 – 113.

Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V. The Late Holocene evolution of the Black Sea – a critical view on the so-called Phanagorian regression // Quaternary International. 2012. Vol. 266. P. 162–174.

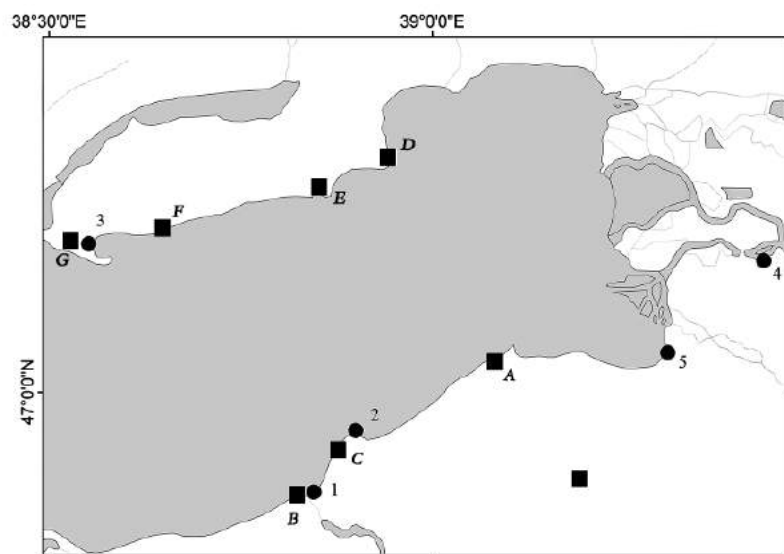

Рис. 1. Схема побережья Таганрогского залива:

A – находки античной керамики у Павло-Очаковской косы	1 – скважина у с. Новомаргаритово
B – находки античной керамики у с. Новомаргаритово	2 – скважина на Чумбур-косе
C – находки античной керамики у Чумбур-косы	3 – скважина на Беглицкой косе
D – Таганрогское поселение	4 – скважина на острове (р. Азовка/р. Дон)
E – находки античной керамики у Петрушиной косы	5 – скважина у с. Заимо-Обрыва
F – поселение у Золотой косы	
G – некрополь у Беглицкой косы	

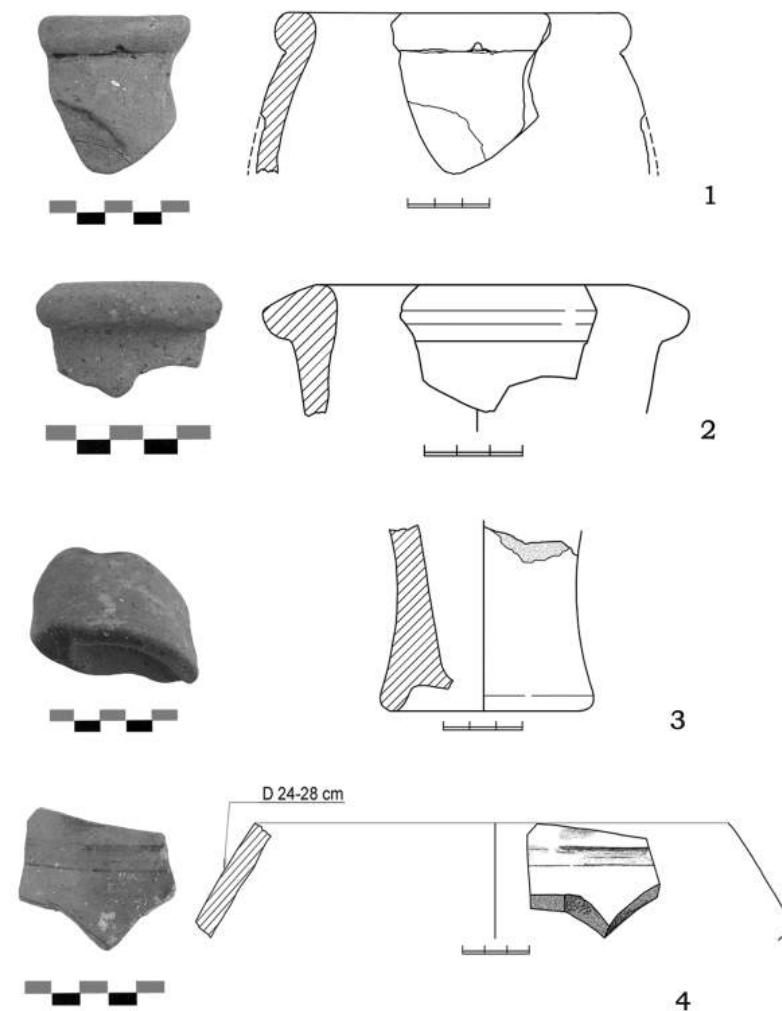

Рис. 2. Находки античной керамики у Новомаргаритово:

- 1 – фрагмент хиосской пухлогорлой амфоры; 2 – фрагмент самосской амфоры с клювовидным венцом; 3 – фрагмент клазоменской амфоры; 4 – фрагмент ионийского расписного сосуда.

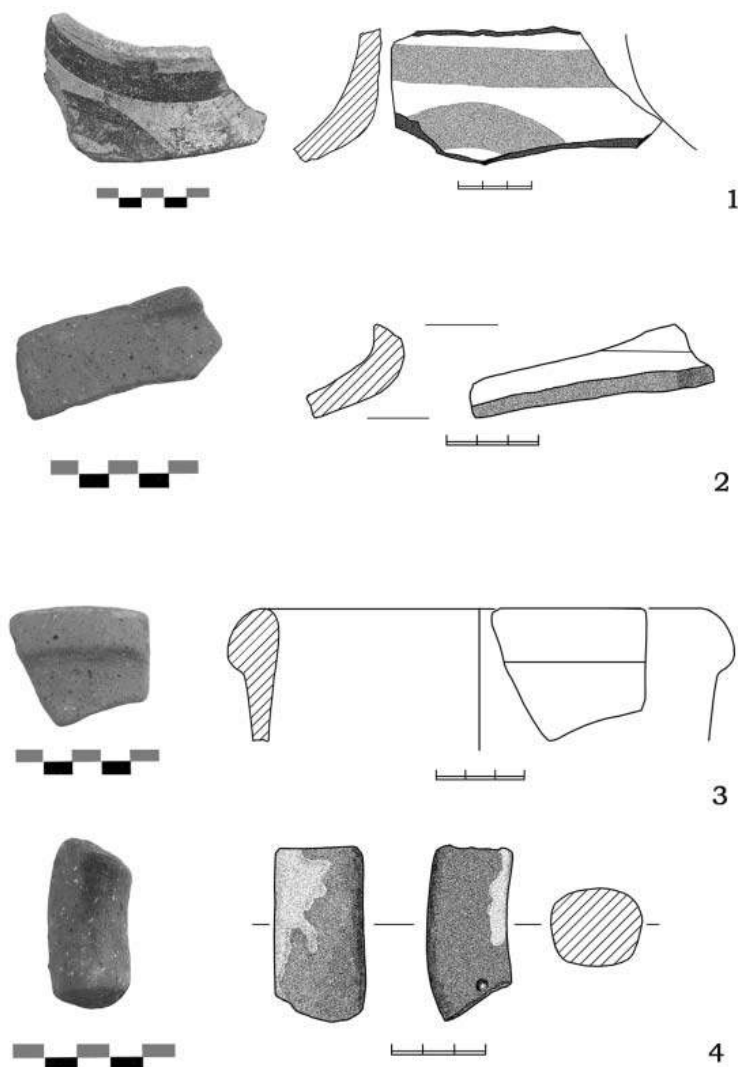

Рис. 3. Находки античной керамики у Чумбур-косы

1 – фрагмент хиосской амфоры с белой обмазкой; 2 – фрагмент клазоменской амфоры;
3 – фрагмент милетской амфоры; 4 – фрагмент лесбосской (эолийской?) амфоры.

А.А. ТОРТИКА
(Симферополь)

КОЧЕВНИКИ КРЫМА В VI-VII ВВ.: СРЕДА ОБИТАНИЯ И ХОЗЯЙСТВО

Кочевой образ жизни раннесредневековых племен степной зоны Восточной Европы был настолько очевиден для современников, что они и не думали подробно его описывать. Тем не менее, в письменных источниках есть ряд косвенных и прямых свидетельств, позволяющих конкретизировать некоторые эколого-географические характеристики их среды обитания.

В частности, Иордан зафиксировал кочевой образ жизни и скотоводческое хозяйство ряда восточноевропейских племен VI в., среди которых были и протоболгары: "...К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты. Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим. А там и гунны... Одни из них зовутся альциагирами, другие савирами, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсона; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота..." [14. С.72].

Со слов Менандра Византийца утигуры и кутригуры ведут «одинакий образ жизни», т. е. и те и другие являются кочевниками [11. С. 321]. В Хронике Захария Ритора «бургар, куртаргар, авар, хасар, сирургур и тд.» относятся к числу народов, которые «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [20. С. 165]. Таким образом, описан кочевой образ жизни, основанный на экстенсивном скотоводстве с внестойловым пастбищным содержанием скота в течение круглого года.

Места расселения кочевых племен в VI в. отмечены в "Войнах с готами" Прокопия Кесарийского [21]. "...Простирающаяся отсюда

страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого “Меотийского болота” и до реки Танаиса, который впадает в “Болото”. Само это “Болото” вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут... теперь зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов” [21. С. 384]. Далее он же отмечает, рассказывая о взаимном расселении кутригуров и утигуров: “... так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону Болота (на запад), то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними” [21. С. 387–388]. “...За Меотийским болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой...” [325. С. 523]. “...Если идти из города Боспора в город Херсон..., то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов...” [21. С. 526].

Следовательно, степи Крымского полуострова входили в зону кочевий кутригуров, поскольку других «гуннов» в это время здесь уже не было. Гепиды в середине VI в. в поисках союзников для войны с лангобардами и римлянами “...послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского болота...”. В ответ на это Юстиниан отправил послов “...к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону Меотийского болота...” [21. С. 434]. Причем тогда же для войны с кутригурами утигуры “всем народом перешли реку Танаис” [21. С. 435].

Кутригуры или котраги занимали степи между Доном и Днепром, в основном Северное Приазовье и степную часть Крымского полуострова. Малочисленность упоминаний письменных источников о кочевниках в Крыму в VII в. в дохазарское время можно объяснить тем, что по договору с Ираклием у Болгарии Кубрата и Империи вплоть до смерти обоих правителей и распада кочевой конфедерации сохранялись мирные отношения, следовательно, у авторов исторических сочинений не было повода для специального разговора о привычных для их взгляда кочевьях протоболгар, располагавшихся в степной части полуострова. В то же время, археологические материалы подтверждают, что Крымские степи были заселены кочевниками и в период существования Болгарии Кубрата, и после [1. С. 72; 2. С. 215].

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие частной собственности на землю, кочевники обычно осуществляли движение по степи

небольшими подразделениями – аилами, входящими в роды и племена. Они знали маршруты своих перекочевов, территории летних, зимних и др. пастбищ и воспроизводили их из года в год. Поскольку протоболгарские племена еще в конце V – VI вв. освоили степи Восточного и Северного Приазовья, Подонья, Покубанья и Крыма, они не могли не выработать таких маршрутов, позволяющих наиболее рационально использовать пастбищные ресурсы и климатические условия, и не разделить известные им степи между племенами, родами и даже аилами.

Общепризнанным является факт сильной зависимости кочевого хозяйства от ландшафтных и климатических условий, а также определены требования, предъявлявшиеся всеми кочевниками к зимним пастбищам, а ведь именно от зимних пастбищ и с учетом речной сети, особенно крупных рек, строились маршруты кочевания. Они должны располагаться в местах с высоким травостоем, малоснежных, имеющих естественные убежища для скота на случай ветра и бури (балки, долины рек, понижения между холмами, перелески, заросли камыша или тростника).

Часто одна и та же территория определяла для кочевников различных исторических периодов сходные способы использования ландшафтных и природно-климатических ресурсов, маршруты кочевания и тд. Например, потомки половцев и монголо-татар – кубанские ногайцы еще в XVIII в. зимовали в низовьях Кубани и на восточном берегу Азовского моря, а лето проводили в среднем течении Кубани, в предгорьях Кавказа и на западе Ставропольской возвышенности [12]. Крымские татары и ногайцы проводили зиму в степях Крыма, Присивашье, Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье, причем восточной границей их кочевий были или Миус, или Молочная [23].

Рассмотрим природные условия названных территорий с точки зрения возможности ведения на них кочевого хозяйства. Здесь выделим два основных региона – Присивашье и собственно степной Крым.

Присивашье. Рельеф представляет собой равнину с пологими понижениями – руслами балок и речных долин. Понижениям балок Присивашья соответствуют в плане узкие и длинные заливы Сиваша, а межбалочным возвышенностям – такие же узкие и длинные мысы [5. С. 21]. Такая структура береговой линии кажется удобной для устройства на ней зимних пастбищ с естественными границами между отдельными аилами. На низменном побережье Черного моря и Сиваша встречаются опустыненные полынно-ковылково-типчаковые и житняковые степи. Солончаки заняты пустынными группировками

растений [7. С. 99]. На самых низких, сырых и наиболее засоленных участках растут такие галофиты, как солерос, сведа и сарсазан, а также морская полынь и местами тростник. Галофиты имеют немалое значение в кормовом отношении. Если летом и осенью солерос и сарсазан не употребляются скотом в пищу, то после первых же морозов они становятся пригодными для выпаса на них крупного рогатого скота и овец [5. С. 25–27]. Средняя продуктивность галофитно-луговых угодий, распространенных в приморской полосе, Присивашье и некоторых степных подах колеблется в пределах 5–7 ц /га сена [24. С. 167–170]. Снежный покров в Присивашье есть всегда, но он невелик и держится от одного до полутора месяцев, оттепели часто сгоняют снег. Безморозный период в восточной части Сиваша продолжается 165 дней, а в западной – 229 дней в году [5. С. 14]. Этот район также пригоден для зимнего содержания скота на подножном корму.

Крым. Степи характерны для северного и центральной части Крыма, Тарханкутского и Керченского полуостровов [4. С. 9]. Они являются продолжением Украинских степей и занимают ровное пространство, очень постепенно повышающееся к югу и только у Симферополя принимающее волнистый характер. Здесь встречаются ковыльные (центр полуострова), полынные (приморская полоса) степи и галофитная растительность солонцов и солончаков (пологие морские побережья) [9. С. 170–171]. По склонам балок и долинам рек, в подах распространены заросли степных кустарников: терна, степной вишни и т.д. Количество осадков за год составляет 300–400 мм. [4. С. 26]. Климат характеризуется жарким и сухим летом и сравнительно холодной зимой с невысоким снежным покровом. Зимой бывают морозы и сильные ветры, сдувающие снежный покров в овраги и балки. Степи Крыма могли использоваться кочевниками в осенне-зимний период, но, скорее всего, были мало пригодны для массового выпаса скота в летнее время. Связано это, в частности, с тем, что повторяемость весенних засух в северной части степного Крыма (до линии Джанкой – Стерегущий) составляет около 40%. Летние засухи в степной части – почти ежегодное явление, их повторяемость – 80 – 90%. Осенние засухи наблюдаются реже, их повторяемость – 20% [10. С. 25].

Климат в прошлом. Если ландшафт описываемой территории практически не изменился за последние тысячелетия [18. С. 205], то возникает закономерный вопрос, насколько современные условия климата и растительного покрова соответствуют положению дел в VII в. н. э.? А.В. Шнитников в ритме увлажненности материков Се-

верного полушария выделяет т. н. эпоху III-б. I-го тыс. н. э., характеризующуюся пониженной увлажненностью, засушливую и теплую. Наибольшее потепление отмечено в VI в. [17. С. 31], а продолжается оно до VIII – XI вв. [16. С. 45]. К этому времени относится длительный период низкого стояния Каспия [26. С. 268–271], что по Л.Н. Гумилеву должно свидетельствовать о пониженной увлажненности лесной зоны Евразии и о хорошей увлажненности атмосферными осадками степей [13. С. 32–39]. В Китае с VII по X в. наблюдается большое количество сильных засух. С конца I-го тыс. происходит постепенное увлажнение и похолодание [8. С. 47–48]. М. Шварцбах также отмечает, что в 500–700 гг. н. э. в Европе и части Азии было сухо, а в 1100–1250 гг. было обилие осадков [25. С. 205]. Ю.Л. Раунер в рамках суббореальной климатической эпохи выделяет 2-ю ксеротермическую фазу, которая датируется 100–650 гг. н. э. и длится 550 лет. В конце VI – первой половине VII в. на сто лет приходилось 30-35 засушливых, т.е. засухи в это время случались каждые три года [22. С. 7–14]. С.И. Костин период с V по VIII в. называет вторым ксеротермическим периодом за последние 4500 лет [19. С. 110]. Интересно, что с конца XIX в. начинается эпоха IV-б (по А.В. Шнитникову), характеризующаяся постепенным понижением увлажнения и устойчивым понижением уровня Каспия. XX в. рассматривается как переходный период к этой эпохе, следовательно, если и нельзя говорить о полном соответствии климатов VII и XX вв., то, по крайней мере, нет оснований говорить и о сильном их различии [6. С. 55].

Растительность степей в прошлом. По мнению специалистов, в позднем голоцене, по крайней мере уже в скифское время, на юге Украины были распространены степи, растительность которых имела современный характер. Скорее всего, это были разнотравно-типчаково-ковыльные степи, на юге степной зоны – полыни, на засоленных почвах – галофиты [3. С. 157; 15. С. 117–118]. Следовательно, в рассматриваемый период состав степной растительности и ее продуктивность не должны были сильно отличаться от современных показателей. Полученные данные можно в дальнейшем использовать для вычисления экологически возможного кочевого населения территории степного Крыма первой половины VI – конца VII вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1990. – Вып. 1. – С. 4–86.
2. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1993. – Вып. 3. – С. 211–222.
3. Артюшенко А.Т. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. – К.: Наукова думка, 1970. – 174, с. 25.
4. Бабков И.И. Климат Крыма. – Л.: Гидрометеоиздат, 1961. – 88, с. 36.
5. Бабков И.И. Сиваш. – Симферополь: Крымиздат, 1954. – 56, с. 35.
6. Берг Л.С. Климат и жизнь. – М.: ОГИЗ, 1947. – 356, с. 51.
7. Бучинский И.Е. Климат Украины. – Л.: Гидрометеоиздат, 1960. – 130, с. 71.
8. Бучинский И.Е. О климате прошлого русской равнины. – Л.: Гидрометеоиздат, 1957. – 142, с. 70.
9. Буш Н.А. Ботанико-географический очерк Европейской части СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 192, с. 72.
10. Ведь И.П. Климатический атлас Крыма. – Симферополь, 2000. – 118 с.
11. Византийские историки: Дексиппъ, Эвнапий, Олимпиодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Менандръ, Кандидъ, Ноннось и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гавриила Дестуниса. – СПб.: Изд-во Духовного ведомства, 1860. – XIII, 516, с. 83.
12. Георги И.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Ч. 2. – 178 с. 103.
13. Гумилев Л.Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Арало-каспийского региона в голоцене. – М., 1980. – С. 32–47. 123.
14. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – М.: Изд-во Вост. лит., 1960. – 436, с. 71.
15. История Болгарии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. I. – 575, с. 175.
16. Кислов А.В., Полтараус Б.В. О временной упорядоченности колебаний климата разных масштабов // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 44–47. 186.
17. Климанов В.А. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 29–33. 187.

18. Комаров Н.Ф. Этапы и факторы эволюции растительного покрова черноземных степей // Записки всесоюзного географического общества. Новая серия. Т.13. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1951. – 328, с. 198.
19. Костин С.И. Колебания климата на Русской равнине в историческую эпоху // Труды главной геофизической обсерватории. – 1965. – № 181. – С. 56–74. 204.
20. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР / АН СССР, Ин-т востоковед. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 171 с.
21. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 515, с. 325.
22. Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнений за исторический период // Известия АН СССР: Сер. географическая. – 1986. – №6. – С. 5–22. 331.
23. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Сер. история. – 1940. – Т. 2. Вып. 61. – С. 3–71. 355.
24. Типология лугов Украины и их рациональное использование / Л.С. Балашев, Л.М. Сипайлова, В.А. Соломаха, Ю.Р. Шеляг-Сонко. – К.: Наукова думка, 1988. – 236, с. 362.
25. Шварцбах М. Климаты прошлого: Введение в палеоклиматологию. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 283, с. 410.
26. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Географического общества СССР. Новая серия. – Т.16. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 337, с. 418.

Е.Я. ТУРОВСКИЙ
(Севастополь)

К ВОПРОСУ О ХЕРСОНЕССКИХ ГАВАНЯХ НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Вопрос о наличии и локализации гаваней Херсонеса на Гераклейском полуострове специально не рассматривался, хотя некоторые исследователи предполагали их существование. В самом деле, весьма значительная площадь Гераклейского полуострова (около 100 кв. км) и его сложный рельеф (наличие системы балок, часто очень глубоких) крайне затрудняли передвижение гужевым транспортом продукции сельского хозяйства. Известно, что во все времена перемещение товаров и грузов по морю было значительно более дешевым занятием, чем перемещение их по сухопутным дорогам. В этой связи представляется очень вероятным, что в условиях Гераклейского полуострова перемещение, прежде всего продуктов виноделия, осуществлялось частично сухопутным, частично морским путем.

Продукция сельского хозяйства из дальних усадеб, скорее всего, доставлялась к одной из балок и далее по ее тальвегу к одной из бухт Гераклейского полуострова. Известное сообщение Страбона о том, что между городом (Херсонесом) и мысом, за которым следует Древний Херсонес, лежащий в развалинах (очевидно, поселение на перешейке Маячного полуострова), три гавани (Strabo, VII, IV, 2), по-видимому, справедливо. Очевидно, речь шла о гаванях в Казачьей, Камышовой и Стрелецкой бухтах. Между Древним Херсонесом Страбона и Херсонесом у Карантинной бухты в настоящее время четыре больших бухты. Однако неглубокой Круглой бухты в античные времена, очевидно, не было, о чём свидетельствуют остатки античной размежёвки, дорог и усадеб на дне бухты. Одна из таких усадеб была предварительно исследована в своё время А.Н. Щегловым [Щеглов, 1969, с.291].

Данные, подтверждающие гипотезу о существовании специализированных гаваней Херсонеса в крупных бухтах Гераклейского по-

луострова имеются. В 1986 г. нами с помощью военных водолазов Черноморского флота были извлечены многочисленные артефакты эллинистического времени. Первоначальная версия о том, что полученные со дна моря материалы принадлежали затопленной херсонесской сельскохозяйственной усадьбе [Туровский, 1993, с.81–84], очевидно, оказалась несостоятельной. В этом убеждает анализ полученного археологического комплекса. Найденные осколки в подавляющем большинстве принадлежат амфорной таре. При этом найденные фрагменты часто имели крупные размеры, характер значительной части сколов показывает, что, скорее всего, сделаны они уже в новое время. Можно предположить, что окончательно разбиты сосуды были в 50-е гг. прошлого века во время работ по углублению фарватера бухты в процессе создания причалов службы АСС ЧФ¹.

Версия с затопленной усадьбой не выдерживает критики в силу следующих причин. Все усадьбы Гераклейского полуострова были оставлены обитателями около конца первой трети III в. до н.э. [Золотарёв, Туровский, 1990, с. 81]. Подчеркну, что именно оставлены: все археологические комплексы усадеб имеют открытый характер. Здесь же, у правого берега Стрелецкой бухты, за единичными исключениями мы имеем дело с амфорной тарой, так что можно вполне резонно предположить, что данный комплекс не что иное, как корабельный груз. В этом убеждает то, что все амфорные фрагменты представляют собою амфоры только двух типов. Первый тип – типично херсонесские крупные амфоры с коническими ножками, которые заканчиваются широким валиком на подошве, типы I-Б и I-В [Монахов, 1989, с.51-57; табл. IV-XII]. Клейма на этих амфорах принадлежали: одно клеймо к хронологической группе I-В, по хронологической классификации В.И. Каца, которая датируется 300 – 285 гг. до н.э. и наиболее ранние клейма – группе II-А, которая датируется 285–272 гг. до н.э. [Кац, 1994, с.76; Кац, 2007, с.442]. Таким образом, комплекс амфор, скорее всего, датируется рамками 80-х гг. III в. до н.э. Вторая группа амфор клейм не имела и представляла по форме сосуды, больше всего напоминающие фассосские биконические амфоры на очень высоких, часто полых внутри ножках. Глина всех амфор практически не отличается (не имеет частиц слюды, зато в тесте много извести и пироксена) и позволяет отнести их к продукции Херсонеса.

¹ Устные сообщения ветеранов АСС ЧФ.

Интересный момент, что названные херсонесские амфоры имеют очень характерный признак – клейма в виде букв греческого алфавита на ножках. Мне известен только один пример подобной практики – на ножках херсонесских амфор из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка [Колесников, 1985, с. 91]. На мой взгляд, эта кратковременная практика также свидетельствует об узкой дате подводного комплекса со дна Стрелецкой бухты и свидетельствует в пользу его атрибуции как корабельного груза. Что же могло случиться с кораблём на якорной стоянке в глубокой бухте, где не бывает штормов? На мой взгляд, весьма вероятная гипотеза – пожар на судне. Пожары на судах не редкость и в наши дни, а в условиях деревянного флота пожары были, несомненно, частым явлением.

Стрелецкая балка, которая плавно переходит в бухту, – одна из самых глубоких на Гераклеяском полуострове, характерно, что заканчивалась она в эллинистическое время очень крупным комплексом по переработке винограда. Безусловно, это было товарное производство. В настоящее время раскопками О.Я. Савели установлено, что комплекс занимал беспрецедентную для Гераклеяского полуострова площадь, притом что едва ли не большая его часть находится ныне под водой, в устье Стрелецкой бухты. Очевидно, что винодельческое производство и гавань составляли единый комплекс.

В римскую эпоху якорная стоянка кораблей в Стрелецкой бухте, по-видимому, переместилась на западный берег бухты, о чём свидетельствуют подводные исследования М.И. Золотарёва в 1974 г. [Золотарёв, 1975, с.140,141; Золотарёв, 1981, с.56].

В Камышовой и Казачьей бухтах на роль гавани могла претендовать любая из расположенных здесь по берегам бухт усадеб, например, крупная усадьба надела 33 в устье Камышовой бухты или усадьба надела 41 (ст. 39а) на правом берегу Казачьей бухты [Николаенко, 2001, с.28, 30].

В заключение хочу упомянуть ещё один памятник, который можно характеризовать как херсонесскую гавань. Это крупный херсонесский пункт в устье Южной бухты. К сожалению, археологические раскопки на нем не проводились. Однако площадь фиксируемого присутствия культурного слоя, соотносимого с этим памятником, достаточно велика (вдоль берега моря он прослеживался более чем на 200 м). В начале 90-х гг. прошлого века автор совместно с С.Г. Демьянчуком провёл сбор материала из выброса грунта из небольшого котлована на территории памятника [Николаенко, 2001, с.77]. Было собрано много фрагментов почти исключительно клейменной амфорной тары Херсо-

неса, столовой посуды и херсонесской черепицы. Обилие черепицы показывает наличие на памятнике многочисленных крытых построек.

Очевидно, что гавани составляли единую структуру с наделами Гераклеяского полуострова, обеспечивая лучшую систему эксплуатации сельскохозяйственных ресурсов Херсонесского полиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Золотарёв М.И.* Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса//150 лет Одес. археол. музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. – К., 1975. Ч.I. С.140,141.
- Золотарёв М.И.* Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса//КСИА. - 168. – М.,1981. – С.56–58.
- Золотарёв М.И., Туровский Е.Я.* К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове//Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского). - Одесса, 1990. – С.71–88.
- Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов, 1994.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)//Боспорские исследования. – Вып. XVIII. – Симферополь–Керчь. – 2007. – 480 с.
- Колесников А.Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка//ВДИ. - 1985. - №2. – С.67–93.
- Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV – II вв. до н.э.- Саратов, 1989. 159 с.
- Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н.э. - Ч.II. - Севастополь, 2001. 164 с.
- Туровський Є.Я.* Склад амфорної тари із затопленої сільської садиби Херсонеса//Археологія. - 1995. - №3.- С.81–84.
- Щеглов А.Н.* Охранные раскопки и зачистки на Гераклеяском полуострове//АО 1968. – М.,1969. – С.290, 291.

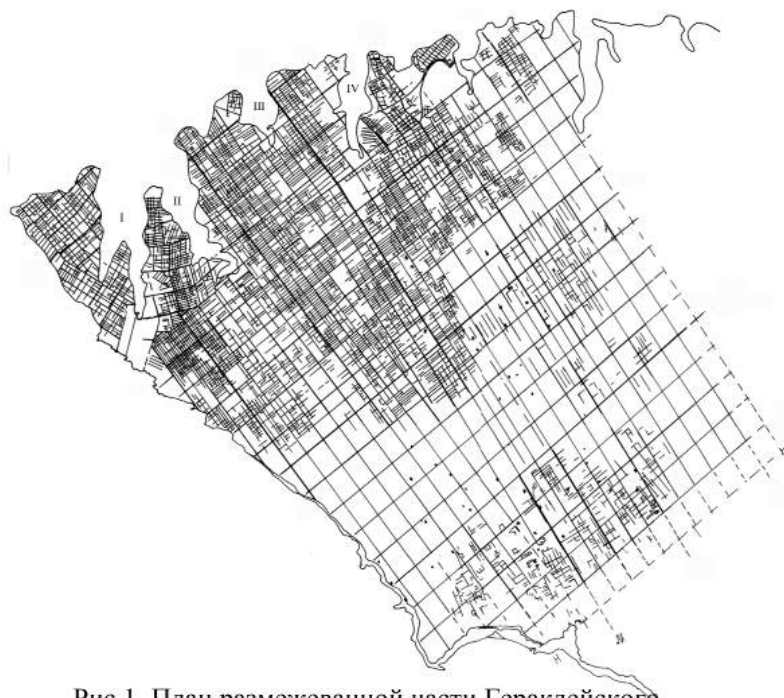

Рис.1. План размежеванной части Гераклеяского п-ова, по Г.М. Николаенко: I.Казачья бухта; II.Камышовая; III.Круглая; IV.Стрелецкая

Н.Ф. ФЕДОСЕЕВ
(Керчь)

ДОРОГИ ПАНТИКАПЕЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ЗОНИРОВАНИЕ ГОРОДА КЕРЧИ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Дороги Пантикапея никогда не были предметом специального исследования. В статье Т.Н. Смекаловой и С.Л. Смекалова была представлена попытка реконструкции системы дорог и клеров городов Европейского Боспора [Смекалова, Смекалов, 2005], однако основное внимание уделено поиску клеров, система дорог практически не рассматривается. Пожалуй, единственное упоминание о дорогах Пантикапея можно найти в статье В.Д. Блаватского: «К сожалению, отсутствуют какие-либо данные о датировке “следов древней дороги из меонового камня”, которую раскопал С.И. Веребрюсов в 1879 г. при раскопках на ровной площади за южной оградой кладбища. Значительная глубина (10 аршин) и нахождение в городской черте позднеспартокидовского Пантикапея заставляют думать именно об этом времени» [Блаватский, 1951. С.22, с.2].

Четкое указание на дорогу присутствует на карте И. Бларамберга, неопубликованный список которой хранится в архиве Керченского музея (рис. 1) [Архив КИКЗ. Опись 2, дело №964]. Аналогичные карты опубликовала И.В. Тункина [Дюбрюкс, 2010, рис.406, 407, 408]. Под литерой L указаны «следы древней дороги». Эта дорога проходит по хребту Митридатской гряды, подходит к стенам Пантикапея и ведет сквозь полукруглую башню (?).

Другим важным источником является карта Литвиненко 1835 года¹ (рис. 2). Методика определения дорог по картографированию курганов блестяще была применена Ю.В. Болтриком для выявления сухопутных коммуникаций Скифии от Приазовья до Днестра [Болтрик,

¹ «Топографическая карта окрестностей Керчи, снятая в 1835 году с обозначением древних курганов» – архив Керченского музея (КМТИ 2475).

1990]. Как правило, за ориентир бралась аллея курганов или ряд курганов, выстраивающихся в одно направление.

Так, по дороге в Фанагорию в июле 1852 года П. Беккер описывает: «На 16 версте местоположение окрестностей переменяется. Здесь начинается двойная цепь курганов, между которыми извивается почтовая дорога, так что северная цепь остается у нас влево, а южная вправо. Первая идет по берегу лимана и, коснувшись его в разных местах некоторыми курганами, тянется почти по прямой линии к станции Сенной. Тут поворачивает влево, огибая восточную бухту вышеупомянутого лимана. Здесь северная цепь, тянувшаяся на шесть или семь верст, прерывается на две, а потом от хутора Артюхова идет снова до самого древнего вала, отделяющего так называемый Киммерийский остров от Фанагорийского. Другая цепь, идущая по южной стороне почтовой дороги, тянется также до самой станции Сенной, тут поворачивает вправо и кончается у восточной бухты Ахтанизовского лимана». [Беккер, 1853. С.379–380].

Нетрудно заметить, что, помимо цепочки курганов вдоль Митридатского хребта, на карте Литвиненко можно выделить не менее 5 цепочек курганов, которые можно назвать аллеями. Именно двойная цепочка курганов служит 100% доказательством наличия в этом месте дороги. Цепочки курганов обрываются именно в том месте, где находились стены древнего Пантикапея.

1 въезд находится на южном склоне Митридатской гряды. Дорога маркируется курганами, расположенными на южном склоне. При подходе к стенам имеется разрыв цепочки курганов, и, возможно, вход в город находился несколько южнее и ниже по склону горы. Именно в этом месте наблюдается всхолмление рельефа. Визуально это прослеживается в районе современного военкомата. Именно сразу за этим всхолмлением кончается культурный слой, выявленный шурфовками под опоры троллейбусной контактной сети [Федосеев, Столяренко, Куликов, 2006]. Далее по улице Свердлова, в сторону Марата, культурный слой не прослеживается. Скорее всего, это поднятие скрывает руины оборонительной стены Пантикапея. По эту сторону всхолмления культурный слой насыщен материалом, а в районе музеев его мощность достигает 8 метров.

2 въезд находится на вершине хребта Митридатской гряды. Судя по всему, это был центральный въезд в город. Дорога прослеживается до современного Феодосийского шоссе. Ниже, с северной стороны, находится самая мощная концентрация курганов.

3 въезд концентрирует не менее 4 дорог, которые, судя по кур-

ганам, сходятся в одном месте, ориентировочно в районе современного Горьковского моста. Причем первая из дорог проходит через деревню Глинище. Вторая и третья дороги сходятся в одну недалеко от 3 въезда. Четвертая дорога находится несколько севернее. На некрополе Глинище на двух его участках, расположенных между берегом моря и р. Булганак и Гнилым ручьем, текущим из Катерлеса, отчетливо видны два веера курганных цепочек. Первый из них расходится из точки, находящейся на мосту современного консервного завода, а второй – от Мелек-Чесменского кургана. Характерно, что следы перехода через речку Булганачку зафиксированы еще в античный период [Федосеев, Ермолин, Куликов, 2008. С. 483–505]. Можно предположить, что в момент формирования некрополя в дельте Мелек-Чесме существовало болото или озеро наподобие Куликовского озера, лежащего между пос. Опасным и Жуковка. От моря оно отделялось пересыпью, по которой проходила дорога, приблизительно соответствующая улице Кирова. Достигнув коренного мыса за Булганак, эта дорога расходилась веером в направлении поселений, лежавших в северо-восточном секторе (от Мирмекия до Темир-Горы). В исходную точку второго веера, шедшего в северо-западном направлении, проходила, обогнув упомянутое озеро с суши.

4 въезд определен гипотетически. Возможно, что это пятая дорога, которая также ведет ко въезду 3. Однако разрыв в цепочке курганов и некоторая удаленность заставляют все же предположить наличие еще одного въезда.

5 въезд концентрирует две дороги: одна из них идет из Мирмекия и отождествляется с Карантинным шоссе, а вторая дорога расположена несколько севернее и ведет к Загородной усадьбе. Недаром ее статус определен мной как «царская» [Федосеев, 2013].

Каждый въезд был оформлен башнями, который на схеме Бларамберга обозначен разрывом в стенах. Эти разрывы совпадают с реконструированными въездами и дорогами. Сомнение вызывает лишь странный разворот почти на 180° на южном участке стены. Скорее всего, такой разворот – ошибка.

Ландшафт города Керчи не прост: важнейшими структурными элементами естественного рельефа в пределах города являются три скалистых гребня широтного направления – Еникальская гряда, Митридатская гряда и гряда Юз-Оба, приходящая из внутренних районов полуострова к берегу Керченского пролива. Митридатская гряда и Юз-Оба представляют собой крылья единой горной складки, в осевой части которой лежит долина р. Джарджава, замыкая на за-

паде Восходовской возвышенностью. Еникальская гряда не является складкой единого простираения. В западной части ее пререзают долины Гнилого ручья и р. Булганак, а восточная оконечность разветвляется в систему горных поднятий, кулисообразно сочленяющихся между собой. Здесь выделяется гора Хрони, самая высокая точка в окрестностях города. Между Митридатской и Еникальской грядами пролегает Керченская впадина, амфитеатром окружающая северо-восточный берег Керченской бухты. К югу от Юз-Обы лежит Аршинцевская впадина, простирающаяся до Чурубашского озера и долины древней реки Тапсис. За Тапсисом поднимаются Эльтигенские высоты, замыкающие панораму городского ландшафта на юге.

Береговая линия в пределах города расчленена мысами, которые представляют собой оконечности горных складок. Самым северным является мыс Фонарь – крайняя северо-западная точка Крымского полуострова. Далее к югу следуют: Еникальский мыс, мысы Змеиный, Карантинный, Безымянный, мысовой выступ прибрежной низменности у подножия г. Митридат, мысы Ак-Бурунский и Павловский, Камыш-Бурунский мыс и мыс Кара-Бурун у пос. Ельтиген. Между мысами в берег вдаются бухты, различные по размерам акватории, отвечающие долинам и впадинам горных складок. Крупнейшими бухтами являются Керченская (между Змеиным мысом и Ак-Буруном), Камыш-Бурунская, ограниченная с юго-востока Камыш-бурунской косой, и бухта порта Крым.

Доминирующую роль в ландшафте играют гребни скалистых гряд. Они почти везде свободны от городской застройки и представляют малопригодные площади для какой-либо хозяйственной деятельности. Вместе с тем, именно на этих гребнях расположены ценнейшие и наиболее активные в градостроительном отношении археологические объекты – курганы и городища.

Характерной чертой пространственной структуры городского ландшафта Керчи является то, что он распадается на 4 обособленных пространственных зоны, каждая из которых обладает особым характером среды: 1. район мыса Фонарь (к северу от Еникале), 2. центральный район (от Еникальской гряды до Юз-Обы, с горой Митридат в середине), 3. район Аршинцева, 4. район пос. Ельтиген. Находясь внутри любой из этих зон, мы не видим соседней. Визуальными барьерами являются гребни скалистых гряд. Только с этих гребней можно одновременно увидеть две смежные пространственные зоны. По гребням проходят наилучшие видовые трассы, здесь находятся опорные точки восприятия городского

пространства. Безусловно, ключевой точкой следует считать Первое кресло г. Митридат, далее: мыс Фонарь (около маяка), античное поселение Каменка-1, высота над 5-м Самостроем к юго-востоку от Аджимушкая, холм, на котором стоял Катерлесский монастырь, Восходовская возвышенность, Змеиный курган на гряде Юз-Оба, городище Нимфей. Кроме того, важное значение имеет видовая трасса вдоль побережья, в настоящее время из-за промзон распадается на отдельные участки. На этой трассе имеется серия опорных точек: крепость Еникале, Змеиный мыс, Карантинный мыс (городище Мирмекий), южная оконечность Камыш-Бурунской косы.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер П. Керчь и Тамань в июле 1852 года // ПроPILEI. Том III. Москва, 1853. С.379–380.
- Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 19. 1951. С. 9–62.
- Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов Европейского Боспора (по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок) // Боспорские исследования. X. Симферополь–Керчь, 2005. С.27–60.
- Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. 1990. 4.
- Федосеев Н.Ф., Столяренко П.Г., Куликов А.В. Исследования под строительство троллейбусной линии в г. Керчи // Научный сборник Керченского заповедника. Вып.1. Керчь, 2006. С.244–274.
- Федосеев Н.Ф. Черепичные боспорские клейма с предлогом ЕΠΙ в контексте истории Боспора // Древности Боспора. Т.17. 2013. С.366–376.
- Федосеев Н.Ф., Ермолин А.Л., Куликов А.В. Керамический комплекс из района рыбоконсервного завода в Керчи // Древности Боспора. 12/II. Москва, 2008. С. 483–505.

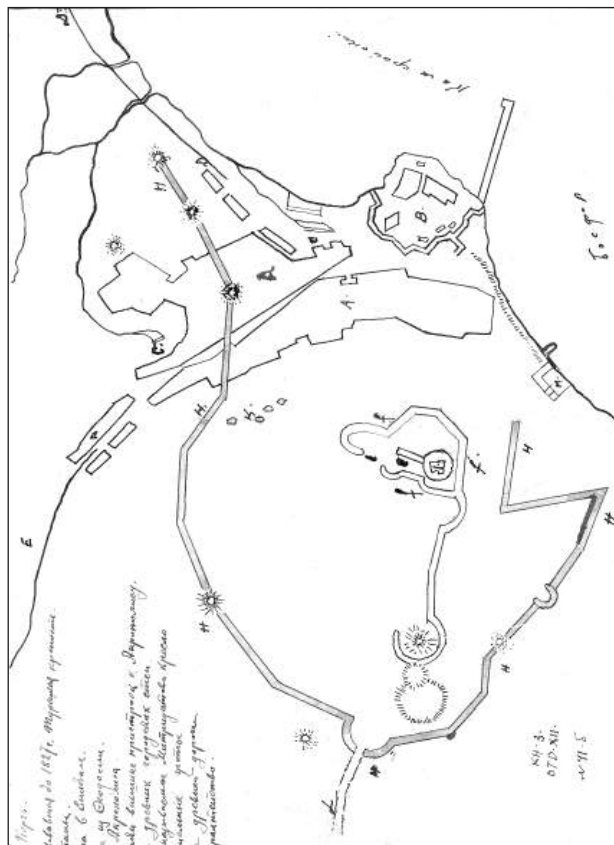

Рис. 1. План Пантикапея по И. Бларамбергу.

Условные обозначения:

- G — признаки внешних построек к акрополису
- H — следы древних стен города
- I — так называемое кресто Митридата
- K — гроты (подземелья)
- L — следы древней дороги
- M — адмиралтейство

- A — город Керчь
- B — турецкая крепость, существовавшая до 1827 года
- C — фонтаны
- D — дорога в Еникале
- E — дорога из Феодосии
- F — следы акрополиса

Рис. 2. Фрагмент карты Литвиненко с реконструкцией дорог.

А.А. ФИЛИППЕНКО, В.В. ДОРОШКО, М.И. ТЮРИН
(Севастополь)

ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕННОГО КОМПЛЕКСА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРШИНЕ САПУН-ГОРЫ В 2014 г.

Многолетние полевые исследования дали обширную информацию о памятниках сельскохозяйственной округи Херсонеса. Однако если о размежеванной территории Гераклеяского полуострова мы имеем достаточно много сведений, то устройство восточной границы «ближней хоры» остается малоизученным. В особенности это касается эллинистического периода истории полиса.

Херсонеситы, освоив территорию Гераклеяского полуострова, уделили значительное внимание защите своих земель. Аграрная межевая структура на полуострове была организована с великолепным знанием топографии, с учётом рельефа глубоких балок, с возможностями выходов в верховья полуострова к перевалам на кромке плато, вздымающейся над Балаклавской и Инкерманской долинами. Верховья полуострова над этими долинами представляли собой естественный оборонительный рубеж. Здесь херсонеситы поставили свои опорные пункты. Важнейшим открытием года стало выявление и начатые в минувшем сезоне раскопки такого пункта у одного из главных проходов на полуостров из Балаклавской долины, занимающего исключительно стратегическое положение.

Памятник античного времени в центральной части массива Сапун-горы был отмечен ещё в 1843 г. Фр. Дюбуа де Монпере. В 1925 г. Л.Н. Соловьев отметил в этом месте значительный пункт. Оба исследователя составили схематичные планы постройки, согласно которым она представляла собой башню 11 x 11 м, вписанную в комплекс построек 43 x 55 м. После Великой Отечественной войны памятник не локализовался и только в 2013 г. следы деятельности грабителей привели к его новому открытию. Объект расположен на гребне Са-

пун-горы, в 370 м от комплекса Диорамы, у памятного знака «НП 7-й бригады морской пехоты в 1941 – 1942 гг.».

До начала работ объект исследований представлял собой широкое и невысокое всхолмление размером 40 x 50 м, покрытое густыми зарослями кустарника и скоплением массивных известняковых камней. С восточной стороны памятника виднелись следы деятельности грабителей. В этом месте был заложен квадрат 1. Одновременно была начата очистка холма от растительности. В результате работ выяснилось, что холм, за исключением его северо-западной части, был террасирован под посадку сосны в 60-е гг. XX в. Квадрат 1 был заложен на одной из террас. Засыпь грунта образовалась одновременно с террасой и содержала разнообразный керамический материал от IV в. до н.э. по III в. н.э. Также, вплоть до материковой скалы, засыпь содержала многочисленные осколки снарядов и бомб периода Великой Отечественной войны.

Квадрат 2 был разбит в 9 м западнее с целью обнаружения культурного слоя в центральной части памятника. В дерне и поверх него террасировкой разбросан материал II – III вв. н.э., преимущественно фрагменты кровли. На одном из них сохранилась левая часть латинского клейма VEMI в прямоугольной рамке. Эта находка подтвердила изначальное предположение, что объект связан с римским военным присутствием.

Юго-восточный и северо-восточный углы квадрата 2 заняты ямами времен Великой Отечественной войны. На остальной части квадрата сохранились культурные слои эллинистического времени. Под дерном, в верхнем слое суглинка обнаружена бронзовая монета Команы Понтийской типа «Эгида-Ника» времени правления Митридата VI Евпатора.

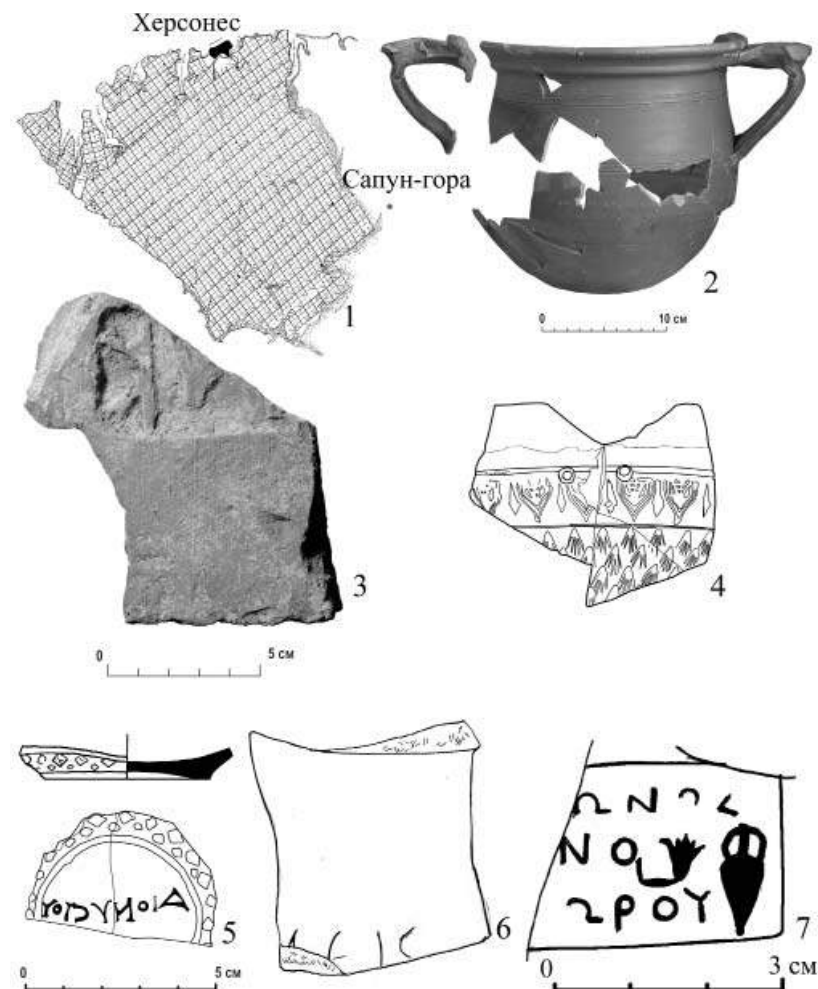
Ниже находилась золистая прослойка (слой 3) мощностью до 5 см, содержащая материалы конца II – рубежа II-I вв. до н.э. Фрагменты амфор производства Синопы, «позднегераклеяские» (со слабо рифленными ручками), Родоса. Многочисленны фрагменты чернолаковых и краснолаковых чаш, на одной из них фрагментированное граффити. Значительна коллекция рельефных полусферических чаш (не менее двенадцати сосудов). В основном это сероглиняные сосуды с орнаментацией, относящиеся к производству Эфеса и прочих ионийских центров. На внешней стороне донца одной из чаш – ретроградное клеймо: ΔΙΟΥΚΛΙΟΥ.

Под прослойкой золы исследован слой плотного желтого суглинка, из которого происходит значительное количество фрагмен-

тов черепицы, преимущественно синопского происхождения. Два из них содержат клейма астиномов III магистратской хронологической группы. В первом случае имя магистрата установить не удалось (штамп затерт, но отчетливо видны две эмблемы – признак III ХГ), во втором – это, видимо астином Истикон. Таким образом, черепица конца IV–начала III вв. до н.э. встречена в завале вместе с более поздним материалом: фрагментами амфор, чернолаковой и краснолаковой керамики. В частности, здесь обнаружен венец столовой амфоры с росписью в стиле Westslope., фрагмент кидской чаши, декорированный насечками (rouletting) и фрагмент тулова эфесской рельефной чаши, декорированного мелкими острыми листиками. В целом, поздние материалы слоя 4 хронологически близки находкам из слоя 3.

Перечисленные слои могут быть интерпретированы как слои разрушения и свалки, которая могла образоваться в ходе последующей расчистки комплекса. Нижележащий слой не исследовался, и его изучение предполагается в следующем полевом сезоне.

В финале работ расчистка от кустарника позволила открыть остатки башни, у которой частично видны южная и западная стороны, сложенные из массивных, плохо обработанных блоков. Один из блоков дополнительного пирамидального пояса башни был нами обнаружен в площади квадрата 2, куда он был перемещён в процессе раскопки. Блок имеет два врезанных пилона.

А.А. ФИЛИППЕНКО, М.И. ТЮРИН
(Севастополь)

ХЕРСОНЕССКАЯ УКРЕПЛЕННАЯ УСАДЬБА МАСЛЯНАЯ ГОРА: РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2013–2014 гг.

Географический и природный фактор имели основополагающее значение в становлении и жизнедеятельности Херсонесского государства. В связи с природно-климатическими условиями, наличием водных и почвенных ресурсов развивалось его хозяйство. Наряду с морскими промыслами, херсонеситы были вынуждены освоить большие пространства ближайших земель на Гераклеяском полуострове, в Западном и С-З Крыму. Значительные территории они подвергли межеванию из сети продольных и поперечных дорог, среди которых разбили виноградники, сады и поля с башнями - усадьбами. Для защиты своих территорий они устроили опорные пункты, соединённые дорожной сетью и визуально-сигнальной связью. Одним из таких пунктов является укреплённая усадьба на Масляной горе.

Памятник находится на одном из отрогов Мекензиевых гор, обращённых к р. Бельбек (высота 120, Масляная гора, Ölberg), к югу от с. Поворотное, в 11 км от Херсонесского городища. Объект привлек внимание исследователей в 2012 г., когда началось его разграбление (Филиппенко, Тюрин, 2013). Полевые исследования 2013–2014 гг. позволили уточнить назначение, планировку и хронологию комплекса. Его следует интерпретировать как укрепленную усадьбу, опорный пункт Херсонесского государства на его дальней периферии. На данном этапе исследовано 170 кв. м памятника, раскрыта значительная часть южной и восточной внешних стен, короткие участки западной и северной стен, а также три помещения. Комплекс имеет форму прямоугольника размерами около 27,1 x 24,5 м. От типичных сельских усадеб его отличают мощные внешние стены толщиной до 1,55 м. Материалы, полученные в ходе исследований, позволяют выделить три хронологических периода жизнедеятельности объекта в пределах конца IV–начала I вв. до н.э.

Толщина культурных отложений составляет 0,6–0,9 м. Для всех исследованных участков памятника характерна сходная стратиграфия. Под дерном находится слой перемешанного грунта, образовавшийся в результате распашки 1964 г., и каменный завал. Местами в виде тонких линз сохранился слой, содержащий материалы рубежа II–I вв. до н.э. (III период), под и в контакте с которым расположен горизонт горения, содержащий завал битой керамики II в. до н.э. (финал II периода). На материке, в слое желтого суглинка, содержится керамический завал первой половины III в. до н.э. (I период).

На сегодняшний день полностью исследован юго-восточный угол усадьбы, в котором находились два помещения: квадратное в плане помещение I в юго-восточном углу комплекса и примыкающее к нему помещение III. Оба помещения имели ярко выраженное хозяйственное назначение. В помещении I обнаружены зернотерка и столик; в III – три глинобитных очага. Начато исследование помещения II. Под помещениями II и III на материковой поверхности находится слой желтого суглинка мощностью от 2 до 5 см. Слой содержал керамический развал I периода, в котором обнаружены преимущественно керамика херсонесского производства и фрагменты лепных сосудов. Среди немногочисленного амфорного материала отметим ручку с фрагментированным желобчатым клеймом I хронологической группы (имя магистрата не сохранилось).

Херсонесская столовая керамика представлена фрагментами четырех морфологически близких херсонесских кувшинчиков. Тулово наиболее хорошо сохранившегося сосуда в районе нижнего прилепа ручки и максимального расширения декорировано пятью полосами красной краски (рис. 1, 1). В завале обнаружены два лекифа (рис. 1, 2). Черепок в обоих случаях красно-оранжевый с включениями авгита, поверхность местами светлая. Донце плоское, срезано с круга при помощи нити. Морфологически близкие сосуды, но с иной профилировкой поддона, хорошо известны на херсонесских памятниках Северо-Западного Крыма (Kasaev, 2002, p. 167. С.88–92; Попова, Коваленко, 2005, рис. 97, 3, 5, 126, 1). Фрагментами представлен флакон-унгвентарий (рис. 1, 3) со слегка вогнутой ножкой. Плечи декорированы полосами красной и белой краски. Черепок приобрел коричневый оттенок, в тесте имеются «дутики». Поверхность сосуда светлая (ср.: Kasaev, 2002, p. 167. С.97).

Тринадцать различных форм составляют лепные сосуды. Кроме единственной миски с загнутым скошенным краем, это закрытые формы: корчаги, горшки и кубки-черпаки, в т.ч. лощеные. Из множе-

ства фрагментов собирается лепной чернолощенный сосуд с врезным гребенчатым геометрическим орнаментом (в процессе реставрации) (рис. 1, 4).

Материалы из керамического завала должны быть отнесены к первой трети III в. до н.э. и находят богатые аналогии с памятниками «дальней» хоры Херсонеса. Несомненно, они связаны с катастрофой, постигшей владения херсонеситов в 70–60-х гг. III в. до н.э.

В качестве еще одного примера раннего комплекса приведем заполнение хозяйственной ямы 1 в помещении II. Вырубленная в материке колоколообразная в сечении яма глубиной 1,40 м была заполнена плотным суглинком.

Здесь обнаружены фрагменты двух пифосов, амфор производства Херсонеса (вариант I-B, ножки типа II, рис. 1, 7) и Синопы, херсонесской столовой керамики, в т.ч. расписных кувшинов. Отсюда же происходит мелкая чернолаковая миска с загнутым краем (рис. 1, 5). В заполнении количественно преобладают фрагменты лепных сосудов (не менее девяти различных форм). На дне засыпи находилась целая серолощенная миска (рис. 1, 6) с массивным загнутым скошенным внутрь бортиком. Несколько её фрагментов найдены в верхней части ямы и рядом с ней. Близкие сосуды, но фрагментированные, известны по позднему слою поселения Трактирный мост (Кравченко, 2011, рис. 118, 5, 183). Единичным фрагментом представлена таврская керамика с врезным орнаментом, выполненным гребенкой.

Засыпь ямы должна быть отнесена к началу – первой трети III в. до н.э. По всей видимости, это произошло до образования сплошного завала в помещениях II и III.

Повсеместно на памятнике фиксируется мощный синхронный горизонт разрушения: золистый, рыхлый неоднородный слой с линзами суглинка, прослойками золы, обожженными фрагментами плетневых конструкций. Слой содержал мощный керамический завал, состоящий преимущественно из фрагментированных амфор и лепных сосудов.

Всего в помещении III обнаружено не менее девяти амфор разной степени сохранности и не менее четырех амфор – в помещении I. На момент гибели поселения керамика находилась в помещениях, некоторые из разбитых сосудов удалось зафиксировать в «анатомическом» порядке. В большинстве же случаев отмечены крупные группы фрагментов. Также, за единичным исключением, амфоры лежали на боку, а не были установлены вертикально.

Наиболее распространенная форма – синопские сосуды вари-

анта III-D (Монахов, 2004, с. 159) или Син Iв (Внуков, 2003, с. 132) с валикообразным венцом с глубоким подрезом (рис. 2, 1-5). Горло цилиндрическое с горизонтальным пояском ниже верхних прилепов ручек. Ножки острой конической формы, как правило, со следами закручивания. Ручки в сечении овальные, иногда наблюдается едва заметная профилировка – выступающий широкий продольный валик. В единственном случае зафиксирован венец без подреза (рис. 2, 4).

Из завала происходит верхняя часть косской амфоры (рис 2, 10) варианта V-A по типологии С.Ю. Монахова (2014, с. 2014, рис. 11). Цилиндрическое горло оканчивается валикообразным отогнутым венцом, резкий переход от горла к тулову подчеркнут рельефным воротничком. Ручки двустольные. На тулове на уровне нижнего прилепа ручки граффито: ΒάβαΜίρου. Черепок в изломе бледно-розовый с включениями частиц слюды, красных частиц, ангоб светло-зеленый.

Полностью собрана из фрагментов амфора производства неустановленного центра (рис 2, 8). Венец валикообразный, отогнутый, с неглубоким подрезом. Горло припухлое, тулово конической формы оканчивается широкой ножкой. Черепок на изломе оранжевый, в тесте включения песка, шамота и пироксена. Не исключено, что перед нами продукция Синопы. С.Ю. Монахов относит морфологически близкие сосуды из пантикапейского комплекса конца II–первой половины I в. до н.э. к изолированным формам (Монахов, 2003, с. 156, табл. 106, 4). К синопскому производству отнесена сходная форма из погребения в Слабодзее, датированного второй половиной II в. до н.э. (Синика, Четвериков, Тельнов, 2104, 215, 216, рис. 1, 5). Морфологически близкие сосуды из закрытого комплекса последней трети II в. до н.э. относит к «поздне-гераклеийской» продукции С.Ю. Внуков (Внуков, 2003, с. 198, рис. 75, 1).

Условно «позднегераклеийской» назовем фрагментированную амфору с трапециевидным в сечении венцом (рис 2, 9). Черепок оранжевый, содержит включения песка и шамота, напоминает более ранние гераклеийские образцы. На поверхности местами сохранилось серое покрытие. Наконец, вызывает интерес фрагмент амфоры с валикообразным венцом, припухлым горлом и профилированной вертикальными валиками ручкой (рис 2, 11). Аналогичный сосуд, также фрагментированный, обнаружен на городище Кара-Тобе и продатирован С.Ю. Внуковым первой третью I в. до н.э. (Внуков, 2003, с. 198, рис. 75, 2) и также предположительно связан с производством Гераклеи. В завале имеются коричневые глиняные сосуды колхидского производства (рис 2, 6). Также в состав ком-

плекса входят два археологических целых лепных сосуда: горшок и лощеный черпак. В развалах некоторых амфор обнаружены обуглившиеся зерна (в т.ч. в косской амфоре к северу от помещения III – зерна ячменя пленчатого).

Комплекс отражает гибель укрепленной усадьбы в пожаре. Однако об однозначной датировке и интерпретации комплекса говорить пока рано. Не исключено, что разрушение памятника связано со скифо-херсонесским конфликтом первой половины – середины II в. до н.э. В таком случае комплекс стоит в одном ряду с такими памятниками, как усадьба Большой Кастель (Монахов, 1999, с. 559–568), усадьба №26 на Гераклеийском полуострове. Некоторые формы из этих памятников идентичны нашим. Однако наличие «позднегераклеийской» тары заставляет отнести образование комплекса к более позднему времени, возможно, к концу II в. до н.э. В этом случае логично связать разрушение памятника с событиями Диофантовых войн. Положение усложняется отсутствием рельефных полусферических чаш в завале. В любом случае дальнейшие исследования должны уточнить время гибели объекта в пожаре (финал периода II).

Таким образом, укрепленный комплекс возникает не позднее рубежа IV–III вв. до н.э. Керамические завалы финала первого периода, вероятно, соотносятся с массовыми разрушениями на херсонесских памятниках Западного Крыма в 70–60-х гг. III в. до н.э. Однако долговременного прекращения жизни на объекте не наблюдается, и, вероятно, около середины III в. до н.э. начинается второй период существования памятника. Второй период оканчивается пожаром, фиксируемым на значительной площади комплекса и связанным, вероятно, со скифо-херсонесскими конфликтами. Традиционно гибель усадеб относят к 80-м гг. II в. до н.э. Судя по материалам из пожаров, наш объект был разрушен позже. На рубеже II–I или в начале I в. до н.э. жизнь на усадьбе ненадолго возрождается, о чем свидетельствуют остатки слоя с фрагментами рельефных чаш, фиксируемого над горизонтом разрушения.

Помимо выраженного хозяйственного назначения, объект мог выполнять фискальные и таможенные функции. Построенный на видовой высоте у древней сухопутной магистрали, связывающей Бельбекскую переправу через плато Мекензиевых гор с северным берегом Севастопольской бухты, херсонесский опорный пункт контролировал навигацию вдоль побережья на траверсе устья Бельбека. Мог также быть местным административным центром над поселениями, расположенными у подножия высоты 104,5 в долине р. Бельбек.

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). – М., 2003.
- Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. – Київ; Луцьк, 2011.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры. Комплексы керамической тары. – Саратов, 1999.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. – М.; Саратов, 2003.
- Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*, 2014, 3, с. 195–222.
- Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). – М., 2005.
- Синика В., Четвериков И., Тельнов Н. Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // *Revista Arheologica*, vol. X, 2104, с. 210–217.
- Филиппенко А.А., Тюрин М. И. Новые данные о херсонесских владениях в Юго-Западном Крыму // БЧ. – Вып. XIV. – Симферополь, 2013.
- Kasaev S. V. Commonware // L.Hannestad-V.F.Stolba-A.N. Sceglov (Ed.) *Panskoye I, 1, The Monumental Building U6* (Aarhus 2002).

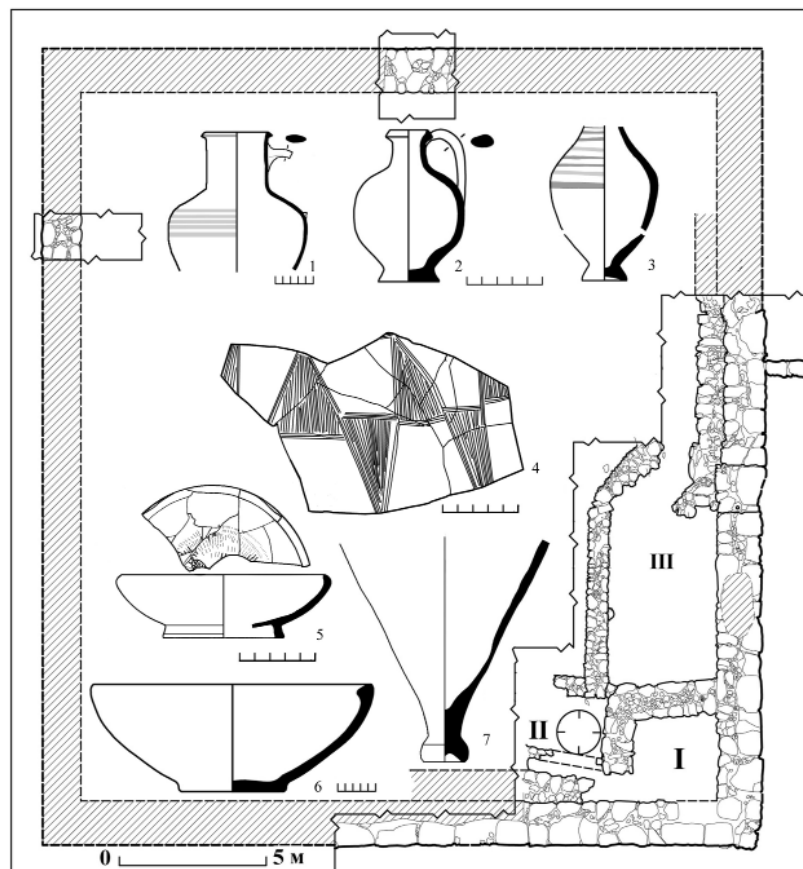

Рис. 1. План укрепленной усадьбы Масляная гора.

1–3 – находки из керамического завала финала I периода (70–60-х гг. III в. до н.э.?).
4–7 – находки из заполнения хозяйственной ямы.

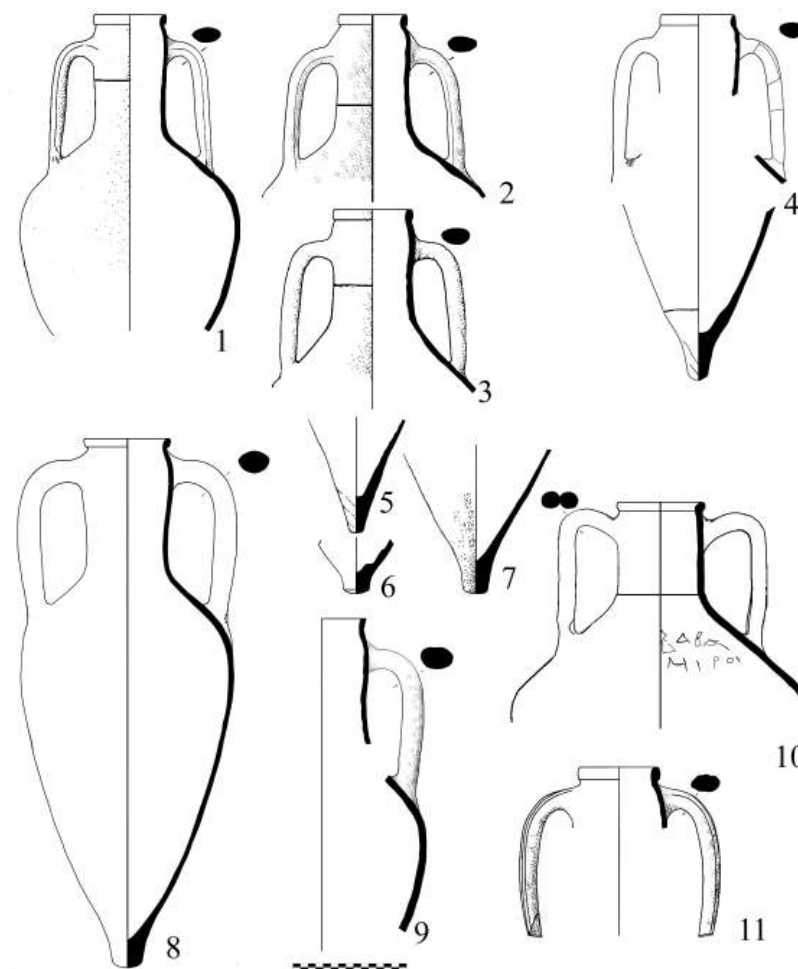

Рис. 2. Амфоры из горизонта разрушения усадьбы Масляная гора (финал II периода).

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА
(Симферополь)

УКРАШЕНИЯ ИЗ ПРИРОДНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КОСТЮМЕ КРЫМСКИХ ГОТОВ¹

Среди многочисленных украшений, бытовавших в эпоху ранне-го средневековья у крымских готов, выделяется группа бус и подвесок, для изготовления которых использованы природные материалы: местные, собранные прямо «из-под ног», – галька, меловая порода, дерево, орех, фруктовая косточка, зубы и кости животных либо привезенные издалека – янтарь, сердолик, коралл, раковины каури. Большинство этих изделий были не только украшениями, но и, скорее всего, использовались в качестве амулетов.

В женских и детских погребениях второй половины VI–VII вв. найдены шумящие составные подвески. Основу такой подвески образует ядро из дерева, либо грецкого ореха, или фруктовой косточки, оплетенное бронзовыми узкими пластинами и пронзенное тремя пересекающимися стерженьками с петельками на концах, к которым при помощи кожаных ремешков прикреплены трубочки с трапециевидными подвесками. Подвески-амулеты из орехов, фруктовых косточек, дерева, металла или горного хрусталя, оплетенные бронзовыми лентами, известны в женских погребениях германцев в поздне римское время и в эпоху раннего средневековья. Их носили в составе ожерелий или в качестве подвесок к поясу [эпоха меровингов, 2007, с. 502, кат.№VII.33; Hinz 1968, Abb. 2; 3; Kasprzycka, Stasielowicz, 2008, p. 126, Cat.no. I.28k,m; Quast, 2000, S. 279–294]. Г.Ф. Корзухина обратила внимание на взаимовстречаемость во многихкладах круга «древностей антов» пластинчатых трубочек и трапециевидных подвесок и предположила, что они могли образовывать единое сложное

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.)».

украшение. О.А. Щеглова считает такие украшения наcostниками [Щеглова, 1999, с. 300–301]. В Крыму, в могильнике у с. Лучистое, описанные подвески зачищены *in situ* рядом с фибулами [Хайрединова, 2006, с. 40–41]. В склепе 228 следы кожаного шнура от подвески зафиксированы на пружинном механизме двупластинчатой фибулы. Скорее всего, «шумящие» подвески были амулетами. Их подвешивали к одной или обеим фибулам. Девочки носили по одному такому изделию, женщины – по два. При хождении подобные украшения должны были производить много шума, «отгоняя» тем самым злых духов.

В качестве амулетов использовали и подвески из просверленных клыков животных [Гущина, Засецкая, 1994, с. 21]. Они многочисленны в ожерельях второй половины VI – первой половины VII вв. Особенно часто такие подвески встречаются в детских погребениях. Девочки носили ожерелья, в которых количество подвесок из просверленных зубов животных доходило до десяти [Хайрединова, 2013, рис. 215, 1,2,9]. В погребениях младенцев часто встречаются подвески из крупных лошадиных зубов. В Лучистом, в одном из погребений VII в., из склепа 35 в качестве подвески в ожерелье использована клешня краба со вставленным в просверленное отверстие проволочным колечком для подвешивания. В «Геопониках» – византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. упомянут нашейный амулет из клешни рака, назначение которого – защита от дикого кабана [Геопоники, 2006, с. 351, XIX.8]. Из клыков кабана тоже делали подвески-амулеты. Их носили мальчики и мужчины в поясной сумочке или подвесив на кожаном шнуре к поясу.

В VI–VII вв. в ожерельях использовали подвески из гальки. Как правило, это камни небольших размеров, выделяющиеся необычной формой или цветовой гаммой. Часто встречаются небольшие камни с природным отверстием – так называемые «куриные боги». В древности таким камням приписывали свойства оберегать жилища или домашний скот от злых сил. По представлению славян, например, «куриный бог» охранял от колдовства, а прикосновение к нему излечивало зубную боль [Зеленин, 1991, с. 94]. В «Геопониках» встречаются советы для садоводов такого рода: плоды с деревьев не будут осыпаться «...если ты вставишь в ветку дерева камень с природной дыркой» [Геопоники, 2006, с. 241, X.87.7].

Подвески из небольших раковин каури с обрезанной лицевой частью считаются оберегами. По этнографическим данным, раковины каури предохраняли носящего их от болезней и дурного глаза [Гущина, Засецкая, 1994, с. 22]. В Северном Причерноморье раковины ка-

ури использовали в ожерельях с эпохи античности [Алексеева, 1982, с. 27-28, 30-31, тип 7а]. В Юго-Западном Крыму в ожерельях второй половины VI – первой половины VII вв. присутствуют по 1-4 подвески из раковин каури. В одном из погребений второй половины VII в. (Лучистое, склеп 38) восемнадцать подвесок из раковин каури чередовались с бусами из полихромного стекла и стекла с внутренней металлической прокладкой [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 185, 1].

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982–1984 гг.). – Симферополь, Керчь, 2008.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1982.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. “Золотое кладбище” римской эпохи в Прикубанье. – СПб., 1994.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Хайрединова Э.А. «Шумящие» составные подвески второй половины VI–VII вв. из Юго-Западного Крыма // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2006.
- Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. Симферополь – Керчь, 2013. Вып. XVIII.
- Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? / О.А. Щеглова // Stratum Plus. – 1999. – №5.
- Эпоха меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. – München, 2007.
- Kasprzycka M., G. Stasielowicz. The Necropolis of Wekllice (Poland) // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World. – Milano, 2008.
- Quast D. Amulett ? Heilmittel ? Schmuck ? Unauffällige Funde aus Oberflacht // Archäologisches Korrespondenzblatt. – 2000. – 30. Heft 2.

Д.Э. ХАЛИЛОВА
(Симферополь)

ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА: ПРОТОТИПЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РЫНОК СБЫТА

Золотая Орда – одно из крупнейших средневековых государств с развитой городской культурой и ремесленным производством. Одним из ведущих направлений в ремесле являлось изготовление керамики. В результате знакомства мастеров-ремесленников с различными художественными традициями возник симбиоз культур, который в дальнейшем стал фундаментом для создания художественной культуры Улуса Джучи.

Среди золотоордынской керамической продукции немаловажное значение имеет группа штампованной («тисненой») керамики, изготавливавшейся в специальных формах – калыпе. Изучение разнообразной коллекции штампованных керамических сосудов позволяет получить ясное представление о производстве художественной керамики того времени. Следует сказать, что тисненая керамика производилась в странах Востока с IX по XV в., достигнув высокого уровня мастерства в Золотой Орде в XIII–XIV вв.

Н.М. Булатов попытался дать возможное обобщение известного для своего времени материала, определить его хронологические рамки, стилистические и технические особенности отдельных групп и наметить основную линию развития золотоордынского керамического ремесла. Он считал, что золотоордынская керамика со штампованным орнаментом является подражанием среднеазиатской штампованной посуде, подчеркивая, что наиболее отчетливо на среднеазиатские прототипы указывают мотивы орнамента, в частности зооморфные сюжеты [Булатов, 1969; 1976]. А.А. Кравченко, анализируя коллекцию штампованной керамики из Аккермана, нашла ей аналогии в Поволжье (Болгар), в Поднепровье (Старый Орхей, Костешты) и в Маджаре. Она предположила, что такая керамика ис-

пользовалась в быту у зажиточной части горожан в качестве парадной посуды [Кравченко, 1986, с. 79].

Важнейшие проблемы взаимосвязей керамического производства Золотой Орды и искусства Хорезма, Азербайджана, Крыма и Ирана были рассмотрены на материале архитектурной и бытовой керамики Г.А. Федоровым-Давыдовым в его фундаментальном исследовании о золотоордынской культуре городов Поволжья [Федоров-Давыдов, 1994]. На основании археологических материалов городов Поволжья он выделил различные формы сосудов, распределив их по функциональному назначению. Разбирая керамические комплексы поволжских городов, Г.А. Федоров-Давыдов прослеживает заимствование форм и видов тисненой керамики из Средней Азии, Закавказья и хулагидского Ирана. При этом в стороне остается импортная продукция, в том числе крымского происхождения [Федоров-Давыдов, 1994, с. 142–143, 147].

В специальном исследовании штампованной керамики И.В. Волков и Э.Л. Панина попытались выделить важнейшие технологические, морфологические и орнаментальные особенности производства данного вида изделий в разных городах и областях Золотой Орды [Волков, Панина, 2000, с. 89]. По их мнению, наиболее качественной и массовой была продукция Хорезма, она-то и дала толчок для подражания в других районах восточного мира. В Поволжье импортная сероглиняная штампованная керамика значительно превалировала над местной. Здесь существовал центр ее производства. При раскопках гончарной мастерской на Селитренном городище были обнаружены калыпе. В Маджаре сформировалось специфическое производство штампованной керамики, у которой детали орнамента выделялись росписью бирюзовой или синей глазури. Эти изделия активно экспортировались, в том числе и в Крым [Волков, Панина, с. 89]. В Азаке были также найдены калыпе для изготовления штампованных кувшинов. Как правило, здесь эта продукция покрывалась зеленой глазурью [Масловский, 2004, с. 143; Волков, Панина, 2000, с. 90].

В историографии присутствует устойчивое убеждение о том, что в Юго-Восточном Крыму находились три центра производства штампованной керамики – в Каффе, Солхате и Сугдее, из них наиболее ранним исследователи считают Солхат [Баранов, 1991, с. 110; Волков, 1992, 10; Масловский, 2006, с. 308–473]. Следует признать, что это предположение лишь для Судака имеет веские основания. В 1964 г. М.А. Фронджуло обнаружил на городище остатки гончарной печи, производившей штампованную керамику [Фронджуло, 1974].

Среди материалов этих раскопок А.В. Джанов впоследствии выявил 10 фрагментов форм-матриц. Они представляли собой полусферы, во внутренней части которых наносился врезной орнамент. В судакской мастерской производились кувшины на кольцевом поддоне с шаровидным туловом и высоким горлом [Джанов, 1998]. В отличие от Судака, в Каффе нет явных следов такого рода керамического производства, в том числе и находок калыпе. Единственным аргументом для исследователей служит более светлый оттенок черепка изделий и меньшая примесь шамота в составе формовочной массы [Волков, Панина, 2000, с. 90]. Наличие же большой примеси шамота, хорошо видимой на сколе и поверхности сосудов, служило для специалистов основанием для отнесения их к солхатскому производству [Баранов, 1991; Волков, 2000; Коваль, 2010].

Археологические свидетельства, подтверждающие факт изготовления штампованной керамики на городище Солхат, появились только в последнее время. В результате исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2006 гг. на поселении Бокаташ II М.Г. Крамаровским и В.Д. Гукиным были найдены керамические калыпе – матрицы для изготовления штампованной посуды. Формы и техника исполнения гончарной посуды находят аналогии среди городской керамики Солхата [Крамаровский, Гукин, 2004, с. 50]. Существование ремесленного поселения Бокаташ II предварительно можно отнести ко второй половине – концу XIII – началу XIV вв. Всего на территории городища раскопано 4 печи, тандыр и хозяйственная яма, содержащие фрагменты штампованной керамики или матрицы для ее изготовления.

Печь № 8 обнаружена на участке А5-Б5. Овальная в плане с вытянутой западной стороной, имеет трапециевидный профиль. Обжиговая камера диаметром до 1,15 м сохранилась минимально. Толщина стен печи доходила до 15 см, высота не более 10 см. Топочный блок утоплен в скальный материк, в разрезе трапециевидной формы. Западной стороной топка упиралась в скалу. «Под» печи – выровненная скала, которая заглажена глиной и прокалена на глубину до 3–5 см [Крамаровский, Гукин, 2004, с. 38].

Печь № 9 обнаружена на участке Е3 – Ж3. Имеет в плане овальную форму диаметром не более 1,6 м по внешнему контуру. Стены камеры сохранились на высоту до 30 см, их толщина превышала 15 см. Толщина обмазки стен 2,5 см. Конструкция представлена фрагментами горизонтальной перегородки-мембраны с продухами внутри полости печи. На уровне перегородки в стенах прослежены следы консольного

крепления двух глиняных конструкций. Топочный блок находится в нижней части камеры. Он вырублен в скальном материке, стены выровнены и прокалены до черного цвета на толщину до 5 см. Топка в плане неправильной круглой и в сечении сегментовидной формы со следами копоти на стенах. К топочной камере с юго-западной стены примыкает предтопочный прямоугольный узел – воздухозаборник [Крамаровский, Гукин, 2006, с.13].

Печь № 12 обнаружена на участке А2-А3. Она имеет в плане овальную форму диаметром не более 1,2 м по внешнему контуру. Обжиговая камера частично вошла в скальный материк и благодаря этому сохранилась на высоту до 0,5 м. Стены материковые с толщиной прожога до 10 см. Стены камеры плавно выходят под углом от основания перегородки-мембраны к центру печи. Топочный блок находится в нижней части печи, вырублен в скальном материке. Стены выровнены и прокалены до черного цвета на толщину до 5 см. Топка в плане овальной и в продольном сечении сегментовидной формы со следами копоти на стенах. К юго-западу от печи отходит воздухозаборник трапециевидной формы [Крамаровский, Гукин, 2006, с.14].

Печь №17 обнаружена на участке ДII-ЕII. В плане овальной формы диаметром не более 1,1 м по внешнему контуру. Обжиговая камера частично вошла в скальный материк и сохранилась на высоту до 0,5 м. Стены материковые с толщиной прожога до 10 см. Стены камеры плавно выходят под некоторым углом от основания перегородки-мембраны к центру печи. Топочный блок находится в нижней части печи. Он вырублен в скальном материке, стены выровнены и прокалены до черного цвета на толщину до 3 см. «Под» топки выровнен, заглажен глиной и прокален до 2 см. Топка в плане овальной формы и в продольном сечении сегментовидной формы со следами копоти на стенах. К северо-западу от печи расположена предтопочная яма в плане округлой, а в сечении цилиндрической формы диаметром до 0,9 м. В яму от печи выходит воздухозаборник [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 27].

Среди керамики из гончарных печей № 9 и 12 обнаружены редкие фрагменты штампованных изделий и керамических матриц-калыпе. Они встречались в переотложенных слоях на площади раскопа на протяжении всех трех лет работы [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 26]. Штампованная керамика и формы для ее изготовления встречаются в закрытых комплексах раннего периода функционирования гончарного центра – в гончарных печах № 8 и 17, тандыра № 3 и хозяйственной яме № 22. Авторы исследований полагают, что «в этом отноше-

нии показательны материалы гончарной печи № 17 и хозяйственной ямы № 22, где среди прочих находок обнаружены матрицы-калыпе» [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 27]. На участке между этими объектами в ранних слоях поселения обнаружены фрагменты керамических матриц. Упоминается также о находке в хозяйственной яме № 22 бракованных изделий, которые вместе с обнаруженными керамическими матрицами в целом подтверждают гипотезу о производстве штампованной керамики в Солхате.

Орнамент найденных тисненых фрагментов и археологически полных профилей на территории Солхатского городища разнообразен: рельефные надписи, растительные узоры, геометрические рисунки. На большинстве штампованных сосудов орнаментальные мотивы в композиционном плане дополняют друг друга. К примеру, полосы из рядов ромбов, овалов, треугольников, розеток, звезд. Встречаются иногда ломаные линии, напоминающие стилизованный меандр. В формовочной массе изделий присутствуют крупно дробленый шлам в разных пропорциях и естественная примесь известняка. Состав керамического теста обусловил тот факт, что стенки сосудов солхатского производства значительно толще, чем стенки такой же продукции из Поволжья или Хорезма. Части, тисненные в матрице, скрепляли за счет излишков глины по краю одной из половинок, в результате шов чаще всего заглажен рукой с внутренней стороны [Волков, Панина, 2000, с. 90]. Прототипом солхатской штампованной керамики послужила, очевидно, продукция Хорезма, на которую она и стала со временем походить.

Штампованная керамика, производившаяся на поселении Бокаташ II, встречается по всей территории Солхата, а также за его пределами. Некоторые исследователи полагают, что она поступала на рынки Херсонеса [Баранов, 1991, 110], Азака [Масловский, 2006, с. 417], Поволжья [Волков, Панина, 2000, с. 90] и Руси [Коваль, 2010, с. 113, 144]. Это может свидетельствовать о достаточно крупном характере производства данной категории посуды в Солхате, а также дает представление о географии распространения штампованной керамики солхатского круга.

Географическая среда, в которой формировалась городская культура Солхата и его социум, обусловили появление новых форм и видов ремесленного производства. Востребованность на городском рынке, а также экспорт такого статусного вида посуды, как тисненная керамика, напрямую связаны с ролью Солхата как крупного транзитного торгового пункта. Наличие в окрестностях города сырья и ин-

фраструктуры для изготовления собственной продукции позволило солхатским мастерам выйти на общегосударственный уровень производства в Улусе-Джучи, а в отдельных случаях освоить и рынки сбыта соседних стран.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. №2.
- Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992.
- Волков И.В., Панина Э.Л. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М., 2000.
- Джанов А.В. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII вв. М., 2010.
- Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV вв.). Киев, 1986.
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001 – 2003 гг.). СПб, 2004. Вып. 2.
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб, 2006. Вып. III.
- Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 2003 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 2004. Вып. 20.
- Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Фронджуло М.А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. Киев, 1974.

Н. И. ХРАПУНОВ, Н.В. ГИНЬКУТ
(Симферополь, Севастополь)

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ МАТТЮ ГАТРИ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БОСПОРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ¹

Шотландский врач на русской службе Маттью Гатри был одним из тех, кто начинал изучение древностей Северного Причерноморья в конце «долгого» XVIII в. На протяжении многих лет он коллекционировал предметы античности и собирал материалы, с помощью которых надеялся разобраться в хитросплетениях истории региона. В 1802 г. он – под чужим именем – издал пространное сочинение, в котором, в частности, изложил свои наблюдения по истории и археологии Боспора в античную эпоху. Взгляды Гатри отразили распространенные в эпоху Просвещения представления о том, что географическое положение страны, ее климат и экология оказывают решающее влияние на исторические судьбы населяющих ее народов.

Маттью Гатри (1743–1807) происходил из известного шотландского рода – сведения о его предках встречаются в анналах британской истории с начала XVI в. В 1770 или 1771 г. он получил степень доктора медицины в Эдинбургском университете и вскоре после этого поступил врачом на русскую службу. Ему довелось принять участие в событиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Тогда же он побывал в Крыму. Поездка в Причерноморье, изобиловавшая памятниками античности, вероятно, стимулировала интерес молодого врача к археологии и коллекционированию. После окончания войны Гатри оказался в Петербурге, где с 1778 г. до самой смерти занимал пост главного врача Кадетских корпусов. В 1797 г. Павел I даровал Гатри чин статского советника (дававший права потомственного дворянина)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: историко-археологическое исследование».

и дополнительное ежегодное содержание в 500 рублей [Sweet, 1964, p. 245–250; Parmehl, 1969, p. 168–170; Cross, 1997, p. 147–152].

Служба при Кадетских корпусах оставляла достаточно времени для светской жизни, коллекционирования и научных занятий. В своем доме он принимал представителей высшего света и оказавшихся в Петербурге иностранцев. Истинный человек эпохи Просвещения, Гатри обладал разносторонними интересами, энциклопедическими познаниями и невероятной энергией. Помимо профессиональных занятий медициной, он изучал ботанику и геммологию, естественную историю и археологию, музыку и фольклористику, историю и этнографию. Опубликованные книги и статьи принесли ему известность в научных кругах и позволили стать членом нескольких российских и британских ученых обществ. Когда в 1790 г. в Эдинбурге начал выходить популярный журнал «The Bee», Гатри стал его корреспондентом, снабжая редакцию статьями на самые разные темы (это были исторические и биографические очерки, литературные опыты и критика, научные новости, заметки по российской этнографии и минералогии, записки об охоте и многое другое). Статьи свои он подписывал псевдонимом *Arcticus*, очевидно, намекая на беспокоивший его современников вопрос, к какой же части света следует относить Россию – к Северу или Востоку Европы [Нойманн, 2004, с. 111–124; Вульф, 2003, с. 241–245]?

В 1781 г. доктор Гатри женился на овдовевшей француженке Мари Дюнан (урожденной Ромо-Сюрвесн), служившей в Смольном институте (Императорском воспитательном обществе) благородных девиц. Брак оказался удачным, однако болезнь вынудила мадам Гатри дважды, покинув мужа, отправляться для поправки здоровья на юг России – сначала в Крым, а затем в Таганрог. Первое из этих путешествий она совершила в компании академика П. С. Палласа и его семьи, отправлявшихся в Крым на постоянное жительство в 1795 г. Однако поездки только отсрочили печальный конец – через несколько лет мадам Гатри скончалась.

В 1802 г. Маттью Гатри публикует посвященное памяти супруги «Путешествие, предпринятое в 1795-6 годах, по Тавриде, или Крыму, древнему Боспорскому царству, некогда могущественной республике Таврический Херсон и всем остальным странам на северном берегу Эвксина, уступленным России по Кайнарджийскому и Ясскому миру» [Guthrie, 1802]. Доктор Гатри назвал себя «редактором» книги, основу которой составили письма его покойной супруги, переведенные с французского на английский, отредактированные и снабженные обильными иллюстрациями, комментариями и приложениями. Текст

этих записок не оставляет сомнений в том, что истинным автором писем был сам доктор Гатри [Parmehl, 1969, p. 174; Татаринцева, 2003, с. 595; ср. Cross, 1997, p. 149], очевидно, решивший таким образом почтить память любимой жены. В эпоху Просвещения жанр «вымышленных путешествий», открытый «Персидскими письмами» Монтескье, был весьма популярен. Иногда он использовался для того, чтобы взглянуть на собственное общество и культуру [Вульф, 2003, с. 156–164], иногда – чтобы познакомить европейского читателя с почти не известным ему миром. Достаточно вспомнить, что вторая часть «Приключений Робинзона Крузо» описывает, в частности, путешествие героя через Сибирь. Гатри читал знаменитое «Путешествие юного Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi, сочинение, в котором жизнь классической Греции показана глазами вымышленного героя, прибывшего из Скифии. Вводя фигуру рассказчика, оказавшегося в неведомой стране, автор мог, с одной стороны, оживить повествование, а с другой – завладеть доверием читателя. Хотя героиня Гатри вроде бы перемещается в пространстве, на самом деле встречающиеся на ее пути географические пункты – лишь повод обратиться к истории того или иного города или микрорегиона. Так, например, пять писем «из Керчи» почти ничего не говорят о состоянии города в конце XVIII в., и даже описание церкви Иоанна Предтечи, очевидно, взято из сочинения П.-С. Палласа [Guthrie, 1802, p. 172; ср.: Паллас, 1999, с. 121, 123]. Зато в них подробно рассказывается об античной географии и истории Керченского полуострова, о правлении Митридата Евпатора и его войнах с римлянами и о жизни Боспора в византийское время [Guthrie, 1802, p. 158–174].

Стиль сочинений Гатри местами слишком многословный и тяжеловесный, местами легкий и увлекательный, хаотичный и страдающий повторами. Книга читается не как единое произведение, а как набор очерков на разные темы. В результате сведения о боспорских древностях оказываются в самых разных местах. Помимо упомянутого, это сюжет о херсонесо-боспорских войнах, история Феодосии, описания Еникале и Тамани (античной Фанагории, средневековой Тмутаракани и окрестностей), очерки истории греческих колоний в Северном Причерноморье и причерноморской торговли [Guthrie, 1802, p. 102, 139–141, 175–192, 238–257, 267–271, 282–289]. В приложениях Гатри описал найденные на берегах Боспора памятники, информацию о которых он взял из двух статей М. фон Биберштейна, а также опубликовал монеты правителей Боспора, в том числе из собственной коллекции. Гатри оценил информационный потенциал нумизматических

памятников и на их основе постарался выстроить оригинальную хронологию боспорских царей – на современный взгляд во многом фантастическую [Guthrie, 1802, p. 311–401; Тункина, 2002, с. 52].

В своей работе Гатри использовал чрезвычайно разнообразные материалы. Известия античных (Скилак, Геродот, Страбон, Птолемей, Плиний, Плутарх) и византийских (Константин Багрянородный, Георгий Кедрин) авторов. Он мог изучать или в подлиннике, или греческие – в латинском переводе. Их дополняют ссылки на сочинение Ж.-Ж. Бартеlemi и историю Римской империи Э. Гиббона, исследования и нумизматические каталоги К.-Г. де Бозе, Ф. Кари и Ж. Пеллерена, а также собственное собрание монет. Сведения о средневековых кочевниках он черпал из труда Ж. де Гиня, по истории России – у П. Левека, а ее древней и современной географии – у Ж.-Б. д'Анвиля. Гатри хорошо знал и работы своих современников – путешественников и исследователей Ш. де Пейссоннеля, Н.-Э. Клеемана, П.-С. Палласа, М. фон Биберштейна, Е. Е. Келера, внимательно изучал журналы, издаваемые российской Академией наук и ее британским аналогом – Королевским обществом.

Проанализировавший сочинения Гатри по русской этнографии М.К. Азадовский заметил, что его творческий метод объединял широкий кругозор с компилятивностью, причем оригинальные сведения появляются в тех немногих местах, где Гатри пользовался собственными наблюдениями или устной информацией, полученной от знакомых [Азадовский, 1958, с. 108–109; ср.: Рармehl, 1969, p. 177]. Этот же метод шотландец использовал и в своем историко-археологическом сочинении. Оригинальные суждения встречаются в размышлениях о локализации древнегреческих городов, а также в хронологии боспорских царей и в интерпретации опубликованных М. фон Биберштейном надписей и скульптур.

Судя по всему, на мировоззрение Гатри большое влияние оказали сочинения Адама Смита и Шарля-Луи де Монтескье. Гатри не скрывал восхищения своим соотечественником – экономистом, тогда как имя французского философа лишь раз встречается в его произведении [Guthrie, 1802, p. 175, 338, 380]. Но, видимо, от Монтескье он воспринял представление, впоследствии названное «географическим детерминизмом», согласно которому развитие культуры и общества определяется природной средой. Деятели XVIII в. география представлялась ключом, позволявшим упорядочить пространство и время, создать иерархию народов, нанести их на карту и определить их «цивилизованность» [Вульф, 2003, 226–289]. Для Гатри граница между

варварством и цивилизацией пролегла между степью и побережьем (в случае Крыма – горами). Крымские горы и побережье относились к «цивилизации», а дальше начиналась бескрайняя «Скифская глушь». Кажется, автор не допускал и мысли о том, что жители этой глуши могли самостоятельно преодолеть влияние природной среды. Лишь Российская империя могла принести сюда цивилизацию.

Гатри воспринимал историю как непрерывность. Народы не исчезают бесследно из истории, а как бы «перетекают» один в другой, потому скифы и татары – «всего лишь разные имена одного народа», а караимы в черных одеждах оказываются потомками Геродотовых «черных плащей» – меланхленов [Guthrie, 1802, p. 84, 406]. В опубликованной прежде книге по русской этнографии Гатри обнаружил сходство между обычаями русских и древних греков [Guthrie, 1795]. Теперь же он попытался объяснить это тем, что греки-гипербореи основали колонии в верхнем течении Днепра. Именно там русские и переняли греческие обычаи [Guthrie, 1802, p. 335]. Это позволило Гатри разрешить мучавших его современников вопрос, следует ли относить Россию к числу цивилизованных наций [Нойманн, 2004, с. 111–125], дав на него положительный ответ.

Гатри, несомненно, согласился бы с максимой Монтескье о том, что торговля – это суть истории. «История торговли есть история общения народов. Произведенные ими разрушения да те или иные приливы и отливы народов с сопровождавшими их опустошениями составляют величайшие события в ее летописях» (Дух законов 21.5). Для традиции, к которой принадлежал Монтескье, характерен поиск связей между прошлым и настоящим, и потому «распутывание прошлого» становится важной задачей. Именно этим и занимался Гатри. Потому его история Причерноморья заканчивается после османского завоевания, когда Мехмед Завоеватель прекратил торговлю через Проливы, и возобновляется через 300 лет, когда Проливы вновь открылись благодаря усилиям России [Guthrie, 1802, p. 266–267].

Сочинение Гатри высоко оценили современники. По словам автора, император Александр I наградил его перстнем с бриллиантами. Книга Гатри пользовалась популярностью и в Западной Европе, и в России. Для многих она стала ценным источником сведений о Причерноморье, а для путешественников – путеводителем. И, конечно же, оправдалось предсказание Гатри о том, что раскопки боспорских городов способны принести множество интересных открытий [Guthrie, 1802, p. 313] – тем более, что занятие археологией он полагал одним из тех свойств, что отличают цивилизованные народы от варварских.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
- Паллас П.-С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.
- Татаринцева Р. И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Cross A. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in the Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997.
- Guthrie M. Dissertations sur les antiquités de Russie... Saint-Petersbourg, 1795.
- Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea... London, 1802.
- Papmehl K.A. Matthew Guthrie - The Forgotten Student of 18th Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1969. Vol. 11. No. 2.
- Sweet J.M. Matthew Guthrie (1743–1807): An Eighteenth-Century Gemmologist // Annals of Science. 1964. Vol. 20. No. 4.

С. Н. ХРАПУНОВА
(Симферополь)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЗАПИСКАХ ДЖОНА СМИТА О ТАТАРИИ

На XV Боспорских чтениях был представлен доклад об особенностях текстологии и интерпретации рассказа англичанина Джона Смита о его пребывании в Татарии в 1603 г. Эти записки являются ценным источником по этнографии и истории Причерноморья и Крымского ханства, сочетающие авторские наблюдения с заимствованиями из других источников эпохи Средневековья и раннего Нового времени. К настоящему времени подготовлен аннотированный перевод записок Джона Смита о его пребывании в Северном Причерноморье, выполненный по последнему критическому изданию сочинений англичанина [Smith, 1986, p. 187–203]. В контексте настоящей конференции этот источник примечателен тем, что раскрывает представления европейцев начала XVII в. о юге Восточной Европы, свойственные им стереотипы и особенности восприятия отдаленных стран и народов, суждения о роли географического фактора в истории и культуре.

Англичанин Джон Смит (1580–1631 гг.) в юности покинул родину, чтобы стать наемным солдатом. После многих приключений он оказался на службе у правителя Трансильвании. В неудачном сражении при Турну-Рошу (Верешторонь) 18 ноября 1602 г. австрийская армия, в которой служил Смит, была разгромлена войском крымского хана Гази II Герая. Раненый Смит попал в руки мародеров и был продан в рабство. В конце концов англичанин оказался во власти какого-то паши, поместья которого находились в Северном или Восточном Приазовье. Через несколько месяцев ему удалось бежать, добраться до русских владений, откуда он через территорию Речи Посполитой вернулся в Трансильванию.

В 1606 г. Смит присоединился к английским колонистам, отправившимся в Северную Америку и основавшим там первое постоянное

поселение – Джеймстаун в Виргинии. В декабре 1607 г. Смит попал в плен к индейцам, но сумел заслужить расположение могущественного вождя племени алгонкинов, Поухатана. По легенде, дочь вождя, Покахонтас, спасла англичанина от верной смерти. Освободившись из плена, Смит возглавлял колонистов Джеймстауна до своего возвращения в Англию в 1609 г. Впоследствии он совершил еще два неудачных плавания к североамериканским берегам (в 1614 и 1615 гг.).

В Англии Смит занялся сочинительством, опубликовав описание своей бурной жизни, историю североамериканских колоний, руководство для моряков и другие книги [Barbour, 1964]. Он познакомился с Самьюэлем Перчасом, который в это время готовил фундаментальный корпус известий путешественников о дальних странах. По его предложению Смит записал историю своих европейских приключений, которая вошла в состав Перчасовых «Пилигримов» [Smith, 1625]. Через пять лет отдельным изданием вышла гораздо более полная автобиография Джона Смита, куда были добавлены главы о его приключениях в Новом Свете, а рассказ о Татарии был существенно расширен за счет материалов, взятых у других авторов – Уильяма Биддольфа, Энтони Дженкинсона, Гильома де Рубрука, Мартина Броневского [Smith, 1630]. Впоследствии эта книга не раз переиздавалась, прославив Смита, но и создав ему репутацию выдумщика.

Европейцы традиционно воспринимали Восток как полную противоположность Западу, место недружелюбное, но полное чудес [Саид, 2006, с. 92; Эко, 2013, с. 97–123]. Этой репутации способствовало незнание. Так, в начале XVII в. о юго-восточной Европе говорили разные невероятные вещи. Современник Смита, француз Жак Маржерет, состоявший на русской службе, утверждал, что видел собственными глазами шкурки удивительного творения природы, полуживотного-полурастения, имевшего вид ягненка, вырастающего из земли на стебле, которое добывали в окрестностях Астрахани [Маржерет, 2007, с. 118–119]. Это был знаменитый «баранец», он же *agnus scythicus*. Смит же подобные фантазии были не свойственны. Его рассказы о Татарии приоткрывали европейскому читателю жизнь, конечно, отличавшуюся от его собственной, но все же остававшуюся в сфере реального, а не волшебного. Так расширялась география известного мира, а зона чудес сдвигалась все далее на восток, к границам Китая, «где находятся многие из знаменитейших в мире царств; где имеются большинство искусств и изобилие, где редкости встречаются в таком количестве, что это может показаться невероятным...» [Smith, 1986, p. 199].

Смит был умным, но плохо образованным человеком, который во время странствий по Европе не вел никаких записей и, к тому же, не знал тамошних языков. Свои воспоминания он записывал через два десятка лет после событий (а эти годы были заполнены многими другими приключениями), вероятно, черпая вдохновение в картах и других материалах, предоставленных ему Перчасом [Barbour, 1963]. Потому в записках Смита правда причудливо смешивается с вымыслом, а сквозь практические наблюдения солдата и колониста просматриваются стереотипы эпохи. Сложенные из фрагментов, его мозаичные воспоминания путаны и противоречивы. Вдобавок Смит довольно смутно представлял себе взаимное расположение мест, где он побывал. В результате локализация местности, где англичанин находился в рабстве, и маршрута, по которому он вернулся из плена, является предметом дискуссии [Barbour, 1957; Двойченко-Маркова, 1976; Королев, Магаков, 1985].

Судя по всему, Смит полагал, что природные условия, в которых находились жители этих краев, «законсервировали» их историю. Здесь ничего не менялось на протяжении тысячелетий, а потому в описаниях современного ему быта кочевников вполне допустимы цитаты из сочинения Рубрука о монголах, написанного на три с половиной столетия раньше [напр.: Smith, 1986, p. 192–194; ср.: Rubruck, 1625, p. 3–6]. Более того, Смит полагал, что быт людей Востока мало отличается на всем протяжении от Крыма до Средней Азии, и потому о диете своего хозяина он говорит словами другого англичанина – Биддольфа, совершившего поездку в Алеппо в Сирии [Smith, 1986, p. 189; ср.: Biddulph, 1625, p. 1340]. Поскольку история Северного Причерноморья остановилась, здесь сохранились города, известные еще Клавдию Птолемею: Налбриц (Наварис) принадлежал туркам и татарам, а Экополь (Эксополь) – москвитам [Smith, 1986, p. 187, 188, 201, 202; ср.: Качарава, Квирквелия, 1991, с. 163, 326]. Смит утверждал, что побывал в обоих.

«Татария и Скифия – пишет Смит, – суть одно и то же, но она так велика и разнообразна, что немногим, а быть может и вообще никому никогда не удастся точно описать ни её, ни все те различные типы самых варварских народов, что её населяют. Те, кого мы зовём крымскими татарами, граничащие с Молдавией, Подолией, Литвой и Россией, куда более упорядочены, чем [жители] внутренних районов Скифии» [Smith, 1986, p. 191]. Смещение современной и древней этнографии – характерная черта ученых трудов Нового времени, когда историки и географы искали и находили скифов, воплощавших варварство, по всей Восточной Европе [Вульф, 2003, с. 297, 310–311, 422 сл., 438 сл.]. По мере продвижения в глубь материка

путешественник оказывается во все более примитивном, варварском окружении. Если в Приазовье Смит видел каменные замки, то во владениях московского царя постройки сооружают из древесины, и «в десяти деревнях вы не найдете и десятка железных гвоздей, если это не дома выдающихся людей» [Smith, 1986, p. 188, 202].

Безлюдные южные владения России и Речи Посполитой произвели на англичанина удручающее впечатление: «Через эти постоянно и сильно разоряемые страны можно проехать лишь вместе с караваном или конвоем, так что об этих странах следует пожалеть, а не завидовать им; удивительно, что кто-то еще воюет [за власть] над ними» [Smith, 1986, p. 202]. Однако местные дворяне «приобщены к цивилизации, хорошо одеты и имеют украшения, сабли и коней», то есть подобны европейцам [Smith, 1986, p. 202–203]. Они не чужды человечности – наместники тех мест, через которые Смит возвращался из плена, считали своим долгом всячески помогать ему, «полагая, что сами они могут оказаться в таком же бедственном положении» [Smith, 1986, p. 201–202].

Иное дело – жители Татарии. Это истинные варвары, жестокость которых была, по-видимому, отражением суровых природных условий. Грубыми, почти нечеловеческими были их одежда и пища, жилища и образ жизни. Не удивительно потому, что, в традициях своей эпохи, Смит добавляет в название страны и ее жителей букву р – Тартария (Tartaria), тартары (Tartars), тем самым проводя параллель с Тартаром, преисподней древнегреческих мифов. Вырваться отсюда самостоятельно было невозможно, оставалось уповать только на помощь свыше [Smith, 1986, p. 189–201].

Суровая жизнь закалила характер татар, сделав их прекрасными воинами, в чем Смит имел возможность убедиться на собственном опыте. На поле сражения «варварство» не уступало «цивилизации», а нередко и превосходило ее. «При всех тех жалких знаниях, оружии и упряжи удивителен ущерб, который они [татары] наносят Христианству, причиной чему – тяготы их жизни и крепость характера, смирение, сообразительность, а также дары, почести, милости и титулы, которыми их император [т. е. крымский хан] всегда осыпает тех, кто оказал ему всякую достойную упоминания услугу перед лицом врагов» [Smith, 1986, p. 199]. Таким образом, «виновный» в военных неудачах европейцев был найден довольно быстро – в конечном итоге им оказалась все та же природная среда.

ЛИТЕРАТУРА

- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003.
- Двойченко-Маркова Е. М. Джон Смит в России // Новая и новейшая история. – 1976. - №3.
- Качарава Д. Д., Квирквелия Г. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: малый энциклопедический справочник. – Тбилиси, 1991.
- Королев В. Н., Магаков Г. Ю. Джон Смит на юге России // Новая и новейшая история. – 1985. – №3.
- Маржерет Ж. Состояние Российской империи. – М., 2007.
- Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – М., 2006.
- Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны. – М., 2013.
- Barbour Ph. L. Captain John Smith's Route through Turkey and Russia // The William and Mary Quarterly. Third Series. – 1957. – Vol. 14. – No. 3.
- Barbour Ph. L. Fact and Fiction in Captain Smith's True Travels // Literature as a Mode of travel: Five Essays and a Postscript. – New York, 1963.
- Barbour Ph. L. The Three Worlds of Captain John Smith. – London, 1964.
- [Biddulph W.] Chap. IX. Part of a Letter of Master William Biddulph from Aleppo // Purchas his Pilgrimes. Pt. 2. – London, 1625.
- [Rubruck W. of] Chap. I. The Journal of Friar William De Rubruck... // Purchas his Pilgrimes. Pt. 3. – London, 1625.
- [Smith J.] Chap. XI. The Travels and Adventures of Captaine John Smith in diuers parts of the world, began about the yeere 1596 // Purchas his Pilgrimes. Pt. 2. – London, 1625.
- [Smith J.] The True Travels, Adventures, and Observations of Captain John Smith, In Europe, Asia, and America, from Anno Domini 1593. to 1629. – London, 1630.
- [Smith J.] The True Travels, Adventures, and Observations of Captaine John Smith. 1630 // The Complete Works of Captain John Smith / Ed. Ph. L. Barbour. – Chapel Hill; London, 1986. Vol. III.

В.А. ХРШАНОВСКИЙ
(С-Петербург)

БОСПОРСКИЕ НЕКРОПОЛИ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА (по материалам некрополей Китейской равнины и Илуратского плато)

Возле боспорских городов Китей и Илурат, как стало ясно в итоге многолетних работ, находятся несколько некрополей самого разного типа: грунтовые, скальные, курганные. Вопрос об их принадлежности остается открытым, что не позволяет делать однозначные выводы о закономерностях взаиморасположения город – некрополь. Однако зависимость местонахождения, внутренней организации и типа некрополя от таких природно-географических характеристик, как стороны света, ландшафт (низменность – возвышенность), поверхность земли (грунт – скала), в целом подтверждаются проведенными исследованиями.

Город Китей находится на высоком обрывистом берегу, в зоне абразии, обусловленной многовековой трансгрессией Черного моря. Уже в 1820-21 годах первооткрыватель Китея Поль Дюбрюкс отмечал, что море смыло значительную часть территории города (Дюбрюкс. 2010. Т. 1. С. 314). Это было зафиксировано на составленном тогда же плане: с южной (приморской) стороны стены и укрепления отсутствовали (Молев, 2010. С. 10–12. Рис. 3-4). Неизвестно, находились ли какие-нибудь некрополи к югу и востоку от Китея, на обрушившейся прибрежной полосе. Но обширная территория, расположенная к северо-востоку, северу, северо-западу, западу и юго-западу от города, в разное время более или менее активно использовалась для совершения погребально-поминальных обрядов. Самые восточные погребальные сооружения были исследованы в 0,7 км к северо-востоку от сохранившейся северо-восточной части стены города, самые северные и западные, соответственно, – в 1,5 км от северной, крайние юго-западные, по предварительным данным, находятся, примерно, в 1 км от запад-

ной крепостной стены. Из всех открытых комплексов погребальных сооружений лишь некоторые могут быть локализованы как однотипные и синхронные: на центральном участке в 0,5 км к северу от северо-восточного угла города – эллинистические (IV–III вв. до н. э.) вырубные могилы; на северном участке на расстоянии около 1, 2 км от северной стены города – вырубные склепы с искусственными полуциркульными сводами и склепы-катакомбы позднеримского времени (III в. н. э.); западнее, у южного подножия кряжа Джург-Оба, – также вырубленные в скальном массиве склепы с пещеровидными камерами IV–VI вв. н. э. (раскопки Ю. Ю. Марти и А. Л. Ермолина); на вершине кряжа – цепочка неисследованных курганов, тянущаяся с юго-запада на северо-восток к мысу Такиль. В первом десятилетии XXI века к югу от Джург-Обы, на пахотном поле, открыт грунтовой некрополь IV–VI вв. н. э. (раскопки А. Л. Ермолина). По предварительным данным, к западу от крепостной стены Китея, в прибрежной зоне, находится еще один участок позднеантичного грунтового некрополя IV–V (?) вв. н. э., протяженностью до 1 км. Судя по трем монументальным склепам, сложенным из блоков и плит известняка, в последней четверти IV–начале III вв. до н. э. здесь функционировал эллинистический некрополь, возможно, частично уже обрушившийся в море.

У многих древних народов загробный мир располагался там, где заходило солнце. С учетом этого и «город мертвых» (по возможности) должен был располагаться к западу (или к северу) от «города живых». Некрополи, открытые возле Китея, казалось бы, подтверждают эту закономерность. Однако необходимо учесть, что за последние полторы тысячи лет, с тех пор как Китей перестал существовать, значительная часть прилегающей территории к юго-западу, югу, юго-востоку и востоку от него оказалась «съедена» морем, и установить, что раньше на ней находилось, не представляется возможным.

Географическая среда вокруг Китея открывала возможности для создания некрополей самых разных типов: грунтовых, скальных, курганных. Все они в античное время были здесь реализованы, что свидетельствует о разнообразии и/или смене погребальных традиций тех, кто здесь обитал.

При совершении погребального обряда особое внимание уделяется ориентации погребального сооружения и погребенных в нем людей. Последнее из-за грабителей (древних и современных) установить удается достаточно редко. Все же на основании имеющихся

сегодня материалов можно констатировать, что с V в. до н. э. по II в. н. э. (за исключением раннеэллинистических склепов на юго-западном участке) преобладала широтная ориентация могил (погребенные чаще обращены головой в восточном направлении), а с III в. н. э. – меридиональная (погребенные – головой к северу).

Возле города-крепости Илурат (на расстоянии до 1,5 км) также расположено несколько некрополей. Ближайший к городу – грунтовой, находится в 0,3 км к востоку от восточной стены, на краю балки – естественной границы Илуратского плато с этой стороны. Открытые здесь грунтовые могилы и склепы датируются концом I – началом II вв. н. э. Среди них преобладала широтная ориентация и погребенные (в установленных случаях) преимущественно были обращены головами к востоку. Второй большой грунтовой некрополь расположен в 0,3–0,5 км к западу от Илурата, внизу, в излучине некогда полноводной реки, у подножия высокого (до 70 м над уровнем моря по балтийской системе) известнякового плато, северную оконечность которого и занимает город-крепость. По предварительным данным, площадь этого почти неисследованного некрополя, на территории села Ивановка, может достигать 5 га. Именно этот некрополь, известный еще с 30-х годов XX века, В. Ф. Гайдукевич считал собственно илуратским (Гайдукевич, 1950. С. 189; он же. 1958. С. 138–139). Около 40 могил, доследованных здесь в ходе охранно-спасательных работ, датируются илуратским временем (I–III вв. н.э.) (Горнчаровский, 1998. С. 85–87). С точки зрения традиционного мифоритуального сознания, местонахождение этого некрополя – к западу от города, внизу, в излучине реки, лучше всего подходит для решения его основной функции «моста между мирами».

Еще несколько некрополей находится на самом Илуратском плато. Один из них – скальный – в 0,75–0,9 км к югу от южной угловой башни крепости, был открыт еще Полем Дюбрюксом. Он занимает одну из двух скальных возвышенностей в этой части плато. Открытые здесь вырубные могилы, вырубные склепы с искусственными (полуциркульными?) сводами, склепы-катакомбы с пещеровидными камерами, склепы, сложенные из блоков известняка с полуциркульным и уступчатым сводами, также имеют широтную ориентацию и в большинстве случаев обращены входами на закатное солнце.

Заслуживает внимания и то, что выбор камня (известняка) в том или ином виде (скальный массив или вырубленные блоки и плиты) в качестве материала для погребального сооружения обусловлен

скорее представлениями о том, каким он должен быть, чем технологически вынужденной мерой. При желании, для облегчения труда и уменьшения физических затрат на строительство погребального сооружения между известняковыми возвышенностями (или к югу, юго-западу от них) можно было найти достаточно мощный слой почвы, переходящий в материковый суглинок, вполне пригодный для грунтовых погребений.

На юго-западной возвышенности также были открыты вырубные могилы, вырубные склепы с искусственными сводами, склепы-катакомбы с пещеровидными камерами, монументальные склепы, сложенные из блоков и плит известняка, с полуциркульными сводами и несколько грунтовых могил, облицованных плитами известняка, поставленными на ребра. Ориентация вырубных сооружений здесь в значительной степени задана западным краем плато, в который они были «вписаны». Соответственно, три вырубных склепа обращены входом на запад – юго-запад, а четыре склепа-катакомбы – на юго-запад – юг. Три склепа, сложенных из блоков и плит известняка, были сооружены в конце I – начале II вв. н. э. и также имели меридиональную ориентацию с дромосами на юге.

В отличие от грунтовых некрополей, расположенных в низине (излучина реки, край балки), скальные могильники и склепы, сложенные из блоков известняка, как правило, занимают возвышенности. Есть основания полагать, что часть расположенных здесь погребальных сооружений первоначально имела вид курганных. В одних случаях следы курганных насыпей над склепами-катакомбами фиксировались археологически (Кубланов, 1983. С. 101–103). В других – реконструируются по известным архитектурно-строительным особенностям склепов с уступчатыми и полуциркульными сводами (Савостина, 1984. С. 7, 10). Курганы – даже не очень высокие – в древности должны были придавать господствующим возвышенностям на юге и юго-западе Илуратского плато еще более величественный вид. Вопрос об их принадлежности остается открытым, но представляется бесспорным, что они принадлежат к погребальной традиции, отличной от синхронных грунтовых некрополей в восточной части плато, на краю балки и у его подножия, в излучине древней реки.

То, что курганные группы на Керченском полуострове часто располагались на возвышенностях, кряжах и грядках – общеизвестный факт. В 0,3–0,5 км к югу, юго-западу от западного края Илуратского плато, на известняковом кряже, недавно были зафик-

сированы еще 32 кургана (Хршановский, 2013. С. 251. Рис. 2). По имеющимся предварительным данным, они относятся к античному (предположительно скифскому) времени. К западу от них, на Михайловской гряде, также имеется еще одна цепочка курганов, большая часть которых, судя по проведенным охранно-спасательным работам, может датироваться IV–III вв. до н. э. (Ефимова, Кожин, Петерс, 1972. С. 97–102).

В отличие от городов, селищ и усадеб при выборе места для некрополя географическая среда рассматривалась не с точки зрения практического удобства и безопасности, а с точки зрения изначально особого предназначения некрополя. В мифоритуальном сознании древних людей некрополь не просто конечный пункт похоронного ритуала, а сакральное место, где должен был произойти переход умершего в потусторонний мир (Байбурин, 1993. С. 114–115; Кирилук, 1996. С. 29; Иванова, 2002. С. 46–47). Успех в достижении этих важных (не только для самого «субъекта», но и для сообщества, к которому он принадлежал) целей – гарантии необратимости ухода от живых, последующего возрождения, и, в конечном счете, восстановление нарушенного смертью миропорядка – должен был быть обеспечен «правильностью» и полнотой совершенного погребально-поминального обряда.

«Правильность» обряда, в свою очередь, была обусловлена базовыми универсалиями, определяющими мифологическую модель мира индоариев: трехчленное деление по вертикали (верхний – небесный мир, средний – мир людей и хтонический – подземный) и четырехчленное в горизонтальном срезе (соответствующее нынешним сторонам света) (Топоров, 1982. С. 26–28). Так «неслучайность» проявлялась уже в выборе места для некрополя: за пределами города или селения, желательно к западу или к северу от них – в направлении, где большинство мифологических моделей мира размещает «страну мертвых» (Chevalier, Gheerbrant, 1996. Р. 945). Помимо этого, топография некрополя в большой степени зависела от рельефа местности, предпочтение (при возможности) отдавалось низинам и возвышенностям, что коррелировало с хтоническим и небесным мирами в вертикальной структуре мироздания.

Важное место в «географических» характеристиках некрополя имеет пространственная ориентация погребальных сооружений. Она может быть различной, но неслучайной, соотносенной (как и положение самого умершего) с восходящим и заходящим солнцем.

Таким образом, некрополи в целом и отдельные погребально-по-

минальные памятники (в частности, курганы), в силу своей специфики организуют, моделируют и сакрализуют пространство, придавая ему «символизм» (Савостина, 1990. С. 237, 240–241), имеют свойство «текста» со своим значением и смыслом (Топоров, 1983. С. 234), несут информацию, которая может быть передана различной комбинацией знаков (Иванова, 2002. С. 50).

Выбор исходного природного материала для погребального сооружения (грунт, скала) при наличии нескольких вариантов, как представляется, также был связан не столько с утилитарно-технологическими соображениями (ближе/дальше, легче/тяжелее, менее затратно/более затратно), сколько с погребальной традицией, в основе которой лежали те или иные мифологические представления.

Исходя из того, что в погребально-поминальном ритуале нет ничего случайного, такие природные артефакты, как галька, кремневые отщепы, обломки гранита, створки морских ракушек, подсыпка из песка, часто встречающиеся в могилах и тризнах, имеют свой смысл. Они (наряду с другими – рукотворными – вещами) выполняют роль медиаторов-посредников (и одновременно катализаторов) процесса перехода/перевода умершего (и сопутствующих жертвоприношений) из земного мира в хтонический, обеспечивая тем самым непрерывность жизненного цикла (Тульпе, 2013. С. 63).

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб, 1993.
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат // СА XIII, М.-Л., 1950.
Гайдукевич В. Ф. Илурат // Боспорские города II. МИА № 85. М.-Л, 1958.
Горончаровский В. А. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции. СПб, 1998.
Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 2010.
Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Б. Г. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка // КСИА 130. Античные памятники на территории СССР. М, 1972.
Иванова С. В. Погребальная обрядность: дискурсивно-мировоззренческий аспект // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 1. Донецк, 2002.

- Кириллюк А. С. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф. Одесса, 1996.
- Кубланов М. М. Раскопки некрополя Илурата: Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научных трудов. Л., 1983.
- Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь – Керчь, 2010.
- Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1984.
- Савостина Е. А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990
- Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественных наук в древности. М., 1982.
- Тульпе И. А. Семиотическая вселенная некрополя // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы «круглого стола». СПб., 2013.
- Chevalier J, Gheerbrant A. The Penguin Dictionary of Symbols. NY, 1996.

Д.А. ШАЛЫГА
(Симферополь)

О КВАЗИРУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ С ГОРЫ ОПУК¹

В 1999 г. в научное обращение был введен спорный и одновременно претендующий на сенсацию артефакт, а именно обнаруженный на горе Опук в переотложенном состоянии камень с изображением равноплечного креста в круге и рунической надписью [Голенко и др., 1999, с. 77–97]. Находка в Крыму рунической надписи сразу привлекла внимание специалистов и до сих пор остается предметом дискуссии. Основанием для первых сомнений в подлинности рун послужило сочетание христианского символа и рунических знаков старшего футарка, а также техника барельефа, в которой выполнены и крест, и надпись [Шалыга, 2000, с. 205–207]. А.А. Хлевов, рассматривая целый ряд рунических памятников, приводит лишь некоторые поздние неубедительные аналогии применения такой техники [Хлевов, 2001], никак не связанные со старшими рунами. О нарушении традиции и даже «невероятности» использования техники высокого рельефа для старшерунических памятников, ссылаясь на фундаментальные труды Е.А. Мельниковой [Мельникова, 1977, 2001], пишет и Н.А. Ганина [Ганина, 2011, с. 18]. М.Б. Щукина также смущает единая композиция равноплечного креста в круге и старших рун, однако, как и А.А. Хлевов [Хлевов, 2001], он склонен рассматривать крест не как христианский символ [Щукин, 2005, с. 429]. Попытки понять смысл надписи, что нередко происходит с руническими памятниками, не увенчались успехом. Начиная с первой публикации большинство исследователей оставляет без внимания пятый знак [ср. Голенко и др., 1999, с. 77–97; Хлевов, 2001; Юрочкин, 2001 и Шалыга, 2000,

¹ Тезисы представляют исследование, выполняемое в рамках проекта РГНФ № 15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.)».

с. 205–207; Щукин, 2005, с. 428–430]. В отдельном случае это привело к чрезвычайно сомнительной трактовке надписи как начальных букв топонима Трапезус [Юрочкин, 2001]. Недавняя публикация Н.Ф. Федосеева объясняет спорность опукской надписи и отсутствие аналогий, опровергая ее германское происхождение и приписываемое значение уникального памятника рунической эпиграфики [Федосеев 2010]. Автор статьи описывает обстоятельства, при которых была изготовлена надпись, и называет современного мастера. Таким образом, мы получаем свидетельство, важное недостающее звено, соединяющее пазл выше названных аргументов и позволяющее с уверенностью определить надпись как квазируническую.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганина Н.А. Крымско-готский язык. – СПб., 2011. – 288 с.
- Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. 2. Ин-т археологии РАН. М., 1999.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. / Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Федосеев Н.Ф. О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. 2010. № 1 <http://www.statonline.org.ua/arhiologiya/36/3072-o-dostovernosti-runicheskix-nadpisej-prichernomorya.html>
- Хлевов А.А. Об историко-культурной интерпретации керченских рун // Херсонесский сборник. Вып. 11. ANAXAPXIS. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001. <http://norse.ulver.com/articles/hlevov/hsb11.html>
- Шалыга Д.А. Об атрибуции рунической надписи на стеле с горы Опук // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. VII. Симферополь, 2000.
- Щукин М.Б. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Юрочкин В.Ю. Готы-трапезиты на пограничье Боспора. http://annales.info/blacksea/small/g_trapez.htm

А.Н. ШАМРАЙ
(Темрюк)

АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У МЫСА ТУЗЛА (гидроархеология и палеогеография)

Изучение античных памятников под водой у мыса Тузла длится около сорока лет. За это время накоплен определённый объём материалов смежных научных дисциплин: гидроархеологии и палеогеографии. Комплексный характер этих материалов позволяет в первом приближении восстановить некоторые условия географической среды обитания людей, оставивших следы материальной культуры на дне пролива.

В акватории мыса локализованы и исследуются памятники двух археологических видов: прибрежное селение, затопленное морем (Шамрай, 2004, с. 397–407; 2009, с. 144–153; Кондрашов, 2009, с. 173–176; 2010, с. 118–124), и его корабельные стоянки (Шамрай, 2003, с. 277–290; Шамрай, Сударев, 2013, с. 506–513). Изначально эти памятники возникли в различных природных средах – на суше и в воде, постоянно взаимодействующих друг с другом. Характер этого взаимодействия нестабилен, он обусловлен господствующими в данном регионе климатическими факторами, динамика которых во времени приводит к изменениям берегового ландшафта. В результате очередного цикла таких изменений селение у мыса Тузла оказалось затопленным, а его корабельные стоянки «удалились» от древнего берега пролива. Таким образом, изучая состояние археологических памятников под водой, мы имеем возможность получить данные для восстановления ландшафта и отчасти природных условий, современных этим памятникам.

Теоретической основой реконструкций, представленных в данной работе, является научная концепция К.К. Шилика в той её части, которая касается изучения затопленных селений и городов методами гидроархеологии и береговой геоморфологии (Шилик, 1990, с. 18–22).

По предварительным археологическим данным, территория строительных остатков селения охватывает площадь дна пролива около 12 га, в полосе современных глубин 1,2 – 3 м. Южная граница селения протяжённостью 150 м проходит в полукилометре к северу от мыса Тузла. Общая протяжённость культурных остатков вдоль берега к северу – около 800 м (рис. 1). К наиболее раннему периоду жизни памятника относится культурный слой в его южной части. Он сохранился в виде возвышенных каменистых площадок различной величины, обширных полей из привозных пород камня, а также большого количества фрагментов керамики архаического и классического периодов античности.

Массив возвышенных площадок (далее - **платформ**) расположен в 0,6 км от мыса Тузла. В плане постройки округлой и вытянутой по широте формы различных размеров. Малых платформ четыре, все они сгруппированы ближе к современному берегу пересыпи и разбросаны по площади хаотично. Вокруг них залегают поля привозных окатанных камней различных размеров и форм. Четыре большие платформы находятся несколько мористей, они вытянуты цепочкой друг за другом в линию протяжённостью около 90 м. В микрорельефе их восточных склонов отмечаются неровности, которые, очевидно, относятся к конструктивным особенностям самих платформ. Расстояние между большими платформами различно. Две крайних к западу лежат в 39 м друг от друга и соединены между собой невысокой и относительно узкой каменистой грядой с небольшим проёмом. Между другими платформами этой группы расстояние незначительно, их основания почти примыкают друг к другу, что создаёт иллюзию сплошной гряды или вала*.

В последние годы определены уровень дневной поверхности, на которой некогда были построены платформы, и внутреннее устройство этих строений. Для этого у основания одного сооружения, на границе его каменного склона и песка, был заложен шурф площадью 5 кв. м. Шурф располагался в 170 м к западу от современного уреза воды на глубине 2,5 м от поверхности пролива в 2013 г. Раскопками шурфа установлены следующие археологические и геоморфологические данные:

– слой современных волновых нарушений дна был слабо выра-

*Автором работы приведена характеристика топографии и морфологии памятника, которая во многом разнится с данными А.В. Кондрашова, изучавшего остатки селения в 2005 г. (см. Кондрашов, 2006, с. 6, илл. 11; 2009, с. 173 и сл.; 2010, с. 121).

жен и фактически находился на уровне редких валунов привозных пород, лежащих в основании склона платформы;

– слой в основании платформы из редких валунов привозных пород, местного галечника и щебня толщиной 0,3 м и шириной 1,5 м залегал на галечно-песчано-ракушечной (далее – ГПР) подсыпке. Дневной горизонт слоя находился на отметке 2,5 м, а подошва – 2,8 м от поверхности воды; за пределами своей ширины слой переходил в современные отложения песка желтовато-коричневого цвета. В верхней части слоя был найден окатанный фрагмент венца глиняной кастрюли с орнаментом и обломок корневища небольшого дерева или куста, изъеденный древоточцем;

– ГПР подсыпка толщиной 0,2 м и шириной до 2 м залегала на плотном пылеватом кварцевом песке серого цвета, в котором наблюдались редкие створки раковин ископаемых устриц; тыловая сторона подсыпки находилась на отметке 3 м от поверхности пролива. За пределами своей ширины слой изменялся по составу – в нём исчезал галечник.

В этом слое на некотором удалении от каменистого склона холма найдены крупные фрагменты амфор раннего периода античности VI – V вв. до н.э. (рис. 2.1 - 4). Артефакты не носили следов окатанности в той части, которая была скрыта в песке. На внутренних стенках керамики сохранилась смолянистая обмазка, а внешняя поверхность не изменила своего первоначального цвета от проникновения ионов железа**. Вокруг обломков керамики проведены зачистки морских отложений, при этом выяснено, что артефакты залегали в песчано-ракушечном слое на кровле пылеватых кварцевых песков серого цвета. Таким образом, в контексте единства положения на одном уровне подсыпки строений и фрагментов керамики удалось решить одновременно две задачи:

– определить уровень дневной поверхности древней песчаной пересыпи (3 м), на которой был возведен комплекс больших платформ;

– установить хронологию первого функционального этапа всего комплекса строений после их возведения (1-ая половина VI – начало V вв. до н.э.).

Определённые сведения для восстановления природной среды

**Насыщение поверхности изделий из глины ионами железа, присутствующими в морской воде, происходит исключительно в условиях их долгого и обязательно открытого пребывания на дне, при этом естественный цвет их поверхности меняется на тёмно-бурый до чёрного.

вокруг селения предоставляет конструкция возвышенных площадок. Она выявлена методом разборки каменного склона над вышеописанным шурфом и локальной выборкой кладки камней на поверхности всех больших платформ.

В процессе работ выяснено, подошва каменной кладки склона строения лежит на ГПР подсыпке. Камни в основании склона и далее по всей кладке имеют различные формы (подквадратные, яйцевидные, трапециевидные), их средний размер – 0,2 x 0,3 м. Большинство камней привозных пород – это диориты, песчаники различной плотности, встречаются и розовые мергели. Склон сооружения выполнен нерегулярной однослойной кладкой, толщина которой укладывается в размеры трёх валунов, примерно 0,5 – 0,6 м. Уплотнённая вершина покрыта такой же кладкой, но в два камня (0,4 м). Весь остальной объём сооружения заполнен ГПРсубструкцией.

Говоря о строительных приёмах в возведении этого сооружения, можно проследить последовательность его строительства. Из ГПР материала устроено искусственное основание продолговатой округлой в плане формы, средним диаметром около 20 м и высотой 0,2 м. В свою очередь, из того же материала на нём возведена холмообразная насыпь высотой 1 м, но несколько меньшего диаметра, примерно 16 м. После этого насыпь обложена камнями привозных пород. Неширокий пояс в основании сооружения из редких валунов, галечника и щебня мог образоваться как в период его постройки, так и позже – при его взаимодействии с наступающим морем. Объёмы материалов, использованных для строительства только одного объекта, довольно внушительны. В основание и насыпь платформы уложено около 250 м³ субструкций, а камней понадобилось около 300 тонн. Аналогичным способом, но с несколько меньшими объёмами строительных материалов, возведены и остальные три сооружения.

Изложенная выше характеристика приёмов и масштабов строительства позволяет думать, что возведению всего комплекса из четырёх основных по величине сооружений придавалась особая, вероятно, первостепенная значимость. Поведенческие мотивы, составлявшие первых колонистов этой местности проводить подобные работы, могли быть обусловлены только соображениями выживаемости. К этой мысли нас приводит и топография комплекса – его линейное положение поперёк узкой полосы прибрежной пересыпи, которая, по-видимому, отделялась от материкового уступа берега периодически подтопленной акваторией древнего залива.

Исходя из архитектурной характеристики сооружений и аргументов в пользу их функционального предназначения, можно предложить в качестве рабочей гипотезы считать платформы фундаментами, на которых, по-видимому, стояли общественно значимые строения из сырцового кирпича.

Конструкция такого фундамента объясняется и утилитарной стороной природных условий жизни в данной местности. При сильных ветрах континентального климата того времени он предохранял строение от золотой миграции песка на древней пересыпи, а также от её затопления во время нагонных или паводковых повышений уровня пролива.

Коснувшись уровня пролива, необходимо отметить, что его показатель весьма важен для реконструкции ландшафта местности античного селения. Он определял многие стороны жизни поселенцев, в том числе и их способность обороняться (Виноградов, 1990, с. 374, 376). Теоретически уровень пролива, предшествующий заселению пересыпи, вычисляется прибавлением показателя на незатопляемость в 1–1,5 м к уровню дневной поверхности, на которой в древности были возведены постройки (Шилик, 1990, с. 20). В нашем случае он находился на 4 – 4,5 м ниже современного, но отыскать его признаки по западной границе селения пока не удалось. Предположительно, древний урез воды в виде его аккумулятивной формы – пляжа – сегодня находится на глубинах 3 – 3,5 м под слоем современных морских отложений толщиной 1–1,5 м.

Группа малых возвышенных площадок и развалов камней вокруг них, тяготеющих к современной песчаной пересыпи, пока глубоко не изучалась, но собранный там подъёмный материал – верхняя деталь каменной зернотёрки (рис. 2.5), фрагменты хозяйственной керамики (чаши и пифоса) (рис. 2.6,7) – намекает на их бытовое предназначение, возможно, это фундаменты жилых построек. По времени бытования керамика синхронна обломкам транспортной тары, обнаруженным вокруг больших платформ.

Для восстановления ландшафта местности к востоку от селения результативными оказались работы по документированию геологических данных. Для этого по линии больших платформ были заложены две скважины. Одна из них пробурена на берегу современной пересыпи, а вторая за ней на солевом марше у оплывшего основания древнего материкового уступа. ***

***Буровые работы проведены ООО «Транспроект» задавливающим способом

Керн первой скважины достиг горизонта плотных пылеватых песков серого цвета на глубине 2,4 м от современного уровня моря. Пылевые пески покрывал пласт более поздних отложений заиленного ракушечника *Cardiumedule* (?), в котором присутствовало до 3 % хорошо окатанной гальки и гравия, а в редких интервалах отмечались прослой пылеватого песка серого цвета.

Керн второй скважины показал наличие тех же песков на глубине 1,3 м от уровня моря, а также выявил их мощность в 2,3 м над абразионной террасой. Подошва их пласта покоилась на твердых материковых глинах террасы на отметке 3,5 м. В нижнем интервале толщи пылевато-серых песков (3,5 – 3 м) отмечены прослойки ракушечника высотой до 0,05 м с включениями хорошо окатанной дресвы и гальки. Сверху пласт серых песков покрывали отложения на 0,9 м, состоявшие из рыхлого ракушечника – *Cardiumedule* (?) с включениями редких галек и на 0,4 м – из коричневых суглинков, смытых с материкового уступа.

Сопоставление уровней залегания кровли пылевато-серых кварцевых песков в скважинах относительно шурфа, на первый взгляд, свидетельствует о полого падающей линии их горизонта от берега к морю. Но, с другой стороны, в нижних интервалах их толщи (3–3,5 м) у древнего материкового уступа отмечаются прослойки с характерным материалом пляжных отложений мелководного и относительно спокойного залива или лагуны, которая здесь существовала в древности, очевидно, ещё до появления в этой местности первых колонистов. Более детальную геоморфологическую информацию о существовании этого залива, а также о морфоскульптуре его акватории можно получить, продолжив начатые изыскания. Объём же современных археологических и геоморфологических данных позволяет воссоздать только весьма общую картину древнего ландшафта вокруг селения.

Первые постройки селения возникли на небольшой территории протяженностью около 200 м и шириной 150 м. В ранний период античности они покрывали с севера на юг относительно узкую полосу древнего берега пролива. Эта полоса являлась частью приморской террасы, которая образовалась в результате понижения уровня моря до колонизации Боспора (Фанагорийская регрессия). Механизм выработки платформы этой террасы в материковых глинах, очевидно,

на станке УБР (Д – 108 мм). Руководил работами геолог Евгений Сизых. Автор выражает ему глубокую признательность.

был связан с переменной трансгрессивно-регрессивных фаз эвстатического колебания уровня моря.

До возникновения на террасе античного селения её поверхность подвергалась воздействию различных природных сил внешнего характера в условиях континентального климата. Под этими воздействиями создавались определённые формы её микрорельефа. Судя по покровным отложениям дневной поверхности террасы, в этом участвовали ветры и волны. Ветры с севера выполняли двойную работу. Они выветривали пылевато-серые пески из слоя карангатских отложений на береговом уступе, вертикальный клиф которого ещё не успел оплыть и покрыться дёрном, и в то же время создавали нагонное волнение, которое вырабатывало ложе мелководного залива в разнесённых по террасе песках. Из материалов выветривания и отмирания водной флоры и фауны создавался и невысокий пересыпной вал, отделивший террасный залив от пролива. В формировании этого вала важную роль сыграли и ветры южных направлений. Они выветривали карангатские пески у вершины древнего мыса, который находился в 400 м мористей современного. Их узко направленный поток, навеянный оттуда, лёг в основу той пересыпи, на которой обосновались первые колонисты. Культурный слой, оставленный ими, перекрыл отложения этих песков.

Со временем знак колебания уровня моря изменился на противоположный. По мере подъема воды в проливе возникли природные условия, когда селение оказалось сначала закрытым отложениями уже новой формы берегового ландшафта – аккумулятивной ракушечной пересыпи, а с её миграцией к востоку – вновь открытым и затопленным к настоящему времени.

Необходимо отметить, что повышение уровня моря в историческое время обусловило и преобладание аккумулятивных процессов в накоплении осадков на древней уже погружённой террасе у мыса Тузла. Характерно, что эти процессы коснулись только изменения состава отложений в террасном заливе и на его древней пересыпи, а также пространственного смещения последней, но они совсем не затронули основных форм рельефа террасы. Залив и пересыпь повторялись уже на другом уровне накопленных осадков и изменялись только по площади и по протяжённости. Если наши наблюдения правильны, то можно думать, что направления господствующих в регионе ветров на протяжении последних 3-х тыс. лет также существенно не изменились. Очевидно, в сторону уменьшения поменялась только их интенсивность и длительность. До настоящего времени эти ветры

формируют у мыса контуры мелководного залива и пересыпи, но уже в условиях непрерывно-прерывистой трансгрессии моря. Сегодня этот участок берега является корневой частью песчаной косы, которую мы знаем под одноимённым с мысом названием Тузла.

Экстраполируя приведённые выше логические построения на более широкую акваторию пролива, где открыты затопленные остатки античных селений, можно прийти к следующему, важному для археологии Боспора, заключению:

1. Около 3 тысяч лет назад в условиях стабилизации регрессивной фазы изменения уровня пролива, вдоль его древних берегов обнажилась абразионная терраса шириной до 0,4 км. На акваториях мысов, примыкавших к террасе, доминировали островные формы морского рельефа в виде скалистых останцев и гряд, изрезанных мелкими бухтами.
2. Процессы формирования аккумулятивных форм берегового рельефа пролива резко сократились, так как почти иссяк источник поступления абразионных материалов. Изменился и их состав – на пляжах преобладал галечник взамен ракушечника.
3. С установлением континентального климата на обнажённых берегах пролива доминировало накопление отложений от атмосферного воздействия, в том числе и выветривания.
4. Ширина пролива уменьшилась на 0,8 – 1 км. Как следствие, увеличились скорости сброса речных стоков и сгонно-нагонных течений, что привело к размыву более древних придонных форм пролива и его углублению.

Из всего вышеизложенного следует, что в эпоху античности в проливе отсутствовали гидрологические условия для формирования крупных аккумулятивных форм прибрежного ландшафта – островов, кос, валов в тех масштабах, которые наблюдаются сейчас. Эти же условия не препятствовали античному мореплаванию и освоению отдельных участков прибрежных террас и бухт вокруг их мысов.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. С. 366–420.
- Кондрашов А.В. Затопленное античное поселение у мыса Тузла // Материалы Пятой кубанской археологической конференции. Краснодар. 2009. С. 173–176.

Кондрашов А.В. Новые исследования у мыса Тузла// СИМВОЛ. Вып. 1. М. – К., 2010. С. 118 – 124.

Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы // Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь. 2003. С. 277 – 290.

Шамрай А.Н. К вопросу локализации селения Корокондамы (археологический топографический аспект) // Материалы V Боспорских чтений. – Керчь. 2004. С. 397 – 407.

Шамрай А.Н. Локализация узлового навигационного пункта Азиатского Боспора – Корокондамы // БИ. Вып. XXI. Симферополь–Керчь. 2009. С. 144 – 153.

Шамрай А.Н., Сударев Н.И. Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам подводных разведок 2011 – 2012 гг.) // Боспорские чтения. Вып. XIV. – Керчь. 2013. С. 506 – 513.

Шамрай А.Н. «Ключи» к проблеме местонахождения селения Корокондамы (навигационно-географический аспект) // Вопросы подводной археологии. Вып. 2. – М., 2013. С. 39 – 57.

Шилик К.К. Подводная археология и география// Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 1. М., 1990. С. 18 – 22.

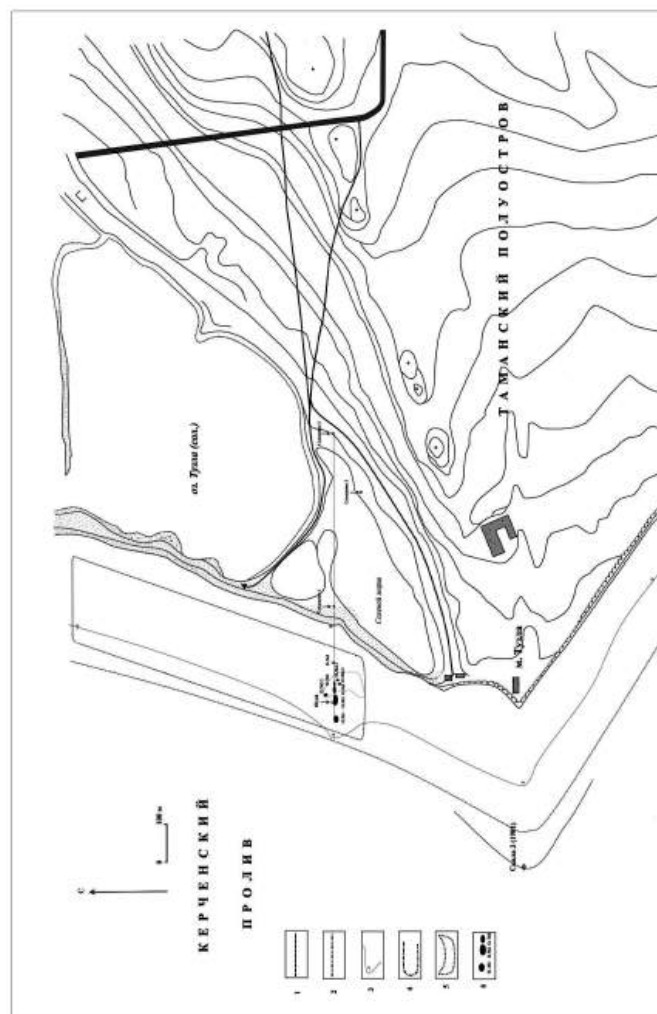

Рис. 1. Общая топография остатков античного селения под водой у мыса Тузла.

Условные обозначения: 1 – линия уреза воды у вершины мыса в античное время; 2 – линия материкового выступа мыса и примыкавшей к нему с севера аккумулятивно-эоловой террасы в античное время; 3 – современная изобата глубин в – 3 м; 4 – территория античного селения по археологическому материалу; 5 – развалы привозных камней и обломков керамики; 6 – композитные платформы – фундаменты строений (?).

Рис. 2

О.В. ШАРОВ
(С-Петербург)

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ТАРАКТАШ В ГОРНОМ КРЫМУ

Культовый комплекс Таракташ, состоящий из трех культовых сооружений и поселения, расположен на склонах одноименного горного хребта в 0,5 км к северо-востоку от с. Бийюк-Таракташ (тюрк. – Большой Таракташ, совр. с. Дачное), в 3 км к северу от г. Судака, на юго-восточном побережье Крымского полуострова. Таракташ (тюрк. – «каменный гребень») является названием главной западной вершины (360 м) и общим названием всей западной части скальной гряды Сары-Кая (тюрк. – Желтые скалы), входящей в Южнокрымскую горную систему. Горный массив Сары-Кая, на склоне которого расположены археологические объекты, представляет останец рифовых верхнеюрских известняков, залегающий на подстилающих его горных породах таврической серии. Отмечены также многочисленные выходы конгломератов. Склоны массива сильно эрозированы, испещрены глубокими оврагами и балками, покрыты редкой древесной растительностью. Горы относятся к области альпийской складчатости Средиземноморского пояса, сложены глинистыми сланцами с прослойками песчаников и известняками с характерными карстовыми формами рельефа.

Обращает на себя внимание то, что место у подножия западной вершины Таракташского хребта на высотах 160 – 250 м, выбранное в древности для места строительства святилищ и обширного горного поселения римской эпохи, имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины – Бакаташ (тюрк. – «гора-лягушка») и Таракташ. Отсюда прекрасно просматривается Судакская бухта с близлежащими долинами и контролируется главная дорога, ведущая на север, в глубь Крымского полуострова.

В 1908 году на восточном склоне г. Бакаташ был найден **1-ый**

Таракташский клад, содержащий около 2000 боспорских статеров и позднеримских монет, самая поздняя из которых относится к 328 г. н.э. (Стевен, 1908, Харко, 1968, Джанов, Юрочкин, 2001, с. 70).

Летом 1995 года Горной экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ под руководством В.Л. Мыца на холме Дегермен-Тепе на высотах 160 – 170 м от уровня моря был заложен раскоп, в пределах которого были изучены остатки каменных фундаментов двух «храмов» и погребение, составляющие единый культовый комплекс (Мыц, Лысенко, 2001, с. 96–97) (*рис. 1*). Особый интерес представляли находки в «храме 1» археологически целых 270 краснолаковых сосудов III – IV вв., а в «храме 2» – трёх лепных антропоморфных статуэток (Мыц, Лысенко, 2001, с. 96–97). **Таракташ-I** с уникальным материалом быстро, несмотря на очень краткую публикацию, стал известен в научных кругах (Лысенко, 2009; Масленников, 2007; Шаров, 2009, 2013, 2014). Основываясь на анализе материала (Шаров, 2015, в печати), можно сказать, что «храм 1» был построен в середине I в. н.э. и функционировал вплоть до середины III в. н.э., а «храм 2» был построен позднее: на рубеже I – II вв. н.э. и также функционировал вплоть до середины III в. н.э. После длительного перерыва, около середины IV в. н.э., возобновляются культовые действия лишь в «храме 1» и его полная консервация происходит не ранее рубежа IV – V вв. н.э.

В 2000 году в средней части Таракташского хребта, в самом высоком его месте, называемом Сары-Кая (Желтые скалы – с тюрк.), на высоте около 530 м от уровня моря, местными «любителями древностей» был обнаружен **2-й Таракташский клад**, находящийся ныне в одной из частных коллекций. В состав клада входили: 25 серебряных денариев Антония Пия и Фаустины Старшей, золотые серьги-подвески, серебряные браслет, фибула, пряжка, перстень и 5 золотых монет Феодосия II (408 – 450 гг.) (Джанов, Юрочкин, 2001, с. 70). Появление такого представительного и яркого комплекса в очередной раз привлекло внимание исследователей к Судакской долине.

В 2002 году прямо под гребнем горы Таракташ на высоте 240–250 м от уровня моря сотрудниками Славяно-Сарматской экспедиции Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано новое культовое сооружение римского времени, получившее название **Таракташ-II** (*рис. 1, рис. 2-2*). Прямо у основания гребня скалы, на крутом склоне, была сделана подрубка, и на образовавшейся прямоугольной площадке был заложен каменный фундамент подпрямоугольного сооружения размерами 1 x 1,85 м. В центре помещения находился ал-

тарь высотой 0,5 м подтреугольной формы, примыкающий к восточной стене. По материалу (краснолаковая керамика и стеклянные сосуды) можно выделить два периода его функционирования (1: конец II – первая пол. III вв. н. э.; 2: IV в. н. э. (Шаров, 2015, в печати).

В 2006 году Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто еще одно культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, которое получило название **Таракташ–III** (рис.1). Оно было открыто на горном поселении римской эпохи, в центре второй террасы поселения на высотах 180–190 м от уровня моря. Стены культового сооружения Таракташ–III находились прямо под стенами жилого помещения постройки № 6 первой половины III в. н. э. и представляли собой каменный фундамент постройки подпрямоугольной формы размерами 2,2 x 1,5 м. По археологическому материалу культовое сооружение Таракташ–III возникает в конце I – начале II вв. н. э. и перестает функционировать в конце II в. н.э. (Шаров, 2015, в печати)

В 2008 году в с. Дачное, вблизи отрогов Таракташа, был найден **3-й Таракташский клад**, состоящий из 18 серебряных статеров Рескупорида IV(V) (242 – 276 гг.), причем в кладе были представлены монеты лишь 247/248 – 252/253 гг¹.

Поселение Таракташ 1 занимало широкую ложбину на высоте 180 – 220 м от уровня моря, защищенную скальным гребнем с севера и хребтом Таракташ с востока (рис. 2-1). При строительных работах древним населением производилась подтепка материковой скалы по восточному краю, а ниже по склону обрыва срывались рыхлые породы, представленные корой выветривания, и предматериковый суглинок. Они использовались как материал для подсыпки нижних террас. На крутых горных склонах Таракташа вырубались террасы, которые укреплялись каменными стенами на известковом растворе. На террасах возводились саманные постройки на каменных фундаментах, сложенных из необработанных или слегка подтесанных камней также на известковом растворе. Аналогии данному поселенческому террасированному комплексу, расположенному на горном склоне 60°, мне неизвестны.

На поселении Таракташ в ходе работ 2002–2008 гг. были выделены археологические комплексы 4 строительных горизонтов.

Строительный горизонт № 1. I в. до н. э. Строительные остатки

¹ Материалы святилищ Таракташа, а также материалы поселения и 3-го Таракташского клада готовятся в настоящий момент к публикации.

и культурные напластования, соотносимые с ним, практически не сохранились из-за позднейших нивелировок. Выявлены только ямы хозяйственного назначения, вырытые в предскальном грунте, постройки раннего периода не открыты. К этому периоду относятся ямы № 13-2002, №№ 19-20-2003; ямы №1, 2-2004 гг.

Строительный горизонт № 2. Середина I в. до н. э. – I в. н. э. После некоторого хронологического перерыва происходит перестройка и перепланировка поселения. На нижней второй террасе, ширина которой с востока на запад достигала 8 м, возводятся многокамерные строения – постройка № 3 и южнее ее – постройки № 6, 9.

Строительный горизонт № 3. Конец I – середина II в. н.э. На нижней второй террасе выявлены два жилых комплекса, впущенных в скальный грунт с уровня террасы, – постройки № 7, 10.

Строительный горизонт № 4. Конец II – середина III в. н. э. К этому строительному горизонту относится большинство жилых комплексов, выявленных на первой и второй террасах. Это постройки № 1, 2, 4, 5, 7, 11, 12 и, возможно, № 13.

Подведем некоторые предварительные итоги. Поселение на горном склоне горы Таракташ было основано, судя по археологическому материалу, в I в. до н.э. и существовало до середины III в. н.э., более поздних материалов на поселении пока не обнаружено (рис.2-1). Вполне вероятно, что население, оставившее постройки второго строительного периода (сер. I в. до н.э. – I в. н.э.), могло основать на западном и южном склонах Таракташа культовые сооружения Таракташ-I и Таракташ-II. В конце II в. н.э. появляется новое население, которое строит каменные постройки прямо на культурном слое предшествующего времени и основывает новое культовое сооружение – Таракташ-II прямо под гребнем горы Таракташ (рис.2-2). Поселение и культовые постройки Таракташ-I и Таракташ-II были покинуты в середине III в. н.э. (дату уточняет 3-й Таракташский клад с последними монетами 252/253 гг.) и не ранее середины IV в. н.э., на склонах Таракташа вновь появляется население и возобновляется культ поклонения предкам в «храме 1» культового сооружения Таракташ-I и в культовом сооружении Таракташ-II. Остается открытым вопрос о том, кто обитал на поселении и кто возводил культовые сооружения на крутых склонах Таракташа? Предлагаются разные версии: переселенцы с Боспора для охраны западных рубежей Боспорского царства (Мыц, Лысенко, 2001, с. 100; Масленников, 2007, с. 480), «поздние скифы», осваивавшие горную часть Крымского полуострова в I в. до н. э. – I в. н.э. (Колтухов, 1999, с. 215; Лысенко, 2009, с. 396–397), переселенцы из регионов

ЛИТЕРАТУРА

Джанов А. В., Юрочкин В. Ю. 2001. Новый Таракташский клад (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, с. 69–73.

Колтухов С. Г. 1999. Укрепления Крымской Скифии, Симферополь.

Лысенко А. В. 2009. Святилища римского времени южной части горного Крыма. // Stratum plus, № 4, 2005–2009. С. 374–400.

Масленников А. А. 2007. Сельские святилища европейского Боспора. Тула.

Мыц В. Л., Лысенко А. В. 2001. Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб, с. 96–100.

Стивен А. Х. 1909. Таракташский клад // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 43. Симферополь, с. 99–101.

Харко Л. П. 1968. Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сборник статей. Л, с. 284 – 295.

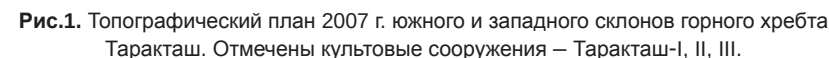
Шаров О. В. 2009. Святилище на склонах горы Таракташ в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб, с. 459–464.

Шаров О. В. 2013. Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке, СПб, 2013, с. 313–319.

Шаров О. В. 2014. Культовый комплекс Таракташ в Восточном Крыму // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014, Т. II, с. 184–187.

Шаров О. В. 2015. Хронология культовых комплексов в Восточном Крыму // Боспорские исследования, 2015, в печати.

404

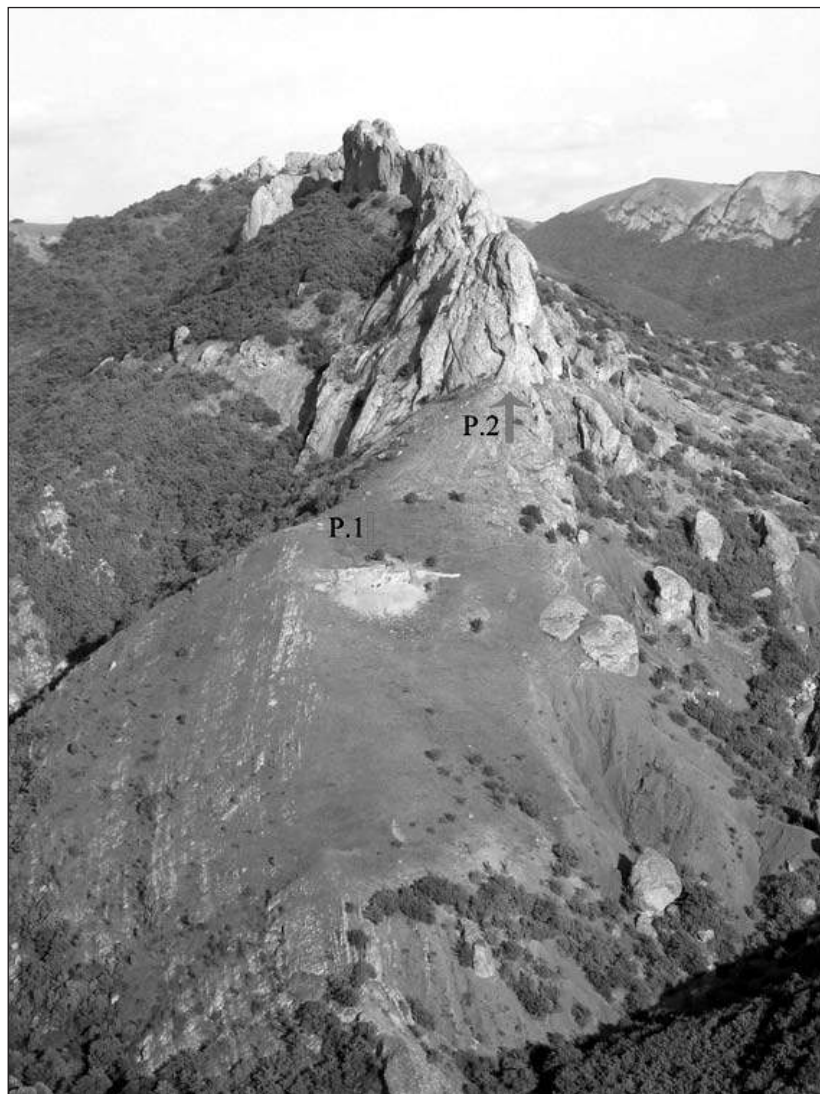

Рис. 2. Западный склон г. Таракташ. Местонахождение поселения (1) и культового сооружения Таракташ—II (2).

С.А. ШЕСТАКОВ
(Керчь)

О ПРОИЗВОДСТВЕ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МЕСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА БОСПОРЕ

Среди разнообразных изделий античного времени было очень много изделий из камня. Это надгробные стелы, статуи-полуфигуры, скульптура, надписи и хозяйственный инвентарь. За исключением некоторых привозных изделий из экзотических материалов [Петрунь, 1966. С. 137] (мрамор, пущолан и конгломераты рычажных зернотёрок), все эти предметы изготовлены из местных пород камня. Это известняки разных месторождений Керченского полуострова. Масса строительного материала, конечно, составляла главный объём древней камнедобычи. По подсчётам геолога П.И. Науменко (1927 – 1986) [Науменко, 1979. С. 57], в античное время для строительства добыт 1 миллион кубических метров камня при условии одноэтажности построек. На основе методики П.И. Науменко подсчитан объём добычи камня для строительства подкурганных склепов. В Царском кургане содержится не менее 2153 кубометров камня, а на фасадах дромоса и камеры насчитывается 1320 квадров. В зондажном отверстии в дромосе виден второй ряд кладки и нащупывается третий. В Мелек-Чесменском кургане – 183 кубометра камня известняка-ракушечника, насчитывается 308 квадров. На карте Керчь-Еникальского градоначальства 1835 года, снятой Литвиненко, показано 1368 курганов. В их подкурганных сооружениях может содержаться не менее 670000 кубических метров камня. С учётом камня плитовых могил и перекрытий на грунтовом некрополе подсчёты объёма добытого камня соответственно возрастут. Примечательно, что наиболее крупные курганы и курганные группы сооружены вблизи мест камнедобычи. Такая приуроченность демонстрирует общность геологической породы камня в подкурганных постройках и карьерах.

Господствующая минеральная порода Керченского полуострова

– тёмноцветная сланцевая глина раннеогеновых ярусов, на которую наслаиваются известняки сарматского, меотического и понтийского ярусов. Месторождения известняков находятся в северной и восточной частях Керченского полуострова и значительно их меньше в юго-восточной части. Они расположены синклиналями и мульдами. Крылья синклиналей выступают на поверхность, где ещё раньше образовались рифовые известняки. Именно к крыльям приурочены места добычи камня. В Керчи известны следующие каменоломни нового времени: Булганакские, Аджимушкские (Большие, Малые, Греческие, Вергопольские, Дедушевы и т.д.), Митридатские, Оливинские, Старокарантинские, Акбурунские, Чурбашские и Ивановские. Далеко за пределами Керчи имеются Багеровские, Бабчикские, Кезенские, Караларские, Петровские и Акмонайские каменоломни [Ратынский, 1931. С. 11]. Небольшие объёмы добычи были в местности Керменчик (около Китея), на горе Опук и во многих других местах. На возвышенностях, особенно в Приазовье, много плотных рифовых известняков. В Чурбашском месторождении залегают понтийские известняки. В Кезенском, Бурашском и Петровском месторождениях находятся верхне- и среднесарматские известняки. На Керченском полуострове в основном залегают меотические известняки. Они подстилаются верхнесарматскими глинами, на которых образовались мшанковые известняки. В этих местах находятся остатки античных поселений, жители которых, несомненно, добывали камень. Крупнейшие курганные группы тоже находятся вблизи мест камнедобычи. Юз-Оба, Митридатская и Караобинская гряды расположены на крыльях синклиналей.

Среди вышеперечисленных каменоломен имеются, главным образом, подземные выработки, но есть и открытые карьеры. В них производилась добыча камня в XIX – XX вв. в разных объёмах. Во время больших строительных работ в 1900 году в Керчи было добыто 1,5 миллиона штук камней (515460 кубических метров), 240 квадратных саженей плит (910 квадратных метров, или 136,5 кубических метра), 5100 кубических саженей бутового камня (10683 кубических метра). Всего добыто в 1900 году 526279,5 кубометра камня. Работало около 400 человек [Памятная книжка, 1904. С. 53]. В другие годы добыча камня снижалась. При добыче камня ручным способом полезный выход квадров составляет 40 – 50 %, остальной материал составлял бутовый камень, отески и крошка. Данная статистика приведена для сравнения с нею разработки камня в античное время. И технология разработки камня, надо полагать, была схожая. Витрувий рассказы-

вает о добыче камня в каменоломнях [Витрувий, 1936. С. 48 – 50]. Он сообщает о разных сортах камня, предлагает добывать камень летом, а затем два года выдерживать под открытым небом. В следующей, VIII главе идёт речь о типах кладки, их достоинствах и недостатках.

Добыча камня в новое время происходила в тех же местах, где добывался камень в античное время, по этой причине остатки древней камнедобычи, очевидно, были поглощены позднейшими каменоломнями и вряд ли могли сохраниться. Считается, что в античное время камень добывался в карьерах открытым способом [Аджимушкай, 2008. С. 441]. В основе такой точки зрения лежат воспоминания горного техника В.Я. Медведева (1887 – 1978). Интересующая нас часть его воспоминаний, содержащая сведения о технологии добычи камня и о древних каменоломнях, написана в 1960 году. Суждения В.Я. Медведева о древних каменоломнях сделаны на основании рассказов старожилов о том, что при открытии новых карьеров в конце XVIII века на этих же пластах были обнаружены «древние открытые карьеры рабовладельцев и древние разные инструменты». Комментатор воспоминаний В.Я. Медведева О.И. Демиденко добавила: «Следы этих карьеров и сегодня просматриваются на территории пос. Аджимушкай. Их размеры в среднем 5 х 5, глубина до 1,5 м». Но из такого карьера можно извлечь лишь 37 кубических метров камня, тогда как в Царском кургане, повторим, содержится камня не менее 2153 кубических метров. А главное, для обоснования выделения древних каменоломен нет достаточной аргументации и датирующего основания древности карьеров. Случайные находки античной керамики на поверхности Аджимушкских каменоломен относятся к курганам, снесённым при вскрыше разработок, а не к древним карьерам. Подобные небольшие каменоломни есть вблизи от Золотого кургана, вблизи Юз-Обы, у основания Павловско-Акбурунского мыса и в других местах. Но и там нет никаких прямых признаков, по которым карьеры могли быть отнесены к античному времени. Гигантский котлован к востоку от Царского кургана это всё, что осталось от добычи камня для постройки Царского кургана. Там добыт пильный камень для возведения склепа. Кладка в технике анафиролиз обеспечила экономичность и добычи камня, и самого строительства. Образовавшийся бутовый камень, крошка и опилки использованы при строительстве. Для насыпи был использован грунт, оставшийся от вскрыши карьера. Пол в склепе изготовлен из того плотного камня, который находится под вскрышей и покрывает пильный камень.

Специализированно добывался камень для изготовления надгробных стел. Для этого использовались разные слои выработок. В основном использовался известняк-ракушечник, чаще плотный, реже рыхлый или плотные панцирные слои, покрывающие пыльный камень. Все известняки Керченского полуострова детритусовые, то есть сложены из раздробленных раковин моллюсков. Руководящие ископаемые [Мазарович, 1938, табл. XIX, XX] наблюдаются во фрагментарном виде. Поскольку известняки осадочная порода и залегают в мульдах под разным уклоном, уже при добыче выбирали крепкий однородный камень с горизонтальным направлением слоёв в заготовке. От этого зависела прочность стелы. В процессе обработки структура камня использовалась так, как того требовала тектоника изделия. При установке стелы или иного памятника в вертикальное положение слои получают продольное расположение. Для изготовления ступок применялась заготовка камня с поперечным расположением слоёв. Такой же принцип соблюдался при изготовлении архитектурных деталей зданий. Базы, барабаны колонн и капители изготавливались из камня с поперечным расположением слоёв, чтобы обеспечить прочность при сжатии. Продольное вертикальное расположение слоёв в архитраве увеличивало прочность камня на излом.

Для наиболее ответственных деталей применялся рифовый известняк. Например, из этого материала созданы скульптуры «Изваяние женского божества», «Коринфский шлем. Фрагмент скульптуры», некоторая часть архитектурных деталей из Керченского музея.

Керченские детритусовые известняки отчасти сарматского, меотического и понтийского ярусов неогена были самым распространённым материалом на Боспоре. Стратиграфо-литологический разрез Керченско-Таманского неогена позволяет установить, из какого месторождения взяты породы на строительство [Науменко, 1979. С. 57]. Этот тезис вполне применим для определения материала хозяйственных изделий и надгробных стел. Так, большинство изделий из Нимфея, изготовлены из камня Гурьевского (Чурбашского) месторождения, более рыхлые слои которого достигают некрополя Нимфея. В этом слое устроены склепы и грунтовые могилы. Надгробные стелы Фанагории и Гермонассы происходят из мастерских Пантикапея, ибо на Таманском полуострове нет пригодного материала для изготовления таковых. Их материал близок меотическим известнякам аджимушкайского месторождения. Несмотря на многообразие материала боспорских надгробных стел, выявление их

происхождения вполне возможно. Для наглядности этого нужно составить шкалу эталонов изделий и месторождений камня.

Эта проблема важна ещё и практически, потому что в отдельных публикациях, эпиграфических сводах и каталогах обыкновенно материал характеризуется однозначно – известняк. Между тем, эти известняки разные. Исключение составляют лишь работы некоторых авторов, в которых материал описан с определённой конкретностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджимушкой: история посёлка и каменоломен в воспоминаниях В.Я. Медведева // Научный сборник Керченского музея. Вып. II. Керчь, 2008.
- Витрувий*. Десять книг об архитектуре. М. 1936.
- Корпус боспорских надписей. М. – Л. 1965.
- Мазарович А.Н.* Историческая геология. М. – Л. 1938.
- Науменко П.И.* Античный период освоения минеральных богатств Керченско-Таманской области // Геологический журнал. Т.39, № 2.1979. С. 55 – 63.
- Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь. 1904.
- Петрунь В.Ф.* К петрографической характеристике камня // Материалы по археологии Северного Причерноморья. В. 5. Одесса. 1966 С. 131 – 141.
- Ратынский В.М.* Стройматериалы Крыма минерального происхождения. Симферополь, 1931.

В.П. ЯЙЛЕНКО
(Москва)

ПРИРОДНЫЕ И РУКОТВОРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ БОСПОРА В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ

Вводные замечания. В топонимике Боспора, т. е. Восточного Крыма, Северного и Восточного Приазовья, Тамани и приморских предгорий Северного Кавказа, выделяются греческие и туземные: фрако-дакийские, индоарийские, изредка иранские – местные названия античного времени. Самые многочисленные туземные топонимы, греческих меньше, преобладание туземной топонимии над греческой (об иранской и говорить не приходится – она не только редкая, но и поздняя, римского времени) само по себе указывает на позднейшую привнесенность эллинских и иранских названий. Это подчеркивается и тем обстоятельством, что наименования крупных физиографических объектов – больших рек и других акваторий, гор и пр. – исключительно туземные, из чего также явствует суперстратный характер греческих наименований (тем более иранских) относительно туземных. Следовательно, греки узнавали местные названия от туземцев; как морской народ, они давали свои имена природным и прочим объектам преимущественно приморской полосы. Топонимическая номенклатура Боспора известна с VI–V вв. до н. э. (Гекатей, Геродот), ряд названий приведен в периплах Псевдо-Скилака, Артемидора, Деметрия Каллатийца, Псевдо-Скимна, во «Всеобщей истории» Эфора (их данными IV–I вв. до н. э. пользовался Страбон), наиболее полную картину по состоянию на I–II вв. н. э. дает «География» Птолемея, его данные дополняются некоторыми наименованиями «Естественной истории» Плиния I в. н. э. и Псевдо-Аррианова «Перипла» VI в. н.э. Отдельные наименования всплывают и в боспорской эпиграфике. В литературе проведено этимологическое разъяснение абсолютного большинства негреческих названий, т. е. они с той или иной степенью достоверности понятны по содержанию; о фрако-дакийских то-

понимах Боспора см. [Яйленко, 2014, с. 542–551], о его индоарийской топонимии см. [Трубачев, 1999, указатель; Яйленко, 2013, с. 37–40, 47–63, 118, 121–130]; об иранских топонимах Боспора новых работ почти нет (В. И. Абаев [1979] разъяснил лишь несколько названий), частично сохраняют силу этимологии, аккумулярованные М. Фасмером [Vasmer, 1923]. Далее мы раскрываем поставленную тему статьи главным образом в соответствии со своей интерпретацией значения боспорских топонимов, отчасти О. Н. Трубачева и М. Фасмера. Перечислим упоминаемые в источниках топонимы по областям Боспора.

Восточная Таврика, т.е. европейский Боспор, плотно заселена, поэтому тут много топонимов (*Ptol. Geogr.* III, 6, 2-5 и другие источники): прибрежные города Пантикапей, Тиритака, Нимфей, Акра, мыс Зефирий, Китей, Киммерий, Казека, Феодосия (она же аланская Ардаба), мыс и город Мирмекий, где-то поблизости город Гермисий Мелы (II, 3) и Плиния (IV, 87), Порфмий, Парфений, Гераклий, Зенонов Херсонес; внутренние города Тарона, Постигия, Боион, Илурат, Тадзос, Савроматион; «негородских» названий нет. Северное Приазовье освоено греками меньше, поэтому и названий мало, они частью греческие, частью туземные. Геродоту (IV, 123) известны тут город Кремны, реки Лик, Оар, Сиргис, Танаис. К востоку от города Лейана и реки Бук Птолемей (*Geogr.* III, 5, 4) размещает на озере Бук (Сиваш) города Акру и Кремны, реку Герр, на северном побережье Меотиды мыс и реку Агар, «Рощу», «Рыболовлю бога», реки Лик, Порит, город Гюгрейс, Карийскую деревню, реку и город Танаис. Страбон (XI, 2, 3) сообщает об острове Алопека в северном углу Меотиды. В основном Птолемею (*Geogr.* V, 8, 2–9; 26–28), и Страбону (XI, 2, 3–14) мы обязаны сведениями о топонимике азиатского Боспора. «За дельтой реки Танаис» Птолемей дал перечень рек и городов (селений) восточного побережья Меотиды: реки Паниардис, Марубий, Патарюз, Большой Ромбит, Теофания, город Адзара, р. Малый Ромбит с селением Адзараба на ней, коса Аксабитис, г. Тирамба, р. Аттиkit, г. Геруса, р. Псатис с селением Аухида на истоках, с. Матета; на реке Вардан (Кубань) селения Скопел, Суруба, Корусия, Ебриапа, Серака. В низовье Кубани, на Фонталовском и Таманском полуостровах города Фанагория (Агриппия), в ней районы Фианнеи, Диоклеи, остров Фанагора, Гермонасса (Кесарея), Кепы, Патрей, озеро и город Корокондама (другое имя этого озера Описсас), город и мыс Киммерий, святилище Апатур, селение Ахиллий. Согласно Плинию (VI, 18), общее наименование Таманского полуострова Эон, тут ему же известен городок Стратоклия близ Фанагории (оба известия уникальны).

Где-то тут находились и упомянутые Плинием (II, 206) «города около Меотиды Пирра и Антисса, которые поглотил Понт». В Синдике и прибрежных предгорьях Северного Кавказа, согласно периплам, Страбону, Птолемию, находятся города Горгиппия (готская Евдусия), г. Лабрит (Семибратнее городище), Лаврийская равнина, Аборака, Никея, Торик, область Синдика, Синдский залив, гора Синдес, город, деревня Синда, гавань и селение Бата, селение Ахея, Керкетидский залив с городом Тадзос, Торетский мыс, гавань Пагра-Гептала, р. Топсида.

Отдельно и в первую очередь мы рассмотрим названия местных масштабных акваторий – Меотида, Боспор, Танаис, Гипанис, Борисфен.

Названия прибрежных городов и прочих объектов в основном греческие, имена внутренних объектов главным образом туземные, преимущественно фрако-дакийские и индоарийские; небольшая часть туземных названий Боспора неясна по значению, т. е. остается без этимологии. Рассмотрим перечисленные названия с точки зрения их содержания, это даст нам представление о природных и рукотворных ландшафтах Боспора (ср. его палеогеографическое описание [Шелов-Коведяев, 1985, с. 24–42]). Иначе говоря, это покажет нам, как и какой туземное и греческое население видело свою страну. Эта картина открывалась им с земли и моря, с холмов, гор, с близкого расстояния и издалека. Различаем названия природных объектов и рукотворных. Поскольку это тезисы, далее ограничиваемся перечислением разрядов названий (§ 1–12). Полностью статья будет опубликована в ежегоднике «Древности Боспора», т. 19 за 2015 г. Здесь в конце тезисов в качестве примера приводим § 1 из полного текста статьи.

Природные объекты

1. Масштабные акватории: Меотида, Боспор, Танаис, Гипанис, Борисфен.

2. «Водные» имена рек Северного и Восточного Приазовья: Оар, Порита, Паниардис, Марубий, Патарюз, Большой и Малый Ромбит, Аттикит, Псатис.

3. «Водные» названия городов, побережья. Названия городов: Танаис, Гюгрейс, Суруба, Тирамба, Нимфей, Порфмий, Корокондама; святилище Апатур, общее обозначение Таманского полуострова Эон, мыс Аксабитис.

4. Косвенно-водные «божьи» имена: г. Феодосия, р. Теофания, «Рыболовля бога».

5. Холмы, горы, кручи, высоты. Города и селения Пантикапей,

Китей (Кидеака), Скопел, Геруса, мыс Агарон с тамошней областью Агариа, также реки Герр, Агар, Кофен.

6. «Каменные» имена: г. Лабрит (Семибратнее городище), Лаврийская равнина; мыс и город Мирмекий, город Гермисий.

7. Фауна, флора. Фауна: река Лик, города Казека, Адзара, Адзараба, Ебриапа; остров Алопека. Флора: роща.

8. Местоположение, цвет. Местоположение: озеро Описсас, мыс Зефирий, города Пирра, Антисса. Цвет: Курусия.

Рукотворные объекты

9. «Природно-рукотворные» имена: Сатирова могила (Страбон, XI, 2, 7); вал Асандра (Страбон, VII, 4, 6), города Табана, Тиритака (Дия).

10. Святилища: Гераклий, Парфений, Ахиллий.

11. Мемориальные имена. Спартокиды – Горгиппия, Стратоклия. Ойкисы – Фанагория + остров Фанагора, Гермонасса. Исторические персонажи – Зенонов Херсонес.

12. Этнические имена.

Киммерий, Киммерик, Илурат (?), Каройская деревня; гора Синд, область Синдика, Синдский залив, Синдский город, гавань (= Горгиппия = готская Евдусия), Синдская деревня, селение Ахея, Керкетский залив, Торетский мыс.

Как сказано, в качестве примера полного текста статьи приводим § 1 (с небольшими сокращениями и вынужденной, во избежание непонятных искажений, транслитерацией греческого текста латиницей, также без обозначения долготы греческих гласных и без диакритик древнеиндийских и иранских слов).

1. Масштабные акватории – Меотида, Боспор, Танаис, Гипанис, Борисфен.

Меотида. Название известно с VI в. : Гелланик упоминал народ Maiotai (*apud* Schol. in *Apoll. Rhod.* IV, 322); нет сомнения, что имя его образовано от названия моря, т. е. ему была известна и форма гидронима Maiotis. Ионийская форма Maietis (*Herod.* IV, 86, 123). Согласно М. Фасмеру, Maietis образовано от иран. *mauavaiti* - (авест. *mauavant-*) «место, где происходит спаривание», – о нерестилищах в устьях приазовских рек, так что по существу это «Икорное море» (*Laichsee*) [Vasmer, 1923, S. 73]. В подтверждение он привел тюркское название Азовского моря у византийского писателя XII в. Цеца (*Tzetzes*, *Chil.* VIII, 773) *Karmpalouk* (тут *mp* фонетически = *b*) = тюрк. **karbalyk* «осетриное или белужье море» [Фасмер, 1964, с. 63]. Одна-

ко авест. *mayavant-* (*fem.* *mayavaiti-*) едва ли не гапакс, его значение не вполне ясно, что делает указанную этимологию проблематичной [Шрамм, 1997, с. 118]. Начиная с Геродота (IV, 86), у античных писателей (перечень [Pape, Benseler, 1884, S. 841]) твердое мнение, что Меотида – «Мать Понта», так что Евстафий (*comm. in Dion. Per.* 163 = SCI, p. 193) подытожил: имя *Maietis* происходит от слова *maia* «мать, кормилица», а *Maiotis* как бы от *maio*, *maioso* «повиваю, повивать» (при родах). Полагаем, сия традиция достоверна и название *Maietis*, *Maiotis* образовано от туземного детского слова **maua* «мать» + местный же «водный» суффикс *-ti-* (как и во фракийском названии мыса в Восточном Приазовье *Axabitis*). Это подтверждается известием Плиния (VI, 7), что скифы называют Меотиду *Temarunda* (*Temarundammatremmaris*): его О. Н. Трубачев [1999, с. 13, 31, 283] блестяще интерпретировал как индоарийское **tem-arun-da* «кормилица Черного моря», сопоставив с др. инд. **tem-arun-* «черное море» и *dhe* «сосать *грудь*». От себя добавим, что в названии Темарунда словом «черный» боспорские индоарии отразили цвет воды Понта: он полон темной речной воды Меотиды, которая и делает его «черным морем». Иначе говоря, в данном названии заключена цветовая особенность того и другого моря (разность цвета воды Черного и Средиземного морей нашла яркое выражение в турецких названиях – Кара дениз и Ак дениз, первое «Черное», второе «Белое» море). Это предполагает, что имена обоих морей индоарийские. Однако у Черного моря два греческих названия (*Pontos* «море», *Euxeinos* «гостеприимный»), третье, *Axeinos* «негостеприимный», уже почти столетие с авторитетной подачи М. Фасмера считается греческой адаптацией иранского названия Понта *axšaēna-* «темный» [Vasmer, 1923, S. 20; Фасмер, 1973, с. 345]. Понятно, что название *Axeinos* не может быть греческим – «негостеприимным», так как этому препятствует почти полное освоение его берегов эллинами, бороздившими его вдоль и поперек. Но иранцы-то не морской народ! От устья Дуная до внутреннего Крыма скифы-иранцы были кочевниками; нет ни одного достоверно иранского названия и на черноморском побережье Боспора доримского времени. Ввиду этого и по причине индоарийского характера туземного имени Меотиды Темарунда «Мать Понта» считаем греческую форму *Axeinos* (у Плиния *Axenup*: IV, 76) адаптацией индоарийского названия Понта **Asikni* (др. инд. *asikni* «ночь», «темная, черная», ср. однокоренное *asita* «темный, черный»), с обычной для санскрита и греческого перестановкой *sk* – *ks*. Например, древнее, еще ведическое название большой реки,

притока Инда, *Asikni* «темная, черная» (ее же имя *Asita* того же корня и значения; совр. Чинаб), греки передали как *Akesinos*, *Akesines* [Таронян, 2007, с. 324]. В результате перестановки *sk* – *ks* возникла и форма *Axeinos*. Индоарийское имя *Akesines* было также у нижнего течения Дона [Скифия, с. 121–126].

Боспор. Название упоминается с VI в. до н. э. (Гекатей, *s. n.* *Hermonassa*), справедливо полагают, что оно перенесено сюда с Боспора Фракийского. Оба пролива физиографически отчасти близки, отчасти различны. Фракийский Боспор длинный, до 30 км, ширина 2–5 км, в самой узкой части ок. 500 м, глубина от 30 до 80 м, оба берега холмисты и подвышены, течение сильное. Киммерийский Боспор длиной ок. 40 км, в ширину от 4 до 15 км (в античное время он был уже нынешнего), глубина до 18 м, западный берег слегка подвышен, восточный низкий и плоский с отмелями, глубина до 20 м, скорость течения посредственная. Как явствует из самого названия античного времени – Боспор Фракийский (источники [Pape, Benseler, 1884, S. 220–221]), пролив находился в ареале обитания фракийцев, поэтому его название *apriori* фракийское, так что В. Георгиев с основанием дал фракийскую этимологию названия: *Bosporos* < *bos-para* «светлая река» [Georgiev, 1961, S. 20–27]. Мы выяснили, что значительную часть населения при Киммерийском Боспоре составляли фракийцы [Яйленко, 2014, с. 549–551], однако нельзя думать, что у них так же назывался местный пролив, ибо физиографически он, напротив, темноводный – от речной воды Меотиды. Поэтому появление названия Боспор в Киммериде обязано переносу его сюда с Боспора Фракийского эмпорами последней трети VII в. или колонистами первой пол. VI в. Грекам фракийское название Боспор было в общем понятно, ибо они видели в нем свое слово *poros* «переправа», в первой же части названия усматривали свое слово *bous* «бык, корова» (неслитная форма *boos*, как в *Boosporos* КБН 40 и других прозаических надписях) и мифологизировали своенародно этимологическое понятие «переправа коровы»: уже у Эсхила (*Prom. vinct.* 730 sq.) дано разъяснение, что Киммерийский Истм (перешеек) назван Боспором вследствие переправы через него убегавшей от гнева Геры Ио. Станным образом представление о значении названия Боспор «скотий брод» держится в литературе (П. Кречмер, М. Фасмер, Г. Фриск [Фасмер, 1964, с. 199]), хотя оба пролива физически не могут быть бродом для скота. Согласно Геродоту (IV, 28), скифы переправлялись через Киммерийский Боспор зимой по льду; разумеется, как кочевники, они переправлялись со своим скотом,

как полагают, на зимники в плавни Кубани [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 157].

Танаис. Название Tanais известно с конца VI в. (Гекатей), оно иранское, от *tanu- «протяженный, длинный», что явствует из указания ал-Хорезми: Танаис – «длинная» река (об этом и ошибочности предлагавшейся [Vasmer, 1923, S. 74] этимологической связи его с авест. danu- «река», осет. don «вода, река» см. [Яйленко, 2010, с. 355]). Боспорские туземцы или греки восприняли название Танаис от савроматского населения Нижнего Дона. Согласно Плинию (VI, 20), скифское название Танаиса Sinus, которое О.Н. Трубачев [1999, с. 27, 31, 275–276] справедливо произвел от индоар. sindhu- «река, поток, море». Плиний (VI, 49) привел и другое скифское имя Танаиса–Дона Silis, это производное от того же индоар. sindhu- [Скифия, с. 122–125]. Если Танаис – название всего течения Дона (в т. ч. в геродотовском его понимании – нижнее течение Дона плюс Северский Донец [Рыбаков, 1979, с. 27–28, 43, 50–54]), то Sinus и Silis – имя только нижнего течения Дона (до впадения Северского Донца). Еще Александр Гумбольдт отметил, что древнейшие названия больших рек и гор означают просто «река», «гора»; индоарийские названия Sinus и Silis именно таковы (также адыгские имена р. Кубань, см. ниже).

Гипанис-Кубань. Три реки Северного Причерноморья именовались Гипанисом – Южный Буг (Геродот), Кубань (Аристотель) и ее рукав Антицит (Страбон), также небольшая река и канал, по которым плыли с Нижнего Днепра в Меотиду [Скифия, с. 155–156]. Поскольку так именовался и приток р. Акесин в Пенджабе [Таронян, 2007, с. 386], название Hupanis индоарийское – к др. инд. *supa(n)tis «хороший путь» [Скифия, с. 49–51]. Такой смысл гидронима указывает, что все три реки Северного Причерноморья служили транспортными артериями. Кубань судоходна на большом протяжении, примерно до устья р. Лабы. Есть у нее и другие названия античного времени. Имя Phasis представляет собой фонетический вариант указанного индоарийского названия *supa(n)tis [Скифия, с. 37–40, 49–51]. Упомянутое Птолемеем имя Vardanes иранское: *varu-danu, «широкая река» [Абаев, 1979, с. 286, 308] или индоарийское ([Трубачев, 1999, с. 287]: к др. инд. vrdh- «увеличивающаяся», в составе гидронимов); первое относится к нижнему течению Кубани, второе – ко всему течению. Если савроматы Подонья отмечали длину своей реки, то сарматы Нижней и Средней Кубани акцентировали своим названием ее ширину. Мела (I, 112) упомянул ее уникальное название Corocanda, которое О.Н. Трубачев [1999, с. 248–249] прекрасно возвел к др. инд.

*krka-vanti- «имеющая много устьев», ибо и в античное время Кубань впадала в Евксин и Меотиду тремя руслами, которые разделялись на множество протоков и устьев. Историк VI в. н. э. Менандр привел имя Кубани Korphen полагаем, оно происходит из среднеиран. kaofa- «гора» + суффикс -aup-, т. е. «горная» (река), ср. русские гидронимы «Гора», «Горочка», в бассейне Днепра есть гидронимы со значением *холм*, *гора* – Холменка, Горенка, Горки, Гориста, Горный Тикич. Русская форма Кубань известна с XVII в. В нартовском эпосе фигурирует ее адыгское имя Псыз, Псыж и др., производные от слова *псы* «вода, река», которое засвидетельствовано и в античных топонимах азиатского Боспора [Коков, 1974, с. 24–26; Яйленко, 2010, с. 323], так что Псы – древнее адыгское имя Кубани.

Борисфен. Стефан Византийский сохранил важное известие: «Борисфен – город и река Понта, также у озера Меотиды и реки Танаиса; так прежде Геллы назывался и Геллеспонт» (St. Byz., s. n. Borusthenes). Указание, что Геллеспонт назывался также Борисфеном, подтверждает и Гесихий: «Борисфен – это Геллеспонт, есть и река» (Hesych., s. n. Borusthenes). Из связи с Геллеспонтом, расположенном во фракийском ареале, как и в случае с названием Фракийского Боспора (см. выше), справедливо заключали, что Борисфен – фракийское название и оно было перенесено колонистами на Днепр [Белецкий, 1962; Яйленко, 1991]. Поскольку основной источник известий Стефана о Северном Причерноморье Гекатей, название Борисфен «у озера Меотиды и реки Танаиса» существовало не позднее VI в., как и названные им первыми Ольвия и Днепр под своим другим именем Борисфен. По нашей трактовке 1991 г., имя Borusthenes включает фракийские основы *boru- «смешивать, сливать» и *sthen- «пролив», обозначая проточную акваторию: в случае с Геллеспонтом это место слияния вод Мраморного (resp. Черного) и Эгейского морей, в Нижнем Побужье это место слияния двух рек, т. е. Днепро-Бугский лиман. Борисфен Северо-Восточного Приазовья не может быть идентифицирован ни с одной тамошней рекой (Аксай, Маныч, Егорлык), поскольку в случае с Геллеспонтом и Днепром это наименование огромных акваторий. Поэтому мы предположили, что в древности Борисфеном называлась колоссальная Кумо-Манычская впадина, обводненная еще в античное время [Яйленко, 2014, с. 548–549].

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М. 1979.
- Белецкий А.А. Бористенес-Данаприс-Днепр // Вопросы топонимики и ономастики. К. (на укр. яз.). 1962.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 4. 1980.
- Коков Д.Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях // УЗ Кабардино-Балкарского ун-та. Вып. 7. 1974.
- Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М. 1979.
- Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М. 2013.
- Таронян. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского, примечания и аннотированный указатель Г. А. Тароняна. М. 2007.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М. 1999.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 1 (1964), Т. 2 (1967), Т. 3 (1971), Т. 4 (1973). Репринт: т. 1-4: М. 1986-1987. 1964, 1967, 1971, 1973.
- Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М. (1985). 1985.
- Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М. 1997.
- Яйленко В.П. Происхождение названия Борисфен // Terraantiqua Balcanica. Serdica. Т. VI. 1991.
- Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М. 2010.
- Яйленко, 2013 – см. Скифия.
- Яйленко В.П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // Древности Боспора. М. Т. 18. 2014.
- Georgiev V. Hellenopontos und Bosporos // Linguistique Balkanique. Т. III, 2. Sofia. 1961.
- Pape W., Benseler G.E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig. 1884.
- SC 1, 2 – В. В. Латышев. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб. 1893-1906. Т. 1-2.
- Vasmer M. Die Iranier im Südrussland. Lpz. 1923.

DAVID BRAUND
(Exeter)

THE ANTS OF MYRMEKION

Physical geography (and also human activity in the landscape) can have important consequences for place-names. There has long been discussion of the rather striking name of the settlement at Myrmekion. In Greek, the name seems to mean *Ant-hill*, although it is also possible to understand the name as a diminutive of *Murmex* (Ant), meaning *Little Ant*. The fact that coinage was issued in the Bosphorus with the image of an ant also suggests that the meaning of the name was acknowledged there by the time of its production, in the fifth century BC, long before the settlement is first named in our literary texts – even if those coins are problematic, on which more below. From the first we should also observe that there are three forms of the place-name attested in ancient texts. We are most familiar with Strabo's form of the name, *Myrmikion*. However, Stephanus of Byzantium, though aware of Strabo's usage, prefers the form *Myrmikeion*. In addition, Stephanus also gives us a third version of the name, which he ascribes to Artemidorus (presumably the famous geographer of c. 100 BC), *Myrmekia* (feminine, with acute accent on the iota). Since we have so few mentions of the name in ancient texts, we can have little idea about the relative popularity of these names, or about the name preferred in the Bosphorus itself, in general or at any given time. Therefore, we shall proceed on the basis of the name *Myrmekion*, but it will be useful to bear in mind also the other forms. How then do we explain the name ?

Physical geography has seemed crucial. For, currently, the most popular explanation of its name (we might say, the new orthodoxy: e.g. Vinogradov, Butyagin and Vakhtina 2003) explains the name of Myrmekion as arising from the very noticeable rocks that can be seen jutting from

the sea close by it, which were presumably obvious also in antiquity and particularly important, of course, for those who sailed these waters. In this paper, however, I shall suggest an alternative explanation, which is also centred upon the landscape there. In so doing, I do not rule out the possibility (in fact I think it very likely) that in antiquity those who inhabited the region had a range of conflicting ideas about why the settlement had gained its name. Nevertheless, I shall draw attention to a kind of explanation which seems not to have been considered previously. We must observe from the outset that there is no attempt to explain the name Myrmekion in the sources which have survived for us. The explanation in terms of rocks seeks ancient support by analogy with a passage of Herodotus, who writes of a dangerous underwater rock formation in the northwestern Aegean. Herodotus (7. 183) does not really explain why this reef was called *Murmex*, or *Ant*. Nor is there any reason to suppose, we must note, that underwater rocks were called *Ant* or the like elsewhere. Conceivably, this particular reef seemed to take the form of an ant. But that is perhaps not quite enough. We must understand too the way in which Greeks thought about ants, specifically as creatures which lived and worked beneath the surface. The type of surface seems not to have mattered very much. In Herodotus' case here, we have rocks beneath the surface of the sea, while elsewhere (as also in Herodotus) we find ants busy beneath the surface of the earth, famously mining gold (3. 102-5: ants as big as foxes and with fur). The surface might even include the skin of humans or animals, with the result that movement beneath the skin was sometimes described in terms of ants and lumps that came up under the skin (warts and the like) were called ant-hills. The key idea in all of this - of ants beneath the surface - makes complete sense with regard to the rocks known as *Ant* in the northwestern Aegean. Whether those rocks resembled an ant or not in appearance, they were a danger for ships precisely because they were covered by the water, and so (like an ant, in Greek thought) *Murmex* was beneath the surface.

However, this does not work very well with regard to Bosporan Myrmekion. The rocks do not form the *Ant-hill*, so that the current orthodoxy requires us to suppose that the settlement takes its name not from its actual site, but from an "ant" or "ants" that lie in the nearby waters. That is not impossible, but it is a little awkward. We may also have doubts for the reason that at least some parts of these rocks do not lie beneath the waters, but are now clearly visible above them. Exactly how they looked in antiquity cannot be certain, but they are unlikely to be further above the

waters than in past centuries. Whether they may be thought to resemble the shape of an ant or ants in any way is wholly unclear to me, and seems not to have been considered. More important, this kind of explanation does nothing to explain the image of an ant on some Bosporan coinage of the area, which must therefore be set aside in some way: given our minimal evidence, we may well be reluctant to discard such a promising source of insight. In short, the current orthodoxy does not seem so strong as to rule out other possibilities.

While *Myrmekion*, is ambiguous in that it might mean both Ant-hill and Little Ant, the other two forms of the name are clearer. Stephanus' *Myrmekeion* would naturally mean an ant-hill, or at least a place inhabited by ants. So too Artemidorus' *Myrmekia*, a feminine form. In what sense might this place be imagined as an ant-hill in antiquity? I suggest that Strabo points us to a better explanation, when writing about the island of Aegina:

It is said that the Aeginetans were called Myrmidons,--not as the myth has it (because, when a great famine occurred, the ants became human beings in answer to a prayer of Aeacus), but because they excavated the earth after the manner of ants and spread the soil over the rocks, so as to have ground to till, and because they lived in the dugouts, refraining from the use of soil for bricks.

(Strabo, 8. 6. 17)

Much later, looking back at this tradition, Eustathius of Thessaloniki offers much the same explanation in the course of his commentary on Homer. Clearly, Strabo was not alone:

Those who treat the myth in historical terms say that the Aeginetans are farmers, who dig out pits in the ground and dwell down in these dugouts. As for the earth they throw up, they spread it as earth good for crops, because the island is rugged on the surface, but good below. For this reason, however, those who do this look like ants to those who see them. And because of their lifestyle that is, as it were, an ant-life, they were given the name Myrmidons.

(Eustathius, *Commentary on Homer's Iliad*, 1. 122)

Strabo, and those other writers mentioned by Eustathius, claimed that Aeginetans were called ants because of their lifestyle: like ants, they were

busy digging into the earth, where they also made their homes. That is very suggestive for Myrmekion. While dugouts were widespread across the northern Black Sea coast, archaeologists have observed that there were not only such dugouts at Myrmekion, but also particularly intensive earthworks of other kinds too in the archaic period from c. 575 (notably, Vinogradov 2008; cf. Vinogradov and Tokhtas'yev 1994). Since Strabo and others thought that a population might be called ant-men because they lived like ants in their busy digging beneath the surface of the earth, there is every reason to suppose that the same pattern of thought had applied to the settlement at Myrmekion, whose inhabitants had also engaged in busy digging and at a time early enough to explain the emergence of this name and not some other. In this case, it was not the population that gained the name of ants, but the settlement as a whole, where the digging was presumably obvious even from the sea. We need not assume that any direct connection was made between the Aeginetans and Myrmekion, though possible linkage to Achilles and his Myrmidons made such a connection possible and perhaps attractive locally. Rather than rocks, therefore, I suggest that we should consider the striking earthworks of Myrmekion to be the source of its name.

What of the ant-coins ? While it was common enough for Greeks to use images on their coins which suggested a place-name (a kind of punning), the ant is most unusual as a coin symbol. Accordingly, unless we imagine a remarkable coincidence, the ant image on Bosporan coinage must relate to the settlement in some way. But how ? The key problem here is that the image of the ant occurs on coins which also bear the name of Panticapaeum (not to mention other legends and the extreme rarity of such coins at the site of Myrmekion itself). On closer examination, however, this problem starts to become a major opportunity for a better understanding of the emergence of the Bosporan kingdom from the various colonial settlements of the straits. For such combinations of civic legends and symbols elsewhere around the Greek world are sometimes known to be the result of the formation of agreements between communities to join together in producing a common coinage and perhaps more joint activity besides (Psoma and Tsangari 2003; Mackil and van Alfen 2006; Mackil 2013). In the Bosporus, the occurrence of Myrmekion and Panticapaeum (for example) on the same coinage might well be explained by such an agreement, which would in turn have fascinating implications for the larger story of the creation of the Bosporan kingdom as a whole.

References

- Mackil, E. and P. van Alfen. 2006 Cooperative coinage. In P. van Alfen (ed.), *Agoranomia: studies in money and exchange presented to John H. Kroll*. New York, 201-47.
- Mackil, E. 2013. *Creating a common polity: religion, economy, and politics in the making of the Greek koinon*. Berkeley.
- Psoma, S. and D. Tsangari 2003 Monnaie commune et états fédéraux. La circulation des monnayages frappés par les états fédéraux du monde grec. In K. Buraselis and K. Zoumboulakis (eds.), *The idea of European community in history, vol. 2: Aspects of connecting poleis and ethne in ancient Greece*, Athens, 111-42.
- Vinogradov, Yu. A. 2008 Nekotorye itogi arkheologicheskikh issledovaniy v rayonye akropol'ya Mirmekiya, VDI 1. 42-54.
- Vinogradov, Yu. A., Butyagin, A. M. and M. Yu. Vakhtina 2003 Myrmekion-Porthmeus: two "small" towns in ancient Bosporus. In D. V. Grammenos and E. K. Petropoulos (eds.), *Ancient Greek colonies in the Black Sea*, Thessaloniki, 803-40.
- Vinogradov, Yu. A. and S. R. Tokhtas'yev 1994 Rannyaya oboronit'naya stena Mirmekiya, VDI 1. 54-63.

СОДЕРЖАНИЕ

АБРАМЗОН М.Г. (Магнитогорск) <i>Золотые античные монеты с граффити на Боспоре</i>	5
АЙБАБИН А.И. (Симферополь) <i>Еще об одной версии локализации области Дори</i>	11
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (Севастополь) <i>Влияние географического фактора на развитие связей византийского Херсона (сфрагистический аспект)</i>	15
АНИСИМОВА О.С. (Судак) <i>Особенности формирования структуры городов Крыма после присоединения полуострова к Российской империи в 1783 г.</i>	19
БЕЗУГЛОВ С.И. (Ростов-на-Дону) <i>К династической истории Боспора в III в. н.э.</i>	22
БЕЛИК Ю.Л. (Керчь) <i>Влияние географических особенностей на оборонительные сооружения Керченского полуострова XVII – середины XIX вв.</i>	26
БУТЯГИН А.М., ЧИСТОВ Д.Е. (С-Петербург) <i>Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия</i>	29
БЫКОВСКАЯ Н.В. (Керчь) <i>Коллекции Восточно-Крымского заповедника как источник сведений о природной среде Керченского полуострова в эпоху античности</i>	38
ВАХОНЕЕВ В.В. (Симферополь) <i>Подводное городище Акра и изменение уровня моря в IV в. до н.э.</i>	43
ВАХТИНА М.Ю., АРТЮХИН Ю.В. (С-Петербург, Краснодар) <i>Порфмий в контексте эволюции рельефа побережья в античную эпоху</i>	48
ВИНОГРАДОВ Ю.А., КАШАЕВ С.В. (С-Петербург) <i>Античные поселения Артющенко-1 и 2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения</i>	55

ВИНОКУРОВ Н.И. (Москва) <i>Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан)</i>	60
ВЛАСОВ В.П. (Симферополь) <i>Роль природно-географической среды в жизни обитателей позднескифских поселений первых веков н.э. Центрального Крыма</i>	75
ГАРБУЗОВ Г.П. (Ростов-на-Дону) <i>Земельные ресурсы Боспора</i>	77
ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. (Симферополь) <i>Стратиграфия Мангузского городища: антропогенный и природно-географический контекст</i>	88
ГОРОНЧАРОВСКИЙ В.А. (С-Петербург) <i>Синды и Лабрис (Семибратнее городище) в контексте географической среды</i>	101
ЖУРАВЛЕВ Д.В. (Москва), А. ДАН (Париж), Х.И. ГЕРКЕ (Фрайбург/Берлин), Д. КЕЛЬТЕРБАУМ (Кельн), У. ШЛОТЦАУЕР (Берлин) <i>Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время</i>	107
ЗАВАДСКАЯ И.А. (Симферополь) <i>Проблема интерпретации слоев разрушения на археологических памятниках: природные явления или антропогенный фактор?</i>	116
ЗАВОЙКИН А.А. (Москва) <i>Природный фактор и физический облик сельских поселений азиатского Боспора</i>	121
ЗАСТРОЖНОВА Е.Г. (С-Петербург) <i>Извержения грязевых вулканов Таманского полуострова в контексте археологического изучения региона (конец XVIII – первая половина XIX вв.)</i>	130
ЗИНЬКО А.В. (Керчь) <i>Южная часть европейского побережья Боспора Киммерийского в античную эпоху (по данным геоархеологических исследований 2011 – 2014 гг.)</i>	136
ЗИНЬКО А.В., ПОНОМАРЕВ Л.Ю. (Керчь) <i>К топографии ранневизантийского Боспора</i>	142

ЗИНЬКО В.Н. (Керчь) <i>Природно-ландшафтный фактор в эллинской колонизации европейского Боспора</i>	152
ЗИНЬКО Е.А. (Керчь) <i>Природа Киммериды в росписях боспорских склепов</i>	160
ЗУБАРЕВ В.Г., СМЕКАЛОВ С.Л., ЯРЦЕВ С.В. (Тула) <i>Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджизль в античный период</i>	165
ИВАНОВ А.В., СУДАРЕВ Н.И. (Краснодар, Москва) <i>О восточной границе Синдики</i>	173
КАЗАНСКИЙ М.М. (Париж) <i>Готское вторжение на Боспор Киммерийский и климат в III в.</i>	180
КОВАЛЬЧУК А.В. (Москва) <i>Расположение зольников на поселениях Караларского побережья</i>	189
КОНКИН Д.В. (Симферополь) <i>Частно-вакуфные земли на территории Восточного Крыма: история учреждения и локация на местности (по материалам ведомостей XIX века)</i>	197
КОТИН М.А., КОТИНА А.В. (Керчь) <i>Поселение Эльтиген-Западное в контексте географического расположения</i>	201
КРАМАРОВСКИЙ М.Г., СЕЙДАЛИЕВ Э.И. (С-Петербург, Бахчисарай) <i>Исламская община Солхата: география и социум</i>	204
КУЧЕРЕВСКАЯ Н.Л. (Керчь) <i>О географии производства фанагорийских стел</i>	208
ЛАНЦОВ С.Б., ШАПЦЕВ М.С. (Симферополь) <i>Палеогеографическая ситуация на сакско-евпаторийском побережье в античную эпоху</i>	213
МАЙКО В.В. (Симферополь) <i>Влияние географических факторов на формирование структуры византийских городов Восточной Таврики X–первой половины XIII вв.</i>	216
МАСЛЕННИКОВ А.А. (Москва) <i>«Маленький» человек на берегах Меотиды</i>	220

МОЛЕВ Е.А. (Н-Новгород) <i>Географические границы Боспора накануне его подчинения Понту</i>	227
МОЛЕВА Н.В. (Н-Новгород) <i>Ландшафтное святилище в скалах на мысе Такиль: для кого и для чего?</i>	232
МУЛЬД С.А. (Симферополь) <i>Топографическая особенность расположения группы ранних погребений могильника Левадки в Центральном Крыму</i>	239
НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. (Симферополь) <i>Новые данные о хозяйственно-культурном использовании южной периферии Мангупского городища: средневековые гончарные центры (по материалам исследований 2010–2013 гг.)</i>	243
ОЛЕЙНИК Т. В. (Харьков) <i>О некоторых конструктивно-планировочных особенностях эллинистической усадьбы на Масляной горе в контексте географии ее расположения</i>	251
ПОВАЛЯЕВ Н. (Геттинген) <i>Интенциональное восприятие окружающей среды. Геродот и археология</i>	258
ПОНОМАРЕВ Д.Ю., НИКИТАЕВ А.В. (Керчь) <i>Социальные болезни древнего населения европейского Боспора</i>	266
ПРОХОРОВ Д.А. (Симферополь) <i>Последствия природных катаклизмов на Крымском полуострове в описаниях авторов XVII века</i>	273
РАДОЧИН В.Ю. (Симферополь) <i>К вопросу о реконструкции условий жизни населения в разных географических условиях (антропологический аспект)</i>	280
САВОСТИНА Е.А. (Москва) <i>Гробницы в историческом ландшафте Боспора: особенности архитектуры и расположения в пространстве</i>	284
САПРЫКИН С.Ю. (Москва) <i>Древние пути плавания по Понту Эвксинскому</i>	291

СМЕКАЛОВА Т.Н., БЕВАН Б.В., КУТАЙСОВ В.А. (С-Петербург, Симферополь) <i>Забытые данные о палеоклимате Крыма</i>	296
СМОКОТИНА А.В. (Симферополь) <i>Позднеримская краснолаковая керамика в городе Боспоре</i>	306
СТОЛЯРЕНКО П.Г., БЕЙЛИН Д.В. (Керчь) <i>К вопросу реконструкции палеогеографической ситуации в северо-восточной части Керченского полуострова в античное время (район городищ Парфений и Порфмий)</i>	310
ТОЛОЧКО И.В., ПОЛЬШИН В.В. (Ростов-на-Дону) <i>К вопросу о палеогеографической реконструкции дельты Дона в античную эпоху</i>	317
ТОРТИКА А.А. (Симферополь) <i>Кочевники Крыма в VI–VII вв.: среда обитания и хозяйство</i>	329
ТУРОВСКИЙ Е.Я. (Севастополь) <i>К вопросу о херсонесских гаванях на Гераклейском полуострове</i>	336
ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. (Керчь) <i>Дороги Пантикапея и пространственное зонирование города Керчи в античный период</i>	341
ФИЛИППЕНКО А.А., ДОРОШКО В.В., ТЮРИН М.И. (Севастополь) <i>Исследования укрепленного комплекса античного времени на вершине Сапун-горы в 2014 г.</i>	348
ФИЛИППЕНКО А.А., ТЮРИН М.И. (Севастополь) <i>Херсонесская укрепленная усадьба Масляная гора: результаты раскопок 2013-2014 гг.</i>	352
ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (Симферополь) <i>Украшения из природных материалов в костюме крымских готов</i>	360
ХАЛИЛОВА Д.Э. (Симферополь) <i>Штампованная керамика золотоордынского Солхата: прототипы, организация производства и рынок сбыта</i>	363

ХРАПУНОВ Н.И., ГИНЬКУТ Н.В. (Симферополь, Севастополь) <i>Доктор медицины Маттью Гатри – исследователь боспорских древностей</i>	369
ХРАПУНОВА С.Н. (Симферополь) <i>Географические представления раннего Нового времени в записках Джона Смита о Татарию</i>	375
ХРШАНОВСКИЙ В.А. (С-Петербург) <i>Боспорские некрополи и географическая среда (по материалам некрополей Китейской равнины и Илурацкого плато)</i>	380
ШАЛЫГА Д.А. (Симферополь) <i>О квазирунической надписи с горы Опук</i>	387
ШАМРАЙ А.Н. (Темрюк) <i>Античное поселение у мыса Тузла (гидроархеология и палеогеография)</i>	389
ШАРОВ О.В. (С-Петербург) <i>Культовый комплекс Таракташ в горном Крыму</i>	400
ШЕСТАКОВ С.А. (Керчь) <i>О производстве каменных изделий из местных материалов на Боспоре</i>	407
ЯЙЛЕНКО В.П. (Москва) <i>Природные и рукотворные ландшафты Боспора в зеркале топонимики</i>	412
DAVID BRAUND (Exeter) <i>The ants of Myrmekion</i>	421

Боспорские чтения

Вып. XVI

Боспор Киммерийский и варварский мир
в период античности и средневековья.
Географическая среда и социум

Редакторы-составители: д.и.н. В. Н. Зинько
к.и.н. Е. А. Зинько

Компьютерная верстка: *Л.К. Мусихина*
Корректор: *Г.Н. Хлебникова*

Подписано в печать 20.04.2015 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 25,11.
Тираж 150 экз. Заказ 671.

ООО «Керченская городская типография»
298300, Керчь, ул. Кирова, 13, оф.1